

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

*«Противникам государственности хотелось бы
избрать путь радикализма, путь освобождения
от исторического прошлого, освобождения от
культурных традиций... Им нужны великие
потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

ВЕСТНИК

Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

№ 3 (81) 2025

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Калининград - 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-84264 от 26 декабря 2022 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ - Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПбУ МВД России).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - доктор юридических наук, профессор М.В. Бавсун.

**Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России. 2025. № 3 (81). Калининград:
Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2025. 168 с.**

*Журнал включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования
- Научную электронную библиотеку Elibrary.ru и систему Российского индекса научного цитирования.*

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:*
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Научные публикации, включенные в «Вестник», представляют **точку зрения авторов** на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии и редакции журнала.

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

Информация о журнале,
требованиях к статьям
и порядке представления
их для опубликования
доступна на сайте журнала
(переход по QR-коду)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ЖУРНАЛА
в сети Интернет: <https://vestnikkf.ru>.
Электронная версия журнала расположена
в сети Интернет по адресу: [https://klif.univer.mvd.ru/
Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala](https://klif.univer.mvd.ru/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala)
([https://калининградский.университет.мвд.рф/
Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala](https://калининградский.университет.мвд.рф/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala)).

АДРЕС РЕДАКЦИИ, ИЗДАТЕЛЯ И ТИПОГРАФИИ:

Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.
Телефон: 8 (4012) 53-93-51; e-mail: vestnikkf@yandex.ru.
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение.

Председатель редакционной коллегии -

БАВСУН Максим Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе).

Заместитель председателя редакционной коллегии -

АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

АНИСИМОВ Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ВЕКЛЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ВИШНЕВСКИЙ Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права и департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва);

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ДРОНОВА Ольга Борисовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

ЗАЙЦЕВ Анатолий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета;

ИВАНОВА Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина;

КАПЛУНОВ Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

КАТКОВ Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России;

КОЛОСОВИЧ Марина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

МЕЛИХОВ Александр Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва);

ПРАЦКО Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ПРИМАК Татьяна Клавдиевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград);

РЕДЬКО Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России;

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста);

УХОВ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ФАДЕЕВА Виолетта Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

The editorial board

Chairman of the Editorial Board, Editor in Chief -

BAVSUN Maxim Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia (for scientific work).

Deputy Chairman of the Editorial Board -

ALEKSEEVA Anna Pavlovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

ASTAFICHEV Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ANISIMOV Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

VEKLENKO Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

VISHNEVSKY Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law and Department of Private Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow);

GRIGORIEV Anatoly Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

DRONOVA Olga Borisovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ZAYTSEV Anatoly Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture, Kaliningrad State Technical University;

IVANOVA Svetlana Vitalievna, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina;

KAPLUNOV Andrey Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KATKOV Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOZHEVINA Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOLOSOVICH Marina Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

MELIKHOV Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow);

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

PRIMAK Tatyana Klavdievna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad);

REDKO Alexander Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

RYZHENKOV Anatoly Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista);

UKHOV Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

FADEEVA Violetta Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Содержание

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

И.Ф. АМЕЛЬЧАКОВ, Т.В. АНИСИМОВА

Метод убеждения в работе полиции: междисциплинарный аспект 9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

А.П. АЛЕКСЕЕВА, А.Н. БЕРЕСТОВОЙ

Информационно-телекоммуникационные технологии
и социальная инженерия в механизмах дистанционных хищений 18

А.В. ГОНЧАРОВ

Вооружённая преступность и оборот оружия:
проблемы взаимосвязи и противодействия 25

М.С. КОЧКИНА

Субкультура инцелов: сущность и криминологические риски 33

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О.Н. ПАХОМОВА

Уголовно-правовой механизм защиты животных
в Российской Федерации и перспективы его развития 40

О.Н. СТАРОДУБЦЕВА

Защита ментального здоровья личности
как значимого объекта уголовно-правовой охраны 51

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С.Е. ПОНОМАРЁВ

Производство по уголовным делам в отношении лиц, скрывшихся
за границей: проблемы теории и правового регулирования 59

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Р. АКИБЕВ

Взаимодействие следственных органов с различными структурами
при расследовании и в целях предупреждения семейных преступлений 65

Д.А. ЛЕГУШЕНКО

Вовлечение несовершеннолетних в террористическую
деятельность как элемент механизма совершения преступления 72

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.А. СОЛОВЬЕВА, В.М. ШИНКАРУК

Влияние принципов судебной экспертизы на формирование
внутреннего убеждения участников уголовного процесса 79

М.Ю. ТАРАСОВА

Личная охрана в системе мер безопасности:
проблемы реализации и законодательные перспективы 89

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.В. ПОЛЯКОВ

Правовые основания освобождения от уголовной ответственности
лиц, содействующих оперативно-разыскной деятельности 95

С.В. ПОПОВ

Понятие и сущность содействия гражданам органам,
осуществляющим оперативно-разыскную деятельность 104

Содержание

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

А.И. МЕЛИХОВ, Ю.В. КАПИТАНЕЦ

- Догосударственная история
оперативно-разыскной деятельности 111

Д.С. ПЕТРОВА

- Ограничение и лишение родительских прав
как способы борьбы с домашним насилием 120

С.А. ЯВОРСКИЙ

- Судьба завещательных отказов
при изменении состава наследственной массы 127

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Н.К. ПРИГАРИНА

- Новая реформа высшего образования: теория и практика 133

И.А. СОЛОВЦОВА, Т.М. ТЕРЕЩЕНКО

- Особенности академической адаптации
иностранцев граждан, обучающихся в вузах
Министерства внутренних дел Российской Федерации 141

А.И. БУТИКОВ

- Сравнительная характеристика затруднений
практикантов и руководителей производственных
практик будущих участковых уполномоченных полиции 147

А.М. МОРГУНОВ

- Проблема развития цифровых компетенций преподавателей
высшей школы: анализ зарубежных и отечественных исследований 154

УГОЛОК РЕЦЕНЗЕНТА

Н.В. ПАВЛИЧЕНКО

- Оперативно-разыскная деятельность
в парадигме национальной безопасности
(рецензия на монографию А.И. Мелихова
«Современная модель обеспечения национальной
безопасности в процессе оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел») 164

Contents

ADMINISTRATIVE LEGISLATION AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

<i>I.F. AMELCHAKOV, T.V. ANISIMOVA</i> The method of persuasion in police work: an interdisciplinary aspect	9
--	---

CURRENT PROBLEMS OF CRIMINOLOGY

<i>A.P. ALEKSEEVA, A.N. BERESTOVOY</i> Information and telecommunication technologies and social engineering in the mechanisms of remote theft	18
<i>A.V. GONCHAROV</i> Armed crime and arms trafficking: problems of interrelation and counteraction.....	25
<i>M.S. KOCHKINA</i> Incel subculture: nature and criminological risks	33

CRIMINAL LAW AND FEATURES OF QUALIFICATION OF CRIMES

<i>O.N. PAKHOMOVA</i> Criminal legal mechanism for the protection of animals in the Russian Federation and prospects for its development	40
<i>O.N. STARODUBTSEVA</i> Protection of mental health of an individual as a significant object of criminal law protection.....	51

ARTICLES ABOUT CRIMINAL PROCEDURE

<i>S.E. PONOMAREV</i> Criminal proceedings against fugitives abroad: problems of theory and legal regulation.....	59
---	----

CRIMINALISTICS RESEARCHES

<i>A.R. AKIEV</i> Interaction of investigative authorities with various structures in the investigation and prevention of family crimes	65
<i>D.A. LEGUSHENKO</i> Involvement of minors in terrorist activity as an element of the mechanism of committing a crime	72

THEORY AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

<i>N.A. SOLOVYEVA, V.M. SHINKARUK</i> The influence of forensic examination principles on the formation of internal conviction of participants in criminal proceedings.....	79
<i>M.Yu. TARASOVA</i> Personal protection in the system of security measures: problems of implementation and legislative prospects.....	89

IMPROVING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

<i>A.V. POLYAKOV</i> Legal grounds for exemption from criminal liability of persons assisting operational investigative activities.....	95
<i>S.V. POPOV</i> The concept and essence of citizens' assistance to bodies implementing operational investigative activities	104

Contents

STATE. SOCIETY. LAW

A.I. MELIKHOV, Y.V. KAPITANETS

Pre-state history of operational investigative activities..... 111

D.S. PETROVA

Restriction and deprivation of parental rights
as methods of combating domestic violence..... 120

S.A. YAVORSKY

The fate of testamentary refusals when
the composition of the estate changes..... 127

PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING

N.K. PRIGARINA

New reform of higher education: theory and practice 133

I.A. SOLOVTSOVA, T.M. TERESCHENKO

Features of academic adaptation of foreign citizens
studying at higher educational organizations
of the Ministry of the Interior of Russia..... 141

A.I. BUTIKOV

Comparative characteristics of the difficulties
of trainees and supervisors of industrial
practices of future district police officers..... 147

A.M. MORGUNOV

The problem of developing digital
competencies of higher education teachers:
analysis of foreign and domestic research..... 154

REVIEWER CORNER

N.V. PAVLICHENKO

Operational-search activity
in the paradigm of national security
(review of the monograph by A.I. Melikhov «Modern
model of ensuring national security in the process of
operational-search activity of internal affairs agencies»)..... 164

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Игорь Филиппович АМЕЛЬЧАКОВ,
кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-7232-9492
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)
начальник университета
universpb@mvd.ru

Татьяна Валентиновна АНИСИМОВА,
доктор филологических наук, профессор, ORCID 0000-0002-6386-2041
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных
дисциплин Калининградского филиала
atoritor@yandex.ru

Научная статья
УДК 351.741:[343.85:808.5]

МЕТОД УБЕЖДЕНИЯ В РАБОТЕ ПОЛИЦИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Убеждение, полиция, профилактика, юридическая риторика, риторические жанры, методика воздействия на адресата.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Метод убеждения традиционно рассматривается в административном праве как один из основных способов обеспечения правопорядка. В отличие от принуждения, все элементы которого четко регламентированы законодательством, метод убеждения описан в правовых актах лишь в самом общем виде. На практике деятельность органов внутренних дел ориентирована преимущественно на раскрытие и пресечение правонарушений, тогда как убеждение актуально в области предупреждения (профилактики) правонарушений. Юридическая наука ограничивается, как правило, описанием только общих принципов метода убеждения, без разработки конкретных техник его реализации. Это связано с тем, что изучение особенностей метода убеждения требует не только юридических, но и риторических знаний, поэтому его необходимо осуществлять на основе междисциплинарного подхода.

Методы. В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, были использованы различные методы научного познания: диалектический, методы системного и риторического анализа, сравнительно-правовой метод. Материалом исследования выступили положения научной доктрины и законодательства, посвященные различным аспектам профилактики правонарушений, а также риторические приемы воздействия на аудиторию.

Результаты. Освоение риторики должно быть основано на знакомстве с набором необходимых для каждого конкретного специалиста жанров, поскольку все сферы делового общения вырабатывают определенные требования не только к содержанию высказываний, но и к их форме. Использование метода убеждения особенно актуально в трех сферах деятельности полицейского: 1) пропаганда правовых знаний (примером такой речи является юридическая консультация); 2) профилактика правонарушений (профилактическая беседа, например); 3) формирование имиджа полиции. Необходимость этой работы обусловлена тем, что эффективность правового воспитания людей во многом зависит от степени авторитетности убеждающего.

ВВЕДЕНИЕ

Метод убеждения традиционно рассматривается в административном праве как один из основных способов обеспечения правопорядка наряду с методом принуждения [1]. Сочетание убеждения и принуждения – один из организационных принципов права, важнейшая форма проявления демократизма, гуманизма и справедливости [2, с. 202]. Убеждающее воздействие направлено на достижение добровольного и сознательного соблюдения гражданами правовых норм, формирование у них внутренней готовности следовать закону [3, с. 259]. Однако, в отличие от принуждения, элементы которого четко регламентированы законодательством, метод убеждения описан в правовых актах лишь в самом общем виде. На практике деятельность органов внутренних дел ориентирована преимущественно на раскрытие и пресечение правонарушений, тогда как применение убеждения требует смещения акцента на предупреждение (профилактику) правонарушений [4, с. 549].

Несмотря на признание важности убеждения, юридическая наука долгое время ограничивалась описанием только самых общих принципов этого метода, без разработки конкретных техник его практической реализации. Так происходило потому, что применение метода убеждения требует использования методов и приемов многих гуманитарных наук: философии [5], педагогики [6], психологии [7] и др. Но главное, юридическая наука должна взаимодействовать с риторикой – дисциплиной, основным содержанием которой является определение того, что говорить, как говорить и как воздействовать, чтобы речь произвела должный эффект. В связи с этим изучение особенностей убеждения должно осуществляться посредством междисциплинарного подхода, объединяющего достижения всех заинтересованных сторон, но прежде всего – административного права и риторики.

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого излагаются в настоящей статье, использовался традиционный набор научных методов, необходимых для полноценного анализа затронутой проблемы. Это абстрагирование и обобщение (для установления общих свойств метода убеждения и его признаков); системный метод (для исследования места метода убеждения в юридической практике); сравнительно-сопоставительный метод (для анализа мнений ученых о назначении и сущности метода убеждения). Материалом для исследования стали нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие назначение и формы применения метода убеждения, а также научные работы по вопросам его использования в деятельности юристов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В административно-правовой науке убеждение и принуждение рассматриваются как два базовых метода реализации функций исполнительной власти. Административное убеждение – совокупность мер воздействия, при котором желаемое поведение достигается путем формирования у граждан внутреннего согласия с требованиями,

без применения силы или угрозы наказания [8]. В результате ожидается, что граждане будут совершать необходимые государству действия добровольно и осознанно, руководствуясь своей правовой сознательностью. Принуждение, напротив, представляет собой властно-обязывающее воздействие, опирающееся на нормы права и применяемое вне зависимости от согласия лица. Оно используется как крайняя мера в ситуациях, когда методы убеждения не принесли результата, и имеет целью заставить субъектов права соблюдать правовые предписания или прекратить противоправное поведение. Основные различия между методами убеждения и принуждения в административной деятельности полиции сводятся к следующему:

- *добровольность против властного веления.* Убеждение через разъяснение и воспитательное воздействие побуждает граждан к соблюдению норм, апеллирует к их разуму, чувствам [9, с. 25]; принуждение предполагает одностороннее властное предписание или физическое воздействие, исполняемое независимо от воли лица [10];

- *правовая регламентация.* Меры административного принуждения закреплены в законодательстве (процедуры задержания, основания применения силы, наложение взысканий и др.), тогда как меры убеждения формулируются законодателем в общем виде, без конкретизации процедур. Это обусловлено тем, что убеждающее воздействие многовариантно и ситуативно, его успех зависит от человеческого фактора и коммуникативных навыков, которые трудно формализовать;

- *цель и результат.* Убеждение нацелено на долгосрочное воспитание правомерного поведения [11], формирование правосознания и правовой культуры, когда внешнее воздействие переходит во внутреннюю мотивацию соблюдения закона. Принуждение решает ситуативную задачу – обеспечить подчинение норме или пресечь правонарушение, нередко с помощью страха перед наказанием. В идеале убеждение создает у личности установку добровольно следовать правовым требованиям [12, с. 155], а принуждение формирует состояние вынужденного подчинения.

Важно подчеркнуть, что в правовом государстве убеждение признается приоритетным методом, а принуждение – вспомогательным, применяемым лишь при невозможности достичь целей управления иными способами [13]. Поэтому меры принуждения должны использоваться только после исчерпания возможностей убеждающего воздействия. Однако на практике приоритет убеждения не всегда выражен явно. Анализ нормативных актов показывает, что прямых указаний на примат убеждения немного [14]. Тем не менее целевые установки законодательной и ведомственной политики (например концепция профилактики правонарушений) подразумевают, что полиция по возможности должна стремиться воспитывать правомерное поведение граждан, не доводя дело до принудительных мер.

Законодательство Российской Федерации закрепляет право и обязанность полиции применять меры убеждающего воздействия в рамках

Igor F. AMELCHAKOV,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-7232-9492
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)
Head of the University
universpb@mvd.ru

Tatyana V. ANISIMOVA,
Doctor of Philology, Professor, ORCID 0000-0002-6386-2041
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Kaliningrad Branch
atoritor@yandex.ru

THE METHOD OF PERSUASION IN POLICE WORK: AN INTERDISCIPLINARY ASPECT

KEYWORDS. Persuasion, police, prevention, legal rhetoric, rhetorical genres, methods of influencing the addressee.

ANNOTATION. Introduction. The method of persuasion is traditionally considered in administrative law as one of the main methods of ensuring law and order. Unlike coercion, all elements of which are clearly regulated by legislation, the method of persuasion is described in legal acts only in the most general terms. In practice, the activities of internal affairs agencies are focused primarily on the detection and suppression of offenses, while persuasion is relevant in the field of prevention (prevention) of offenses. Legal science is limited, as a rule, to a description of only the general principles of the method of persuasion, without developing specific techniques for its implementation. This is due to the fact that the study of the features of the method of persuasion requires not only legal, but also rhetorical knowledge, so it must be carried out on the basis of an interdisciplinary approach. **Methods.** In the course of the study, the results of which are presented in the article, various methods of scientific cognition were used: dialectical, methods of system and rhetorical analysis, comparative legal method. The material of the study was the provisions of the scientific doctrine and legislation devoted to various aspects of offense prevention, as well as rhetorical techniques of influencing the audience. **Results.** Mastering rhetoric should be based on familiarity with a set of genres necessary for each specific specialist, since all areas of business communication develop certain requirements not only for the content of statements, but also for their form. The use of the persuasion method is especially relevant in three areas of police activity: 1) propaganda of legal knowledge (an example of such speech is legal advice); 2) offense prevention (preventive conversation, for example); 3) formation of the image of the police. The need for this work is due to the fact that the effectiveness of legal education of people largely depends on the degree of authority of the persuader.

профилактики правонарушений. В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» среди основных направлений ее деятельности названо «предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений» (ст. 2). Для реализации их функций сотрудники полиции наделены рядом полномочий, предусматривающих среди прочего и разъяснительную работу с населением. Например, полицейские рассказывают гражданам о наиболее распространенных методах дистанционного мошенничества, совершаемого в сети Интернет или посредством телефонных звонков [15], об опасности стать жертвой мошенничества в сфере кредитования [16], о необходимости быть более бдительными и постараться предостеречь от мошеннических действий своих родственников, знакомых и близких преклонного возраста [17, с. 1139].

Специальным нормативным актом, определяющим основы профилактической работы, является Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Он устанавливает систему субъектов профилактики (в их число входят и органы внутренних дел), перечисляет формы профилактического воздействия. Согласно ст. 17 данного федерального закона профилактическое воздействие осуществляется в следующих формах, прямо апеллирующих к методу убеждения: правовое просвещение

и правовое информирование; профилактическая беседа; объявление официального предостережения о недопустимости противоправного действия; внесение представления об устранении причин и условий правонарушения и т.д. Многие из перечисленных мер носят именно убеждающий, предупредительный характер. Кроме того, профилактическую работу органов внутренних дел регламентируют ведомственные акты. Например, приказ МВД России от 29 сентября 2022 г. № 715 «Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России» устанавливает порядок взаимодействия подразделений полиции при реализации профилактических мер.

Таким образом, нормативно-правовые основы использования метода убеждения в работе полиции включают в себя:

1) общие принципы и обязанности, закрепленные в Федеральном законе «О полиции» (ориентация на предупреждение правонарушений, необходимость разъяснять гражданам их права и обязанности);

2) специальные законы о профилактике правонарушений, определяющие формы убеждающего воздействия (правовое обучение, беседы, предупреждения и др.);

3) ведомственные приказы МВД России, определяющие функции по убеждению между подразделениями и устанавливающие процедуры профилактики.

Хотя эти нормативно-правовые акты не детализируют приемы риторического воздействия, они создают правовые рамки, в которых полиция должна действовать посредством убеждения. На практике этот метод востребован на различных направлениях деятельности полиции: от ежедневного общения участкового уполномоченного с населением до публичных выступлений руководителей МВД России. На наш взгляд, в той или иной форме метод убеждения применяется практически во всех подразделениях органов внутренних дел.

Поскольку юридическая наука не предназначена для освоения приемов воздействия на адресата с помощью речи, необходимы межпредметные связи с юридической риторикой – дисциплиной, занимающейся вопросами организации речевого воздействия на адресата (как именно выстраивать убеждающую коммуникацию в типичных ситуациях деятельности полиции, какие речевые жанры при этом используются, какие допускаемые в речи ошибки снижают эффективность убеждения и т.п.). Современная юридическая риторика рассматривает убеждение как способ воздействия на сознание и волю людей с целью побуждения их к добровольному соблюдению норм права, регулирующих общественные отношения в сфере правопорядка, то есть как перевод внешнего воздействия в осознанное поведение.

Для сотрудников полиции риторическая компетентность не менее важна, чем знание законов: умение ясно и убедительно излагать мысли, адаптировать информацию под аудиторию, выстраивать доверительный диалог – всё это напрямую влияет на успех профилактической работы [18, с. 16]. К сожалению, уровень риторической подготовки в полиции оставляет желать лучшего: нередко публичные выступления ее сотрудников оказываются скучными и шаблонными, вместо установления контакта с адресатом имеют место давление и агрессивный тон [19, с. 51]. Среди наиболее актуальных риторических проблем, с которыми сталкивается сотрудник полиции, чаще всего называются «низкое качество информации, неумение определять ее в зависимости от состава аудитории, неумение представить доказательства своей правоты, т.е. недостаточно убедительная аргументация, в значительной степени зависящая от имиджа и статуса убеждающего, неумение завоевать доверие аудитории и найти общую почву для диалога» [20, с. 45]. Это вызывает негативную реакцию у граждан, и задача правового воспитания остается нерешенной.

Преодоление подобных проблем возможно путем целенаправленного обучения полицейских основам юридической риторики. И в рамках юридического образования нельзя ограничиваться только знакомством с общими характеристиками речи, как это делается сейчас. Освоение риторики должно быть основано на изучении набора необходимых для каждого конкретного специалиста жанров. Это важно потому, что все сферы делового общения вырабатывают определенные требования не только к содержанию высказываний, предназначенных для типовых ситуаций

общения, но и к их форме. Для письменных документов (*заявление, рапорт, объяснительная записка*) требования более жесткие и строгие, для устных высказываний (*доклад, возражение, обвинительная речь*) – менее строгие и вариативные. Однако и в последнем случае для успешного воздействия на адресата следует соблюдать некоторые вполне конкретные требования, предъявляемые к содержанию и форме речи, ведь жанр не случайно называют памятью культуры. И потому в каждой сфере юридического общения набор жанров, которые необходимо освоить для применения метода убеждения, может иметь свои особенности.

В настоящее время наука ведет речь о трех основных областях применения метода убеждения в работе органов внутренних дел.

1. Пропаганда правовых знаний. Прежде всего метод правового убеждения используется сотрудниками правоохранительных органов при выполнении ими своих прямых служебных обязанностей для воздействия на сознание и поведение людей. Так, Госавтоинспекция проводит кампании по пропаганде безопасности дорожного движения: организует лекции в школах, заказывает социальную рекламу для пешеходов и водителей (например о пользе ремней безопасности, недопустимости пьянства за рулем), – то есть осуществляет правовое просвещение в области соблюдения правил дорожного движения. Подразделения лицензионно-разрешительной системы, выдавая лицензии на оружие, контролируя частные охранные организации, в порядке инструктажа убеждают граждан соблюдать установленные правила (разъясняют, например, соискателю лицензии правила безопасного обращения с оружием, ответственность за нарушение условий хранения).

Правовое просвещение представляет собой распространение знаний о праве и разъяснение положений действующих нормативных правовых актов, а также практики их применения в целях предупреждения правонарушений. Для достижения этих целей, как правило, используется информационная по форме речь, в которой ясно, доступным языком, логично и непротиворечиво излагается необходимая правовая информация: происходит толкование как основных принципов действующего законодательства в целом, так и положений отдельных правовых актов. Однако такая речь обязательно имеет убеждающую сверхзадачу: воздействие на сознание и поведение людей с целью воспитания у них стремления к осознанному исполнению требований правовых и других социальных норм, убеждения в необходимости исполнения всех предписаний законодателя. Адресатом речи в этом случае оказываются добропорядочные граждане, не замеченные в причастности к совершению правонарушений. Причем это, конечно, не «народные массы» (неопределенно широкий и неидентифицируемый круг граждан), а вполне конкретные группы людей.

Одним из наиболее частотных жанров, используемых для решения описанной задачи, является *юридическая консультация* – жанр, необходимый для общения с гражданином, нуждающимся в правовой помощи. В полиции консультативная

функция реализуется, например, при приеме участковым уполномоченным заявителей, обращающихся по поводу бытовых конфликтов или по административным вопросам, а также в работе дежурных частей, приемных и др.

В этой ситуации адресант оценивается как специалист в конкретной области юриспруденции. Задача консультации – найти решение правовой проблемы, максимально соответствующее как интересам клиента, так и требованиям закона. Тезис речи-консультации всегда персонализирован (обращен к адресату). То есть вместо отвлеченного цитирования нормы («По закону полагается то-то») консультант формулирует рекомендацию применительно к ситуации клиента: «Для решения вашей проблемы нужно сделать X, на основании статьи Y закона, которая предусматривает...». Данный подход сразу предлагает человеку конкретный выход и укрепляет его убежденность в правильности рекомендуемых действий. Таким образом, грамотное формулирование тезиса речи требует обязательного учета ценностей и целей адресата.

Стройная композиция консультации в большой степени способствует лучшему усвоению содержания речи клиентом. Поскольку консультация возможна только при условии наличия запроса адресата, традиционного вступления к речи с обоснованием полезности предлагаемой информации не требуется. В начале речи консультант уточняет суть проблемы, проговаривает ее детали, что обеспечивает взаимопонимание с адресатом. Для основной части речи рекомендуются следующие структурные элементы: 1) объяснение того, как квалифицируется ситуация в законодательстве (здесь не должно быть сложных терминов и юридических подробностей, ситуация обрисовывается в общих чертах); 2) оценка вариантов решения проблемы и их последствий (консультант указывает на плюсы и минусы каждого варианта, а также на их потенциальные риски для клиента); 3) формулирование четкого алгоритма действий клиента (что именно и как ему следует сделать, чтобы получить планируемый результат).

Речь должна демонстрировать компетентность консультанта (знание законодательства и форм его применения) и одновременно быть доступной для понимания (необходимо умение объяснять сложное простым языком).

Таким образом, процедура консультирования состоит в выяснении того, какой результат желателен для клиента (избежать наказания, получить компенсацию, восстановить право и т.п.), и определении тех возможностей, которые наилучшим образом будут способствовать достижению этого результата в рамках правового поля. К сожалению, нередко юристы-консультанты ограничиваются формальным разъяснением норм закона без привязки своих рекомендаций к ситуации и ценностям клиента, что сводит на нет убеждающий эффект речи.

2. Профилактика правонарушений – воспитательное воздействие на лиц, относящихся к «группам риска». Адресатами речи здесь оказываются люди, совершившие противоправные

деяния или поставленные на профилактический учет: условно осужденные, семейные дебоширы, наркозависимые, трудные подростки и т.п. Чаще всего с таким контингентом работают участковые уполномоченные. Задача речи в этой области применения метода убеждения состоит в изменении (корректировке) взглядов адресата, предотвращении совершения им правонарушений и недопущении антиобщественного поведения [21, с. 174]. В этом случае речь особенно далека от информационного просвещения, поскольку решить поставленную задачу можно только тогда, когда оратор правильно учитывает ценности адресатов и использует эмоциональные аргументы, убедительные для конкретной аудитории.

Наиболее характерным жанром здесь является *профилактическая беседа*. В ее основе лежит стремление побудить человека, с которым она проводится, к переосмыслению своего образа жизни. Это достаточно сложная цель, ее достижение требует особого подхода и опоры на ценности, взгляды и вкусы адресата. В отличие от консультации, где адресат сам заинтересован в общении с юристом, в профилактической беседе аудитория оценивается как недоброжелательная или скептически настроенная. Люди, ведущие асоциальный образ жизни, могут противостоять влиянию полицейского, не желая слушать его нотации. Поэтому такая речь не может сводиться к простому разъяснению адресату тех правовых последствий, которые грозят ему в случае нарушения закона. Если информационная речь ориентируется на тезис и предназначена только для передачи определенного объема информации, то убеждающая речь ориентируется на ценности адресата, здесь цель – так или иначе изменить его отношение к рассматриваемому в речи объекту. Неразличение этих ситуаций приводит к риторической неудаче.

Перед беседой (или в ее начале) полицейский должен оценить индивидуальные особенности тех, с кем предстоит разговор: возраст, уровень образования, эмоциональное состояние, круг ценностей, жизненный опыт. Аргументы нужно подбирать, исходя из ценностей слушателей: говорить о том, что выгодно и интересно именно для них. Например, для молодежи срабатывает апелляция к личной свободе, самоуважению; для семейных дебоширов – к благополучию детей; для алкоголиков – к здоровью и уважению соседей. Опора на индивидуальные (семья, работа, увлечения) и групповые (возрастные, профессиональные) ценности помогает наладить контакт. Чтобы достучаться до сложной аудитории, оратор (полицейский) должен произвести на нее благоприятное впечатление. Главными требованиями при этом являются доброжелательность, использование уважительного тона, демонстрация искреннего желания помочь, объективность. Особенно эффективно, если оратор сможет продемонстрировать общие интересы со слушателями (упомянет, например, что любит такую же музыку или болеет за ту же футбольную команду, проявит знания реалий района, где они проживают, и т.п.).

Беседа не должна сводиться к абстрактным призывам «вести себя правильно» или «не на-

рушать закон». Весьма распространена ошибка, заключающаяся в формулировании эфемерной цели «заставить задуматься о ...». Степень достижения такой цели невозможно оценить. Формулировать задачу следует максимально конкретно, например: убедить компанию подростков не шуметь по ночам под окнами соседей, побудить склонного к насилию мужа обратиться в центр психологической помощи и прекратить побои членов семьи. Такие цели вполне конкретны и частично достижимы даже в рамках одной встречи. Каждая профилактическая беседа – это вклад в общее дело воспитания правомерного поведения, и этот вклад должен быть понятным и проверяемым.

Сверхзадачей профилактической беседы является получение максимума информации о лицах, с которыми она проводится: уровень интеллекта, знания в области права, отношение к людям, интересы, ценности и т.д. Эти сведения необходимы для построения стратегии последующего воздействия на адресата.

В риторике предлагается следующая композиция профилактической беседы, рассчитанная на максимальный убеждающий эффект: 1) вступление должно показать слушателям, что речь пойдет не об абстрактных юридических вопросах, а о проблеме, важной лично для них, проблеме, которую необходимо решить; 2) информационный блок посвящается сообщению необходимых правовых знаний по обсуждаемому вопросу (эта часть не должна занимать более четверти времени, отведенного на беседу, поскольку имеет лишь вспомогательный характер); 3) аргументация преимуществ жизни человека, не нарушающего закон, и опасностей, грозящих его нарушителю (это главная часть, занимающая до половины отведенного на беседу времени, здесь приводятся не только рациональные (факты, статистика, ссылки на научные исследования), но и эмоциональные (примеры из жизни, мнения авторитетных для адресата людей, доводы о пользе и выгоде) аргументы, их выбор полностью зависит от особенностей адресата и не может быть одним и тем же в разных аудиториях); 4) обобщение и выводы. В заключение оратор должен предложить аудитории самой сформулировать, что присутствующие поняли и что намерены делать. Выступление будет успешным, если удастся превратить сухое мероприятие в живой диалог, где полицейский говорит не «вам приказано одуматься», а подводит самих слушателей к мысли о том, что «нужно измениться ради своего же блага».

3. Формирование имиджа полиции. Связи с общественностью относятся к внешней сфере приложения метода убеждения. Ее суть состоит в том, что органы внутренних дел в целом, каждое подразделение и каждый сотрудник полиции должны стремиться сформировать у граждан страны положительное отношение к своему ведомству [22]. Одна из причин важности этой работы заключается в том, что эффективность правового воспитания людей в большой степени зависит от авторитетности убеждающего [23]. В связи с этим и профилактика правонарушений, и пропаганда правовых знаний оказываются гораз-

до более действенными, если граждане с уважением и доверием относятся к лицам, осуществляющим эту работу. Чтобы связи с общественностью формировались успешно, в основе этого процесса должны лежать научные принципы Public Relations. В частности, субъект должен понимать, какой именно имидж он хочет сформировать, и планомерно (а не от случая к случаю) работать, продвигаясь в выбранном направлении; обращаться к целевым группам общественности (а не к «неопределенному кругу лиц»); демонстрировать понятность и прозрачность своей деятельности и т.п.

К связям полиции с общественностью относятся всё многообразие форм публичной коммуникации, с помощью которого органы внутренних дел формируют в обществе отношение к себе и своим инициативам. Хотя почти все используемые в этих целях жанры имеют сугубо информационный характер, правильный подбор тематики и регулярность соответствующих ей сообщений способны существенно повлиять на имидж субъекта. Наиболее востребованными жанрами в этой области применения метода убеждения являются:

- официальный пресс-релиз – короткий содержательный текст, предназначенный для передачи в средства массовой информации; поводом для его подготовки и распространения может быть раскрытие резонансного преступления, проведение масштабной операции, участие сотрудников полиции в имиджевом мероприятии и т.п.;

- выступления руководства МВД России на телевидении, интервью, брифинги, пресс-конференции начальника органа внутренних дел и т.п. Всё это может существенным образом повлиять на имидж полиции, если мероприятия тщательно подготовлены и сообщаемая в ходе их проведения информация отвечает требованиям, предъявляемым к используемым жанрам;

- материалы, размещаемые на сайтах МВД России и его подразделений. С приходом Интернета появился термин «e-PR» – связи с общественностью, осуществляемые посредством электронного носителя: сегодня многочисленные корпоративные сайты содержат разножанровые PR-тексты, оригинальные как по содержанию, так и по построению. В отличие от всех других PR-посланий, некоторые из которых могут иметь случайный (конъюнктурный) характер, вся информация, представляемая на сайте, должна быть объединена одной идеей – именно той, которая провозглашается в миссии субъекта. Это связано с тем, что сайт образует единый текст и, следовательно, должен отвечать требованию структурного и содержательного единства. Чтобы добиться такого единства, субъекту необходимо осуществлять грамотный отбор содержания, суть этой работы может быть определена как акцентирование;

- социальная реклама, кампании в средствах массовой информации. Полиция часто инициирует информационные кампании: ролики на телевидении о вреде наркотиков, плакаты «Не доверяй телефонным мошенникам», акции «Внимание, пешеход!» и т.д. Все сопровождающие эти акции тексты должны строиться по принципам

убеждающего воздействия и иметь в качестве сверхзадачи формирование имиджа полиции.

Вместе с тем следует отметить и некоторые типичные для нашего времени ошибки, допускаемые в процессе установления полицией связей с общественностью. Прежде всего это отсутствие живого общения, которое заменяется озвучиванием письменных текстов казенным (сухим) языком, отчего аудитория быстро устает и не усваивает содержания речи. Кроме того, невозможно убедить людей в том, что полиция заботится о безопасности граждан, с помощью размещения новостей в таком духе: «по линии профилактики проведено 5 мероприятий, охвачено 200 граждан». Нужно наполнять коммуникацию жизненными историями, конкретикой, эмоциональными аргументами, опираться на ценности адресата. Наконец, весьма распространенной ошибкой является использование конфронтационного тона: пытаясь оправдаться, представители органов внутренних дел начинают спорить с критиками в агрессивной манере, что лишь ухудшает имидж полиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение метода убеждения в деятельности полиции основывается на сложном переплетении правовых принципов и риторического мастерства. С правовой точки зрения убеждение закреплено как приоритетный способ воздействия на граждан в сфере обеспечения правопорядка. Убеждение как метод деятельности полиции состоит в воздействии на сознание и волю людей, имеющем целью

добиться добровольного соблюдения ими норм права. Однако нормативные акты лишь очерчивают рамки применения убеждения, не раскрывая его практических технологий. Чтобы освоить их на практике, необходимо ознакомиться со способами риторического убеждения, составляющими фундамент убеждения юридического.

Риторический анализ показывает, что эффективность убеждения зависит от правильного выбора жанра речи и тщательного соблюдения его параметров. В учебниках по риторике обычно приводятся подробные описания специфики каждого жанра¹: задача речи, характер адресанта и адресата, предпочтительный вид аргументов, типичная композиция речи, – а также предлагаются примеры образцовых речей в каждом жанре и перечень типичных ошибок. Понимание жанровых особенностей речи существенно облегчает профессиональное общение специалиста, поскольку подсказывает, где и как находить требующееся по сути сложившейся ситуации содержание для высказывания и как его грамотно использовать для достижения наилучшего эффекта.

Таким образом, взаимодействие правоведов-административистов и специалистов в области юридической риторики могло бы существенно обогатить курс административной деятельности органов внутренних дел сведениями о формах непосредственного применения метода убеждения в практике работы сотрудников полиции. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федоров В.П. Убеждение и правоохранительная деятельность: Монография. СПб, 1994. 220 с.
2. Кравец И.П., Бутченко В.Н. Проблемы использования методов убеждения и принуждения в управленческой деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 1. С. 201-208.
3. Фиалковская И.Д. Сущность административного убеждения как метода государственного управления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 259-264.
4. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
5. Сердобинцев К.С. Роль философии в образовательно-воспитательном процессе // Х Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 93-94.
6. Филипенко Е.В. Превентивная педагогика в контексте профилактики девиантного поведения подростков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 239-247.
7. Черногор О.В., Карпов Е.А. Психология влияния и убеждения // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2024. № 1 (48). С. 93-99.
8. Косых А.А. Убеждение в административно-правовой деятельности полиции // Полиция и общество: пути сотрудничества. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2017. С. 97-103.
9. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
10. Богатырь Е.С. Сущность и разновидности убеждения, используемого в административной деятельности полиции // Проблемы применения законодательства об административной ответственности. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 29-33.

¹ Анисимова Т.В. Юридическая риторика: Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2024.

11. Петченко А.Е. Роль и место метода убеждения в административной деятельности полиции // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9. № 5. С. 63-66.
12. Анисимова А.П. К вопросу о специфике правосознания в российском обществе на современном этапе // Органы правопорядка: история и современность. Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. Екатеринбург, 1998. С. 155-157.
13. Журавлев В.В. Соотношение убеждения и принуждения в административно-правовой доктрине // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 49-53.
14. Цуканов Н.Н., Добров А.Н. К вопросу о приоритете метода убеждения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 139-144.
15. Алексеева А.П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 76-80.
16. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
17. Струков В.А. Меры административного убеждения, применяемые в деятельности полиции, а также пути их совершенствования // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. СПб, 2025. С. 1137-1144.
18. Алексеева А.П. Деятельность полиции Волгоградской области в оценках общественности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 16-25.
19. Алексеева А.П., Зуева О.В., Иванов А.С., Кривошеин П.К. Мониторинг общественного мнения как способ оценки деятельности российской полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 50-57.
20. Сургутсков В.И., Самойлов А.В. Современные формы убеждения в административной деятельности полиции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4. С. 43-48.
21. Васильев В.В., Майорова С.А. Убеждение и принуждение в административной деятельности полиции: стратегия допустимого компромисса // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 173-174.
22. Тищенко А.В. Имидж российской полиции как условие формирования институционального доверия граждан // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 2. С. 194-198.
23. Майоров В.И. Совершенствование деятельности полиции на основе общественного доверия и поддержки граждан // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. СПб, 2016. С. 114-122.

REFERENCES

1. Fedorov V.P. Ubezhdeniye i pravookhranitel'naya deyatel'nost': Monografiya. SPb, 1994. 220 s.
2. Kravets I.P., Butchenko V.N. Problemy ispol'zovaniya metodov ubezhdeniya i prinuzhdeniya v upravlencheskoy deyatel'nosti // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14. № 1. S. 201-208.
3. Fialkovskaya I.D. Sushchnost' administrativnogo ubezhdeniya kak metoda gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 1 (1). S. 259-264.
4. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovnaya politika, ugovnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
5. Serdobintsev K.S. Rol' filosofii v obrazovatel'no-vospitatel'nom protsesse // KH Baltiyskiy yuridicheskii forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii». Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 93-94.
6. Filipenko Ye.V. Preventivnaya pedagogika v kontekste profilaktiki deviantnogo povedeniya podrostkov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 2 (106). S. 239-247.
7. Chernogor O.V., Karpov Ye.A. Psikhologiya vliyaniya i ubezhdeniya // Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. 2024. № 1 (48). S. 93-99.
8. Kosykh A.A. Ubezhdeniye v administrativno-pravovoy deyatel'nosti politzii // Politziya i obshchestvo: puti sotrudnichestva. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Voronezh, 2017. S. 97-103.
9. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov YU.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkluchennykh v ponyatiyny apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
10. Bogatyr' Ye.S. Sushchnost' i raznovidnosti ubezhdeniya, ispol'zuyemogo v administrativnoy deyatel'nosti politzii // Problemy primeneniya zakonodatel'stva ob administrativnoy otvetstvennosti. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Irkutsk, 2020. S. 29-33.
11. Petchenko A.Ye. Rol' i mesto metoda ubezhdeniya v administrativnoy deyatel'nosti politzii // Aktual'nyye problemy prava i gosudarstva v XXI veke. 2017. T. 9. № 5. S. 63-66.
12. Anisimova A.P. K voprosu o spetsifike pravosoznaniya v rossiyskom obshchestve na sovremennom etape // Organy pravoporyadka: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhvuzovskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Yekaterinburg, 1998. S. 155-157.

13. Zhuravlev V.V. Sootnosheniye ubezhdeniya i prinuzhdeniya v administrativno-pravovoy doktrine // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 2. S. 49-53.
14. Tsukanov N.N., Dobrov A.N. K voprosu o prioritete metoda ubezhdeniya // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 4. S. 139-144.
15. Alekseyeva A.P. Kiberprestupnost': naskol'ko real'na ugroza // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2017. № T31. S. 76-80.
16. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 27-34.
17. Strukov V.A. Mery administrativnogo ubezhdeniya, primenyayemye v deyatel'nosti politzii, a takzhe puti ikh sovershenstvovaniya // Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protssessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya). Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2025. S. 1137-1144.
18. Alekseyeva A.P. Deyatel'nost' politzii Volgogradskoy oblasti v otsenkakh obshchestvennosti // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2015. № 4. S. 16-25.
19. Alekseyeva A.P., Zuyeva O.V., Ivanov A.S., Krivoshein P.K. Monitoring obshchestvennogo mneniya kak sposob otsenki deyatel'nosti rossiyskoy politzii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2015. № 4 (35). S. 50-57.
20. Surgutskov V.I., Samoylov A.V. Sovremennyye formy ubezhdeniya v administrativnoy deyatel'nosti politzii // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2015. № 4. S. 43-48.
21. Vasil'yev V.V., Mayorova S.A. Ubezhdeniye i prinuzhdeniye v administrativnoy deyatel'nosti politzii: strategiya dopustimogo kompromissa // Yuridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 173-174.
22. Tishchenko A.V. Imidzh rossiyskoy politzii kak usloviye formirovaniya institutsional'nogo doveriya grazhdan // Ekonomicheskiye i gumanitarnyye issledovaniya regionov. 2019. № 2. S. 194-198.
23. Mayorov V.I. Sovershenstvovaniye deyatel'nosti politzii na osnove obshchestvennogo doveriya i podderzhki grazhdan // Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protssessual'nogo prava. SPb, 2016. S. 114-122.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Амельчаков И.Ф., Анисимова Т.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Амельчаков И.Ф., Анисимова Т.В. Метод убеждения в работе полиции: междисциплинарный аспект // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 9-17.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Анна Павловна АЛЕКСЕЕВА,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-4569-7564
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала
Заслуженный юрист Российской Федерации
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Андрей Николаевич БЕРЕСТОВОЙ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0003-0805-900X
Российский государственный университет правосудия (г. Санкт-Петербург)
доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала
andreyberestovoy@gmail.com

Научная статья
УДК 343.85

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ В МЕХАНИЗМАХ ДИСТАНЦИОННЫХ ХИЩЕНИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Дистанционное хищение, социальная инженерия, методы мошенничества, киберпреступность, информационно-телекоммуникационные технологии, эмоциональное воздействие, психологические приемы.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматривается феномен дистанционных хищений, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий и методов социальной инженерии. Подчеркивается рост числа таких преступлений, их массовый характер и значительный материальный ущерб. В частности, отмечается, что более 60% преступлений реализуются через психологическое воздействие на жертву с целью получения доступа к средствам или конфиденциальной информации. Особое внимание уделяется недостаточной цифровой и финансовой грамотности жертв, а также особенностям манипуляций, основанных на эксплуатации эмоций (страха, жадности, альтруизма и др.). *Методы.* Исследование, результаты которого представлены в статье, выполнено на основе анализа статистических данных МВД России и Банка России за 2020-2024 гг., изучения материалов судебной и следственной практики, отечественных и зарубежных научных публикаций. В ходе работы был применен междисциплинарный подход: использован формально-юридический анализ нормативных актов и практики, изучены кейсы типичных преступлений, выполнена криминологическая систематизация методов социальной инженерии. Проведено сопоставление психологических приемов с их цифровыми и речевыми проявлениями, а также усредненных портретов преступников и жертв. *Результаты.* Выделены и описаны десять базовых методов социальной инженерии, включая фишинг, вишинг, претекстинг, подмену интерфейсов и манипуляцию эмоциональными состояниями жертв. Представлен криминологический и психологический портрет преступников, использующих такие методы: это мужчины 22-36 лет, обладающие коммуникативными и актерскими навыками, со сниженным уровнем эмпатии. Подтверждено, что в рассматриваемых случаях основным фактором виктимности является сочетание низкой цифровой грамотности и высокой степени подверженности эмоциональному воздействию жертвы преступления. Сформулированы рекомендации по профилактике дистанционных хищений, предусматривающие, в частности, технические меры фильтрации подозрительных коммуникаций и использование законодательных отсрочек на спорные переводы, а также обучение граждан критическому восприятию информационных угроз.

ВВЕДЕНИЕ

Дистанционные хищения, совершаемые с применением информационно-телекоммуникационных технологий, на протяжении последних пяти лет устойчиво входят в число наиболее массовых и динамичных видов преступлений¹. В 2024 г. на их долю пришлось около 40% всех зарегистрированных преступлений, а совокупный ущерб, нанесенный ими гражданам, превысил 168 млрд рублей. Более 60% таких деяний реализуются посредством техник социальной инженерии, когда злоумышленник убеждает жертву добровольно перевести деньги либо раскрыть конфиденциальные данные, необходимые для их хищения [1, с. 115].

Несмотря на обилие публикаций о киберпреступности, криминологическое описание используемых ею методов социальной инженерии и характеристик личности киберпреступника до сих пор представлено в научной литературе фрагментарно. Целью исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, было обобщение открытых статистических сведений, материалов следственной и судебной практики, а также новейших достижений науки для определения типовых методов социальной инженерии и сопоставления их с личностными, мотивационными и поведенческими особенностями преступников, совершающих дистанционные хищения с применением информационно-телекоммуникационных технологий.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания, позволяющий рассматривать изучаемые явления в динамике их развития и во взаимосвязи с другими явлениями и различными правовыми институтами.

Формально-юридический метод применялся для анализа нормативно-правовых актов при разработке авторской типологии приемов социальной инженерии. Были изучены определения, имеющиеся в Федеральном законе «О персональных данных» и Методических рекомендациях Банка России, что исключило противоречия с действующим законодательством.

Системно-структурный анализ позволил прийти к выводу о том, что изменение любого элемента (например появления deepfake-технологий) ведет к трансформации всей системы и порождает новые варианты преступных действий.

Метод классификации применялся для систематизации видов дистанционных хищений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий, определения их характерных признаков и особенностей воздействия на противоправное поведение мошенников.

Статистический метод был востребован для анализа выборки официальных данных МВД России и Банка России за 2020-2024 гг., с помощью чего производилась оценка масштабов рассматриваемой проблемы.

Эмпирическую базу исследования сформировали материалы научных публикаций, диссер-

тационных исследований, монографий и статей ведущих специалистов в области криминологии, а также данные правоприменительной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Криминологические исследования преступности, связанной с применением методов социальной инженерии, показывают, что злоумышленниками обычно применяются десять базовых приемов для обмана потенциальных жертв (см. таблицу 1).

1. *Предварительный сбор данных о потенциальной жертве.* Злоумышленник анализирует открытые источники (социальные сети, справочные базы), получает сведения о личных особенностях, привычках, финансовом положении и контактах жертвы [2, с. 15].

2. *Исполнение заранее отработанной роли.* При обращении к жертве преступник выдает себя, как правило, за сотрудника банка, правоохранительных органов, пенсионного фонда или иной официальной структуры, что повышает уровень доверия и снижает критичность восприятия [3, с. 152].

3. *Использование заготовленного сценария разговора.* Все этапы диалога, от обращения до ответов на возможные вопросы, строятся по заранее разработанному алгоритму, который позволяет вывести жертву из психологического равновесия и подтолкнуть ее к действиям, в совершении которых заинтересован преступник [4, с. 535].

4. *Специальная «подача» информации.* Текст и тон сообщений рассчитаны на создание ощущения срочной необходимости тех или иных действий, формирование чувства страха или, наоборот, предположения о возможности получения выгоды. Жертва испытывает эмоциональный дискомфорт или преждевременную радость, что блокирует логику и побуждает к необдуманным поступкам [5, с. 61].

5. *Создание фишинговых ресурсов и подмена интерфейса.* Для сбора персональных данных используются клоны банковских сайтов и мобильных приложений, с которых жертва вводит логины, пароли и реквизиты платежных карт [6, с. 107].

6. *Подмена телефонного номера и голоса.* С помощью программ «Call Voice Changer», SIP-мостов, VPN и других программных инструментов злоумышленник скрывает свой номер телефона и меняет голос так, чтобы абонент воспринимал его как сотрудника надежной организации [7, с. 216].

7. *Удаленный доступ к телекоммуникационному устройству жертвы.* Программы «AnyDesk», «TeamViewer» и аналогичные им устанавливаются на оборудование под предлогом выполнения действий по технической поддержке, после чего преступник получает полный контроль над смартфоном или компьютером жертвы [8, с. 125].

8. *Получение конфиденциальной информации.* Жертве предлагают пройти «процедуру проверки безопасности» или «заблокировать попытку мошенничества» путем передачи кода из SMS, CVV-кода, одноразовых паролей и т.п. [9, с. 102].

9. *Создание искусственного дефицита времени.* Преступник настаивает на немедленных дейст-

¹ Статистика и аналитика // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 23.02.2025).

Anna P. ALEKSEEVA,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-4569-7564
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law, Criminology
and Criminal Executive Law of the Kaliningrad Branch
Honored Lawyer of the Russian Federation
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Andrey N. BERESTOVOY,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0003-0805-900X
Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russia)
Associate Professor of the Criminal Law Department of the North-West Branch
andreyberestovoy@gmail.com

**INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AND
SOCIAL ENGINEERING IN THE MECHANISMS OF REMOTE THEFT**

KEYWORDS. Remote theft, social engineering, fraud methods, cybercrime, information and telecommunication technologies, emotional impact, psychological techniques.

ANNOTATION. Introduction. The article examines the phenomenon of remote thefts committed through information and telecommunication technologies and social engineering methods. The article emphasizes the growing number of such crimes, their mass nature and significant material damage. In particular, it is noted that more than 60% of crimes are committed through psychological impact on the victim in order to gain access to funds or confidential information. Particular attention is paid to the insufficient digital and financial literacy of victims, as well as the peculiarities of manipulations based on the exploitation of emotions (fear, greed, altruism, etc.). **Methods.** The study, the results of which are presented in the article, is based on the analysis of statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Bank of Russia for 2020-2024, the study of materials of judicial and investigative practice, domestic and foreign scientific publications. In the course of the work, an interdisciplinary approach was used: a formal-legal analysis of regulatory acts and practice was used, cases of typical crimes were studied, and a criminological systematization of social engineering methods was performed. A comparison of psychological techniques with their digital and speech manifestations, as well as average portraits of criminals and victims was carried out. **Results.** Ten basic methods of social engineering are identified and described, including phishing, vishing, pretexting, interface substitution and manipulation of emotional states of victims. A criminological and psychological portrait of criminals using such methods is presented: these are men aged 22-36 years old, with communication and acting skills, with a reduced level of empathy. It has been confirmed that in the cases under consideration the main factor of victimization is a combination of low digital literacy and a high degree of susceptibility to the emotional impact of the victim of the crime. Recommendations for the prevention of remote thefts have been formulated, which include, in particular, technical measures for filtering suspicious communications and the use of legislative deferrals for disputed transfers, as well as training citizens in critical perception of information threats.

виях («заявка действует десять минут», «карта заморозится»), чтобы не дать жертве возможности проверить достоверность сообщения [10, с. 31].

10. Многоступенчатое обналачивание похищенных средств. После перевода денег на «безопасный счет» злоумышленники делят поступившую сумму на мелкие части, используют посредников и программные схемы для быстрого вывода наличности и затруднения отслеживания денежных потоков правоохранительными органами [11, с. 134].

Сочетание нескольких из перечисленных методов образует цельный механизм психологического и технического воздействия, позволяющий дистанционно похищать чужие деньги, сохранять анонимность преступника и минимизировать сопутствующие его действиям риски.

Что касается личности дистанционного мошенника, то речь идет о развитом интеллекте, облада-нии широким спектром коммуникативных навы-

ков, умении вводить жертв в состояние когнитивного диссонанса. Эмпатия при этом носит утилитарный характер и используется как инструмент манипуляции. В криминологическом аспекте эмоциональное состояние жертвы выступает причиной необдуманности ее действий. Анализ 74 приговоров, вынесенных судами по результатам рассмотрения уголовных дел о дистанционном мошенничестве¹, показал, что 68% исполнителей – это мужчины 22-36 лет, 31% – женщины (расширение их участия в преступной деятельности рассматриваемого вида объясняется наймом операторов колл-центров); 54% имеют среднее профессиональное образование, 11% – незаконченное высшее, 7% – IT-специальности; 38% были ранее судимы за имущественные преступления. К числу ключевых личностных особенностей таких лиц можно отнести высокоразвитый вербальный интеллект, умение быстро устанавливать психологи-

¹ В 2025 году изучались приговоры, имеющиеся в открытом доступе на портале «СудАкт» (Судебные и нормативные акты РФ // URL: <https://sudact.ru/>).

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

№	Метод	Краткое содержание	Доля эпизодов	Примечание
1	Фишинг/смэшинг	Массовая рассылка e-mail/SMS-ссылок на фальш-сайты	27%	Часто комбинируется с поддельными платежными формами
2	Вишинг	Телефонные звонки от «службы безопасности банка»	23%	Зачастую используется подмена CLI-номера
3	Претекстинг	Создание легенды (сотрудник МВД, ЦБ, соцслужбы и т.д.)	14%	Требуются знания в сфере деятельности оргструктур и терминологии
4	QR-инжиниринг	Подмена платежных QR-кодов, перевод «на безопасный счет»	8%	Рост показателей произошел после внедрения СБП в 2022 г.
5	Deepfake-аудио	Искажение голоса, звонки от «родственников»	5%	Используются нейросети-клонировщики
6	Remote-Access Scam	Установка AnyDesk/TeamViewer под видом «помощи»	7%	Позволяет управлять приложением
7	Байтинг	«Вознаграждение за опрос», «выигрыш»	4%	Акцент на жадность
8	Quid pro quo	Бесплатная «техподдержка» или «повышение лимита»	4%	Метод активно применялся во время пандемии
9	Курьерская схема	Вывоз наличных «курьером из ЦБ/МВД»	6%	Задействуются дропперы
10	Tailgating digital	Захват сессии «Госуслуг» через код СМС	2%	Чаще используется в отношении несовершеннолетних

ческий контакт; демонстративные и истероидные черты, склонность к артистизму; низкую эмпатию, рациональность («банк всё равно застрахует убытки»); выраженную мотивацию «эго-челленджа» – удовольствие от управления жертвой. Роли в организованных группах распределялись следующим образом: рекрутеры (10%), скрипт-райтеры (5%), операторы-вишеры (45%), техподдержка (15%), обналичники/дропперы (25%).

Типичная жертва хищения, совершенного с использованием приемов социальной инженерии, в последнее время представляет собой не просто случайного пользователя банковских или интернет-сервисов: она – носитель ряда характерных личностных и ситуационно проявляющихся черт. Чаще всего это люди в возрасте 25-40 лет, находящиеся на пике экономической и социальной активности; имеющие стабильное материальное положение, которого оказывается не всегда достаточно для удовлетворения внезапно возникающих потребностей; не склонные к глубокому анализу юридических и финансовых рисков. Для них характерен низкий или средний уровень право-

вой и финансовой грамотности: они плохо знакомы с механизмами дистанционного банковского обслуживания и защиты персональных данных; не разбираются в тонкостях условий кредитных договоров, не способны отличить официальные сервисы от фальшивых сайтов-двойников. Как правило, жертвы дистанционных хищений имеют уверенные, но поверхностные навыки работы с онлайн-банкингом и мобильными приложениями; это преимущественно пользователи мобильных устройств, редко проверяющие URL и сертификаты сайтов; они не используют VPN-клиенты и не меняют стандартных настроек конфиденциальности. Такие люди склонны самостоятельно вводить пароли и коды из SMS и мессенджеров по первому требованию «службы безопасности»; дают согласие на дистанционное «блокирование» карт или перевод средств с «восстановительными» целями; быстро реагируют на инструкции без паузы на обдумывание или консультацию с родственниками и банком.

Их эмоционально-волевая сфера отличается повышенной степенью доверчивости и эмпатии:

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕРТВЫ В МЕХАНИЗМЕ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Эмоциональные причины	Содержание криминального приема	Типичные формулы-приманки	Возможные последствия
Страх	Индукция угрозы утраты денег, свободы, здоровья	«Переведите средства на резервный счет»; «Ваш кабинет будет заблокирован»	Срочные переводы, разглашение ОТР-кодов
Раздражение	Создание информационной перегрузки; предложение «отписаться»	Массовый спам с кнопкой «Отказаться»	Переход на фишинговый сайт, загрузка malware-apk
Любопытство	Апелляция к желанию знать скрытую информацию	«Смотри видео, как ты веселишься»; «Секретная карта заражения»	Установка вредоносного ПО, перехват данных
Жадность	Обещание выгоды без усилий	«Вы выиграли автомобиль»; «Билеты со скидкой 90%»	Передача платежных реквизитов, предоплаты
Желание помочь	Манипуляция альтруистическими установками	«Сбор средств на лечение ребенка»	Перевод средств на счета злоумышленников
Невнимательность	Эксплуатация опечаток и автоматических исправлений	Домен-двойник sberbank.ru, gismete0.ru и т.д.	Авторизация на фишинговых ресурсах

предрасположены воспринимать сообщение «сотрудника банка» как безусловную истину; поддаются давлению дефицита времени («срочно», «моментально»), эмоциональному нажиму («опасность потери средств», «официальное предупреждение»); имеют низкий уровень стрессоустойчивости в ситуациях финансовой неопределенности. Среди коммуникативных особенностей у них наиболее выражены: готовность вступать в доверительный контакт в случае уверенной, профессионально поставленной речи собеседника; склонность отвечать на телефонные и SMS-провокации без дополнительной проверки источника; отсутствие привычки проверять полученную информацию на официальных сайтах и по альтернативным каналам связи (см. таблицу 2).

Отмечается корреляция между количеством размещенных в сети персональных данных и вероятностью успешного осуществления атаки преступников, совершающих дистанционные хищения с применением информационно-телекоммуникационных технологий, на владельца этих данных, что актуализирует проведение профилактической работы, направленной на обеспечение информационной гигиены [12, с. 117].

Таким образом, жертва мошенничества, осуществляемого в киберпространстве при помощи приемов социальной инженерии, характеризуется сочетанием технической неграмотности, доверчивости и эмоциональной уязвимости, что позволяет злоумышленникам создавать благоприятные условия для манипуляции ее поведением, минимизируя возможность критической оценки происходящего и побуждая к совершению тех или иных (нередко противоправных) операций.

Преступники используют эмоции жертвы (представлены в таблице 2), комбинируя такое воздействие с возможностями современных технологий: подмена номера и голоса создает иллюзию авторитета («сотрудник банка» или «ФСБ»), усиливая страх жертвы [13, с. 681]; рассылка вредоносных apk-файлов через мессенджеры под названием, например, «видео о смерти знакомого» и т.д. играет на любопытстве и дает возможность установить шпионское программное обеспечение [14, с. 214]; использование инсайдерской информации (ФИО, платежная история) повышает уровень доверия и снижает критичность жертвы [15, с. 24]; внедрение RAT и VPN позволяет злоумышленникам удаленно управлять устройством после эмоционального воздействия на жертву.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная инженерия исполняет ключевую роль в совершении дистанционных хищений, обеспечивая переход от технических методов взлома к манипуляциям с сознанием жертвы. Проведенное нами исследование позволило систематизировать наиболее распространенные в России методы социальной инженерии и определить частоту их использования; выявить типичные черты современного дистанционного мошенника (высокий уровень речевой компетентности, актерские навыки и пониженная эмпатия); подтвердить, что главными факторами риска остаются низкий уровень финансовой грамотности и эмоциональная нестабильность потенциальных жертв хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Эмоциональная неустойчивость жертвы является неотъемлемой частью механизма дистанционного мошенничества. Его научное описание способствует совершенствованию методов противодействия преступлению данного вида,

разработке мер профилактики, формированию у населения критического отношения к информационным угрозам. Благоприятное воздействие на ситуацию может оказать и введение 48-часового периода ожидания при выполнении денежных переводов, вызывающих подозрение: такая пауза снижает давление срочности и помогает избежать поспешных решений¹. Более широкое использование мобильными операторами автоматических систем, распознающих ключевые фразы («переведите на безопасный счет», «код подтверждения»), позволяют блокировать нежелательные сообщения на ранних этапах. Перспективы дальнейших разработок в области противодействия дистанционным хищениям включают в себя расширение использования автоматизированных систем, связывающих акустические характеристики телефонных звонков с вероятностными признаками преступника, что позволит оперативно выявлять подозрительную активность и снижать результативность мошеннических схем. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бадиков Д.А., Елисеева К.А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: к вопросу об уголовно-правовой характеристике // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 115-123.
2. Ганиева И.А. Личность преступника, совершающего дистанционное мошенничество // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. № 5. С. 15-18.
3. Старостенко Н.И. Понятие и виды методов социальной инженерии, применяемых при совершении преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 152-159.
4. Назмеева Л.Р., Богомолов С.Ю. Личность преступника, совершающего мошеннические действия с использованием электронных средств платежа: криминологическая оценка // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 4 (46). С. 535-541.
5. Дерюгин Р.А. Криминалистическая характеристика хищений денежных средств, совершаемых с использованием персональных данных пользователей сети Интернет // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2 (42). С. 61-66.
6. Горбова В.В., Самороков С.А. Оперативно-разыскное противодействие мошенничествам, совершаемым с использованием средств мобильной связи // Вестник Воронежского института ФЦИН России. 2020. № 4. С. 107-112.
7. Сычева А.В. Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере компьютерной информации // Юрист-Правовед. 2025. № 1 (112). С. 216-222.
8. Ковалик Б.В. О механизме совершения мошеннических действий дистанционным способом // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2023. № 2 (46). С. 125-133.
9. Макашева М.Н. Сеть Интернет и общая оценка ее влияния на личность несовершеннолетнего // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 102-109.
10. Зотина Е.В. Криминологические детерминанты телефонного мошенничества, совершаемого с использованием приемов социальной инженерии // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8. № 1 (15). С. 31-35.
11. Савицкая А.В., Фролов В.В. Использование элементов криминалистической характеристики мошенничества: сведения о личности преступника и способе его совершения при построении версий о лице, его совершившем // Эпомен. 2022. № 70. С. 134-146.
12. Ивасюк О.Н. Современные проблемы противодействия киберпреступности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 117-120.
13. Осипенко А.Л., Соловьев В.С. Основные направления развития криминологической науки и практики предупреждения преступлений в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 681-691.
14. Щербаченко А.К. Криминалистическое обеспечение борьбы с мошенничеством как потребность правоприменения // Юрист-Правовед. 2024. № 1 (108). С. 214-220.

¹ Указание Банка России от 18.02.2022 № 6071-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 17 апреля 2019 г. № 683-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента»».

15. Алексеева А.П. Перспективы развития уголовного законодательства в киберсфере // Подготовка сотрудников полиции к использованию информационных технологий в борьбе с преступностью. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Вып. 2. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 24-31.

REFERENCES

1. Badikov D.A., Yeliseyeva K.A. Moshennichestvo s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha: k voprosu ob ugolovno-pravovoy kharakteristike // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2024. № 2 (99). S. 115-123.
2. Ganiyeva I.A. Lichnost' prestupnika, sovershayushchego distantsionnoye moshennichestvo // Aktual'nyye voprosy bor'by s prestupleniyami. 2023. № 5. S. 15-18.
3. Starostenko N.I. Ponyatiye i vidy metodov sotsial'noy inzhenerii, primenyayemykh pri sovershenii prestupleniy v sfere informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 1 (61). S. 152-159.
4. Nazmeyeva L.R., Bogomolov S.Yu. Lichnost' prestupnika, sovershayushchego moshennicheskiye deystviya s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha: kriminologicheskaya otsenka // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12. № 4 (46). S. 535-541.
5. Deryugin R.A. Kriminalisticheskaya kharakteristika khishcheniy denezhnykh sredstv, sovershayemykh s ispol'zovaniyem personal'nykh dannyykh pol'zovateley seti Internet // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 2 (42). S. 61-66.
6. Gorbova V.V., Samorokovskiy S.A. Operativno-razysknoye protivodeystviye moshennichestvam, sovershayemykh s ispol'zovaniyem sredstv mobil'noy svyazi // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2020. № 4. S. 107-112.
7. Sycheva A.V. Kriminalisticheskaya kharakteristika moshennichestva v sfere komp'yuternoy informatsii // Yurist'-Pravoved". 2025. № 1 (112). S. 216-222.
8. Kovalik B.V. O mekhanizme soversheniya moshennicheskikh deystviy distantsionnym sposobom // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2023. № 2 (46). S. 125-133.
9. Makasheva M.N. Set' Internet i obshchaya otsenka yeye vliyaniya na lichnost' nesovershennoletnego // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 3 (91). S. 102-109.
10. Zotina Ye.V. Kriminologicheskiye determinanty telefonnogo moshennichestva, sovershayemogo s ispol'zovaniyem priyemov sotsial'noy inzhenerii // Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 8. № 1 (15). S. 31-35.
11. Savitskaya A.V., Frolov V.V. Ispol'zovaniye elementov kriminalisticheskoy kharakteristiki moshennichestva: svedeniya o lichnosti prestupnika i sposobe yego soversheniya pri postroyenii versiy o litse, yego sovershivshem // Epomen. 2022. № 70. S. 134-146.
12. Ivasyuk O.N. Sovremennyye problemy protivodeystviya kiberprestupnosti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2022. № 6. S. 117-120.
13. Osipenko A.L., Solov'yev V.S. Osnovnyye napravleniya razvitiya kriminologicheskoy nauki i praktiki preduprezhdeniya prestupleniy v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. 2021. T.15. № 6. S. 681-691.
14. Shcherbachenko A.K. Kriminalisticheskoye obespecheniye bor'by s moshennichestvom kak potrebnost' pravoprimereniya // Yurist'-Pravoved". 2024. № 1 (108). S. 214-220.
15. Alekseyeva A.P. Perspektivy razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva v kibersfere // Podgotovka sotrudnikov politzii k ispol'zovaniyu informatsionnykh tekhnologiy v bor'be s prestupnost'yu. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vyp. 2. Volgograd: VA MVD Rossii, 2017. S. 24-31.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Алексеева А.П., Берестовой А.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева А.П., Берестовой А.Н. Информационно-телекоммуникационные технологии и социальная инженерия в механизмах дистанционных хищений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 18-24.

Александр Витальевич ГОНЧАРОВ,
ORCID 0009-0007-0285-3225
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова (г. Нальчик)
аспирант
goncharov-5@mail.ru

Научный руководитель:
Алексей Григорьевич КИБАЛЬНИК,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и криминологии Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научная статья
УДК 343.344:343.97

ВООРУЖЁННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ОБОРОТ ОРУЖИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оружие, оборот оружия, преступление, вооруженная преступность, противодействие, «оружейное» законодательство.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматриваются проблемы противодействия незаконному обороту оружия и вооруженной преступности с учетом условий и обстоятельств, сложившихся, в частности, в связи с проведением специальной военной операции. Автор обращает внимание на корреляционные и иные зависимости изучаемых им видов преступлений. Результаты проведенного анализа и научная их интерпретация позволили сформулировать ряд предложений по повышению эффективности уголовно-правового и специально-криминологического предупреждения преступлений данных видов. **Методы.** В ходе исследования был использован ряд общенаучных и специальных методов. К числу первых относятся системный анализ, метод гипотез и предположений, к группе вторых – статистический метод, изучение размещенных в Интернете сообщений о преступлениях, совершенных вооруженными лицами, и незаконном обороте оружия, анализ материалов уголовных дел, анкетирование сотрудников органов дознания и предварительного следствия, выступавших в роли экспертов, опрос граждан с применением программного комплекса «Google Forms», статистическое наблюдение, исследование документов. **Результаты.** Анализ и обобщение элементов предмета исследования показали, что динамика преступности, связанной с применением и использованием оружия (как летального, так и нелетального), имеет обратную корреляционную зависимость с оборотом оружия, в том числе законным, который с учетом недостатков его правового регулирования негативным образом сказывается на состоянии правопорядка и борьбы с вооруженной преступностью. Сформулированы предложения по корректировке «оружейного» и уголовного законодательства, по совершенствованию практики противодействия вооруженной преступности и нелегальному обороту оружия.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы комфортного и безопасного сосуществования граждан в условиях обострения современных внешних и внутренних угроз и вызовов остаются весьма актуальными. Одной из наиболее серьезных угроз является вооруженная преступность. Она предопределена совокупностью деструктивных факторов социально-экономического, политического, правового, организационного-управленческого характера, усиливающих нестабильность социальных связей, создающих напряженность и конфликтность в отношениях между людьми. Для разрешения сложных жизненных ситуаций и реализации пре-

ступных замыслов некоторые из них используют оружие.

И если ранее противодействие вооруженному насилию и незаконному обороту оружия как предпосылке совершения преступлений с его использованием осуществлялось в условиях мирного времени, то сегодня приходится исходить из новых реалий, сформировавшихся за время проведения специальной военной операции (далее – СВО). В последние годы активизировались представители внутреннего бандподполья и «спящие» радикальные экстремистские и террористические ячейки, и за рубежом [1], в России [2] распространяется идеология вооруженного насилия (колум-

Alexander V. GONCHAROV,
ORCID 0009-0007-0285-3225
Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia)
Postgraduate Student
goncharov-5@mail.ru

Scientific supervisor:

Alexey G. KIBALNIK,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology at the Stavropol Branch
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

**ARMED CRIME AND ARMS TRAFFICKING:
PROBLEMS OF INTERRELATION AND COUNTERACTION**

KEYWORDS. Arms, arms trafficking, crime, armed crime, counteraction, arms legislation.

ANNOTATION. Introduction. The article examines the problems of counteracting illegal arms trafficking and armed crime, taking into account the conditions and circumstances that have arisen, in particular, in connection with the special military operation. The author draws attention to the correlation and other dependencies of the types of crimes studied by him. The results of the analysis and their scientific interpretation allowed us to formulate a number of proposals to improve the effectiveness of criminal-legal and special-criminological prevention of crimes of these types. **Methods.** A number of general scientific and special methods were used in the study. The first group includes system analysis, the method of hypotheses and assumptions, the second group includes the statistical method, the study of reports of crimes committed by armed persons and illegal arms trafficking in Internet channels, the analysis of criminal case materials, questioning of employees of inquiry and preliminary investigation bodies who acted as experts, a survey of citizens using the «Google Forms» software package, statistical observation, and document examination. **Results.** The analysis and generalization of the elements of the subject of the study showed that the dynamics of crime related to the application and use of arms (both lethal and non-lethal) has an inverse correlation with the circulation of arms, including legal ones, which, given the shortcomings of its legal regulation, negatively affects the state of law and order and the fight against armed crime. Proposals have been formulated for adjusting the «arms» and criminal legislation, for improving the practice of counteracting armed crime and illegal arms trafficking.

байн¹, например, и т.п.). Последствия дерзких, тщательно спланированных вооруженных нападений молниеносно приобретают резонансный характер. В этих обстоятельствах требуется активизация превентивной деятельности правоохранительных органов, а также пересмотр средств уголовно-правового воздействия на развитие ситуации. Как представляется, необходимы более жесткие меры наказания для лиц, использовавших оружие в криминальных целях (например, для террористов, атаковавших 22 марта 2024 года «Крокус Сити Холл», для боевиков, напавших на культовые сооружения в Дербенте и Махачкале 23 июня 2024 года, и т.д.). Наличие у преступников оружия предоставляет авансированное преимущество убийцам, членам бандформирований, террористам и диверсантам, которых нередко обучают, спонсируют и курируют западные и украинские спецслужбы, что усиливает риск наступления трагических последствий при совершении нападений.

Поиском путей решения проблемы вооруженного насилия (составной частью которого

являются преступления, совершаемые с использованием различных предметов вооружения, в том числе взрывчатых веществ, взрывных устройств, БПЛА и др.) озабочено и международное сообщество. Эксперты констатируют устойчивую связь бесконтрольного оборота стрелкового оружия и динамики показателей смертности, вызванной его использованием в ходе конфликтов. В результате таких конфликтов в мире ежегодно погибает до четверти миллиона человек².

В России на площадках конференций, семинаров, форумов и в научной литературе продолжаются дискуссии по вопросам борьбы с вооруженной преступностью и незаконным оборотом оружия. Их участниками являются ученые-правоведы и криминологи: В.А. Казакова [3], В.С. Комиссаров [4], Д.А. Корецкий [5], В.В. Лунеев [6], С.А. Невский [7], М.И. Муркштис [8], С.А. Солодовников [9] и многие другие исследователи. Разработанные ими основы уголовно-правового и криминологического предупреждения преступлений рассматриваемого нами вида создали прочный теоретический фундамент этого направ-

¹ Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование – «Скулшутинг») Верховным Судом Российской Федерации признано террористическим (02.02.2022 № АКПИ21-1059С) // Федеральная служба безопасности Российской Федерации: сайт // URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 24.07.2025).

² Незаконный оборот стрелкового оружия приводит к росту насилия в мире // Организация Объединенных Наций: сайт. 15.12.2023 // URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/12/1447862> (дата обращения: 15.07.2024).

ления борьбы с преступностью. Однако условия современного развития российского общества предопределяют необходимость поиска и разработки дополнительных средств и механизмов противодействия вооруженной преступности, создания комфортной оружейной среды, формирования оружейной культуры, предполагающей наличие надежных правовых гарантий, обеспечивающих возможность приобретения оружия только гражданами с безупречным поведением и только для использования в целях личной и общественной безопасности [10].

МЕТОДЫ

Для обоснования выводов и формулирования рекомендаций по противодействию преступлений рассматриваемого нами вида применялись общенаучные (системный анализ, метод гипотез и предположений) и специальные методы исследования (статистический метод, изучение сообщений о вооруженных нападениях и незаконном обороте оружия, опрос граждан и сотрудников правоохранительных органов, выступавших в роли экспертов, анализ материалов уголовных дел и практики применения уголовного законодательства). С их помощью удалось подвергнуть анализу причинно-следственные связи, характерные для деяний исследуемого вида, определить сопутствующие им тенденции, выявить недостатки в законодательном регулировании и практике оборота оружия, сформулировать предложения о возможностях повышения эффективности борьбы с вооруженной преступностью.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Вооруженная преступность и незаконный оборот оружия следует рассматривать в контексте их неразрывной связи между собой. Преступления, совершенные с использованием оружия, являются следствием деяний, связанных с оборотом оружия (в том числе и осуществляемым в легальном порядке). И это вполне понятно, учитывая то обстоятельство, что число преступлений, совершенных с использованием оружия, может быть сведено к нулю, если злоумышленники будут лишены возможности приобрести оружие для реализации своих целей.

Действующая в России система контроля за оборотом оружия в целом позволяет координировать усилия государственных органов по обеспечению его сохранности, соблюдению правил обращения с ним и пресечению попадания его к потенциальным правонарушителям. Так, за последние годы посредством реализации положений обновленного «оружейного» законодательства удалось добиться сокращения на полмиллиона человек контингента владельцев оружия. Одновременно снизилось количество случаев хищения оружия, стало больше граждан, добровольно сдавших оружие и боеприпасы, наметилась позитивная практика аннулирования лицензий у недобросовестных владельцев оружия¹.

Между тем есть основная говорить о том, что эффективность применяемых правоохранительными органами мер по изъятию незаконно

хранящегося у населения оружия остается крайне низкой. К тому же объективные данные и сведения официальной отчетности о количестве находящегося в частном владении оружия разнятся, и весьма существенно. Вместе с тем необходимо учитывать довольно высокий уровень латентности преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия [11, с. 377].

Мнения разных групп респондентов по поводу количества незаконно хранящегося у населения оружия практически совпадают: более 67,5% опрошенных гражданских лиц и 71,4% сотрудников органов предварительного расследования считают, что оружия в незаконном обороте очень много. Объясняется это прежде всего появлением новых «горячих точек» и вооруженных конфликтов, а также ослаблением контроля правоохранительных структур за оборотом оружия внутри страны. В связи с этим показательно, что 57,1% респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов считают работу по предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, недостаточно эффективной, а еще 14,3% из них уверены, что реализация этой задачи осложняется недобросовестным исполнением своих обязанностей теми, кто должен с незаконным оборотом оружия бороться. Скорее всего, данная позиция обусловлена тем, что респондентам известно о допускаемых субъектами, которые обязаны осуществлять контроль за сохранностью, оборотом и утилизацией оружия и предметов вооружения, злоупотреблениях, приводящих к их хищениям и утрате. Так, например, оценка количества уничтоженного оружия после пожара на складе и детонации боеприпасов существенно осложняется. При этом возникает вопрос: а не было ли оружие похищено до пожара?

Осложняет реализацию задач по недопущению нелегальной доставки оружия на территорию России интенсивное перемещение через пограничные пункты пропуска военной техники, гуманитарных грузов, а также людских потоков в связи с продолжением специальной военной операции [12, с. 462]. Как следствие, за последние годы резко возросло количество не только предусмотренных ст.ст. 222-222.2 УК РФ преступлений, выявленных в приграничных с Украиной регионах, а также в Крыму и Севастополе, но и вооруженных посягательств (их прирост в 2022 году, например, в Белгородской области составил 290,5%, в Курской области – 671,4%). С учетом того обстоятельства, что фигурантами уголовных дел о незаконном обороте оружия чаще всего становились военнослужащие, контрактники и сотрудники правоохранительных органов, направленные в служебные командировки, государство вынуждено было предпринять дополнительные меры по решению данной проблемы, а также по упрочению имиджа участников СВО, в том числе путем прекращения в отношении них уголовных дел по основаниям, предусмотренным в первых примечаниях к ст.ст. 222, 222.1, 222.2 УК РФ.

¹ Виктор Золотов: «Мы не дадим раскатать ситуацию» // Росгвардия: сайт. 12.07.2023 // URL: <https://rosguard.gov.ru/page/index/viktor-zolotov-my-ne-dadim-raskachat-situaciyu> (дата обращения: 09.07.2024).

Статистические данные о преступлениях, совершенных с использованием оружия и связанных с незаконным оборотом оружия, казалось бы, позволяют прийти к довольно оптимистичным выводам. Так, за последние двадцать с лишним лет число вооруженных преступлений первого из названных вида сократилось более чем в 4,6 раза (с 26,6 тысячи в 2003 году до 5,7 тысячи в 2024 году), второго – в 2,9 раза (с 54,2 тысячи до 18,6 тысячи). Эти показатели, вроде бы, не дают повода для беспокойства, ибо свидетельствуют о весьма успешной и эффективной деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям рассматриваемых видов. Но результаты проведенного нами исследования дают повод усомниться в этом.

На фоне уменьшения числа преступлений, выявленных в сфере незаконного оборота оружия, за последние годы снизилась их раскрываемость. В 2019 году таких преступлений было выявлено более 26,6 тысячи, а в 2024 году – 18,6 тысячи. При этом за пять лет раскрываемость преступлений данного вида опустилась с 71,4% до 66%, а ведь в 2003 году этот показатель превышал 86,8%. Как известно, эффективность деятельности по выявлению преступлений в сфере незаконного оборота оружия, их регистрации и раскрытию во многом зависит от инициативности сотрудников органов правопорядка, наступательности в их работе, наличия оперативных позиций в криминальной среде, а также от субъективной оценки выявляемых деяний самими правоприменителями. Например, в 2023 году в Северо-Кавказском федеральном округе было выявлено 2385 деяний, имеющих признаки незаконного оборота оружия, в 161 случае было отказано в возбуждении уголовного дела, производство по 89 уголовным делам было прекращено.

Отсутствие четкого регулирования оборота некоторых образцов оружия, внешне и конструктивно схожего с огнестрельным (малогабаритных макетов, страйкбольного, пневматического, охолощенного оружия и т.п.), обусловило повышенный интерес к нему со стороны некоторых категорий граждан. Опрошенные нами респонденты отметили, что такой интерес появился прежде всего у представителей сферы предпринимательства и бизнеса (33,3%), у молодежи (29,5%), у женщин (28%). И поскольку известный закон рынка – спрос рождает предложение – придает новый импульс оружейному бизнесу, то появившийся на прилавках специализированных магазинов и торговых интернет-площадках товар рассматриваемого вида охотно приобретается как законопослушными гражданами [13, с. 71], так и криминально ангажированными лицами (несовершеннолетними из групп риска, мигрантами, ранее судимыми и т.п.).

Возросшая популярность такого оружия ведет к росту числа случаев использования его в общественных местах, на дорогах и улицах. При этом, как представляется, не всегда сотрудники органов предварительного расследования дают надлежа-

щую оценку, например, таким действиям, как стрельба из охолощенного оружия, перевозка прототипов оружия в виде комплектов снаряжения для игры в лазертаг¹ и т.д.

Результаты анализа региональной практики борьбы с незаконным оборотом оружия последних нескольких лет также демонстрирует ряд негативных тенденций. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе более чем вдвое (на 52,8%) снизилась результативность мер по выявлению и пресечению противоправных действий в сфере незаконного оборота оружия (в 2019 году было выявлено 4519 преступлений, в 2023 году – 2385), что отчасти можно связать с реализацией программ по добровольной сдаче оружия и заметным увеличением их финансирования (в 2019 году на эти цели было выделено чуть более 5 млн рублей, а в 2023 году – почти 7,5 млн рублей).

Отмечаются изменения и в структуре видов используемого при совершении преступлений оружия. Если ранее это были преимущественно образцы гражданского оружия (охотничьи ружья), то сейчас преступники всё чаще используют взрывчатые вещества и взрывные устройства (в 2003 году они фигурировали при совершении 5,1% преступлений рассматриваемого вида, в 2023 году – 14,8%). Например, в структуре изъятого за 2023 год в Ростовской области оружия самым распространенным его видом стали гранаты (68,2%).

Тенденция к росту количества преступлений изучаемых нами видов подтверждается и статистикой взрывотехнических экспертиз. Так, в Экспертно-криминалистическом центре Главного управления МВД России по Краснодарскому краю число таких исследований увеличилось со 173 в 2021 году до 241 в 2023-м, при этом был отмечен весьма резкий рост (17-кратный) количества экспертных исследований, в связи с использованием преступниками самодельных взрывных устройств.

Следует признать, что в настоящее время невозможны абсолютные гарантии перекрытия путей контрабандного ввоза оружия в нашу страну. Этому, к сожалению, способствуют технологии, активное развитие которых происходит в условиях вооруженного конфликта на Украине. Речь идет об использовании беспилотных плавсредств и летательных аппаратов (дронов) для доставки оружия и его применения. В связи с этим весьма обоснованным представляется мнение опрошенных нами экспертов из числа сотрудников правоохранительных органов: 71,4% из них уверены, что беспилотные летательные аппараты (дроны, квадрокоптеры и пр.) и навыки работы с ними будут востребованы после окончания СВО для совершения преступлений с использованием оружия.

ОБСУЖДЕНИЕ

Интерес к рассматриваемой нами проблематике в условиях кадрового дефицита, испытываемого правоохранительными структурами, утраты ими оперативных позиций в криминальной среде, снижения уровня профессионализма их сотруд-

¹ На западе Москвы задержали и отпустили племянника сенатора из Чечни с арсеналом // Информационный интернет-телеканал «Царьград»: сайт. 05.04.2024 // URL: https://mo.tsargrad.tv/news/na-zapade-moskvy-zaderzhali-i-otpushtili-plemjannika-senatora-iz-chechni-s-arsenalom_983260 (дата обращения: 15.07.2024).

ников продиктован, кроме прочего, еще и с тем обстоятельством, что преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, относятся к числу деяний с двойной превенцией¹. Они могут обеспечивать совершение других, более опасных посягательств (терактов, убийств, разбойных нападений, диверсий и т.д.). Оценивая состояние дел в сфере предупреждения таких преступлений, некоторые исследователи указывают на крайне низкий эффект профилактического потенциала уголовно-правовых норм с двойной превенцией, в частности, касающихся ответственности за участие в незаконном обороте оружия [8, с. 44].

Президент В.В. Путин на заседании Совета безопасности Российской Федерации, состоявшемся 27 октября 2023 года, инициировал обсуждение проблем оборота оружия, незаконного его трафика, в том числе и через Украину². Он подчеркнул необходимость принятия дополнительных мер по контролю за этим сегментом правоохранительной деятельности, ревизии законодательства, регламентирующего оборот оружия, выявлению и перекрытию каналов поступления оружия и боеприпасов в Россию.

Особую актуальность исследуемой нами проблематике придает появление новых видов вооружения и новых технологий оружейного производства и их влияние на состояние вооруженной преступности и тенденции ее развития. Уже известны примеры создания оружия из нетрадиционных композитных материалов с использованием экструзионных технологий (например ABS-пластика). Речь идет об образцах огнестрельного оружия, напечатанных на 3D-принтере [14, с. 35]. В ходе СВО были выявлены факты применения украинскими неонацистами противопехотных мин, бомб и гранатометов, изготовленных подобным способом³.

Технологический рывок в военной сфере, импульс которому придала СВО, обусловил не только массовое использование беспилотных средств поражения, но и потенциальную возможность их применения для совершения преступления в условиях мирного времени. Поэтому целесообразным представляется рассмотреть предложения по криминализации действий лиц, использующих

беспилотники в преступных целях, как это уже сделано в некоторых других странах [15].

Необходимо обратить внимание и на то, что неудачи и просчеты в противодействии вооруженной преступности и незаконному обороту оружия отчасти предопределены и недостатками отечественного законодательства. Так, например, в России по-прежнему нет единого нормативного акта, регламентирующего порядок организации добровольной сдачи гражданами государству оружия и боеприпасов. В связи с этим региональные власти действуют по собственному усмотрению, в том числе и в вопросах установления расценок. В Ростовской области оружие ограниченного поражения (травматические пистолеты) можно сдать всего лишь за 500 рублей за единицу⁴, а в Омской области за такой же образец можно получить от 4 до 5 тысяч рублей⁵. Кроме того, в Ростовской области в полтора раза дешевле, чем в Омской, оцениваются добровольно сдаваемые взрывчатые вещества, на 20% дешевле – боевые пистолеты, винтовки, карабины. А вот сумма, выплачиваемая за сданный ручной гранатомет, в 2,5 раза больше. Отличаются эти расценки и от размеров вознаграждения, установленных в Чеченской Республике, где, например, сданный газовый пистолет оценивается в 3 тысячи рублей. В Ростовской области – 500 рублей, в Омской же о выплатах за сдачу такого оружия вообще речи не идет. Гранатомет власти Чечни оценивают в полтора раза дороже, чем в Ростовской области, и почти в два раза дороже, чем в Омской. За ручную гранату выплачивают 1 тысячу рублей⁶. Такая несогласованность в ценовой политике вряд ли может способствовать оптимизации процессов добровольной сдачи оружия населением.

Отметим, что в некоторых регионах России не отведено мест для утилизации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (к примеру, ко времени написания настоящей статьи в Северо-Кавказском федеральном округе оставалось одно такое место – Республика Северная Осетия – Алания). Как следствие, возникновение вопросов к порядку уничтожения перечисленных предметов и веществ и контролю за его исполнением. В таких условиях появляются риски попадания добровольно сданного гражданами

¹ Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности: Учебное пособие. М., 1989. 80 с.

² Тема незаконного оборота оружия в России обсуждалась во время совещания Президента России с членами Совета безопасности // Первый канал: сайт. 27.10.2023 // URL: https://www.1tv.ru/news/2023-10-27/464068-tema_nezakonnogo_oborota_oruzhiya_v_rossii_obsuzhdalas_vo_vremya_soveschaniya_prezidenta_s_chlenami_soveta_bezопасnosti (дата обращения: 09.07.2024).

³ Бушев А. Economist: Киев печатает бомбы для ВСУ на 3D-принтере, а оболочки поставляются под видом игрушек // Российская газета: сайт. 03.08.2023 // URL: <https://rg.ru/2023/08/03/economist-kirov-pechataet-bomby-dlia-vsu-na-3d-printere-a-obolochki-postavliaiutsia-pod-vidom-igrushek.html> (дата обращения: 24.04.2025).

⁴ Постановление Правительства Ростовской области от 21.03.2023 № 197 «О мерах по организации добровольной сдачи гражданами незаконно хранящихся огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств за вознаграждение в 2023 году» // Правительство Ростовской области: сайт. 21.03.2023 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6100202303220005?index=3> (дата обращения: 09.07.2024).

⁵ О добровольной сдаче оружия // ГУ МВД России по Омской области: сайт // URL: https://28.mvd.rf/Ramjatkisocialnie_roliki/Ramjatkio-dobrovольной-sdache-oruzhiya (дата обращения: 09.07.2024).

⁶ Постановление Правительства Чеченской Республики от 09.07.2018 № 151 «Об утверждении Порядка выплаты гражданам денежного вознаграждения за добровольную сдачу незаконно хранящегося или найденного на территории Чеченской Республики огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (в ред. от 31.05.2021). // Правительство Чеченской Республики: сайт. 31.05.2021 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/550145215> (дата обращения: 09.07.2024).

оружия в руки преступников¹. А ведь в местах хранения скопилось более четверти миллиона стволов, подлежащих утилизации².

Осложняет противодействие вооруженной преступности влияние такого фактора, как оборот гражданского оружия, оружейных реплик, малогабаритных макетов, страйкбольного, пневматического, списанного, охолощенного оружия и т.п. Внешне оно схоже с образцами боевого оружия, из него можно произвести выстрел, и запрета на его ношение не существует. Эти обстоятельства следует рассматривать как способствующие обострению криминогенной обстановки. Подтверждение тому усматривается, например, в динамике показателей, касающихся уголовно наказуемого хулиганства (ст. 213 УК РФ). В 2023 году таких преступлений было зарегистрировано на 10,8% больше, чем годом ранее, а в 2024 году прирост увеличился в разы – +48,1% по сравнению с данными предшествовавшего года³. С января по июнь 2025 года преступлений, квалифицируемых по ст. 213 УК РФ, стало почти на 20% больше, чем за тот же период 2024 года. При этом важно иметь в виду, что вооруженное хулиганство составляет почти 80% от числа всех выявленных случаев совершения таких преступлений.

Вместе с тем всё чаще звучат довольно убедительные аргументы в пользу расширения права граждан на вооруженную защиту. Предлагается даже разрешить использовать в этих целях короткоствольное боевое оружие ввиду эскалации насильственных практик, реализуемых террористами, украинскими и проукраинскими диверсантами⁴, учащения случаев агрессивных противоправных действий со стороны мигрантов, создающих компактные группы и т.д.

По нашему мнению, причины роста уровня вооруженного насилия лежат прежде всего в плоскости существенных изменений, произошедших в психологии некоторых категорий граждан, что нередко связано со специфическим восприятием ими недостатков законодательства, а также изъятиями практики его применения. Так, например, бывает непонятно, почему разнится реакция правоохранительных и судебных органов в практически одинаковых ситуациях использования тех или иных образцов оружия (пневматического, сигнального, ограниченного поражения): в одних случаях виновных за стрельбу в общественном месте привлекают к административной ответствен-

ности по ст. 20.13 КоАП РФ⁵, а в других – деяние квалифицируют по ч. 2 ст. 213 УК РФ⁶.

А если говорить о реализации правовых норм в части ответственности за совершение преступления с использованием оружия, то следственные органы далеко не всегда выявляют источник поступления оружия в незаконный оборот. Не сделано это было в 63% изученных нами в ходе проведения исследования материалов уголовных дел. Зачастую применяются типовые формулировки: оружие приобретено «при неустановленных следствием обстоятельствах» или «у неустановленных лиц». Более того, в результате производства расследования по некоторым уголовным делам о преступлениях, для совершения которых использовалось огнестрельное оружие, оно так и не было обнаружено⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные выше аспекты взаимосвязи вооруженной преступности и незаконного оборота оружия позволили нам сформулировать ряд выводов и предложений:

- изучаемые в ходе исследования виды уголовно наказуемых деяний имеют устойчивую и обратную корреляционную зависимость. Это обстоятельство должно приниматься во внимание для организации предупреждения преступлений, совершаемых с использованием оружия. Совершенствованию этой деятельности будет способствовать максимально эффективное выявление и пресечение нарушений в сфере оборота оружия. В связи с этим целесообразно принять дополнительные меры, направленные на поиск и изъятие из незаконного оборота оружия (предметов вооружения), а уж потом обсуждать вопрос о расширении права граждан на вооруженную защиту;

- в целях усиления противодействия вооруженной преступности необходимо, на наш взгляд, на законодательном уровне ограничить оборот оружия, внешне и конструктивно схожего с огнестрельным (малогабаритных макетов, страйкбольного, пневматического, списанного, охолощенного и т.п.), а также криминализировать случаи нарушения такого запрета путем внесения дополнений в ст. 222 УК РФ;

- представляется важным рассмотреть возможность установления уголовной ответственности за оборот оружия, изготовленного на 3D-принтере, а также за использование беспилотных летательных аппаратов как особого вида средств поражения цели для совершения вооруженного нападения;

¹ 246 стволов продали полицейские Ростова бандитам – дело передано в отдел по расследованию особо важных дел // Большой Ростов: сайт. 14.03.2016 // URL: <https://big-rostov.ru/246-stvolov-prodali-policejskie-rostova-banditam-delo-peredano-v-otdel-po-rassledovaniyu-osobo-vazhny-del/> (дата обращения: 15.06.2024).

² Правительство одобрило отправку конфискованного оружия на спецоперацию // РБК: сайт. 02.07.2024 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/07/2024/66840bf49a7947625f866169> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года // МВД России: сайт. 24.04.2025 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/51988292/> (дата обращения: 24.04.2025).

⁴ О терактах, организованных при участии украинских спецслужб // Постоянное представительство Российской Федерации в ЮНЕСКО: сайт. 09.04.2024 // URL: https://russianunesco.mid.ru/ru/press_service/news/o_teraktakh_organizovannykh_pri_uchastii_ukrainskikh_spetssluzhb/ (дата обращения: 15.06.2024).

⁵ Постановление мирового судьи судебного участка № 138 района Внуково г. Москвы о назначении административного наказания по делу № 05-0168/138/2017 от 25.04.2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт // URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/> (дата обращения: 24.04.2025).

⁶ Иконникова В. Житель Комсомольска оштрафован за стрельбу из ружья во дворе // Комсомольская правда: сайт. 25.03.2025 // URL: <https://www.hab.kp.ru/online/news/6294912/> (дата обращения: 24.04.2025).

⁷ См., например, приговор Чертановского районного суда города Москвы по делу № 1-1/2019.

- назрела необходимость в дополнении постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» положениями, касающимися вопросов квалификации действий лиц, использующих беспилотные технические средства для перемещения предметов вооружения и применения их по прямому назначению;

- должна быть активизирована работа по изъятию у населения незаконно хранимого оружия, в том числе и за счет создания более выгодных в экономическом плане условий для его добровольной сдачи; следует разработать единые для всех субъектов Российской Федерации расценки на выкуп оружия и боеприпасов у граждан; нуждается в усилении контроль за утилизацией образцов вооружения и порядком передачи изъятого у населения оружия для нужд вооруженных сил и правоохранительных органов. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг)¹: сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 62-76.
2. Вторушина В.В. Современный опыт противодействия вооруженным нападениям на образовательные организации // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения). Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2022. С. 159-163.
3. Казакова В.А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы: Монография. М.: Логос, 2003. 254 с.
4. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. М.: Кросна-Лекс, 1997. 159 с.
5. Корецкий Д.А. Криминальная армалогия. М.: АСТ, 2010. 446 с.
6. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. 497 с.
7. Невский С.А. Противодействие незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты). М.: Юрлитинформ, 2008. 309 с.
8. Муркштис М.И. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту оружия. М., 2019. 238 с.
9. Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность: Монография. М., 2008. 172 с.
10. Максименко А.А., Пичугина Е.Г. Оружие в России: за и против. Кострома, 2015. 373 с.
11. Иншаков С.М., Корсантия А.А., Максименко И.В. [и др.] Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 839 с.
12. Китаев А.О. О состоянии незаконного оборота оружия в России // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 5. С. 458-463.
13. Кушнирык В.В. Нелегальный (теневой, незаконный) оборот стрелкового оружия и патронов: отраслевые оценки криминальной экономики // Вестник экономической безопасности. 2015. № 5. С. 71-76.
14. Кокин А.В. 3D-оружие и перспективы его криминалистического исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 2. Т. 12. С. 34-41.
15. Ажибаев М.Г. Незаконный оборот оружия: уголовно-правовые аспекты // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной Прокуратуре Республики Казахстан. 2023. № 4 (30). С. 35-40.

REFERENCES

1. Nikishin V.D. Kolumbayn (skulshuting)²: sushchnost', pravovaya kvalifikatsiya, kriminalisticheskaya diagnostika // Lex Russica. 2021. T. 74. № 11. S. 62-76.
2. Vtorushina V.V. Sovremennyy opyt protivodeystviya vooruzhennym napadeniyam na obrazovatel'nyye organizatsii // Novyye, poyavlyayushchiyesya i vidoizmenyayushchiyesya formy prestupnosti: nauchnyye osnovy protivodeystviya (Dolgovskiy chteniye). Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2022. S. 159-163.
3. Kazakova V.A. Vooruzhennaya prestupnost': kriminologicheskiye i ugolovno-pravovyye problemy: Monografiya. M.: Logos, 2003. 254 s.
4. Komissarov V.S. Terrorizm, banditizm, zakhvat zalozhnika i drugiye tyazhkiye prestupleniya protiv bezopasnosti obshchestva po novomu UK RF. M.: Krosna-Leks, 1997. 159 s.
5. Koretskiy D.A. Kriminal'naya armalogiya. M.: AST, 2010. 446 s.

¹ Верховным Судом Российской Федерации международное молодежное движение

«Колумбайн» (другое используемое наименование – «Скулшутинг») признано террористическим.

² The Supreme Court of the Russian Federation recognized the international youth movement «Columbine» (another name used is «Schoolshooting») as terrorist.

6. Luneyev V.V. Prestupnost' XX veka. Mirovyye, regional'nyye i rossiyskiye tendentsii. M., 1997. 497 s.
7. Nevskiy S.A. Protivodeystviye nezakonnomu oborotu oruzhiya, boyepripasov i vzryvchatykh veshchestv (istoricheskiye, kriminologicheskiye i ugovno-pravovyye aspekty). M.: Yurlitinform, 2008. 309 s.
8. Murkshtis M.I. Ugolovno-pravovoye protivodeystviye nezakonnomu oborotu oruzhiya. M., 2019. 238 s.
9. Solodovnikov S.A. Terrorizm i organizovannaya prestupnost': Monografiya. M., 2008. 172 s.
10. Maksimenko A.A., Pichugina Ye.G. Oruzhiye v Rossii: za i protiv. Kostroma, 2015. 373 s.
11. Inshakov S.M., Korsantiya A.A., Maksimenko I.V. [i dr.] Teoreticheskiye osnovy issledovaniya i analiza latentnoy prestupnosti: Monografiya. M.: YUNITI-DANA, 2017. 839 s.
12. Kitayev A.O. O sostoyanii nezakonnogo oborota oruzhiya v Rossii // Byulleten' nauki i praktiki. 2023. T. 9. № 5. S. 458-463.
13. Kushniryk V.V. Nelegal'nyy (tenevoy, nezakonnyy) oborot strelkovogo oruzhiya i patronov: otraslevyye otsenki kriminal'noy ekonomiki // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2015. № 5. S. 71-76.
14. Kokin A.V. 3D-oruzhiye i perspektivy yego kriminalisticheskogo issledovaniya // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. 2017. № 2. T. 12. S. 34-41.
15. Azhibayev M.G. Nezakonnyy oborot oruzhiya: ugovno-pravovyye aspekty // Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov pri General'noy Prokurature Respubliki Kazakhstan. 2023. № 4 (30). S. 35-40.

© Гончаров А.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гончаров А.В. Вооруженная преступность и оборот оружия: проблемы взаимосвязи и противодействия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 25-32.

Мария Сергеевна КОЧКИНА,
Воронежский институт МВД России (г. Воронеж)
адъюнкт
mari.koshkina.98@bk.ru

Научный руководитель:
Кирилл Константинович ПАНЬКО,
доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России

Научная статья
УДК 343.97

СУБКУЛЬТУРА ИНЦЕЛОВ: СУЩНОСТЬ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Инцел, субкультура инцелов, недобровольный целибат, криминологические риски, мизогиния, женоненавистничество, экстремизм, терроризм.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Субкультура инцелов представляет собой уникальное и сравнительно новое социальное явление, возникшее в интернет-пространстве в конце XX - начале XXI века. В статье рассматривается феномен этой субкультуры, анализируются ее сущность, идеология, а также формируемые ею потенциальные криминологические риски. Актуальность проведенного автором статьи исследования обусловлена ростом числа онлайн-сообществ, объединяющих людей, испытывающих сложности в установлении романтических и сексуальных отношений и проповедующих женоненавистнические взгляды, следствием которых могут быть различные проявления насилия. *Методы.* В ходе исследования использовались методы контент-анализа, анализа и синтеза, иные общенаучные и частнонаучные методы. *Результаты.* Данные, полученные в рамках исследования, демонстрируют, что субкультура инцелов характеризуется выраженной социальной дезадаптацией ее представителей, искаженным восприятием ими гендерных ролей, при этом наиболее радикальные инцелы разделяют женоненавистнические взгляды. Выявлена взаимосвязь между активностью в инцел-сообществах и повышенным риском совершения преступлений на почве ненависти, включая террористические акты. Определены криминологические риски, связанные с субкультурой инцелов: радикализация, пропаганда насилия, совершение преступлений на почве ненависти. Подчеркивается необходимость разработки эффективных стратегий профилактики и контрпропаганды, ориентированных на снижение уровня влияния субкультуры инцелов на общество и предотвращение насильственных действий, вызванных приверженностью ее идеологии. Предлагаются рекомендации по оказанию психологической помощи лицам из числа представителей субкультуры инцелов, склонным к радикализации, а также по мониторингу и регулированию онлайн-контента, способствующего распространению экстремистских идеологий.

ВВЕДЕНИЕ

Субкультура инцелов представляет собой уникальное и сравнительно новое социальное явление, возникшее в интернет-пространстве в конце XX - начале XXI века. Слово «incel» (INvoluntary CELibate) переводится как «вынужденный обет безбрачия» и в подавляющем большинстве случаев употребляется в отношении мужчин, которые не могут завязать романтические и сексуальные отношения вопреки собственным желаниям. Лица, относящие себя к числу инцелов, обращают внимание на то, что они не просто страдают от эмоциональной депривации, а ощущают себя неудачниками. Они уверены, что именно так их воспринимают и окружающие. Сообщество инцелов характеризуется специфическими взглядами на гендерные отношения,

общество и собственное положение, часто выражающимися во фрустрации, отчуждении, агрессии к обществу, мизантропии или мизогинии (женоненавистничестве).

Истоки инцел-сообществ восходят к интернет-форумам и чатам 1990-х годов, где люди с проблемами в личной жизни искали поддержки и понимания. Первоначальная идея заключалась в создании безопасного пространства для обсуждения трудностей, связанных с одиночеством и отсутствием сексуальных отношений. Со временем под воздействием социальных и культурных трансформаций, а также специфики онлайн-коммуникации эти сообщества начали транслировать более радикальные взгляды. Рост популярности инцел-форумов в 2010-х годах совпал с развитием социальных сетей и интернет-платформ, обеспе-

Maria S. KOCHKINA,
Voronezh Institute of the Ministry
of the Interior of Russia (Voronezh, Russia)
Adjunct
mari.koshkina.98@bk.ru

Scientific supervisor:

Kirill K. PANKO,
Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia

INCEL SUBCULTURE: NATURE AND CRIMINOLOGICAL RISKS

KEYWORDS. Incel, incel subculture, involuntary celibacy, terrorism, extremism, criminological risks, misogyny, hatred of women.

ANNOTATION. Introduction. *The incel subculture is a unique and relatively new social phenomenon that emerged in the Internet space in the late 20th - early 21st centuries. The article examines the phenomenon of this subculture, analyzes its essence, ideology, and potential criminological risks it generates. The relevance of the study conducted by the author of the article is due to the growing number of online communities that unite people who have difficulty establishing romantic and sexual relationships and preach misogynistic views, which can result in various manifestations of violence.*

Methods. *The study used the methods of content analysis, analysis and synthesis, and other general and specific scientific methods. Results.* *The data obtained in the study demonstrate that the incel subculture is characterized by pronounced social maladjustment of its representatives, a distorted perception of gender roles, while the most radical incels share misogynistic views. A correlation has been found between activity in incel communities and an increased risk of committing hate crimes, including terrorist acts. The criminological risks associated with the incel subculture are identified: radicalization, propaganda of violence, and hate crimes. The need to develop effective prevention and counter-propaganda strategies aimed at reducing the influence of the incel subculture on society and preventing violent acts caused by adherence to its ideology is emphasized. Recommendations are offered for providing psychological assistance to individuals from the incel subculture prone to radicalization, as well as for monitoring and regulating online content that contributes to the spread of extremist ideologies.*

чивающих анонимность общения. Это способствовало формированию изолированных групп, членов которых объединяли негативные установки в отношении женщин, общества и собственного положения в нем.

Если говорить о распространенности данной субкультуры в нашей стране, то вряд ли ее сегодня можно назвать популярной [1, с. 849]. Однако не стоит забывать, что все деструктивные иностранные явления постепенно начинают проникать и в российское общество, как, например, идеологии колумбайна¹ [2, с. 187] или гендерной самоидентификации.

МЕТОДЫ

Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, основывалось на комплексном подходе. Был проведен анализ научной литературы, посвященной вопросам социальной изоляции, гендерным проблемам и противодействию экстремизму. Осуществлен контент-анализ представленных на онлайн-платформах публикаций и дискуссий, имеющих отношение к сообществам, связанным с субкультурой инцелов. Это позволило выявить ключевые темы общения, идеологические установки и закономерности коммуникации ее представителей. Сегодня русскоязычные инцелы пользуются такими онлайн-платформами, как «Пикабу», «Reddit» (данный интернет-

ресурс заблокирован Роскомнадзором на территории Российской Федерации), «2ch» («Двач»), «4chan» («Форчан»). Для того чтобы более глубоко исследовать инцел-субкультуру, мы знакомимся с их содержанием в течение трех месяцев. Наше внимание было обращено на профили, группы и посты, которые обнаруживались посредством поиска по ключевым словам и хештегам (например: incel, chad, blackpill, foreveralone и др.). Практически на каждой из названных онлайн-платформ зарегистрированный пользователь может быть анонимным для остальных, что открывает широкие возможности для свободного выражения мыслей, отстаивания идей, публикации противоречивого и даже запрещенного к распространению контента (например призывов к дискриминации отдельных социальных групп, к насилию и т.п.).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Субкультура инцелов объединяет лиц, испытывающих длительную сексуальную и эмоциональную изоляцию. В процессе контент-анализа мы выявили следующие характерные ее черты:

1. Самоидентификация человека через статус неудачника в сфере отношений. В мировоззрении этих людей отсутствие романтических и сексуальных отношений становится не просто личной проблемой, а фактором, предопределяющим их самооценку, самовосприятие и представ-

¹ В феврале 2022 года Верховный Суд Российской Федерации признал движение «Колумбайн» террористическим и запретил его (02.02.2022 № АКПИ21-1059С) // Федеральная служба безопасности Российской Федерации: сайт // URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.

ление о своем месте в обществе. Они считают себя неудачниками (часто используют термин «loser»), и данное мнение о себе оказывает воздействие на все аспекты их жизни. Люди, идентифицирующие себя таким образом, часто не имеют других источников самооценки или значимых занятий. Они фокусируются на поиске партнера, и когда найти его не удается, чувствуют себя совершенно бесполезными. Инцелы постоянно сравнивают себя с людьми, которых считают нормальными (имеющими отношения, популярными, успешными), и видят себя неполноценными по сравнению с ними. Это приводит к возникновению зависти, обиды, отчужденности. В онлайн-сообществах инцелов такая самоидентификация находит подкрепление. Члены сообщества рассказывают о своих неудачах, поддерживают друг друга в негативном мировоззрении, критикуют тех, кто пытается предложить позитивные стратегии для изменения жизни.

2. Использование специализированного сленга и мемов, отражающих мировоззрение сообщества. Для членов сообщества инцелов сленговые слова и мемы являются своеобразными паролями. Их знание и использование сигнализирует о принадлежности к группе, а незнание – о непричастности к ней. Это создает ощущение нахождения в ситуации противостояния «своих»

и «чужих», что способствует укреплению чувства общности. В настоящее время сленг инцелов активно просачивается в среду российских подростков и закрепляется в ней. Некоторые сленговые термины, придуманные и введенные в обиход инцел-сообществом, представлены в таблице 1. Практически все неологизмы субкультуры инцелов стигматизируют представителей обоих полов, фокусируя внимание исключительно на внешних качествах и экономическом положении человека.

3. Критическое отношение к современным гендерным ролям и социальным нормам. Инцелы часто резко критикуют феминизм в любых его проявлениях, считая его ответственным за изменение гендерных ролей, которое, по их мнению, привело к ухудшению положения мужчин. Они обвиняют феминизм в формировании «матриархата», где женщины имеют неоправданные привилегии, а мужчины дискриминируются. Представители инцел-сообщества могут идеализировать традиционные представления о маскулинности, такие как сила, доминирование, независимость [3, с. 433]. Они считают, что современная социальная динамика ослабила мужчин, сделав их уязвимыми. Часто инцелы стремятся к «альфа-самцовому» поведению, которое, по их мнению, привлекает женщин.

Таблица 1

СЛЕНГОВЫЕ ТЕРМИНЫ ИНЦЕЛОВ, ВОШЕДШИЕ В ЛЕКСИКОН СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Сленговый термин	Российское произношение	Значение термина
Ascend	асенд	Перейти на другой уровень (перестать быть инцелом путем коренного изменения во внешности или вступления в романтические отношения/половой контакт)
Becky	бэки	Женщина со среднестатистической внешностью
Betabuxx	бэтабукс	Мужчина, которого экономически использует женщина, имеющая интимную связь на стороне
Brad	брэд	Мужчина с обычной внешностью, не имеющий крупного достатка
Chad	чад	Мужчина с хорошими внешними данными
Foid	фоид	Уничижительное наименование женщин, российский аналог оскорбления – «шкура»
Gigachad	гигачад	Мужчина, принадлежащий к тонкому верхнему слою общества, обладающий идеальными внешними данными
Gigastacy	гигастейси	Женский аналог гигачада
Stacy	стейси	Очень красивая, но интеллектуально неразвитая женщина, которая ведет социально неодобряемый образ жизни
Sub8	суб8	Теория, согласно которой внешность человека оценивается по десятибалльной шкале, и в случае, если оценка ниже восьми, считается, что получивший ее человек лишен возможности состоять в сексуальных отношениях
Volcel	волцел	Человек, который сделал самостоятельный выбор не вступать в романтические и сексуальные отношения

4. Радикальные представители субкультуры исповедуют идеологию женоненавистничества, оправдывают насилие по отношению к женщинам. Данная черта проявляется в убеждении, что женщины являются причиной отсутствия у инцелов сексуальных отношений и, как следствие, счастья и полноценной жизни. Это убеждение подкрепляется демонизацией женщин, приписыванием им исключительно негативных качеств, таких как поверхностность, корыстолюбие и склонность к манипуляциям [4, с. 138]. Женоненавистническая идеология в радикальных группах часто служит оправданием насилия по отношению к женщинам. Насилие представляется как возмездие за якобы причиненные женщинами страдания или как средство восстановления «справедливости» в сексуальных предпочтениях. В некоторых случаях это может оборачиваться призывами к сексуальному насилию, изнасилованиям и даже убийствам женщин. Отметим, что такие взгляды не являются нормой для всех инцелов, но их наличие в радикализованном сегменте сообщества сигнализирует о серьезности проблемы. Вот, например, что сказал инцел шведскому психиатру С. Краковски: «Мне кажется, изнасилование женщины не должно считаться серьезным преступлением. Юридически это равносильно отказу оплатить выполненную работу. Или краже. Женщины только жалуется, чтобы вызвать сочувствие. Не верю, чтобы это было так травматично, как они расписывают» [5, с. 79].

Подчеркнем, что некоторые представители российского инцел-сообщества по своим взглядам близки к идеологии ультраправых группировок. Таких, например, как движение «Мужское государство» (признано в Российской Федерации экстремистской организацией), представители которого подвергают травле женщин и некоторые этнические меньшинства. Лидер этого движения высказывался в поддержку инцел-терроризма.

Формирование рассматриваемой нами субкультуры связано с комплексом социальных, психологических и культурных факторов: социальная изоляция и дефицит навыков межличностного общения; давление современных стандартов привлекательности и успеха; влияние интернет-среды, предоставляющей онлайн-площадки для общения и обмена опытом; наличие психологических травм и низкой самооценки у представителей сообщества. Для большей части инцелов свойствен пессимистический взгляд на возможности изменения своего положения. Среди них распространены идеи фатализма, детерминизма и конспирологии, в том числе представления о необходимости справедливого распределения сексуальных предпочтений и существовании привилегий в сфере романтических отношений для определенных социальных групп.

Увеличение числа инцел-сообществ вызывает обеспокоенность из-за проявлений с их стороны агрессии по отношению к женщинам. Некоторые представители субкультуры совершали насильственные действия, мотивированные чувством мести и отчаяния [6, с. 1617]. Более того, на протяжении последнего десятилетия нарастает уро-

вень террористической угрозы, исходящей от радикальных инцелов. Они представляют серьезную опасность для общественного порядка. Перечислим несколько террористических актов, совершенных инцелами на почве ненависти к женщинам:

- в 2014 году Эллиот Роджер убил шесть человек и ранил четырнадцать в штате Калифорния;
- в 2015 году Кристофер Харпер-Мерсер убил девять человек и ранил семерых в штате Орегон, после чего совершил самоубийство;
- в 2018 году Алек Минасян в Торонто задавил на автомобиле девять человек, более десяти человек были ранены;
- в 2018 году Скотт Пол Байерле убил двух и ранил четырех человек в штате Флорида;
- в 2020 году Тобиас Ратъен убил десять человек (включая беременную женщину и собственную мать) в Ханау [5, с. 34].

Представляется, что радикализации инцелов способствует воздействие ряда характерных для их субкультуры факторов. Это чувство изоляции и отчуждения (люди, чувствующие себя оторванными от общества, испытывающие недостаток социальных связей и трудности с общением, могут быть более восприимчивыми к радикальным идеологиям, предлагающим возможность сопричастности); неудовлетворенность и разочарование (ощущение несправедливости, недовольство своим положением в обществе, неудачи в личной жизни порождают желание получить объяснения и найти виноватых); поиск идентичности и смысла (радикальные идеологии часто предлагают простую картину мира, четкие правила и цели, привлекательные для тех, кто испытывает ощущение экзистенциального вакуума); влияние онлайн-сообществ и социальных сетей (алгоритмы социальных сетей могут создавать так называемые «эхо-камеры», то есть ситуации, в которых люди подвергаются внутри закрытой среды воздействию однородной информации, усиливающей их убеждения; анонимность онлайн-пространства может способствовать радикализации самовыражения); дегуманизация «врага» (радикальные идеологии часто демонизируют определенные группы людей, представляя их как угрозу, что дает основания для оправдания насилия); применение насилия в качестве решения проблем (радикальные представители группы могут рассматривать насилие как единственный способ достижения своих целей и вовлекать в его осуществление остальных) [7, с. 108]; психологическая уязвимость (некоторые психические состояния, такие как депрессия, тревожность или расстройства личности, могут сделать человека более восприимчивым к радикальным идеологиям).

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные нами в ходе исследования сведения о субкультуре инцелов позволяют сформулировать ряд выводов о связанных с нею криминологических рисках:

1. Радикализация и насилие. Распространение женоненавистнических и агрессивных установок в инцел-сообществах повышает риск радикализации их членов, что в отдельных случаях приводит

к совершению насильственных преступлений. Известны примеры террористических актов, совершенных представителями данной субкультуры. Кроме того, инцелы могут осуществлять преследование женщин и сексуальные домогательства как в реальном мире, так и в онлайн-пространстве [8, с. 643].

2. Психологические риски и самоизоляция.

Длительная социальная изоляция и негативное восприятие себя и общества увеличивают вероятность развития психических расстройств, суицидальных наклонностей и деструктивного поведения. Хроническое состояние невольного воздержания, сопровождающееся ощущением отверженности и безнадежности, закономерно приводит к депрессии и тревожным расстройствам. Инцелы часто испытывают глубокое разочарование в себе и в жизни, что усугубляется частыми напоминаниями об их неудачах в онлайн-сообществах. Депрессия и тревожность могут быть триггерами для насилия. Чувства безысходности и отчаяния способствуют радикализации и поиску решения проблем посредством насилия. Представители рассматриваемой группы часто испытывают трудности в установлении и поддержании здоровых социальных связей. Они могут избегать общения с людьми из-за страха быть отверженными, стыда или убеждения в том, что никто не сможет их понять. Проводя большую часть времени онлайн в инцел-сообществах, они еще больше отрываются от реальности. Социальная изоляция усугубляет психологические проблемы и обуславливает формирование радикальных настроений. Отсутствие социальных связей и поддержки со стороны других людей лишает инцелов возможности познакомиться с альтернативными точками зрения и выйти из-под влияния деструктивных идеологий. Они находят утешение и поддержку в онлайн-сообществах, где могут делиться своими переживаниями и чувствовать себя понятыми. Однако эти сообщества часто лишь радикализируют своих членов и не оказывают никакой психологической помощи. Зависимость от онлайн-сообществ значительно затрудняет дерадикализацию. Инцелы, глубоко интегрированные в эти сообщества, могут быть невосприимчивы к внешнему воздействию и любым попыткам изменить их убеждения. Постоянное пребывание в среде ненависти и женоненавистничества приводит к ослаблению эмпатии, снижению уровня сочувствия другим людям, особенно к женщинам. Некоторые инцелы воспринимают женщин в качестве объектов, лишенных индивидуальности и чувств.

3. Глобальная сеть как катализатор экстремизма. Возможность сохранения анонимности пользователя и отсутствия контроля за его поведением в виртуальном пространстве способствуют распространению экстремистских идей, формированию закрытых групп и возникновению готовности к осуществлению насилия. Интернет позволяет экстремистским группам собирать огромные аудитории по всему миру, преодолевая географические барьеры. Они могут осуществлять свою пропаганду через веб-сайты, социальные сети, форумы, блоги, видеохостинги и другие онлайн-

платформы. В таких условиях люди получают возможность общаться друг с другом, делиться взглядами, чувствовать себя частью группы. Эти сообщества используются экстремистами для вербовки новых сторонников, в частности, из числа молодых и уязвимых к идеологическому воздействию людей, каковыми, к примеру, и являются инцелы. Главное, чтобы сначала человек проявил интерес к деструктивному сообществу, зашел на его сайт, оставил там свой след (например комментарий, цитату, мотиватор, лайк и т.д.). Причины посещения сайта могут быть самыми разными: модно или просто интересно; по рекомендации или приглашению друзей; наличие личностных проблем или негативных социально-психологических установок. После этого пользователь оказывается в зоне внимания модератора сообщества, и с ним начинают вести вербовочную работу [9, с. 87].

4. Социальная дезадаптация. Инцелы часто испытывают трудности с интеграцией в общество, что усугубляет социальную напряженность и способствует росту маргинализации [10, с. 92; 11, с. 96]. Для многих из них характерен дефицит социальных навыков, необходимых для успешного взаимодействия с другими людьми. Это трудности в общении, понимании невербальных сигналов, выражении эмоций и разрешении конфликтов. Их общение часто ограничивается онлайн-средой, что усугубляет проблему оторванности от окружающего мира и не позволяет интегрироваться в общество [12, с. 117; 13, с. 304].

Для того чтобы минимизировать названные нами риски, представляется необходимым вести работу в таких направлениях, как разработка программ психологической поддержки и социальной реабилитации для лиц, испытывающих социальную и сексуальную изоляцию [14, с. 39]; мониторинг и анализ интернет-сообществ с целью выявления признаков радикализации [15, с. 54]; реализация образовательных инициатив, направленных на формирование здоровых гендерных отношений и навыков коммуникации; межведомственное сотрудничество правоохранительных органов, взаимодействие социальных служб и образовательных учреждений в деятельности по профилактике и предупреждению радикализации представителей неформальных молодежных сообществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Субкультура инцелов является сложным социальным феноменом, отражающим характерные для современного общества проблемы индивидуальной и групповой изоляции, гендерных отношений и психического здоровья. Она представляет собой источник потенциальных криминологических рисков, связанных с радикализацией, агрессивным поведением и осуществлением насильственных действий. Познавание механизмов формирования этих рисков и своевременное применение профилактических мер являются важными задачами, решение которых необходимо для обеспечения общественной безопасности и социальной стабильности. Их решению должны способствовать комплексный подход к изучению

субкультуры инцелов и взаимодействие с ее представителями в целях поддержки социально уяз-

вимых категорий населения и снижения уровня формируемых их сообществами угроз. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Замышевская Е.А. Обзор новейших форм деструктивных явлений в подростковой среде // Образование, технологии и общество на смене эпох. Материалы международного конгресса. М.: МосУ им. С.Ю. Витте, 2024. С. 848-856.
2. Родивилина В.А. Несовершеннолетний и преступление. Влияние информационной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 184-193.
3. Здравомыслова Е., Темкина А. «Кризис маскулинности» в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности. М.: НЛО, 2002. С. 432-451.
4. Лысякова В.С. Женская мизогония как форма дискриминации и ее проявление в различных культурах // Социальное развитие современного российского общества: достижения, проблемы, перспективы. Сборник научных трудов. Новокузнецк: СГИУ, 2024. С. 135-141.
5. Краковски С. Инцелы. Как девственники становятся террористами / Пер. со швед. Ю. Колесовой. М.: Individuum, Эксмо, 2025. 272 с.
6. Baele S.J., Brace L., Coan T.G. From «Incel» to «Saint»: Analyzing the Violent Worldview behind the 2018 Toronto Attack // Terrorism and Political Violence. 2019. № 33 (8). P. 1607-1626.
7. Смирнов А.А. Современный правый экстремизм на западе: течения, идеология и механизмы пропаганды // Свободная мысль. 2021. № 2 (1686). С. 99-118.
8. Ging D. Alphas, Betas, and Incels: Theorizing the Masculinities of the Manosphere // Men and Masculinities. 2019. № 22 (4), P. 638-657.
9. Иудин А.А. Воронка вовлечения в деструктивные интернет-сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2 (74). С. 85-91.
10. Марченко Я.В. Связь восприятия собственной внешности и склонности к расстройствам личности у молодых людей, причисляющих себя к субкультуре инцелов // Социокультурные проблемы современного человека. Материалы Международной научно-практической конференции. Новосибирск: НГПУ, 2024. С. 90-95.
11. Шестакова И.В. Феномен инцелов в социальных сетях // Век информации. 2024. Т. 8. № 4 (29). С. 91-100.
12. Каплун О.Ю. Инцелы и социально-психологическое благополучие: роль семьи // Комплексное развитие сельских территорий в местах добычи природных ресурсов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Абакан: Хакасский НИИ языка, литературы и истории, 2024. С. 116-118.
13. Оджагов Э.Н. Криминальная активность инцелов, причины роста преступности среди инцелов, методы борьбы и профилактики инцел-сообществ // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 11 (68). С. 299-309.
14. Караяни А.Г. О роли психологии в профилактике терроризма // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 37-40.
15. Костенко К.А. Мониторинг информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» как одна из форм противодействия экстремизму в молодежной среде // Современная трансформация молодежного экстремизма, идеологии терроризма и других информационных угроз: проблемы противодействия. Материалы международной научно-практической конференции. Домодедово: ВИПК МВД России, 2022. С. 50-55.

REFERENCES

1. Zamyshvskaya Ye.A. Obzor noveyshikh form destruktivnykh yavleniy v podroostkovoy srede // Obrazovaniye, tekhnologii i obshchestvo na smene epokh. Materialy mezhdunarodnogo kongressa. M.: MosU im. S.Yu. Vitte, 2024. S. 848-856.
2. Rodivilina V.A. Nesovershennoletniy i prestupleniye. Vliyaniye informatsionnoy sredy // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2 (93). S. 184-193.
3. Zdravomyslova Ye., Temkina A. «Krizis maskulinnosti» v pozdnesovetskom diskurse // O muzhe(N)stvennosti. M.: NLO, 2002. S. 432-451.
4. Lysyakova V.S. Zhenskaya mizogoniya kak forma diskriminatsii i yeye proyavleniye v razlichnykh kul'turakh // Sotsial'noye razvitiye sovremennogo rossiyskogo obshchestva: dostizheniya, problemy, perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov. Novokuznetsk: SGIU, 2024. S. 135-141.
5. Krakovski S. Intsely. Kak devstvenniki stanovyatsya terroristami / Per. so shved. YU. Kolesovoy. M.: Individuum, Eksmo, 2025. 272 s.
6. Baele S.J., Brace L., Coan T.G. From «Incel» to «Saint»: Analyzing the Violent Worldview behind the 2018 Toronto Attack // Terrorism and Political Violence. 2019. № 33 (8). P. 1607-1626.
7. Smirnov A.A. Sovremennyy pravyy ekstremizm na zapade: techeniya, ideologiya i mekhanizmy propagandy // Svobodnaya mysl'. 2021. № 2 (1686). S. 99-118.
8. Ging D. Alphas, Betas, and Incels: Theorizing the Masculinities of the Manosphere // Men and Masculinities. 2019. № 22 (4), P. 638-657.

9. Iudin A.A. Voronka вовлечeniya v destruktivnyye internet-soobshchestva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki. 2024. № 2 (74). S. 85-91.
10. Marchenko Ya.V. Svyaz' vospriyatiya sobstvennoy vneshnosti i sklonnosti k rasstroystvam lichnosti u molodykh lyudey, prichislyayushchikh sebya k subkul'ture intselov // Sotsiokul'turnyye problemy sovremennogo cheloveka. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Novosibirsk: NGPU, 2024. S. 90-95.
11. Shestakova I.V. Fenomen intselov v sotsial'nykh setyakh // Vek informatsii. 2024. T. 8. № 4 (29). S. 91-100.
12. Kaplun O.Yu. Intsely i sotsial'no-psikhologicheskoye blagopoluchiye: rol' sem'i // Kompleksnoye razvitiye sel'skikh territoriy v mestakh dobychi prirodnnykh resursov. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Abakan: Khakasskiy NII yazyka, literatury i istorii, 2024. S. 116-118.
13. Odzhagov E.N. Kriminal'naya aktivnost' intselov, prichiny rosta prestupnosti sredi intselov, metody bor'by i profilaktiki intsel-soobshchestv // Vestnik nauki. 2023. T. 2. № 11 (68). S. 299-309.
14. Karayani A.G. O roli psikhologii v profilaktike terrorizma // Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal. 2010. № 2 (4). S. 37-40.
15. Kostenko K.A. Monitoring informatsionno-telekommunikatsionnoy seti «Internet» kak odna iz form protivodeystviya ekstremizmu v molodezhnoy srede // Sovremennaya transformatsiya molodezhnogo ekstremizma, ideologii terrorizma i drugikh informatsionnykh ugroz: problemy protivodeystviya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2022. S. 50-55.

© Кочкина М.С., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кочкина М.С. Субкультура инцелов: сущность и криминологические риски // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 33-39.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Оксана Николаевна ПАХОМОВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID0009-0003-9830-0449
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-
исполнительного права Калининградского филиала
oksana.39rus@mail.ru

Научная статья
УДК 343.3/.7:351.765.4

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Животное, жестокое
обращение с животным, уголовная ответственность,
административная преюдиция, правовое регулирование.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Несмотря на проводившуюся в 2019-2025 годах модернизацию законодательства в сфере защиты животных, она не привела к полной ликвидации системных дефектов правового регулирования в названной сфере. Введенная в 2023 году административная ответственность за нарушения нормативов содержания и использования животных не была подкреплена соответствующими изменениями в уголовном законе. Сложившаяся правовая неопределенность игнорирует превентивный потенциал института административной преюдиции, что существенно ограничивает эффективность правового механизма защиты животных. *Методы.* В ходе исследования, основные результаты которого излагаются в настоящей статье, использовались общенаучные методы, статистический метод, методы описания, абстрагирования и обобщения. *Результаты.* В рамках исследования были рассмотрены различные научные подходы к совершенствованию мер защиты животных. Отмечено, что за последние шесть лет наибольшая криминальная активность в изучаемой сфере приходилась на лиц двух возрастных категорий: 30-49 лет, 50 лет и старше (61,17% от общего числа осужденных по ст. 245 УК РФ; 58,02% от общего числа осужденных по ст. 258.1 УК РФ). При этом доля несовершеннолетних осужденных минимальна (ст. 245 УК РФ – 0,1%; ст. 258.1 УК РФ – 0%). Поэтому научные дискуссии о снижении возраста уголовной ответственности за жестокость в отношении животных до 14 лет не имеют достаточных оснований. Исследование выявило низкую эффективность правоприменительной практики в рассматриваемой сфере: доля осужденных составляет только 30% от числа зарегистрированных лиц, совершивших преступления данной категории. Совершенствование правового регулирования охраны диких животных необходимо не только из соображений гуманности, но и для обеспечения общественной безопасности, защиты жизни и здоровья человека. Автор предлагает ввести административную ответственность за незаконные приобретение, содержание и сбыт диких животных, а также уголовную ответственность для лиц, повторно совершающих эти деяния после административного наказания. По итогам исследования обоснована целесообразность включения в уголовное законодательство норм, устанавливающих ответственность за повторное совершение деяний, предусмотренных ст.ст. 8.52, 8.53 и 8.54 КоАП РФ. Это позволит приблизиться к формированию в рассматриваемой сфере согласованного механизма правового регулирования.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы защиты животных ввиду своей значимости и актуальности остаются предметом активной дискуссии в научном сообществе и в общественно-политическом пространстве России. Многочисленные ученые, законодатели и представители общественности озвучивают свои мнения по поводу путей решения этих проблем, порой противоположные, предлагают к рассмотрению различные стратегии обеспечения охраны животного мира.

Задачей проведенного нами исследования было осуществление анализа юридического механизма защиты животных от жестокого обращения в целях определения направлений его совершенствования.

На различных уровнях обсуждения проблем защиты животных – научном, общественном, законодательном – наблюдается столкновение взглядов и интересов зоозащитников, волонтеров, гражданских активистов, членов сообществ охотников и рыболовов, коммерсантов. Это обстоятельство препятствует выработке единой государственной политики в данной сфере, которая сбалансировала бы позиции всех заинтересованных сторон.

Оценка эффективности правовых механизмов, применяемых для обеспечения защиты животных, обусловливается комплексом социальных, этических и экологических вызовов современности. Несмотря на обширность перечня нормативных актов, посвященных вопросам обращения с животными, их правовое регулирование остается рамочным, фрагментарным, противоречивым. В нем проявляются значительные пробелы. Это касается, например, критериев содержания диких и экзотических животных в частных и коммерческих условиях, их использования в индустрии развлечений.

С одной стороны, это создает почву для бесконтрольной эксплуатации животных и жестокого обращения с ними, что противоречит принципам общественной нравственности. С другой стороны, недостаточно высокий уровень правовой защиты животных предопределяет возможность возникновения опасности для жизни и здоровья человека. Нарушение условий содержания животных, непрофессиональный уход за ними, отсутствие ветеринарного контроля повышают риски зоонозных заболеваний, что в современных условиях может способствовать формированию эпидемиологических угроз.

Вместе с тем следует иметь в виду, что физические страдания животного, содержащегося в ненадлежащих условиях, нередко провоцируют его агрессивное поведение. Это приводит к травмированию и гибели людей, как в случаях с крупными хищниками, находящимися в частных владениях, а также зоотеатрах, цирках, зоопарках, где нарушаются правила их содержания.

Таким образом, очевидно, что необходимость совершенствования правового регулирования в рассматриваемой нами сфере обусловлена не только соображениями гуманности, задачами охраны общественной нравственности, но и требованиями, касающимися обеспечения безопасности и общественного порядка.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования был использован общенаучный диалектический метод, который предполагает всестороннее и глубокое изучение социальных явлений, а также анализ связей и противоречий между ними. Этот метод применялся для изучения уголовно-правового механизма защиты животных как системы, состоящей из норм уголовного законодательства, а также для выявления взаимосвязи между ними и смежными нормами административного права. Динамика процессов, свидетельствующих об актуальности защиты животных от жестокого обращения, характерные для них тенденции, эффективность действующих правовых норм исследовались с применением статистического метода. Для сбора фактического материала о жестоком обращении с животными применялся метод описания. Кроме того, для систематизации и обобщения установленных фактов, а также их толкования применялись методы абстрагирования и обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В современных исследованиях, посвященных вопросам совершенствования правового механизма охраны животных, значительное внимание уделяется этапам развития отечественного законодательства в этой сфере, а также анализу зарубежного опыта.

Так, например, Р.В. Свиридов отмечает поэтапную эволюцию юридической конструкции нормы об ответственности за жестокое обращение с животными советского периода, выявляет тенденцию к смягчению санкций, включая введение альтернативных видов наказания [1, с. 267]. А.С. Строк подчеркивает одновременное развитие в советском государстве уголовно-правовых и административно-правовых механизмов охраны животных. В частности, он указывает на то, что советское законодательство к концу 1980-х годов предусматривало административную преюдицию уголовно-правовой ответственности за жестокое обращение с животными, но такая конструкция не имела существенного превентивного значения [2, с. 248]. Р.Д. Шарапов провел системный анализ конструктивных признаков жестокого обращения с животными. Им было обращено внимание на то, что к числу случаев жестокого отношения к животным нельзя относить их убой в хозяйственно-бытовых и санитарных целях, а также при исполнении религиозных обрядов [3, с. 60].

Исследователи зарубежного опыта считают возможной адаптацию некоторых его достижений к отечественному праву. Опираясь на результаты обобщения правоприменительной практики ряда иностранных государств, Р.Р. Отбоева называет приоритетными такие направления профилактической работы в сфере защиты животных, как широкое информирование граждан, просвещение, налаживание взаимодействия между государственными и общественными организациями, средствами массовой информации. Кроме того, по ее мнению, целесообразно введение в России уголовной ответственности за организацию боев животных, их натравливание друг на друга с целью причинения им страданий, за незаконное из-

Oksana N. PAKHOMOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0003-9830-0449

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology

and Criminal Executive Law of the Kaliningrad Branch

oksana.39rus@mail.ru

CRIMINAL LEGAL MECHANISM FOR THE PROTECTION OF ANIMALS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT

KEYWORDS. Animal, cruel treatment of animals,
criminal liability, administrative prejudice, legal regulation.

ANNOTATION. Introduction. Despite the modernization of legislation in the field of animal protection carried out in 2019-2025, it did not lead to the complete elimination of systemic defects in legal regulation in this area. Administrative liability for violations of standards for the keeping and use of animals introduced in 2023 was not supported by corresponding changes in the criminal law. The current legal uncertainty ignores the preventive potential of the institution of administrative prejudice, which significantly limits the effectiveness of the legal mechanism for animal protection. **Methods.** In the course of the study, the main results of which are presented in this article, general scientific methods, statistical method, methods of description, abstraction and generalization were used. **Results.** The study considered various scientific approaches to improving animal protection measures. It is noted that over the past six years, the greatest criminal activity in the area under study was among individuals of two age categories: 30-49 years old, 50 years old and older (61.17% of the total number of those convicted under Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation; 58.02% of the total number of those convicted under Article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, the share of minors convicted is minimal (Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation - 0.1%; Article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation - 0%). Therefore, scientific discussions about lowering the age of criminal responsibility for cruelty to animals to 14 years do not have sufficient grounds. The study revealed the low efficiency of law enforcement practice in the area under study: the share of convicted persons is only 30% of the number of registered persons who committed crimes of this category. Improving the legal regulation of the protection of wild animals is necessary not only for reasons of humanity, but also to ensure public safety, protect human life and health. The author proposes to introduce administrative liability for the illegal acquisition, keeping and sale of wild animals, as well as criminal liability for persons who repeatedly commit these acts after administrative punishment. Based on the results of the study, the expediency of including in the criminal legislation norms establishing liability for repeated commission of acts provided for in Articles 8.52, 8.53 and 8.54 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is substantiated. This will bring us closer to the formation of a coordinated mechanism of legal regulation in the area under consideration.

готовление материалов или предметов со сценами жестокого обращения с животными [4, с. 305]. В.А. Копилян и Т.В. Копилян призывают к разработке «специальной политики по борьбе с насилием в отношении животных», имея в виду внедрение в законодательство мер не столько репрессивно административного или уголовного характера, сколько оздоровительного и коррекционного воздействия на общество [5, с. 152].

Ряд авторов предлагают понизить до четырнадцати лет возраст уголовной ответственности за жестокое обращение с животными, квалифицируемое по ст. 245 УК РФ [6, с. 262; 7, с. 362; 8, с. 77]. Некоторые ученые считают обязательным лечение детей, жестоко обращающихся с животными, если они не достигли возраста уголовной ответственности и [9, с. 67]. Авторы этой инициативы ссылаются на многочисленные публикации в средствах массовой информации и сети Интернет, описывающие случаи жестокого обращения не-

совершеннолетних с животными (издевательства над птицами, кошками, щенками и т.д.).

Действительно, распространение таких материалов создает эффект «ментального заражения», в первую очередь поражающий подростковую и детскую аудиторию. Особую тревогу вызывает распространение в цифровом пространстве идеологии сообществ, пропагандирующих жестокое обращение с животными. В социальных сетях формируются группы (в том числе закрытые), где пользователи, среди которых есть и несовершеннолетние, обсуждают способы издевательства над животными¹. Подобного рода интернет-ресурсов становится всё больше, распространяемый ими контент постоянно обновляется. Спрос рождает предложение, а потребителями этой опасной продукции зачастую становятся дети². И это порой приводит к возникновению девиаций в их поведении. Типичным примером является случай, о котором 5 августа 2024 года сообщил в полицию

¹ Дети ведут канал, на котором издеваются и зверски убивают животных // ВКонтакте: сайт // URL: https://vk.com/wall-120007903_126623.

² См., например: Требуем наказать 14-летнюю живодерку, которая отрезала голову маленькому котенку // ВКонтакте: сайт // URL: https://vk.com/wall-207504397_113091?ysclid=mehnr12fpc246719145; «С улыбкой на лице. В Алтайском крае ученица расчленила топором живого котёнка // Life: сайт. 23.07.2018 // URL: <https://life.ru/p/1137320>; и др.

житель Белоглинского района Краснодарского края. Мужчина обратился к правоохранителям после того, как обнаружил в Интернете видео, на котором несовершеннолетняя девочка хладнокровно убивает ножом котенка, отрезая ему голову. Личность подростка была установлена, оказалось, что ей всего 14 лет. Как рассказали полицейским ее родители, их дочь убила животное по приказу требовавшей подтверждения преданности подруги, с которой та познакомилась на интернет-платформе¹.

В целом можно говорить о комплексе причин, толкающих несовершеннолетних на жесткое обращение с животными: это стремление к популярности и признанию среди сверстников, недостаток внимания родителей, отсутствие разумного воспитательного воздействия со стороны образовательных организаций, правоохранительных органов и др. Проблема насилия над животными в России остается актуальной и требует комплексного подхода к ее решению. Для эффективной профилактической работы необходима надлежащая правовая база [10, с. 29]. По мнению ряда экспертов, одним из шагов в этом направлении может быть снижение возраста уголовной ответственности за жесткое обращение с животными до четырнадцати лет. Некоторые исследователи отмечают, что «чаще всего на животных нападают молодые люди в возрасте от 14 до 17 лет (более 40%) и мужчины от 25 до 30 лет (около 30%)» [11, с. 70]. Впрочем, с другой стороны, в научном сообществе высказывается и мнение о том, что точных данных о преступности в сфере обращения с животными нет [6, с. 262].

Если мы обратимся к опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации официальной статистике, отражающей социально-демографические характеристики осужденных за совершение преступлений, квалифицированных по ст. 245 УК РФ, то заметим, что лиц в возрасте от 14 до 17 лет в 2019 году среди них не было, в 2020 году доля таковых составила 1,38%, в 2021 – 2,45%, в 2022 – 1,71%, в 2023 – 0%, в 2024 – 1,05%². Из этого следует, что среди осужденных за жестокое обращение с животными доля несовершеннолетних за последние шесть лет в среднем не превышала 1,1%. Что касается лиц в возрасте от 18 до 24 лет, то их в общем количестве осужденных по ст. 245 УК РФ в 2019 году было 5,93%, в 2020 – 8,28%, в 2021 – 6,74%, в 2022 – 6,86%, в 2023 – 1,90%, в 2024 – 4,19%. Таким образом, в среднем за шесть лет – 5,65%. Доля лиц в возрасте от 25 до 29 лет в 2019 году оказалась равной 14,81%, в 2020 – 8,28%, в 2021 – 7,36%, в 2022 – 10,29%, в 2023 – 6,33%, в 2024 – 6,28%. В среднем за шесть лет – 8,89%. Наибольшую долю составляют лица в возрасте от 30 до 49 лет: в 2019 году – 58,52%, в 2020 – 56,52%, в 2021 – 65,53%, в 2022 – 57,14%, в 2023 – 66,46%, в 2024 – 62,8%. В среднем

за шесть лет – 61,17%. Доля лиц в возрасте от 50 лет и старше: 2019 год – 20,74%, 2020 – 25,4%, 2021 – 17,73%, 2022 – 24%, 2023 – 25,32%, 2024 – 25,66%. В среднем за шесть лет – 23,19% (см. таблицу 1).

Схожую социально-демографическую характеристику формируют статистические данные в отношении лиц, осужденных по ст. 258.1 УК РФ (незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации). Лица в возрасте от 18 до 24 лет: 2019 год – 5,76%, 2020 – 5%, 2021 – 7,1%, 2022 – 7,22%, 2023 – 4,95%, 2024 – 4,39% (от общего числа осужденных по данной статье кодекса). В среднем за шесть лет – 8,32%. Лица в возрасте от 25 до 29 лет: 2019 год – 11,52%, 2020 – 12,08%, 2021 – 9,28%, 2022 – 7,22%, 2023 – 5,45%, 2024 – 4,39%. В среднем за шесть лет – 8,32%. Лица в возрасте от 30 до 49 лет: 2019 год – 58,85%, 2020 – 54,17%, 2021 – 61,50%, 2022 – 62,22%, 2023 – 59,41%, 2024 – 51,95%. В среднем за шесть лет – 58,02%. Лица в возрасте от 50 лет и старше: 2019 год – 23,28%, 2020 – 28,75%, 2021 – 22,09%, 2022 – 23,06%, 2023 – 30,20%, 2024 – 36,83%. В среднем за шесть лет – 27,37%. За весь период 2019-2024 годов ни один несовершеннолетний не был осужден по ст. 258.1 УК РФ (см. таблицу 2).

Итак, изучение статистики за последние шесть лет выявило схожесть социально-демографических признаков лиц, осужденных по ст.ст. 245 и 258.1 УК РФ, с незначительными отклонениями. Результаты анализа свидетельствуют, что наибольшую долю в структуре осужденных в обоих случаях составляют лица в возрасте от 30 до 49 лет: ст. 245 УК РФ – 61,17%, ст. 258.1 УК РФ – 58,02%. Вторая по размеру группа представлена лицами в возрасте от 50 лет и старше: 23,19% и 27,37% осужденных по ст. 245 УК РФ по ст. 258.1 УК РФ соответственно. Далее следует возрастная группа лиц от 25 до 29 лет (ст. 245 УК РФ – 8,89%, ст. 258.1 УК РФ – 8,32%). За ними – от 18 до 24 лет (ст. 245 УК РФ – 5,65%, ст. 258.1 УК РФ – 8,32%). Наименьшую долю среди осужденных по ст. 245 УК РФ составляют лица в возрасте от 14 до 17 лет (1,10%), в то время как по ст. 258.1 УК РФ в этой возрастной группе не был осужден ни один человек.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что наибольшую криминальную активность в рассматриваемой нами сфере проявляют лица в возрасте от 30 до 49 лет и старше 50 лет. В связи с этим упомянутые ранее предложения некоторых авторов научных работ о снижении возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными до 14 лет, по нашему мнению, не имеют достаточных оснований.

За последние шесть лет общее число осужденных по ст. 245 УК РФ выросло на 41,48%, по ст. 258.1

¹ Подросток убила котенка в знак дружбы // ВКонтакте: сайт // URL: https://vk.com/wall-89916590_892131?ysclid=mesdm213zi927675646&z=photo-89916590_457707811%2F071381e2f44f8e2ebc.

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019-2024 гг.

Форма № 11.1. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт // URL: <https://cdep.ru/?id=79>.

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОСУЖДЁННЫХ ПО СТ. 245 УК РФ ЗА 2019-2024 ГОДЫ¹**

Годы	Осуждено по статье 245 УК РФ, ч. 1 / ч. 2	Осуждено женщин	В возрасте 14-17 лет	В возрасте 18-24 лет	В возрасте 25-29 лет	В возрасте 30-49 лет	В возрасте 50 лет и старше	Постоянные жители данной местности	Другие жители иной местности	Имеющие высшее проф. образование	Имеющие среднее проф. образование	Имеющие среднее общее образование	Имеющие основное общее, начальное образование, не имеющие образования
2019	73	5	0	3	10	43	17	71	3	4	31	21	17
	62	8	0	5	10	36	11	58	2	3	20	23	16
2020	88	7	1	7	6	51	23	86	2	6	37	30	15
	57	6	1	5	6	31	14	56	1	3	22	18	14
2021	103	9	2	7	5	70	19	98	5	6	35	37	25
	60	12	2	4	7	37	10	60	0	3	21	20	16
2022	104	6	1	7	10	59	27	97	7	7	37	36	24
	71	13	2	5	8	41	15	62	7	5	23	24	19
2023	95	15	0	1	5	61	28	87	7	7	50	28	10
	63	10	0	2	5	44	12	62	1	9	24	17	13
2024	121	20	0	5	9	78	29	113	8	15	52	35	19
	70	11	2	3	3	42	20	68	2	6	34	21	9

УК РФ – на 59,27%. В связи с этим А.П. Фирсова отмечает, что в 2021 году число зарегистрированных посягательств, квалифицируемых по ст. 245 УК РФ, превышало число осуждённых в три раза, а в 2022 году – в шесть раз [12, с. 700]. В 2023 и 2024 годах в среднем число осуждённых по делам данной категории не превышало 30% от числа зарегистрированных преступлений². На наш взгляд, одной из причин низкой эффективности правоприменительной практики в этой сфере являются пороки существующей правовой базы, которая имеет декларативный, сложный, межотраслевой бланкетный характер. Специалисты-криминологи неоднократно подчеркивали наличие такого рода структурных недостатков в нормативно-правовой

базе, регулирующей деятельность, связанную с охраной животных [13, 14, 15].

В рамках исследования нами были рассмотрены некоторые вопросы, требующие глубокой научной проработки в целях подготовки предложений по совершенствованию законодательства. В частности, в последние годы обращает на себя внимание бесконтрольный рост масштабов разведения диких животных в неволе, что представляет серьезную проблему³. Медведи, волки, львы, пантеры, леопарды, еноты и другие животные, относящиеся к видам дикой природы, свободно продаются и покупаются в Интернете и на рынках. Часто детенышей таких животных приобретают люди, не обладающие знаниями и навыками для

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019-2024 гг.

Форма № 11.1. Отчет о демографических признаках осуждённых по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт // URL: <https://cdep.ru/?id=79>.

² Количество зарегистрированных преступлений о жестоком обращении с животными в России снижается – МВД // РАПСИ: сайт. 27.03.2025 // URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20250327/310738281.html.

³ В России растет число разведенных в неволе диких животных. Объявлений об аренде и продаже животных в Сети сотни. Выбор обширный – от львенка до кенгуренка. Продавцы открыто называют цены. «Продам трехнедельную львицу за 160 000 рублей», «Львенок в аренду за две тысячи в час. Порадуйте своих детишек» (Юдкина Д. «Уже не боятся наказания». В России процветает новый вид рабства // РИА-Новости: сайт. 09.12.2024 // URL: <https://ria.ru/20241209/zhivotnye-1987804973.html>.

Таблица 2

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОСУЖДЁННЫХ ПО СТ. 258.1 УК РФ ЗА 2019-2024 ГОДЫ¹**

Годы	Осуждено по статье 258.1 УК РФ, ч.ч. 1-3.1	Осуждено женщин	В возрасте 14-17 лет	В возрасте 18-24 лет	В возрасте 25-29 лет	В возрасте 30-49 лет	В возрасте 50 лет и старше	Постоянные жители данной местности	Другие жители иной местности	Имеющие высшее проф. образование	Имеющие среднее проф. образование	Имеющие среднее общее образование	Имеющие основное общее, начальное образование, не имеющие образования
2019	211	30	0	13	23	120	55	191	19	18	64	100	29
	1	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0
	1	1	0	0	0	1	0	1	0	0	1	0	0
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	30	2	0	1	5	21	3	22	8	4	15	10	1
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2020	189	23	0	8	20	102	59	171	17	9	59	91	30
	1	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	0	0
	3	0	0	1	1	1	0	0	3	0	1	2	0
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	46	3	0	3	7	26	10	41	5	11	14	13	8
	1	0	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0
2021	204	31	0	11	10	120	63	193	11	25	70	76	33
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	4	0	0	0	1	1	2	4	0	1	2	1	0
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	155	14	0	15	23	102	15	141	14	27	45	56	27
	3	0	0	0	0	2	1	3	0	0	1	2	0
2022	191	25	0	11	11	114	55	171	20	29	50	80	32
	1	0	0	0	0	0	1	1	0	0	1	0	0
	7	0	0	0	1	6	0	7	0	4	1	1	1
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	161	14	0	15	15	104	27	144	17	32	45	58	26
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2023	251	45	0	9	12	138	92	233	18	26	59	119	47
	3	0	0	0	0	3	0	3	0	1	0	2	0
	8	1	0	0	0	5	3	6	2	5	1	2	0
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	142	9	0	11	10	94	27	129	12	22	56	37	27
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2024	266	55	0	10	17	131	108	252	14	41	70	119	36
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	4	1	0	0	1	2	1	3	1	4	0	0	0
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	138	11	0	8	10	79	41	127	10	20	40	48	30
	2	1	0	0	0	1	1	2	0	2	0	0	0

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019-2024 гг. Форма № 11.1. Отчет о демографических признаках осуждённых по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт // URL: <https://cdep.ru/?id=79>.

их содержания. Это оборачивается значительным ущербом как для отдельных животных, так и для целых экосистем. Когда такие животные привлекают внимание общественности, зоозащитников и волонтеров, у них может появиться шанс на спасение. Особенно высок спрос на новорожденных львят и тигрят, а енотов покупают в качестве домашних питомцев для детей. Как свидетельствуют зоозащитники, нередко владельцы, наигравшись с маленькими хищниками, пытаются избавиться от подросших особей и выставляют их на продажу. В этих случаях животные могут оказаться в развлекательных центрах, кафе, на притравочных станциях, где их содержат в клетках, ограничивающих подвижность. Для кормления таких животных зачастую используется пища, не соответствующая их биологическим потребностям. Неправильные условия содержания приводят к развитию множества заболеваний, что обрекает животных на страдания и мучительную смерть.

Проблемы разведения диких животных в неволе наглядно иллюстрирует случай с львенком Тайсоном. В конце 2024 года волонтеры из парка львов «Земля Прайда», расположенного в Подмоскowie, приняли его с серьезными травмами, включая повреждения позвоночника и переломы всех четырех лап. Львенок не мог самостоятельно передвигаться и принимать пищу. В течение нескольких месяцев специалисты парка и ветеринарные врачи помогали ему восстановиться. К лету 2025 года появилась положительная динамика: Тайсон начал передвигаться, взаимодействовать с другими животными. Однако в августе его состояние внезапно ухудшилось, и он умер. В телеграмм-канале парка было опубликовано сообщение, в котором подчеркивается, что история Тайсона служит примером того, что дикие животные не должны использоваться в качестве домашних питомцев или для коммерческих целей, таких как проведение фотосессий¹.

Этот и многочисленные подобные ему случаи обуславливают необходимость более жесткого и согласованного межотраслевого правового регулирования в области обращения с дикими животными и повышения осведомленности общества о последствиях их эксплуатации. В настоящее время в парках и приютах содержатся сотни львят, тигрят, медвежат и детенышей животных других видов, которым требуются защита и надлежащие условия содержания.

Проблемы защиты жизни и здоровья диких животных сегодня гораздо актуальнее, чем может показаться на первый взгляд. Сложившаяся в этой сфере ситуация требует пристального внимания и всесторонней коррекции, основанной на четкой законодательной регламентации механизмов правовой ответственности и оптимизации профилактической работы государственных органов в сотрудничестве с общественными структурами. В России функционируют десятки организованных

волонтерами приютов, существующих на добровольные пожертвования граждан. Например, в Калининградской области, реабилитацией диких животных, пострадавших от антропогенных факторов, занимается автономная некоммерческая организация Институт «Биосфера Балтики». Кроме того, ее волонтеры участвуют в реализации социально-полезных проектов и иницируют создание реабилитационных центров. Предполагается, что эти центры будут основой для профессионального решения задач восстановления животных, создания новых рабочих мест для специалистов в области ветеринарии, а также для разработки научных и образовательных проектов. К сожалению, в большинстве регионов страны полноценное функционирование таких реабилитационных центров остается затруднительным. Необходимы меры по улучшению правового регулирования подобного рода деятельности, расширению поддержки со стороны государства и взаимодействия с общественностью. Вместе с тем многие проблемы связаны с отсутствием четких критериев правомерности содержания диких и экзотических животных в частных и коммерческих условиях, а также их использования в индустрии развлечений.

Действующий уголовно-правовой механизм защиты животных не ограничивается нормами, предусмотренными ст. 245 УК РФ. Он включает в себя и положения ст. 258.1 УК РФ. Каждая из этих статей кодекса по-своему решает задачу охраны животных, исходя из особенностей составов предусмотренных ими преступлений. Действие ст. 258.1 УК РФ, которая была включена в уголовный закон в 2013 году, направлено на охрану специального предмета, а именно особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Анализируя проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных пород животных, М.В. Бавсун еще в 2014 году отмечал необходимость дальнейшего совершенствования основного и квалифицированного составов преступлений, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ [16, с. 53]. В 2019 году законодателем в нее были внесены изменения: из ч. 2.1. исключен такой признак специального субъекта, как совершение деяния должностным лицом, в ч. 3 добавлен признак совершения деяния группой лиц по предварительному сговору. С 20 января 2026 года внесены изменения и в ст. 245 УК РФ: введен дополнительный вид наказания – принудительные работы².

Проведенный нами в ходе исследования анализ регламентации правового режима защиты животных выявил наличие масштабного пакета межотраслевых нормативных актов федерального и регионального уровня. Эти акты носят бланкетный характер относительно норм уголовного и

¹ На данном канале проходит виртуальная жизнь Парка львов «Земля Прайда»: URL: https://t.me/s/lions_moscow?before=1854.

² Федеральный закон от 23.07.2025 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

административного законодательства, предусматривающих ответственность за жестокое обращение с животными. В их числе Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»; Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Закон Российской Федерации от 14 мая 1993 г. № 4979-1 «О ветеринарии»; Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»; Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. № 475-ФЗ «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Приказ Минприроды России от 24 марта 2020 г. № 162 «Об утверждении Перечня объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации» и др. Однако, несмотря на наличие обширной правовой базы, в данной сфере сохраняются системные проблемы, препятствующие эффективной ее реализации. В частности, бланкетный характер многих норм создает правовую неопределенность и затрудняет правоприменение. В законах не дается общего определения животного как живого существа, подлежащего правовой охране. Каждый из них оперирует терминами, исходя из предмета своего регулирования и круга общественных отношений, на которые его действие рассчитано. Например, Федеральный закон «О животном мире»: «Объект животного мира – организм животного происхождения (дикое животное)»; Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «Охотничьи ресурсы – объекты животного мира, которые в соответствии с законодательством используются в целях охоты». Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «Дикие животные в неволе, домашние животные, животные без владельца».

Отправной точкой масштабных изменений послужило принятие Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Для реализации целей и задач данного закона в 2023 году административное законодательство было дополнено путем включения в КоАП статей 8.52 «Несоблюдение требований к содержанию животных», 8.53 «Несоблюдение требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию», 8.54 «Несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными владельцами приютов для животных и деятельности по обращению с животными без

владельцев»¹. Этими статьями за совершение правонарушений предусмотрены санкции в виде штрафов для граждан, должностных лиц, юридических лиц в размере от полутора до двухсот тысяч рублей в зависимости от статуса субъекта и наличия отягчающих обстоятельств. Основаниями для административной ответственности согласно нормам, закрепленным перечисленными выше статьями КоАП, являются:

- несоблюдение общих требований к содержанию животных, домашних животных;
- жестокое обращение с животными (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ);
- нарушение требований законодательства в области обращения с животными, повлекшее причинение вреда жизни или здоровью граждан либо имуществу (при отсутствии признаков состава преступления);
- несоблюдение требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию;
- осуществление деятельности по содержанию и использованию животных в зоопарках, зоосадах, цирках, зоотеатрах, дельфинариях, океанариумах без лицензии либо с нарушением требований и условий лицензии;
- несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными владельцами приютов для животных;
- несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев.

Данные законодательные новеллы, хотя и направлены на защиту животных, не всегда учитывают специфику и взаимосвязь норм административного и уголовного законодательства, что приводит к коллизиям и недостаточной эффективности правоприменительной практики. Для достижения реальных результатов в защите животных необходимо не только совершенствование нормативной базы, но и обеспечение согласованности межотраслевых норм, что позволит создать более устойчивый правовой механизм защиты животных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования действующего в России механизма правовой защиты животных и его эффективности позволили сформулировать следующие выводы:

1. Анализ актуальных статистических данных выявил схожесть социально-демографических признаков лиц, осужденных по ст. 258.1 УК РФ, и лиц, осужденных по ст. 245 УК РФ, с незначительными отличиями. Наибольшую долю в структуре группы, которую составляют осужденные по ст. 245 УК РФ, образуют лица в возрасте от 30 до 49 лет – 61,17%. Представители этого возраста преобладают и в структуре группы, которую составляют осужденные по ст. 258.1 УК РФ, – 58,02%. Следующая по численности возрастная группа – лица от 50 лет и старше (ст. 245 УК РФ – 23,19%, ст. 258.1 УК РФ – 27,37%). Далее – лица в возрасте от 25

¹ Федеральный закон от 13.06.2023 № 230-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

до 29 лет (ст. 245 УК РФ – 8,89%, ст. 258.1 УК РФ – 8,32%); лица в возрасте от 18 до 24 лет (ст. 245 УК РФ – 5,65%, ст. 258.1 УК РФ – 8,32%). Меньше всего среди осуждённых по ст. 245 УК РФ лиц в возрасте от 14 до 17 лет – 1,10%, при этом по ст. 258.1 УК РФ не был осуждён ни один человек. Эти данные свидетельствуют о наибольшей криминальной активности лиц в возрасте от 30 до 49 лет и старше 50 лет. Поэтому для реализации доктринальных инициатив о снижении возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными до 14 лет, по нашему мнению, не имеется достаточных оснований.

2. Отмечается низкая эффективность правоприменительной практики в исследуемой сфере. Число осуждённых по делам рассматриваемой категории составляет не более 30% от общего количества зарегистрированных лиц, совершивших эти преступления.

3. В правовой механизм защиты животных включены нормы административного и уголовного законодательства, а также имеющие межотраслевой характер. Эффективность реализации данного механизма снижают характерные для него в настоящее время структурные пробелы. В 2023 году КоАП РФ был дополнен статьями 8.52 «Несоблюдение требований к содержанию животных», 8.53 «Несоблюдение требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию», 8.54 «Несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными владельцами приютов для животных и деятельности по обращению с животными без владельцев». Считаем необходимым включить соответствующие правовые конструкции в УК РФ в виде норм с административной преюдицией.

4. Дикие животные как объект охраны, формально закреплённый в федеральном законодательстве и исследуемый в научной литературе, обладают специфическим правовым статусом. Действующие нормы административного и уголовного законов не в полной мере учитывают

свойственные данному объекту особенности. Потребность в совершенствовании правового регулирования в этой сфере обусловлена не только соображениями гуманности, но и необходимостью решения задач по охране общественной нравственности, обеспечению биологической и общественной безопасности, охране общественного порядка, а также защите жизни и здоровья человека. В целях устранения правовых пробелов предлагаем предусмотреть административную ответственность за незаконные приобретение, содержание и сбыт диких животных. Квалифицирующие признаки должны соотноситься с предметом правонарушения (хищное животное), специальными признаками его субъекта (использование служебного положения; совершение деяния в составе группы лиц по предварительному сговору). Одновременно целесообразно ввести уголовную ответственность за совершение такого же деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за незаконные приобретение, содержание, сбыт диких животных, закрепив в кодексе аналогичные перечисленным выше квалифицирующие признаки.

Эффективность правового механизма противодействия жестокому обращению с животными не только отражает гуманность и цивилизованность общества, но и влияет на решение прикладных задач по защите общественной нравственности, жизни и здоровья человека, обеспечению биологической и общественной безопасности, охране общественного порядка. Реализация предлагаемых нами мер по согласованию норм административного и уголовного законодательства, включённых в данный механизм, будет способствовать выполнению им важных воспитательной и превентивной функций, а также укреплению правопорядка. Кроме того, это позволит создать сбалансированную систему защиты животных от насилия со стороны человека, способную адекватно и своевременно реагировать на вызовы времени и обеспечивать безопасность общества. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Свиридов Р.В. Развитие нормы об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными по законодательству советского периода // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 265-268.
2. Строк А.С. История становления и развития института уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в России // Цивилизация знаний: российские реалии. Цивилизационные задачи современного правоведения: наука, образование, практика (стратегическая панель). Сборник трудов Международной научной конференции. М.: Российский новый университет, 2022. Т. 1. С. 246-252.
3. Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 51-60.
4. Отбоева Р.Р. Предупреждение жестокого обращения с животными // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 3 (41). С. 302-307.
5. Копилян В.А., Копилян Т.В. Административная ответственность за жестокое обращение с животными в Республике Беларусь и Российской Федерации // Актуальные проблемы сравнительного правоведения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2017. С. 150-153.
6. Сворцова О.В., Меметова Л.Р. Социально-нравственная обусловленность установления уголовной и административной ответственности за правонарушения в области обращения с животными // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 1. С. 259-269.

7. Шумайлова Ю.А. О вопросе снижения возраста уголовной ответственности за деяния, связанные с жестоким обращением с животными // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2023. Т. 4. № 15. С. 358-362.
8. Абдрахманова Е.Р., Савельев И.С. Юридическая ответственность за жестокое обращение с животными: проблемы и перспективы // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. №2. С. 76-79.
9. Осипова Н.Р., Васильев А.М. Актуальные вопросы криминализации жестокого обращения с животными: особенности законодательной конструкции и квалификации // Вестник науки и творчества. 2024. № 5 (96). С. 65-68.
10. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
11. Желтова Е.Д. Проблемы правовой оценки жестокого обращения с животными // Российское и зарубежное законодательство: современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов Международной научной конференции. В 2 ч. Вологда: Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде, 2018. Ч. 2. С. 69-72.
12. Фирсова А.П. Регламентация уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты. Сборник научных статей международной научной конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 696-704.
13. Горохов Д.Б. Современное законодотворчество в области содержания, использования и охраны животных // Журнал российского права. 2017. № 4 (244). С. 138-153.
14. Анисимов А.П. Правовой режим животных без владельца (бродячих животных) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 4. С. 415-421.
15. Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Проблемы правового регулирования отношений по содержанию, использованию и охране животных, не относящихся к объектам животного мира // Законодательство и экономика. 2015. № 3. С. 22-41.
16. Бавсун М.В. Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных пород животных // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 50-53.

REFERENCES

1. Sviridov R.V. Razvitiye normy ob ugovolnoy otvetstvennosti za zhestokoye obrashcheniye s zhiivotnymi po zakonodatel'stvu sovetского периода // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 2. S. 265-268.
2. Strok A.S. Istoriya stanovleniya i razvitiya instituta ugovolnoy otvetstvennosti za zhestokoye obrashcheniye s zhiivotnymi v Rossii // Tsvilizatsiya znaniy: rossiyskiye realii. Tsvilizatsionnyye zadachi sovremennogo pravovedeniya: nauka, obrazovaniye, praktika (strategicheskaya panel'). M., 2022. T. 1. S. 246-252.
3. Sharapov R.D. Ugolovnaya otvetstvennost' za zhestokoye obrashcheniye s zhiivotnymi // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2019. № 1 (47). S. 51-60.
4. Otboyeva R.R. Preduprezhdeniye zhestokogo obrashcheniya s zhiivotnymi // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11. № 3 (41). S. 302-307.
5. Kopilyan V.A., Kopilyan T.V. Administrativnaya otvetstvennost' za zhestokoye obrashcheniye s zhiivotnymi v Respublike Belarus' i Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nyye problemy sravnitel'nogo pravovedeniya. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Simferopol': Krymskiy federal'nyy universitet im. V.I. Vernadskogo, 2017. S. 150-153.
6. Skvortsova O.V., Memetova L.R. Sotsial'no-nravstvennaya obuslovlennost' ustanovleniya ugovolnoy i administrativnoy otvetstvennosti za pravonarusheniya v oblasti obrashcheniya s zhiivotnymi // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskoye nauki. 2020. № 1. S. 259-269.
7. Shumaylova Yu.A. O voprose snizheniya vozrasta ugovolnoy otvetstvennosti za deyaniya, svyazannyye s zhestokim obrashcheniyem s zhiivotnymi // Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO «Donetskiy natsional'nyy universitet». 2023. T. 4. № 15. S. 358-362.
8. Abdrakhmanova Ye.R., Savel'yev I.S. Yuridicheskaya otvetstvennost' za zhestokoye obrashcheniye s zhiivotnymi: problemy i perspektivy // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2015. №2. S. 76-79.
9. Osipova N.R., Vasil'yev A.M. Aktual'nyye voprosy kriminalizatsii zhestokogo obrashcheniya s zhiivotnymi: osobennosti zakonodatel'noy konstruktssii i kvalifikatsii // Vestnik nauki i tvorchestva. 2024. № 5 (96). S. 65-68.

10. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.

11. Zheltova Ye.D. Problemy pravovoy otsenki zhestokogo obrashcheniya s zhiivotnymi // Rossiyskoye i zarubezhnoye zakonodatel'stvo: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. V 2 ch. Vologda: Fond razvitiya filiala MGYuA imeni O.Ye. Kutafina v g. Vologde, 2018. CH. 2. S. 69-72.

12. Firsova A.P. Reglamentatsiya ugolovnoy otvetstvennosti za zhestokoye obrashcheniye s zhiivotnymi // Bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva: teoretiko-pravovyye aspekty. Sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 696-704.

13. Gorokhov D.B. Sovremennoye zakonotvorchestvo v oblasti soderzhaniya, ispol'zovaniya i okhrany zhiivotnykh // Zhurnal rossiyskogo prava. 2017. № 4 (244). S. 138-153.

14. Anisimov A.P. Pravovoy rezhim zhiivotnykh bez vladel'tsa (brodyachikh zhiivotnykh) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo. 2019. T. 19. № 4. S. 415-421.

15. Gorokhov D.B., Gorokhova Yu.V. Problemy pravovogo regulirovaniya otnosheniy po soderzhaniyu, ispol'zovaniyu i okhrane zhiivotnykh, ne otnosyashchikhsya k ob'yektam zhiivotnogo mira // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2015. № 3. S. 22-41.

16. Bavsun M.V. Problemy pravovoy reglamentatsii ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnyuyu dobychu i oborot osobo tsennykh porod zhiivotnykh // Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii. 2014. № 4 (25). S. 50-53.

© Пахомова О.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пахомова О.Н. Уголовно-правовой механизм защиты животных в Российской Федерации и перспективы его развития // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 40-50.

Олеся Николаевна СТАРОДУБЦЕВА,
кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0009-0274-0081
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)
доцент кафедры уголовного права
lsstar189@gmail.com

Научная статья
УДК 343.2/.7

ЗАЩИТА МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ КАК ЗНАЧИМОГО ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Ментальное здоровье, ментальное расстройство, объект уголовно-правовой охраны, общественно опасное посягательство, социальное благополучие.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящей статье представлены результаты исследования возможностей уголовно-правовой охраны ментального здоровья личности в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена тем, что ментальное здоровье в законодательстве редко закрепляется как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. В большинстве случаев причинение ему вреда интегрируется в общую категорию «вред здоровью». Исследование показало, что такое положение дел снижает эффективность защиты прав личности. В связи с этим требуется комплексный пересмотр подходов к правовому регулированию защиты ментального здоровья личности. *Методы.* В ходе исследования применялись: диалектический метод, сравнительно-правовой анализ международных стандартов и национального законодательства, метод исследования документов (для изучения норм УК РФ и УПК РФ), доктринальный анализ научных публикаций, анализ судебной практики, включая постановления Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации (для выявления пробелов и коллизий в правовом регулировании защиты ментального здоровья личности). *Результаты.* Установлено, что процессуальные нормы не обеспечивают обязательность выявления и фиксации психического вреда. В уголовном законе отсутствует дифференциация степеней тяжести психических расстройств, что приводит к их недооценке при квалификации преступлений. В связи с этим автором сформулированы предложения по внесению изменений в УК РФ и УПК РФ, касающиеся закрепления психических расстройств всех степеней тяжести в качестве юридически значимых последствий преступного деяния, а также введения в уголовный процесс обязательного экспертного установления вреда, нанесенного психическому здоровью личности.

ВВЕДЕНИЕ

Растущая социальная и правовая значимость защиты ментального здоровья личности в условиях современного общества, где увеличивается количество людей с психическими расстройствами (ставшими следствием воздействия негативных социально-экономических факторов или результатом преступных посягательств¹), обуславливает актуальность избранной для исследования темы. Несмотря на международное признание ментального здоровья в качестве одной из важнейших ценностей, требующих защиты, отечественное уголовное право не выделяет его как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Однако ментальное здоровье личности

следует рассматривать как объект уголовно-правовой охраны, поскольку речь идет об охране общественных отношений, обеспечивающих психическое благополучие личности. Пробелы в нормативном регулировании, отсутствие четкой дифференциации видов психического вреда и ограниченность процессуальных механизмов выявления психических расстройств создают значительные проблемы для квалификации преступлений и защиты пострадавших.

Термины «ментальное здоровье» и «психическое здоровье» часто используются как синонимы, но в научной и медицинской литературе между обозначаемыми ими понятиями видят различие. Психическое здоровье – это медицинское поня-

¹ По данным «Интерфакса», в 2024 году в России наблюдался значительный рост количества людей с психическими расстройствами, на начало 2025 года в стране насчитывалось около четырех миллионов человек, страдающих от психических заболеваний. Больше стало людей, которым впервые в жизни был установлен диагноз психического расстройства или расстройства поведения. Этот показатель увеличился до 460,4 тысячи, что является рекордом за период с 2012 года.

Olesya N. STARODUBTSEVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0009-0274-0081

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminal Law

lsstar189@gmail.com

PROTECTION OF MENTAL HEALTH OF AN INDIVIDUAL AS A SIGNIFICANT OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

KEYWORDS. Mental health, mental disorder, object of criminal law protection, socially dangerous encroachment, social well-being.

ANNOTATION. Introduction. This article presents the results of a study of the possibilities of criminal-legal protection of an individual's mental health in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the fact that mental health is rarely enshrined in legislation as an independent object of criminal-legal protection. In most cases, harm to it is integrated into the general category of «harm to health». The study has shown that this state of affairs reduces the effectiveness of the protection of individual rights. In this regard, a comprehensive revision of approaches to the legal regulation of the protection of an individual's mental health is required. **Methods.** The study used: dialectical method, comparative legal analysis of international standards and national legislation, document research method (to study the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), doctrinal analysis of scientific publications, analysis of judicial practice, including decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (to identify gaps and conflicts in the legal regulation of the protection of an individual's mental health). **Results.** It has been established that procedural rules do not ensure the mandatory identification and recording of mental harm. The criminal law does not differentiate the degrees of severity of mental disorders, which leads to their underestimation when qualifying crimes. In this regard, the author has formulated proposals for amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, concerning the consolidation of mental disorders of all degrees of severity as legally significant consequences of a criminal act, as well as the introduction of mandatory expert determination of harm caused to the mental health of an individual into criminal proceedings.

тие, отражающее состояние психики, отсутствие психических расстройств, способность человека адаптироваться, правильно воспринимать реальность, регулировать эмоции и поведение. Ментальное здоровье – понятие более широкое и междисциплинарное. Помимо клинического состояния психики, оно охватывает когнитивные функции, эмоциональное благополучие, уровень стрессоустойчивости, социальные и духовные аспекты, а также качество жизни в целом. Следовательно, психическое здоровье – это составляющая ментального здоровья. Ментальное здоровье предполагает не только отсутствие расстройств, но и общий психологический, эмоциональный и социальный комфорт. Психическое здоровье подразумевает отсутствие заболеваний и расстройств психики, тогда как ментальное здоровье характеризует психологическое состояние, уровень социального функционирования, личностное развитие и благополучие.

Научная новизна нашего исследования заключается в определении специфики международных стандартов, российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, судебной практики и научных доктринальных подходов, связанной с охраной ментального здоровья. Проведение исследования позволило выявить в нормативной базе пробелы и противоречия, которые препятствуют полноценной защите ментального здоровья пострадавших. Его результаты доказывают необходимость включения психических расстройств всех степеней тяжести в перечень тяжких последствий противоправных деяний для целей

уголовно-правовой квалификации. Необходимо такое совершенствование законодательства и процессуального порядка, которое обеспечило бы обязательное экспертное исследование ментального здоровья пострадавших и унификацию критериев оценки психического вреда, что может быть основой для стандартизации и повышения эффективности правоприменения в данной сфере.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования применялся комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Дialectический метод был востребован как основа для научного анализа проблемы уголовно-правовой охраны ментального здоровья, прежде всего через выявление, сопоставление и объяснение противоречий между различными аспектами рассматриваемого явления. С помощью сравнительно-правового анализа осуществлялось сопоставление международных стандартов и норм российского законодательства. Метод исследования документов потребовалось использовать для изучения статей УК РФ и УПК РФ, посвященных охране здоровья, и установления пробелов в правовом регулировании. Доктринальный анализ позволил провести обобщение научных мнений юристов и медиков о правовой специфике психического вреда. Эмпирический метод был применен для исследования постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации и судебной практики в целях определения эффективного практического подхода к установлению и квалификации психического вреда.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В России первым о росте количества людей с психическими расстройствами заговорил в 1847 году П.П. Малиновский. Такие расстройства он связывал с прямым или опосредованным поражением мозга [1, с. 10]. Позже о необходимости защиты психического здоровья заявил В.П. Сербский, отметив, что «отличаемое во всех цивилизованных странах постепенное возрастание числа душевнобольных налагает на общество и государство обязанность к принятию ряда предохранительных мер против этого ненормального явления» [2, с. 243]. В 1948 году данную позицию поддержал Н.Д. Дурманов, подчеркнув увеличение масштаба проблем в сфере защиты ментального здоровья. Он обратил внимание на постепенный рост числа выявляемых психических расстройств, ставших следствием недостаточной оценки опасности причинения психического вреда, которым «не придается значения из-за неисследованности всей глубины последствий» [3, с. 59].

Современные труды специалистов в области психиатрии подтверждают многофакторный характер возникновения ментальных расстройств. Психическое благополучие человека как составляющая психофизического здоровья оказывает существенное влияние на его социальную жизнь и является условием поддержания на достаточно высоком уровне благосостояния всего общества.

Международное сообщество признает охрану ментального здоровья приоритетной задачей. Данное положение закреплено, в частности, в Резолюции WHA65.4 Всемирной ассамблеи здравоохранения и в Комплексном плане действий в области психического здоровья на 2013-2030 годы¹. Эти и некоторые другие международные документы фиксируют необходимость комплексного и межсекторального реагирования на угрозы ментальной сфере личности. Например, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах закрепляет право каждого человека на высокий уровень физического и психического здоровья, указывая на то, что государство обязано не только предупреждать и лечить различные заболевания, но и способствовать созданию условий для оказания медицинской помощи.

В российской правовой системе психическое здоровье закреплено как составная часть общего здоровья (ст. 41 Конституции Российской Федерации; ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Большинство норм, принятых в целях сохранения ментального здоровья, определяет особый порядок оказания медицинской помощи лицам с психическими расстройствами. В постановлении Конституционного

Суда Российской Федерации от 11 января 2024 г. № 1-П психическое здоровье признано важной частью физиологического состояния человека, влияющей на его социальные возможности². Констатируя, что «лечение тяжких расстройств порождает заметные угрозы его социальному благополучию, то есть оказывает существенное влияние на психическое и социальное благополучие потерпевшего», Конституционный Суд Российской Федерации акцентирует внимание на неблагоприятных социальных последствиях. Именно социальная сущность ментального здоровья определяет его особые свойства, влияющие на качество жизни человека, восприятие и реализацию его прав, обязанностей и социальных возможностей в разных сферах.

Ментальное здоровье обладает особыми свойствами, которые делают его значимым и универсальным, но неоднозначным объектом уголовно-правовой охраны:

- 1) ментальное здоровье – высшее благо, без которого теряют смысл многие другие ценности;
- 2) вред, причиненный психическому здоровью, сложно оценить из-за его медицинской природы. Для его оценки используются знания об анатомии, психике, физиологии человека. Она осуществляется в рамках экспертно-медицинской деятельности. Квалификация деяний происходит на основе экспертизы и положений нормативных актов Минздрава России;
- 3) психиатрическая помощь отличается от общей охраны здоровья и регулируется специальными нормами. Например, граждане с опасными заболеваниями (перечень таковых утвержден Правительством Российской Федерации) получают помощь в специализированных учреждениях³. Это часть Программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи;
- 4) информация о психическом здоровье относится к категории врачебной тайны. Доступ к медицинской документации ограничен. Сведения о проблемах человека с психикой часто вызывают в отношении него негативную реакцию окружающих, а статус пациента может ограничивать его права и свободы;
- 5) уголовно-правовые запреты защищают ментальную сферу от посягательств. Насколько опасными могут быть посягательства на ментальное здоровье, демонстрирует совершение таких деяний, как, например, незаконная госпитализация в психиатрическую больницу (ст. 128 УК РФ), насилие (ст.ст. 111, 112 УК РФ и др.), разглашение информации о страданиях несовершеннолетних (ч. 3 ст. 137 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ);

¹ Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013-2030 [Comprehensive mental health action plan 2013-2030] // Всемирная организация здравоохранения: сайт // URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240031029>.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.01.2024 № 1-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2024 № 1940 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов».

б) ментальная сфера человека весьма уязвима, на нее негативно влияет множество различных факторов: это и травмы, и интоксикации, и воздействия психогенного характера.

Таким образом, психическое расстройство – это сложный объект для судебно-психиатрической оценки¹, которая предусматривает не только определение его типа, но и сбор анамнеза. Анамнез учитывает особенности психического развития, семейное и социальное положение, реакцию на жизненные ситуации, психические травмы, а также состояние и поведение человека во время экспертизы и в период, связанный с расстройством. Важно узнать о наследственной предрасположенности подэкспертного к психическим заболеваниям. Объективный анамнез собирается и в процессе изучения материалов уголовного дела. Это помогает установить причинно-следственную связь между деянием и психическим расстройством, ведь оно может возникать в связи с воздействием различных сопутствующих совершению деяния факторов. Специфический характер психического расстройства предполагает его оценку с позиции не только медицинских критериев, но и социальных последствий, выражающихся как в возникновении прав, связанных с наблюдением и лечением пострадавшего, так и в ограничении его социальных возможностей в бытовой, семейной, трудовой, профессиональной сферах, что ведет к общей дезадаптации. Следовательно, вред, нанесенный психике пострадавшего в результате совершения преступления, опасен для общества, так как расстройство может негативно повлиять на отношение человека к жизни, себе и окружающим, что, в свою очередь, опасно возникновением условий, в которых ущемляются права и свободы, ценные для всех.

Признавая ментальное здоровье особым объектом уголовно-правовой охраны, Е.В. Безручко назвал психическое расстройство универсальной категорией, которая включает в себя все болезни, сопровождающиеся нарушениями психики независимо от их тяжести, продолжительности и других характеристик [4, с. 74]. Противоположной позиции придерживаются С.В. Полубинская и М.И. Галукова, которые пишут, что ментальное здоровье человека «вряд ли можно рассматривать как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны» [5, с. 125]. В настоящее время в отечественном уголовном праве ментальное здоровье лишь эпизодически выступает в качестве самостоятельного объекта охраны. В большинстве случаев причинение ему вреда интегрируется в общую категорию «вред здоровью». Такая диспозитивная неопределенность снижает уровень его защиты и создает сложности при квалификации деяний, приведших к психическому расстройству пострадавшего. Исходя из этого, нормы уголовного закона можно классифицировать по способу указания законодателем на менталь-

ное здоровье в качестве объекта преступного посягательства:

1) нормы, прямо указывающие на ментальное здоровье как на объект уголовно-правовой охраны. Есть всего одна такая норма. В ч. 3. ст. 137 УК РФ оно выступает в качестве альтернативного дополнительного объекта уголовно-правовой охраны, которому причиняется вред в результате незаконного распространения о личности несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста, информации по уголовному делу [6, с. 47] либо о полученных несовершеннолетним лицом физических и нравственных страданиях в связи с преступлением, повлекшего причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия;

2) нормы, указывающие на вред, причиненный ментальному здоровью, как на последствие общественно опасного посягательства (ч. 1 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее за собой психическое расстройство);

3) нормы, подразумевающие ментальное здоровье в качестве составляющей здоровья (ч. 2 ст. 237 УК РФ предусматривает уголовную ответственность специального субъекта за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, если в результате таких деяний причинен вред здоровью человека; ч. 2 ст. 252 УК РФ – загрязнение морской среды и другие действия, причинившие существенный вред здоровью человека). К этой группе относятся нормы, в которых обращается внимание на вред здоровью, без специального указания на ментальное здоровье. Понятие «вред здоровью», как разъясняет А.В. Наумов, являясь более широким по содержанию, позволяет охватить не только телесные повреждения, то есть нарушения анатомической целостности или физиологических функций органов и тканей, но и психогенные повреждения (психические расстройства, вызываемые психической травмой), заболевания инфекционного или токсического происхождения и ряд других болезненных расстройств, которые могут быть следствием преступления [7, с. 134];

4) нормы, не конкретизирующие дополнительный объект посягательства, но описывающие в диспозиции общественно опасные последствия в виде существенного нарушения прав граждан или наступления тяжких последствий, в результате оценки которых может быть установлен психический вред. В частности, наступление тяжких последствий предусмотрено ч. 3 ст. 301 УК РФ. Под таковыми можно понимать причинение по неосторожности смерти, самоубийство или попытку самоубийства, возникновение у пострадавшего тяжелого заболевания, причинение ему крупного материального ущерба, в том числе в связи с утра-

¹ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.04.2025 № 263н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы».

² Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Российская газета. 2022. 7 июля. № 145.

той принадлежавшего ему имущества или права на такое имущество².

Конструктивно на объект преступления (ментальное здоровье) в формальных составах указывает угроза причинения вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 126, п. «г» ч. 2 ст. 161, ст. 162 УК РФ и др.), а в материальных составах – последствия в виде причинения вреда здоровью (ч. 5 ст. 286 УК РФ) и иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 167 УК РФ). Что касается видов противоправных деяний, причиняющих психические страдания, то различные авторы научных работ формируют разные перечни составов преступлений. М.И. Галюкова и С.В. Полубинская включают в группу таких деяний доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), истязания (ст. 117 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), клевету (ст. 127.1 УК РФ) [5, с. 123]. А.С. Лукомская, рассматривая составы преступлений с экологическими последствиями, относит их к числу вызывающих психические нарушения у несовершеннолетних (ст.ст. 246-248, 250-252, 254 УК РФ) [8, с. 153]. В свою очередь, Н.Ф. Кузнецова считала, что «не всегда при воздействии на человека должна предусматриваться возможность причинения психического вреда» [9, с. 26]. На наш взгляд, потенциальная опасность нанесения вреда ментальной области здоровья человека содержится во всех составах преступлений, и только на основе экспертных исследований пострадавших можно исключить факт его причинения.

Официальное толкование норм УК РФ, осуществляемое Верховным Судом Российской Федерации в постановлениях Пленума, не решает обозначенных нами проблем. Так, в п. 18 постановления от 16 октября 2009 г. № 19¹ существенным нарушением прав граждан или организаций в результате совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 285 и 286 УК РФ, признается «нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (ст. 41). При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.». Далее в п. 21 тяжкими последствиями квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 285, п. «б» ч. 2 ст. 285.4 и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, называются: «крупные аварии и длительная остановка транспорта или производственного процесса; нарушение деятельности организации; причинение значительного материального ущерба; причинение смерти по неосторожности; самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.». Как видно, перечень последствий здесь является открытым. Последствие в виде психического расстройства прямо в рассматриваемом постановлении не указано, оно может быть выявлено

только в результате судебно-психиатрического исследования с оценкой вида, характера и степени тяжести вреда, а также с установлением причинно-следственной связи с совершенным уголовно наказуемым деянием. Неоднозначное определение объема тяжких последствий по разным составам преступлений, а также отсутствие прямого указания на психический вред в уголовно-правовых нормах и актах судебного толкования воспринимается правоприменителем как основание считать необязательным установление такого вреда в качестве последствия преступного посяательства.

Проблемы уголовно-правовой охраны ментального здоровья обусловлены, кроме прочего, затруднениями, связанными с выявлением причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями в виде психического вреда. Они могут к моменту проведения экспертизы еще не проявиться или состоять в сложной зависимости от совокупного вреда преступного деяния и воздействия других факторов (сопутствующие тяжелые жизненные обстоятельства, имевшиеся до посяательства заболевание). Однако их установление необходимо в криминальной, посткриминальной и судебно-следственной ситуации. Поэтому считаем целесообразным включить в перечень последствий преступлений, закрепленный актами судебного толкования, психическое расстройство. Ведь оно представляется не менее значимым, чем, например, нарушение деятельности организации (ч. 3 ст. 286 УК РФ). Несмотря на безусловную ценность ментального здоровья, влияющего на качество жизни человека, в современном уголовном законодательстве России оно не находит достаточного отражения в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Это позволяет нам говорить о необходимости более широкой законодательной регламентации такого общественно опасного последствия, как психическое расстройство человека, возникшее в результате причинения ему физических и нравственных страданий, а также угрозы их причинения.

В отличие от ментального здоровья пострадавшего психические расстройства подозреваемых и обвиняемых вызывают в большей степени научный интерес, что подтверждается существенным количеством проводимых в данной сфере исследований [10, 11, 12, 13]. Это объясняется значимостью определения способности указанных лиц нести уголовную ответственность за совершение преступления, участвовать в процессуальной деятельности, возможности применения в отношении них уголовно-правовых мер воздействия. Актуальным остается высказывание Ю.Л. Метелицы о том, что «судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших на протяжении длительного времени находится на периферии внимания исследователей» [14, с. 8]. Такая периферийная позиция сохраняется до сих пор. Ее можно объяснить тем, что потерпевший по-прежнему рассматривается исключительно как участник уголовного процесса, по отношению к которому отчетливо

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

прослеживается прагматичный подход правоприменителя с позиции его уголовно-процессуальной дееспособности.

Ментальное здоровье потерпевших сравнительно недавно стало объектом научного интереса. Он послужил выработке конструктивных предложений о признании психического расстройства тяжким последствием противоправного деяния. Большинство из них связаны с обоснованием необходимости внесения в УК РФ дополнений, закрепляющих психический вред в качестве тяжкого последствия преступления. В частности, М.Д. Шаргородский предлагал квалифицировать душевную болезнь только как тяжкое повреждение, и только если душевная болезнь серьезная [15, с. 329]. Е.А. Симонова подчеркивала, что «любое психическое расстройство представляет собой тяжкий вред здоровью человека» [16, с. 68]. Мнения других ученых касались важности определения степени тяжести расстройства. Так, Л.Л. Кругликов обращал внимание на глубину наступившего психического расстройства, его степень [17, с. 25]. С.Н. Шишков предлагал «членение психического расстройства на три категории» [18, с. 30]. Г.А. Агеев и В.Н. Сафонов, обосновывая свою позицию реализацией принципа справедливости, выступали за «градацию психических расстройств по степени тяжести» [19, с. 79].

Статьями 112 (Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) и 115 (Причинение легкого вреда здоровью) УК РФ ответственность предусматривается только за телесные повреждения соответствующей степени тяжести, аналогичное по степени расстройство психики ими не охватывается. С научной точки зрения психическое расстройство, вызванное преступлением, может быть тяжким, средней степени тяжести или легким – по аналогии с телесными повреждениями, поскольку страдание и нарушение функций психики различаются по глубине, продолжительности и последствиям. Медицинская наука и юридическая доктрина считают правильным, чтобы закон охватывал расстройства (вред здоровью) всех степеней тяжести, а не только тяжелые формы. Однако ст.ст. 112 и 115 УК РФ не предусматривают уголовной ответственности за причинение психического вреда средней или легкой степени тяжести, ограничиваясь только телесными повреждениями. Поэтому вполне обоснованным выглядит мнение о том, что такое законодательное решение «противоречит существующим научным представлениям о психическом расстройстве как о состоянии, отвечающем юридическим критериям всех степеней тяжести вреда здоровью» [20, с. 5].

Институт защиты ментальной сферы пострадавшего получил развитие в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2024 г.¹ в части отграничения тяжкого вреда от его видов иных степеней тяжести. Впрочем, на наш взгляд, инициатива в настоящее время не может быть реализована в полном объеме, по-

скольку остаются без разъяснений критерии, по которым должны проводиться различия между средней или легкой степенями тяжести психического вреда.

Еще одной преградой на пути выявления опасных последствий преступления в виде причинения психического вреда потерпевшему являются положения уголовно-процессуального законодательства, которые ограничивают возможность обнаружения психопатологии потерпевшего. Согласно ст. 196 УПК РФ экспертиза проводится только в том случае, если у лица, производящего предварительное расследование, есть сомнения в способности потерпевшего адекватно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания. Эта формулировка не предусматривает обязательность назначения и производства экспертизы для выявления психических расстройств, вызванных преступлением, и защиты здоровья потерпевшего. Для изменения ситуации предлагаем внести изменения в п. 4 ст. 196 УПК РФ, изложив его в следующей редакции:

«4) психическое или физическое состояние потерпевшего, чтобы установить его способность правильно воспринимать обстоятельства дела, давать показания, а также выявить психическое расстройство, вызванное преступлением».

Обратим также внимание на то, что ментальное благополучие потерпевшего упускается из виду еще и в качестве приоритетного общественного интереса. В целях обеспечения надлежащей защиты его ментальной сферы и во избежание узкого толкования смысла уголовно-процессуальной нормы, необходимо закрепить два самостоятельных объекта экспертного исследования: физический вред здоровью и психический вред здоровью. В связи с этим предлагаем изложить п. 2 ст. 196 УПК РФ в следующей редакции:

«2) характер и степень вреда, причиненного физическому и психическому здоровью потерпевшего».

Реализация этих предложений создаст основу для полноценной уголовно-правовой защиты ментального здоровья личности, будет способствовать обеспечению правовой определенности, справедливости и соответствия национального законодательства международным стандартам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анализа правовых норм, судебной практики и научной доктрины позволяют сделать вывод о том, что охрана ментального здоровья в современном уголовном праве имеет фрагментарный и несистемный характер. Недостаточная конкретизация объекта охраны, отсутствие дифференциации степеней тяжести психических расстройств и ограниченность процессуальных механизмов их установления препятствуют полноценной защите прав потерпевших.

Представляется целесообразным внести ряд изменений в УК РФ: закрепить психическое расстройство в перечне тяжких последствий преступ-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.01.2024 № 1-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.

плений, установить уголовную ответственность за причинение психического вреда здоровью средней или легкой степени тяжести; уточнить диспозиции некоторых норм, чтобы исключить интерпретационные пробелы и обеспечить явное охватывание ими психического вреда; скорректировать ст. 196 УПК РФ, введя обязательность назначения судебно-психиатрической или судебно-психологической экспертизы при наличии признаков психического вреда, вне зависимости

от оценки процессуальной дееспособности потерпевшего. Кроме того, представляется важным разработать методические рекомендации для экспертов, определяющие единые критерии степени тяжести психических расстройств и порядок их фиксации в уголовном процессе. Вместе с тем следует стимулировать междисциплинарное взаимодействие юристов, медиков и психологов для формирования комплексного подхода к защите ментальной сферы личности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малиновский П.П. Помешательство, описанное так, как оно является врачу в практике. СПб: Типография К. Крайя, 1847. 324 с.
2. Сербский В.П. Руководство к изучению душевных болезней. М.: Студенческая медицинская издательская комиссия, 1906. 588 с.
3. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., Л.: АН СССР, 1948. 311 с.
4. Безручко Е.В. Психическое расстройство здоровья человека как основной признак тяжкого вреда здоровью // Юрист-Правовед. 2013. № 3 (58). С. 74-77.
5. Полубинская С.В., Галюкова М.И. Уголовно наказуемый вред психическому здоровью: содержание и признаки // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 3 (148). С. 115-130.
6. Муравьев К.В., Соколов А.Б., Козловский П.В., Алексеева А.П. Тактико-криминалистическое обеспечение допроса несовершеннолетнего // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 47-52.
7. Наумов А.В. Личность преступника как предмет науки уголовного права и криминологии: сходство и различие // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения). Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023. С. 134-139.
8. Лукомская А.С. Доказывание характера и размера вреда, причиненного психическому здоровью малолетнего или несовершеннолетнего потерпевшего, по делам об экологических преступлениях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 3. С. 150-158.
9. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб: Юридический центр Пресс, 2003. 834 с.
10. Рудов Д.Н., Черкасова Е.А. Уголовно-процессуальные аспекты производства в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 2. С. 39-43.
11. Артемова Д.И., Паменкова И.А. Проблемы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовном процессе России // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4. № 2 (14). С. 66-72.
12. Шабанов В.Б., Кашинский М.Ю. Организационно-правовые проблемы расследования преступлений лиц с психическими расстройствами // Предварительное расследование. 2021. № 1 (9). С. 29-36.
13. Цветкова Н.А. Психическое здоровье личности и профилактика суицидов в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: теоретические и практические аспекты проблемы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 3 (17). С. 121-134.
10. Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М.: Юридическая литература, 1990. 208 с.
11. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1949. 512 с.
12. Симонова Е.А. Личная безопасность: защита прав и свобод, неприкосновенность частной жизни, достоинство личности, ювенальный аспект // Безопасность уголовно-исполнительной системы. 2010. № 3 (11). С. 68-72.
13. Кругликов Л.Л. Характеристика отдельных видов преступлений, выделяемых по степени тяжести вреда здоровью человека // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 4 (10). С. 21-28.
14. Шишков С.Н. Психическое расстройство как разновидность вреда, причиненного здоровью потерпевшего // Законность. 2010. № 8 (910). С. 26-30.
15. Агаев Г.А., Сафонов В.Н. Криминализация и уголовно-правовая оценка причинения психических расстройств с позиций принципа справедливости // Теория и практика общественного развития. 2023. № 1 (179). С. 76-80.
16. Каменсков М.Ю., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нудкова Е.В. Комплексная оценка тяжести вреда здоровью потерпевших: современное состояние проблемы // Российский психиатрический журнал. 2015. № 3. С. 4-12.

REFERENCES

1. Malinovskiy P.P. Pomeshatel'stvo, opisannoye tak, kak ono yavlyayetsya vrachu v praktike. SPb: Tipografiya K. Krauya, 1847. 324 s.

2. Serbskiy V.P. Rukovodstvo k izucheniyu dushevnykh bolezney. M.: Studencheskaya meditsinskaya izdatel'skaya komissiya, 1906. 588 s.
3. Durmanov N.D. Ponyatiye prestupleniya. M., L.: AN SSSR, 1948. 311 s.
4. Bezruchko Ye.V. Psikhicheskoye rasstroystvo zdorov'ya cheloveka kak osnovnoy priznak tyazhkogo vreda zdorov'yu // Yurist'-Pravoved". 2013. № 3 (58). S. 74-77.
5. Polubinskaya S.V., Galyukova M.I. Ugolovno nakazuyemyy vred psikhicheskomu zdorov'yu: sodержaniye i priznaki // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2023. T. 18. № 3 (148). S. 115-130.
6. Murav'yev K.V., Sokolov A.B., Kozlovskiy P.V., Alekseyeva A.P. Taktiko-kriminalisticheskoye obespecheniye doprosa nesovershennoletnego // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 4 (75). S. 47-52.
7. Naumov A.V. Lichnost' prestupnika kak predmet nauki ugolovnogo prava i kriminologii: skhodstvo i razlichiye // Lichnost' prestupnika v izmenyayushchemsya mire (Dolgovskiy chteniya). Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii, 2023. S. 134-139.
8. Lukomskaya A.S. Dokazyvaniye kharaktera i razmera vreda, prichinnogo psikhicheskomu zdorov'yu maloletnego ili nesovershennoletnego poterpevshego, po delam ob ekologicheskikh prestupleniyakh // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskoye nauki. 2018. № 3. S. 150-158.
9. Kuznetsova N.F. Izbrannyye trudy. SPb: Yuridicheskoy tsentr Press, 2003. 834 s.
10. Rudov D.N., Cherkasova Ye.A. Ugolovno-protsessual'nyye aspekty proizvodstva v otnoshenii lits, stradayushchikh psikhicheskimi zabolevaniyami // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2021. № 2. S. 39-43.
11. Artemova D.I., Pamenkova I.A. Problemy uchastiya obvinyayemykh s psikhicheskimi nedostatkami v ugolovnom protsesse Rossii // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2016. T. 4. № 2 (14). S. 66-72.
12. Shabanov V.B., Kashinskiy M.Yu. Organizatsionno-pravovyye problemy rassledovaniya prestupleniy lits s psikhicheskimi rasstroystvami // Predvaritel'noye rassledovaniye. 2021. № 1 (9). S. 29-36.
13. Tsvetkova N.A. Psikhicheskoye zdorov'ye lichnosti i profilaktika suitsidov v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskiye i prakticheskoye aspekty problemy // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii. 2023. № 3 (17). S. 121-134.
14. Metelitsa Yu.L. Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza poterpevshikh. M.: Yuridicheskaya literatura, 1990. 208 s.
15. Shargorodskiy M.D. Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya. M., 1949. 512 s.
16. Simonova Ye.A. Lichnaya bezopasnost': zashchita prav i svobod, neprikosnovennost' chastnoy zhizni, dostoinstvo lichnosti, yuvenal'nyy aspekt // Bezopasnost' ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. 2010. № 3 (11). S. 68-72.
17. Kruglikov L.L. Kharakteristika otdel'nykh vidov prestupleniy, vydelyayemykh po stepeni tyazhesti vreda zdorov'yu cheloveka // Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya «Gumanitarnyye nauki». 2009. № 4 (10). S. 21-28.
18. Shishkov S.N. Psikhicheskoye rasstroystvo kak raznovidnost' vreda, prichinnogo zdorov'yu poterpevshego // Zakonnost'. 2010. № 8 (910). S. 26-30.
19. Agayev G.A., Safonov V.N. Kriminalizatsiya i ugolovno-pravovaya otsenka prichineniya psikhicheskikh rasstroystv s pozitsiy printsipa spravedlivosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. № 1 (179). S. 76-80.
20. Kamenskov M.Yu., Badmayeva V.D., Dozortseva Ye.G., Chibisova I.A., Nutsikova Ye.V. Kompleksnaya otsenka tyazhesti vreda zdorov'yu poterpevshikh: sovremennoye sostoyaniye problemy // Rossiyskiy psikhiatricheskoy zhurnal. 2015. № 3. S. 4-12.

© Стародубцева О.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стародубцева О.Н. Защита ментального здоровья личности как значимого предмета уголовно-правовой охраны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 51-58.

Сергей Евгеньевич ПОНОМАРЁВ,
ORCIDID 0009-0004-8450-9732

Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)
аспирант, прокурор Омского района Омской области
s.e.ponomarev@mail.ru

Научный руководитель:

Андрей Анатольевич ТИМОШЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности,
обеспечения представительства и защиты интересов Российской
Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных
(межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских
судах (арбитражах) Университета прокуратуры Российской Федерации

Научная статья
УДК 343.14:343.137.32

ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СКРЫВШИХСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовно-процессуальное право, судебное производство, правовые нормы, международное сотрудничество, экстрадиция, скрывшиеся от следствия и суда лица, скрывшиеся за рубежом лица, международное взаимодействие.

Аннотация. Введение. В ходе проведенного автором исследования были проанализированы особенности производства по уголовным делам в отношении лиц, скрывшихся за границей. В частности, рассмотрены актуальные вопросы развития законодательства в сфере регулирования уголовно-процессуальных норм, касающихся производства по уголовным делам в отношении лиц, скрывшихся от следствия и суда за рубежом. Изучены теоретико-правовые основы, а также некоторые аспекты применения таких норм в практике международного правового взаимодействия в условиях глобализации. Методы. При проведении исследования использовались методы системного анализа, экспертной оценки, анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, аналогии, индукции, дедукции. Результаты. Подводя итоги исследования, автор приходит к выводу о том, что для совершенствования уголовного судопроизводства в отношении лиц, скрывшихся от правосудия за пределами Российской Федерации, требуются не только технические и организационные новации, но и концептуальное переосмысление баланса интересов государства и прав личности. Эффективное развитие рассматриваемого в статье института возможно только при условии обеспечения нормативной четкости, высокого уровня процессуальных гарантий и международной кооперации, основанной на взаимном признании и уважении принципов прав человека. Автором установлено, что необходима системная корректировка нормативной базы производства по уголовным делам в отношении лиц, скрывшихся за границей. Выявлена потребность в расширении процессуальных гарантий обвиняемого, развитии международной уголовно-правовой кооперации, цифровой трансформации судопроизводства.

ВВЕДЕНИЕ

Современные условия глобализации, международная мобильность населения и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий способствуют росту числа преступлений, совершаемых с участием лиц, находящихся за пределами национальной юрисдикции. Всё чаще уголовное судопроизводство сталкивается с ситуациями, когда обвиняемые скрываются от следствия и суда, выезжая за рубеж, либо совершают преступления, уже находясь вне территории Российской Федерации. Это порождает потребность в наличии эффективного правового механизма, обеспечивающего даже в таких случаях реализацию принципов неотвратимости наказания и справедливого судебного разбирательства.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью правового регулирования новых форм международного взаимодействия, а также повышения эффективности уголовного преследования в условиях трансграничной преступности. Действующий уголовно-процессуальный механизм нуждается в адаптации к новым вызовам, в том числе в части заочного производства, экстрадиции и правовой помощи. Это очевидно сегодня и для правоприменителя, и для законодателя. Важность рассмотренных в ходе исследования вопросов предопределена увеличением количества скрывшихся за границей преступников. По данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, число не разысканных преступников, которые скрываются от российского правосудия и следствия за рубежом, только за первые шесть месяцев 2024 года увеличилось на 6,5% – до 40,4 тысячи человек¹. Это свидетельствует о большом значении теоретического осмысления норм, регулирующих вопросы экстрадиции, для их эффективного применения в правоприменительной практике.

Реализация института привлечения к уголовной ответственности лиц, скрывшихся от следствия и суда, представляет собой одну из ключевых проблем современной уголовно-процессуальной деятельности. Особую актуальность он приобретает в тех случаях, когда указанные лица находятся за пределами Российской Федерации. В ходе своего исторического развития отечественное законодательство вырабатывало подходы к данному институту, ориентируясь на баланс между правом на защиту и необходимостью обеспечения целей уголовного судопроизводства [1].

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, для сопоставления норм уголовно-процессуального

закона, норм российского и международного законодательства, регулирующих вопросы производства по делам в отношении лиц, скрывавшихся за границы, использовался метод системного анализа. Метод экспертной оценки применялся при изучении мнений ученых по вопросам заочного производства и экстрадиции, а также при оценке практики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. Анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, аналогия, индукция, дедукция были востребованы для описания сущности заочного производства, а также формулирования решения выявленных в рамках исследования проблем осуществления уголовного производства в отношении лиц, скрывшихся за границы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Несмотря на формальное закрепление порядка производства по уголовным делам в отношении лиц, находящихся за пределами Российской Федерации, правоприменение свидетельствует о наличии в этой сфере существенных затруднений как нормативного, так и организационно-правового характера. Анализ следственно-судебной практики позволил выявить ряд проблем, характерных в настоящее время для правового регулирования такого производства.

Во-первых, существует неопределенность в вопросе о достаточности факта нахождения лица за рубежом для инициирования заочного производства. Суды дают разные толкования тому, какие именно действия компетентных органов можно считать «исчерпывающими мерами» по установлению местонахождения лица и его экстрадиции. Так, в некоторых случаях заочное разбирательство признается правомерным лишь при наличии официального отказа иностранного государства в экстрадиции, в других – достаточно постановления о розыске и отсутствия сведений о месте пребывания обвиняемого. Примером служит дело, рассмотренное Московским городским судом, в котором защита обжаловала заочное рассмотрение дела, утверждая, что обвиняемый лишь временно находился за границей, а его местонахождение можно было установить через дипломатические каналы. Суд, однако, указал на то, что «непринятие мер к добровольному возвращению свидетельствует об уклонении от правосудия»². В данном случае мы согласны с позицией суда. Но практика применения таких норм весьма разнообразна, в связи с чем требуется подробное изложение порядка осуществления рассматриваемой процедуры в законодательстве.

Во-вторых, научное сообщество во многом не принимает заочное производство как таковое, аргументируя данную позицию недостатком процедурных гарантий для защиты прав обвиняемого

¹ Вопросы практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при объявлении и осуществлении розыска лиц, совершивших преступления, обсуждались на прошедшем в Минске заседании Объединенной коллегии Генпрокуратуры России и Генпрокуратуры Республики Беларусь. См.: Под председательством Генпрокурора России Игоря Краснова и Генпрокурора Республики Беларусь Андрея Шведа состоялось заседание Объединенной коллегии двух ведомств // Генеральная Прокуратура Российской Федерации: сайт. 01.11.2024 // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98839161> (дата обращения: 10.04.2025).

² Информация по делу № 10-15715/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы: сайт // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/c86e53d0-0821-11ed-bf02-cf3a4a3a95b3> (дата обращения: 18.04.2025).

Sergey E. PONOMAREV

ORCID ID 0009-0004-8450-9732

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Postgraduate Student, Prosecutor of the Omsk District of the Omsk Region

s.e.ponomarev@mail.ru

Scientific supervisor:

Andrey A. TIMOSHENKO,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of International Cooperation in the Sphere of Prosecutor's Activity, Ensuring Representation and Protection of the Interests of the Russian Federation in Interstate Bodies, Foreign and International (Interstate) Courts, Foreign and International Arbitration Courts (Arbitrations) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST FUGITIVES ABROAD: PROBLEMS OF THEORY AND LEGAL REGULATION

KEYWORDS. Criminal procedure law, international cooperation, judicial proceedings, legal norms, extradition, fugitives from investigation and trial abroad, persons hiding abroad, international interaction.

ANNOTATION. *Introduction.* In the course of the study conducted by the author, the features of criminal proceedings against persons who have fled abroad were analyzed. In particular, topical issues of the development of legislation in the sphere of regulation of criminal procedural rules concerning criminal proceedings against persons who have fled from investigation and trial abroad were considered. The theoretical and legal foundations, as well as practical aspects of the application of such rules in the practice of international legal interaction in the context of globalization were studied. *Methods.* The study used the methods of system analysis, expert assessment, analysis, synthesis, abstraction, generalization, analogy, induction, deduction. *Results.* Summarizing the results of the study, the author comes to the conclusion that in order to improve the development of criminal proceedings against persons who have fled from justice outside the Russian Federation, not only technical and organizational innovations are required, but also a conceptual rethinking of the balance of interests of the state and individual rights. Effective development of the institution considered in the article is possible only if regulatory clarity, a high level of procedural guarantees and international cooperation based on mutual recognition and respect for human rights principles are ensured. The author has established that a systemic adjustment of the regulatory framework for criminal proceedings against persons who have fled abroad is necessary. The need for expanding the procedural guarantees of the accused, developing international criminal-legal cooperation, and digital transformation of legal proceedings has been identified.

в его отсутствие. Ученые опасаются нарушения принципа состязательности и равноправия сторон. Полагаем, что современное уголовное судопроизводство обладает широким спектром процессуальных гарантий для всех его участников, и отсутствие подсудимого в судебном заседании не создает причин для умаления его прав. Несмотря на это, поддерживаем предложения о том, чтобы дать в законе более полное описание таких гарантий в части, касающейся заочного производства по уголовному делу [2].

В-третьих, по-прежнему слабо развиты механизмы дистанционного участия обвиняемого в процессе. Например, оно могло бы осуществляться посредством видео-конференц-связи, и прежде всего в тех случаях, когда лицо официально не экстрадировано, но готово участвовать в процессе удаленно. Отсутствие международных соглашений об оказании подобного рода технического содействия препятствует внедрению этих механизмов. И это также является значимой проблемой, препятствующей расширению применения заочного производства.

Для решения обозначенных проблем, по нашему мнению, необходимы следующие меры:

1. Уточнение оснований и порядка заочного производства.

Следует нормативно закрепить исчерпывающий перечень условий, при которых допускается рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого, а

также алгоритм действий органов предварительного расследования и суда по установлению его местонахождения и обеспечению участия.

2. Развитие процессуальных гарантий.

Должны стать более строгими требования, предъявляемые к взаимодействию между назначенным защитником и обвиняемым, включая обязательное документальное подтверждение контакта и согласования позиции защиты.

3. Внедрение механизмов дистанционного правосудия.

С учетом высокого уровня развития современных информационно-телекоммуникационных технологий следует предусмотреть возможность участия обвиняемого, находящегося за границей, в судебном заседании по видеосвязи при условии обеспечения возможности его идентификации, свободы волеизъявления и конфиденциальности общения с защитником.

4. Расширение международного сотрудничества.

Важно заключать и совершенствовать двусторонние и многосторонние соглашения, регулирующие правовую помощь, экстрадицию, а также удаленное участие в судебных процедурах. Как подчеркивает В.А. Лазарева, развитие заочного судопроизводства должно сопровождаться не только расширением процессуальных полномочий государства, но и параллельным усилением защиты прав личности, чтобы сохранить баланс правосудия [3].

В результате проведенного исследования нами было установлено, что действующее регулирование производства по уголовным делам в отношении лиц, скрывающихся за границей, требует модернизации с точки зрения как ясности правовых норм, так и процессуальных гарантий. В связи с этим предложены пути решения проблем, существующих в настоящее время в данной сфере уголовно-процессуального права.

ОБСУЖДЕНИЕ

До принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года (далее – УПК РФ) институт заочного производства имел ограниченное правовое закрепление. Однако в условиях трансграничной преступности и массового уклонения от уголовного преследования законодатель пришел к выводу о необходимости кодифицированного регулирования процедуры рассмотрения дел в отношении отсутствующих лиц. Существенные изменения были внесены Федеральным законом от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ¹, а затем – в рамках реформы 2013 года, закрепившей процедуру заочного судебного разбирательства. Согласно ч. 5 ст. 247 УПК РФ в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться заочно, то есть в отсутствие подсудимого, когда он находится за пределами Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено по данному уголовному делу к ответственности на территории иностранного государства.

Вместе с тем сама принципиальная возможность организации такого производства вызывает критику представителей научной среды и правозащитных организаций. Например, как вид упрощенного производства рассматривает его Т.В. Трубникова. Заочное производство «должно иметь состязательный характер, – пишет она, – проводиться в условиях устности, непосредственного исследования доказательств, на практике фактически превращается в письменное производство, в котором лишь оглашаются (но не исследуются в условиях состязательности) материалы, подготовленные в ходе предварительного расследования» [4]. Поддерживая такую позицию, подчеркиваем, что заочное производство, несмотря на формальные гарантии, может создавать угрозу нарушения принципа состязательности и права на защиту, особенно в тех случаях, когда невозможно обеспечить эффективную юридическую помощь обвиняемому, находящемуся за рубежом.

Дополнительно осложняет ситуацию отсутствие единого механизма взаимодействия с иностранными государствами по вопросам экстрадиции. Несмотря на то, что Российская Федерация заключила двусторонние договоры и участвует в ряде многосторонних соглашений², процесс

выдачи обвиняемых часто сопровождается длительными процедурами и нередко заканчивается отказами, в том числе по политическим мотивам. По данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, со времени начала проведения специальной военной операции страны коллективного Запада отказали России в экстрадиции 74 преступников. В ведомстве отмечают, что выдаче не подлежат даже мошенники, коррупционеры и убийцы. «После начала специальной военной операции по защите мирного населения Донбасса от геноцида и иных преступлений украинского режима проявления русофобии в ряде западных стран, прежде всего в государствах Европейского союза, достигли такого уровня, что правоохранительные органы этих стран фактически приостановили сотрудничество с Россией в угоду международной преступности», – заявили в Генпрокуратуре³.

Не оставляет без внимания эту проблему и научное сообщество [5, с. 684-686; 6]. «В реалиях сегодняшнего времени, – пишет В.А. Михайлова, – взаимодействие российской Генпрокуратуры с большинством стран Европы по вопросам экстрадиции обвиняемых практически прекратилось с начала спецоперации на Украине» [7]. Представляется очевидным, что государства должны способствовать выдаче преступников и быть вне политики. По нашему мнению, политизация экстрадиции способствует укреплению международной преступности. С.В. Зуев указывает на то, что существует необходимость ратификации международных конвенций для улучшения правовой помощи [8, с. 4-5]. Однако в современных политических реалиях, на наш взгляд, данную проблему решить невозможно. Такой позиции придерживается также О.Г. Карпович, который подчеркивает, что затруднения с экстрадицией связаны в первую очередь с политическими разногласиями между государствами [9, с. 22-23]. Сложившаяся сегодня международная ситуация только усилила актуальность рассматриваемой проблемы.

Предметом дискуссий ученых, специализирующихся в области уголовно-процессуального права, остаются и процедуры исполнения запросов о правовой помощи. А.С. Есина и О.Е. Жамкова обращают внимание на то, что законодатель, предусмотрев право направления запроса о правовой помощи, не урегулировал вопрос о сроке исполнения данного поручения [10, с. 123]. Это обстоятельство, безусловно, создает проблемы при выдаче преступников и реализации заочного производства. Организация международного сотрудничества сталкивается с бюрократическими и правовыми барьерами. Такое положение дел подчеркивает необходимость оптимизации института производства по уголовным делам в отношении лиц, скрывающихся за границей. На это указывает и Л.В. Головкин. В своем исследовании он предлагает

¹ Федеральный закон от 29.06.2004 № 58-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления».

² См., например: Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13.12.1957) (с изм. от 20.09.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Президент России: сайт. 19.03.2025 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76484> (дата обращения: 15.04.2025).

совершенствовать данный вид производства с помощью цифровизации [11, с. 23-24]. Поддерживая данное мнение, добавим, что это направление деятельности представляется одним из наиболее рациональных путей поиска решения проблемы ускорения международных процедур (в том числе связанных с выдачей преступников).

Существующая практика в изучаемой сфере требует системного переосмысления. Заочное судопроизводство может быть эффективным механизмом для привлечения к уголовной ответственности лиц, скрывшихся за границей, при условии, что все его участники будут обеспечены процессуальными гарантиями. Полагаем, что отечественное уголовно-процессуальное законодательство в части, касающейся рассматриваемого нами вида производства, нуждается в уточнении и модернизации как на уровне нормативного регулирования, так и в правоприменении.

Подчеркнем, что производство по уголовному делу в отношении лица, находящегося вне юрисдикции Российской Федерации, является одним из наиболее сложных институтов уголовного процесса, поскольку сочетает в себе элементы национального и международного права. Анализ действующего законодательства и практики его применения позволяет выделить ряд теоретических и практических аспектов, заслуживающих особого внимания. В соответствии с УПК РФ основанием для производства по делу в отсутствие подсудимого является не только его неявка, но и невозможность по объективным причинам обеспечить его участие в процессе, в том числе посредством экстрадиции. Такая процедура представляет собой исключение из общего правила, предусматривающего личное участие обвиняемого в судебном процессе, закрепленного в ст. 247 УПК РФ и соответствующего международным стандартам¹. С точки зрения теории права основная дилемма заключается в необходимости соблюдения двух принципов: эффективности уголовного преследования и справедливости правосудия² [12, с. 211-212]. Отсутствие обвиняемого в суде объективно снижает возможности защиты, особенно в условиях недостоверности доказательственной базы [13, с. 8]. В связи с этим считаем, что компенсировать этот недостаток и обеспечить реализацию принципа справедливости даже в отсутствие обвиняемого способны современные цифровые технологии. Е.Ф. Тензина пишет, что заочный порядок рассмотрения уголовного дела не может быть выделен в качестве самостоятельного производства, поскольку в нем

не усматривается уникальность регулируемых посредством норм предполагаемого производства правоотношений [14, с. 83]. В свою очередь, полагаем, что в современных реалиях такое выделение все же возможно, но для этого необходимо разработать правовые гарантии для участников производства данного вида. И первые шаги законодателя в соответствующем направлении уже предприняты: осуществляемое развитие правовых механизмов, включая привлечение защитника по назначению и консулов, дистанционное участие в судебном процессе, частично компенсируют вызывающие опасения ученых риски. Здесь мы солидарны с мнением П.С. Бадяевой, которая пишет: «Заочное рассмотрение уголовного дела (в порядке ч. 5 ст. 247 УПК РФ) представляет собой производство с усиленными процессуальными гарантиями, то есть это производство, порядок которого отличается от ординарного в сторону усложнения» [15, с. 128].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По нашему мнению, для полноценного функционирования института производства по уголовным делам в отношении лиц, скрывшихся за границей, в дистанционном формате требуется унификация подходов к юридической силе электронных документов, обеспечение технической совместимости между юрисдикциями, а также внедрение единых стандартов цифровой идентификации участников процесса. Следует отметить, что применение заочного производства порождает необходимость использования современных технологий, которые могут обеспечить полное соблюдение всех процессуальных гарантий. Полагаем, что цифровизация уголовного процесса является неотъемлемым направлением его модернизации и особенно важна в случаях рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, скрывшихся за границей. Это требует как законодательной адаптации производства данного вида, так и организационно-технической готовности судебной системы в целом.

Итак, уголовно-процессуальное законодательство России допускает производство по делам в отношении лиц, находящихся за границей, однако требует от государственных органов максимально возможного уровня соблюдения при этом правовых гарантий. Результаты теоретического анализа норм УПК РФ, регламентирующих заочное производство, дают основания сделать вывод о необходимости цифровизации участия в нем, совершенствования процедур уведомления и создания механизмов пересмотра решений в случае личной явки обвиняемого. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шаламов М.П. К вопросу об оценке сознания обвиняемого // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 28-34.
2. Азарова Е.С. Характеристика заочного судебного разбирательства и его негативные последствия в судебном производстве // Юрист-Правовед. 2013. № 5 (60). С. 54-57.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом [№ 1] (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС «КонсультантПлюс».

² Алексеева Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.У. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. М., 1996. С. 146.

3. Лазарева В.А., Кувалдина Ю.В. Заочная модель правосудия: традиции применения и перспективы развития в уголовном процессе России // Самарский университет. 2008. № 3. С. 44-64.
4. Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 127-133.
5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Модели уголовного процесса. Санкт-Петербург, 2001. 702 с.
6. Левичева В.В., Рябчиков В.В. Возможность применения заочного производства // Уголовный процесс. 2006. № 2. С. 71-82.
7. Михайлова В.А. Экстрадиция. Современность и реальность // Молодой ученый. 2022. № 41. С. 149-153.
8. Зуев С.В. Противодействие организованной преступности: зарубежный опыт // Современное право. 2007. № 2. С. 4-5.
9. Карпович О.Г. Международно-правовые проблемы экстрадиции российских граждан по запросам правоохранительных органов США // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 5. С. 19-24.
10. Есина А.С., Жамкова О.Е. Международные поручения следователя: проблемные вопросы направления и исполнения поручений // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 122-124.
11. Головкин Л.В. Международная правовая помощь по уголовным делам vs цифровизация уголовного судопроизводства: совместимы ли концепции в контексте новейшего законодательства США // Государство и право (Армения). 2021. № 2 (90). С. 23-34.
12. Малахов В.П. Философия права. М., 2002. 447 с.
13. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. 238 с.
14. Тензина Е.Ф. О правовой природе заочного производства в уголовном процессе России // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 81-85.
15. Бадяева П.С. Заочное судебное разбирательство в уголовном процессе как самостоятельный вид производства // Право и государство: теория и практика. 2018. № 12 (168). С. 126-129.

REFERENCES

1. Shalamov M.P. K voprosu ob otsenke soznaniya obvinyayemogo // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1956. № 8. S. 28-34.
2. Azarova Ye.S. Kharakteristika zaochnogo sudebnogo razbiratel'stva i yego negativnyye posledstviya v sudebnom proizvodstve // Yurist"-Pravoved". 2013. № 5 (60). S. 54-57.
3. Lazareva V.A., Kuvaldina Yu.V. Zaochnaya model' pravosudiya: traditsii primeneniya i perspektivy razvitiya v ugolovnom protsesse Rossii // Samarskiy universitet. 2008. № 3. S. 44-64.
4. Trubnikova T.V. Rassmotreniye dela v otsutstviye podsudimogo (zaochnoye proizvodstvo) v sisteme uproshchennykh sudebnykh ugolovno-protsessual'nykh proizvodstv RF // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 315. S. 127-133.
5. Smirnov A.B., Kalinovskiy K.B. Modeli ugolovnogo protsessa. Sankt-Peterburg, 2001. 702 s.
6. Levicheva V.V., Ryabchikov V.V. Vozmozhnost' primeneniya zaochnogo proizvodstva // Ugolovnyy protsess. 2006. № 2. S. 71-82.
7. Mikhaylova V.A. Ekstraditsiya. Sovremennost' i real'nost' // Molodoy uchenyy. 2022. № 41. S. 149-153.
8. Zuyev S.V. Protivodeystviye organizovannoy prestupnosti: zarubezhnyy opyt // Sovremennoye pravo. 2007. № 2. S. 4-5.
9. Karpovich O.G. Mezhdunarodno-pravovyye problemy ekstraditsii rossiyskikh grazhdan po zaprosam pravookhranitel'nykh organov SSHA // Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. 2019. № 5. S. 19-24.
10. Yesina A.S., Zhamkova O.Ye. Mezhdunarodnyye porucheniya sledovatelya: problemnyye voprosy napravleniya i ispolneniya porucheniy // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 2. S. 122-124.
11. Golovko L.V. Mezhdunarodnaya pravovaya pomoshch' po ugolovnym delam vs tsifrovizatsiya ugolovnogo sudoproizvodstva: sovmestimy li kontseptsii v kontekste noveyshego zakonodatel'stva SShA // Gosudarstvo i pravo (Armeniya). 2021. № 2 (90). S. 23-34.
12. Malakhov V.P. Filosofiya prava. M., 2002. 447 s.
13. Sheyfer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvaniye po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. M., 2008. 238 s.
14. Tensina Ye.F. O pravovoy prirode zaochnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii // Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess. 2022. № 1. S. 81-85.
15. Badyayeva P.S. Zaochnoye sudebnoye razbiratel'stvo v ugolovnom protsesse kak samostoyatel'nyy vid proizvodstva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 12 (168). S. 126-129.

© Пономарёв С.Е., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пономарёв С.Е. Производство по уголовным делам в отношении лиц, скрывшихся за границей: проблемы теории и правового регулирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 59-64.

Арби Русланович АКИЕВ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-6540-9606

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

начальник кафедры криминалистики

melhi530@mail.ru

Научная статья
УДК 343.98

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ С РАЗЛИЧНЫМИ СТРУКТУРАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И В ЦЕЛЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Преступления против семьи и несовершеннолетних, расследование преступлений, профилактика преступлений, взаимодействие, органы опеки и попечительства, комиссия по делам несовершеннолетних, уполномоченный по правам человека, общественная организация.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений против семьи и несовершеннолетних. Недостаточно высокий уровень координации между следственными органами и государственными, муниципальными и общественными структурами предопределяет возникновение проблем, негативно влияющих на результативность работы правоохранительной системы, препятствующих своевременному выявлению причин и условий совершения преступлений.

Методы. В ходе проведения исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы: анализ и синтез, обобщение следственной и судебной практики, анкетирование сотрудников правоохранительных органов. Применен криминалистический подход к изучению форм и направлений межведомственного взаимодействия. *Результаты.* Установлено, что наиболее значимыми субъектами взаимодействия со следственными органами, занимающимися расследованием семейных преступлений, являются органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, государственные правозащитные институты, образовательные и медицинские учреждения, а также общественные и волонтерские организации. Доказана необходимость системного и многоуровневого подхода к организации взаимодействия. Оно должно осуществляться как в форме постоянного сотрудничества с институтами гражданского общества, так и в рамках ситуативного взаимодействия при производстве расследования по конкретным уголовным делам. Выявлено, что внедрение методических рекомендаций, касающихся такого сотрудничества, и организация его нормативного регулирования позволит повысить результативность расследования, сократить риски и обеспечить более высокий уровень профилактики преступлений, совершаемых в отношении семьи и несовершеннолетних.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из ключевых проблем криминалистического обеспечения расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних является отсутствие слаженной координации действий между следственными органами¹ и государственными, муниципальными и негосударственными структурами, что затрудняет выявление причин и условий преступности и снижает эффективность

профилактических мероприятий. Необходимость разработки комплексной модели взаимодействия подразделений следствия, органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, правозащитных структур и институтов гражданского общества отмечается многими авторами в современной научной литературе [1, 2, 3, 4, 5], что подчеркивает актуальность рассматриваемой проблематики. Целью исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, было

¹ Следственные органы – органы дознания и предварительного следствия.

Arbi R. AKIEV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0001-6540-9606

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Head of the Department of Criminalistics

melhi530@mail.ru

INTERACTION OF INVESTIGATIVE AUTHORITIES WITH VARIOUS STRUCTURES IN THE INVESTIGATION AND PREVENTION OF FAMILY CRIMES

KEYWORDS. Crimes against family and minors, crime investigation, crime prevention, interaction, guardianship and custody authorities, juvenile commission, human rights ombudsman, public organization.

ANNOTATION. Introduction. The relevance of the study is due to the need to improve the efficiency of activities to detect, investigate and prevent crimes against the family and minors. Insufficiently high level of coordination between investigative bodies and state, municipal and public structures predetermines the emergence of problems that negatively affect the effectiveness of the law enforcement system, preventing the timely identification of the causes and conditions of crimes. **Methods.** In the course of the study, general scientific and specific scientific methods were used: analysis and synthesis, generalization of investigative and judicial practice, questionnaires of law enforcement officers. A forensic approach was applied to the study of the forms and directions of interdepartmental interaction. **Results.** It was found that the most significant subjects of interaction with investigative bodies involved in the investigation of family crimes are guardianship and custody authorities, juvenile commissions, state human rights institutions, educational and medical institutions, as well as public and volunteer organizations. The necessity of a systemic and multi-level approach to the organization of interaction has been proven. It should be implemented both in the form of permanent cooperation with civil society institutions and within the framework of situational interaction during the investigation of specific criminal cases. It has been revealed that the introduction of methodological recommendations concerning such cooperation and the organization of its regulatory framework will improve the effectiveness of the investigation, reduce risks and ensure a higher level of prevention of crimes committed against the family and minors.

определение оптимальных форм такого взаимодействия, а задачи сводились к анализу практики его осуществления, выявлению проблем и разработке рекомендаций по ее совершенствованию.

МЕТОДЫ

В ходе исследования был задействован комплекс общенаучных методов: анализ и синтез – для структурирования информации; сравнительно-правовой анализ – для сопоставления различных подходов к решению рассматриваемой проблемы; формально-юридический метод – для точной интерпретации правовых норм. Особое значение придавалось эмпирическим методам: было организовано анкетирование сотрудников следственных органов, его результаты подвергнуты статистической обработке. Изучены сведения, представленные в докладах уполномоченных по правам ребенка, а также примеры из судебно-следственной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Эффективное сотрудничество следственных органов с государственными и муниципальными институтами, а также с общественными организациями является не просто желательным, а зачастую абсолютно необходимым элементом успешной криминалистической работы. Такое межведомственное взаимодействие существенно повышает результативность решения ключевых задач расследования преступлений, включая информационное обеспечение, розыскные операции и профилактику правонарушений.

Особую значимость применительно к преступлениям против семьи и несовершеннолетних

имеет взаимодействие следственных органов с органами опеки и попечительства. Результаты проведенного нами опроса сотрудников органов дознания и предварительного следствия показывают, что значительная часть респондентов (65,7%¹) осознают важность такого сотрудничества для повышения эффективности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений рассматриваемой группы.

В ходе выполнения своих профессиональных обязанностей представители органов опеки и попечительства собирают и анализируют важную информацию о семьях, включая детали взаимоотношений внутри них, о добросовестности выполнения родительских обязанностей, о фактах безнадзорности, правонарушений и девиантном поведении несовершеннолетних. Кроме того, они обладают сведениями о семейных конфликтах, наличии заболеваний и отклонений в развитии у членов семьи, а также о случаях их противоправного поведения в прошлом, в том числе о преступлениях, совершенных в отношении семьи и несовершеннолетних, а также о потерпевших от таких деяний. Работники органов опеки и попечительства могут представлять следствию характеристики на членов семьи, опекунов и попечителей, высказывать профессиональное мнение о возможных причинах и условиях совершения преступлений в отношении членов семьи и несовершеннолетних. Эти данные целесообразно учитывать при выдвижении следственных версий.

Подобного рода криминалистически значимая информация может быть получена также при

¹ Здесь и далее, если не отмечено иное, указан % от общего числа респондентов (870), опрошенных в рамках проведения исследования.

взаимодействии следственных органов с государственными и муниципальными образовательными, спортивными, социальными, медицинскими и иными органами и учреждениями, которые работают с семьями и несовершеннолетними. Однако, как показывают результаты нашего исследования, лишь незначительная часть опрошенных следователей и дознавателей (около 12%) признают положительную роль перечисленных органов и учреждений в решении задач расследования преступлений. Это связано с тем, что сотрудники следственных органов воспринимают их скорее как источники получения криминалистически значимой информации. И потому зачастую взаимодействие сводится к допросу их работников в статусе свидетелей или привлечению этих лиц в качестве педагогов или психологов к производству следственных действий с участием несовершеннолетних.

В современной концепции государственной защиты семейных отношений и прав несовершеннолетних важнейшая роль отводится государственным институтам, осуществляющим функции защиты прав и свобод человека и гражданина в данной сфере. К числу таких институтов относятся Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и уполномоченные по правам человека в субъектах федерации, а также Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и уполномоченные по правам ребенка в субъектах федерации (далее – уполномоченные по правам).

Уполномоченные по правам проводят систематический анализ преступности в сфере семейных отношений, выявляя при этом обстоятельства, способствующие совершению преступных деяний, а также разрабатывают прогнозы и аналитические материалы, которые могут быть использованы при решении задач криминалистического обеспечения расследования как конкретных преступлений, так и следственной деятельности в целом. Например, в ежегодном докладе Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге в качестве причин, способствующих совершению преступлений в отношении семьи и несовершеннолетних, названы незначительная роль образовательных учреждений в воспитании и организации досуга детей, недостаточная профилактическая работа инспекторов территориальных отделов по делам несовершеннолетних на своих участках, асоциальное поведение родителей (законных представителей) и иные обстоятельства¹.

Подчеркнем, что в научной литературе существуют различные точки зрения относительно форм взаимодействия уполномоченных по правам и правоохранительных органов, в том числе полиции. К числу основных форм (носящих постоянный или временный характер) относят: инициирование и проведение уполномоченным проверок по фактам, изложенным в поступающих к нему жалобах; реализация двустороннего

информационного обмена; подготовка и направление в адрес полиции рекомендаций; совместная работа в составе коллегиальных органов, рабочих групп и комиссий; заключение официальных соглашений о сотрудничестве [6, с. 224-225]. Вместе с тем перечисленные формы носят преимущественно административный характер и направлены больше на координацию деятельности между государственными органами, хотя и могут служить организационной основой для криминалистического взаимодействия.

Отдельного рассмотрения заслуживает позиция авторов, высказывающихся о целесообразности наделения уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации и сотрудников их аппаратов при наличии определенных условий (несовершеннолетний является сиротой, значительный общественный резонанс преступления и т.д.) процессуальным статусом законного представителя несовершеннолетнего в рамках уголовного процесса, а также о расширении иных форм их участия в уголовном судопроизводстве [7, с. 578]. В случае принятия законодателем таких изменений сфера взаимодействия следственных органов с уполномоченными по правам значительно расширится, что, в свою очередь, создаст объективную потребность в разработке специализированных методических рекомендаций по организации такого взаимодействия. В частности, необходимо будет определить порядок участия уполномоченных в следственных действиях, предоставления ими информации, использования их экспертного мнения при расследовании преступлений в отношении несовершеннолетних.

С учетом многоаспектного характера задач криминалистического обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым в отношении семьи и несовершеннолетних, представляется целесообразным обратить внимание не только на проблемы их раскрытия и расследования, но и на вопросы предупреждения таких преступлений. В данном контексте особое значение приобретает исследование взаимодействия следственных органов с комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН), которые функционируют как коллегиальные органы, встроенные в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Интерес вызывает представленная в научной литературе позиция, в соответствии с которой КДН могут рассматриваться в качестве объекта криминалистической профилактики преступлений против детей и подростков. Например, Н.Н. Ильин, анализируя проблему криминалистического предупреждения доведения несовершеннолетних до самоубийства с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, указывает на возникающую у следователя необходимость в каждом случае производства расследования либо доследственной проверки (ст.ст. 144-145 УПК РФ) «направлять информацию или вносить представ-

¹ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге и о соблюдении прав и законных интересов детей в 2024 году. С. 41 // Уполномоченный по правам ребенка в Санкт-Петербурге: сайт // URL: https://spbdeti.org/upload/iblock/357/f10ncjwqspqic00z1kiskc8zw7jy26ow/ZAKS_2025.pdf (дата обращения: 15.07.2025).

ление об устранении причин, способствовавших совершению самоубийства, в адрес уполномоченного государственного органа в сфере защиты прав несовершеннолетних» [8, с. 10]. При этом, ссылаясь на Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», он справедливо относит к числу таких субъектов прежде всего КНД, а также иные учреждения, представители которых включены в ее состав.

Соглашаясь в целом с точкой зрения Н.Н. Ильина, считаем необходимым добавить, что признание КДН объектом криминалистической профилактики оправдано лишь в тех случаях, когда обстоятельствами, способствовавшими совершению противоправных деяний в отношении семьи и несовершеннолетних, являются недостатки в деятельности КДН: бездействие, несвоевременное реагирование на сигналы о неблагополучии либо ошибочные управленческие решения, объективно создающие условия для совершения преступления. Вместе с тем подчеркнем, что комплексное решение проблем предупреждения и пресечения преступлений против семьи и несовершеннолетних невозможно без выстраивания эффективного взаимодействия следственных органов не только с КДН, но и с иными субъектами профилактики: образовательными учреждениями, социальными службами, общественными объединениями, а также иными институтами гражданского общества, деятельность которых способствует снижению уровня преступности, причиняющей вред семье и несовершеннолетним.

В комплексе общественных институтов, взаимодействующих со следственными органами по уголовным делам, связанным с преступлениями против семьи и несовершеннолетних, целесообразно выделять несколько групп. Составляющие их институты различаются по целям, функциональной направленности и степени вовлеченности в раскрытие, расследование и предупреждение преступлений рассматриваемого вида.

К первой группе следует отнести общественные формирования и организации, а также отдельных граждан, чья деятельность сопряжена с содействием правоохранительным органам в вопросах охраны общественного порядка, предотвращения и пресечения противоправного поведения. Это общественные структуры правоохранительной ориентации, включая народные дружины, функционирующие на основании норм специального законодательства¹, ветеранские объединения при органах внутренних дел и других силовых ведомствах, внештатные сотрудники полиции², а также общественные помощники

следователей Следственного комитета Российской Федерации³.

Вторую группу образуют организации и объединения, основными задачами которых являются защита прав и законных интересов детей, укрепление института семьи, поддержка материнства и отцовства, сохранение и развитие традиционных духовных и нравственных ценностей. На федеральном, региональном и международном уровнях функционирует значительное количество подобных структур. Это, например, «Фонд защиты детей», «Международная ассоциация детских фондов», «Семьи России» и др.

В третью группу входят объединения граждан, функционирующие в сфере образования и воспитания несовершеннолетних: коллективы образовательных организаций, школьные и родительские советы, неформальные сообщества родителей в социальных сетях и мессенджерах и пр. Предоставление им сведений, полученных в ходе предварительного расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, включая данные о жертвах (в том числе детях и подростках), и обстоятельствах, способствующих совершению таких преступлений, а также о мерах, позволяющих своевременно выявлять и предупреждать подобного рода деяния, осуществляется в рамках взаимодействия по направлению информирования заинтересованных представителей общественности, что стимулирует их к оказанию содействия следственным органам при производстве расследования.

Четвертую группу составляют общественные организации, обеспечивающие информационную безопасность и защиту несовершеннолетних в цифровой среде. Такие объединения, как «Лига безопасного Интернета» и «Альянс по защите детей в цифровой среде», проводят мониторинг интернет-ресурсов и социальных сетей, выявляют противоправный контент, фиксируют факты его распространения. Правоохранительная практика и научные исследования подтверждают эффективность их взаимодействия со следственными органами в рамках криминалистической профилактики⁴.

Пятая группа – это волонтерские объединения, занимающиеся поиском пропавших людей. Их взаимодействие с правоохранительными органами имеет не только социальное, но и криминалистическое значение [9, с. 135; 10, с. 100; 11, с. 104; 12, с. 132; 13, с. 220]. Наибольшую известность среди них в настоящее время имеют добровольческий поисково-спасательный отряд «ЛизаАлерт», ассоциация «Поиск пропавших детей», Национальный центр помощи пропавшим и пострадавшим детям, активно действуют также региональные во-

¹ Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14. Ст. 1536.

² Ст. 10 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

³ Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 04.05.2011 № 74 «Об организации работы с общественными помощниками следователя в системе Следственного комитета Российской Федерации».

⁴ См., например: Следственный департамент МВД России совместно с Лигой безопасного Интернета открыли цикл совместных уроков в школах России по безопасности в сети Интернет и профилактике дистанционного мошенничества // Следственный департамент МВД России: сайт // URL: <https://следствие.mvd.rf/news/item/38282381> (дата обращения: 20.07.2025).

лонтерские сообщества. По данным МВД России, сотрудничество органов внутренних дел с такими объединениями осуществляется в 80 субъектах Российской Федерации и охватывает более 20 тысяч человек; только в 2024 году при их содействии было найдено свыше четырех тысяч пропавших несовершеннолетних¹.

Таким образом, представляется обоснованным утверждать, что эффективное криминалистическое обеспечение взаимодействия следственных органов с институтами гражданского общества при расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних должно рассматриваться как многоуровневая система, включающая в себя организационно-нормативный и ситуативно-прикладной уровни.

Первый уровень предполагает установление и поддержание постоянного взаимодействия с общественными организациями и объединениями, содействие их функциональной готовности к решению типовых задач, возникающих в деятельности следственных подразделений и органов дознания. Взаимодействие на данном уровне обеспечивается на институциональной основе, координируется руководителями правоохранительных органов и реализуется, в частности, посредством межведомственных и ведомственных нормативных актов, инструкций, издание которых ориентировано на оптимизацию использования ресурсов общественности на криминалистически значимых направлениях деятельности правоохранительных органов [14, с. 133].

Показательным примером является совместная работа Следственного комитета, МВД и МЧС по подготовке методических рекомендаций по взаимодействию с добровольческими организациями при поиске без вести пропавших людей, в том числе несовершеннолетних². Этот документ, закрепивший системный подход к данному виду деятельности, распределение компетенций и ответственности, демонстрирует возможности эффективного криминалистического обеспечения сотрудничества правоохранительных органов и общества. Логичным шагом видится разработка аналогичных методик для решения других типовых задач предварительного расследования во взаимодействии с общественностью.

Второй уровень – ситуативно-прикладной – предусматривает взаимодействие в рамках производства расследования по конкретным уголовным делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, обусловленное особенностями возникающих следственных ситуаций и их динамикой.

Здесь учитывается целый комплекс факторов, включая влияние на следственную ситуацию общественного резонанса, который традиционно сопровождает появление сведений о совершении преступлений рассматриваемого нами вида. С одной стороны, такой резонанс может существенно

осложнить работу следственных органов: бесконтрольное распространение информации, а также домыслы и слухи о потерпевших и обвиняемых нередко приводит к росту напряженности, а в ряде случаев – к угрозе самосуда или массовых беспорядков. Такие эксцессы в криминалистической литературе неоднократно описывались применительно к расследованию преступлений против несовершеннолетних [15, с. 186].

С другой стороны, пристальное общественное внимание может быть ресурсом, способствующим мобилизации граждан и общественных структур для помощи следственным органам. В этом случае взаимодействие должно строиться на основе применения комплекса криминалистических средств и приемов, обеспечивающих минимизацию рисков и недопущение деструктивных последствий. К их числу относится использование продуманных комбинаций следственных действий и организационно-тактических мероприятий, позволяющих не только оптимизировать сотрудничество с общественностью, но и интегрировать инициативные формы ее участия в общую систему профилактики и раскрытия преступлений против семьи и несовершеннолетних.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования подтверждают, что раскрытие, расследование и предупреждение преступлений против семьи и несовершеннолетних невозможно рассматривать исключительно в рамках деятельности следственных органов. Эффективность данной работы напрямую зависит от качества обеспечения комплексного взаимодействия с государственными, муниципальными и общественными институтами, обладающими значительным объемом криминалистически значимой информации и возможностями по оказанию содействия в профилактике совершения преступлений.

В ходе исследования нами были изучены представленные в литературе мнения ученых по рассматриваемой тематике и сложившаяся практика взаимодействия следственных органов с государственными и общественными структурами. Осуществленный анализ позволил выявить проблемы его реализации. Считаем, что для их решения было бы целесообразно внедрение двухуровневой модели такого взаимодействия:

- институциональный уровень (сотрудничество с общественными объединениями и организациями регламентируется межведомственными актами и документами методического характера);
- ситуативный уровень (осуществляется оперативное взаимодействие в рамках расследования по конкретным уголовным делам, учитывающее специфику следственных ситуаций, общественный резонанс и необходимость быстрой мобилизации ресурсов).

Для эффективной реализации данной модели необходимо:

¹ 25 мая – Международный день пропавших детей // МВД России: сайт. 25.05.2025 // URL: <https://мвд.рф/news/item/65419518> (дата обращения: 25.07.2025).

² Алгоритм взаимодействия государственных органов, волонтерских организаций и добровольцев при организации и осуществлении розыска без вести пропавших граждан, в том числе несовершеннолетних (методические рекомендации), утв. МВД России, СК России, МЧС России // СПС «КонсультантПлюс».

- разработать унифицированные нормативные и методические документы. Их наличие обеспечит единообразие в подходах к взаимодействию, позволит исключить правовую неопределенность, минимизировать риск выхода общественных объединений за пределы исполняемой ими процессуальной роли, укрепить доверие между следственными органами и гражданским обществом;

- наладить защищенный информационный обмен между следственными органами и государственными, муниципальными и общественными структурами с использованием цифровых платформ;

- расширить совместную работу с объединениями, обеспечивающими информационную безопасность несовершеннолетних в цифровой среде;

- включить в программы профессиональной подготовки и переподготовки сотрудников следственных органов специальные дисциплины по организации взаимодействия с общественными структурами;

- внедрить систему мониторинга эффективности взаимодействия следственных органов с общественными организациями и использовать его результаты для корректировки стратегии профилактики преступлений.

Таким образом, криминалистическое обеспечение обладающего значительным практическим и профилактическим потенциалом взаимодействия следственных органов с государственными и общественными институтами следует рассматривать не как факультативное, а как необходимое условие эффективного противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ушакова В.В. Формы и приемы взаимодействия органов предварительного следствия с подразделением по делам несовершеннолетних // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 209-215.

2. Свечников Н.И., Хальметов А.И. Взаимодействие служб и подразделений полиции с государственными органами и органами местного самоуправления по профилактике безнадзорности и административных правонарушений несовершеннолетних // Наука. Общество. Государство. 2022. № 3 (39). С. 84-92.

3. Шондиров Р.Х. Взаимодействие полиции с институтами гражданского общества в вопросах профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Право и управление. 2024. № 10. С. 264-266.

4. Кузнецова И.О., Борисова В.Ф., Спесивов Н.В. Актуальные проблемы эффективности межведомственного взаимодействия в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в свете новых вызовов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). С. 59-67.

5. Николук В.В., Гусев В.А. Привлечение инспектора по делам несовершеннолетних органов внутренних дел к участию в работе следственно-оперативной группы // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 93-99.

6. Трусов Н.А., Цветков В.В. Взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с правоохранительными органами (на примере полиции) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 221-226.

7. Багаутдинов Ш.Ф. Актуальные вопросы участия уполномоченного по правам ребенка в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 4 (46). С. 574-579.

8. Ильин Н.Н. Взаимодействие следователя с различными органами и организациями на первоначальном этапе расследования доведения до самоубийства несовершеннолетних с помощью сети Интернет // Российский следователь. 2022. № 8. С. 7-12.

9. Богомолова А.Г., Головин А.Ю. Взаимодействие органов предварительного расследования с общественностью в современных условиях. М.: Юрлитинформ, 2024. 175 с.

10. Константинов А.В., Михайленко Н.В. Оказание добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в мероприятиях по поиску лиц, пропавших без вести // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 99-103.

11. Артюхов А.В., Корнаухова Н.Г. Организационно-правовые основы участия граждан в розыске лиц, пропавших без вести // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 101-105.

12. Красовская Е.Л. Взаимодействие розыскных подразделений с волонтерскими движениями при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 132-137.

13. Захарова В.О. О некоторых ошибках, допускаемых в ходе установления обстоятельств безвестного исчезновения несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 218-221.

14. Пономарева Н.С., Сизых А.Д. Отдельные вопросы взаимодействия добровольческих поисково-спасательных отрядов со следственными органами Следственного комитета России при организации поиска без вести пропавших граждан // Современное право. 2024. № 11. С. 132-135.

15. Шапиро Л.Г., Гарига О.А. Трансформация взаимодействия правоохранительных органов с общественностью в современных условиях борьбы с преступностью // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 4 (86). С. 181-189.

REFERENCES

1. Ushakova V.V. Formy i priyemy vzaimodeystviya organov predvaritel'nogo sledstviya s podrazdeleniyem po delam nesovershennoletnikh // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 2 (76). S. 209-215.
2. Svechnikov N.I., Khal'metov A.I. Vzaimodeystviye sluzhb i podrazdeleniy politzii s gosudarstvennymi organami i organami mestnogo samoupravleniya po profilaktike beznadzornosti i administrativnykh pravonarusheniy nesovershennoletnikh // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2022. № 3 (39). S. 84-92.
3. Shondirov R.Kh. Vzaimodeystviye politzii s institutami grazhdanskogo obshchestva v voprosakh profilaktiki pravonarusheniy, sovershayemykh nesovershennoletnikami // Pravo i upravleniye. 2024. № 10. S. 264-266.
4. Kuznetsova I.O., Borisova V.F., Spesivov N.V. Aktual'nyye problemy effektivnosti mezhvedomstvennogo vzaimodeystviya v sisteme profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh v svete novykh vyzovov // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2022. № 6 (149). S. 59-67.
5. Nikolyuk V.V., Gusev V.A. Privlecheniye inspektora po delam nesovershennoletnikh organov vnutrennikh del k uchastiyu v rabote sledstvenno-operativnoy gruppy // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 4 (64). S. 93-99.
6. Trusov N.A., Tsvetkov V.V. Vzaimodeystviye Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii s pravookhranitel'nymi organami (na primere politzii) // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2018. № 3 (43). S. 221-226.
7. Bagautdinov Sh.F. Aktual'nyye voprosy uchastiya upolnomochennogo po pravam rebenka v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 4 (46). S. 574-579.
8. Il'in N.N. Vzaimodeystviye sledovatelya s razlichnymi organami i organizatsiyami na pervonachal'nom etape rassledovaniya dovedeniya do samoubiystva nesovershennoletnikh s pomoshch'yu seti Internet // Rossiyskiy sledovatel'. 2022. № 8. S. 7-12.
9. Bogomolova A.G., Golovin A.Yu. Vzaimodeystviye organov predvaritel'nogo rassledovaniya s obshchestvennost'yu v sovremennykh usloviyakh. M.: Yurлитinform, 2024. 175 s.
10. Konstantinov A.V., Mikhaylenko N.V. Okazaniye dobrovol'cheskimi (volonterskimi) organizatsiyami pomoshchi organam vnutrennikh del v meropriyatiyakh po poisku lits, propavshikh bez vesti // Kriminologicheskii zhurnal. 2023. № 3. S. 99-103.
11. Artyukhov A.V., Kornaukhova N.G. Organizatsionno-pravovyye osnovy uchastiya grazhdan v rozyске lits, propavshikh bez vesti // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 1 (64). S. 101-105.
12. Krasovskaya Ye.L. Vzaimodeystviye razysknykh podrazdeleniy s volonterskimi dvizheniyami pri osushchestvlenii rozyска lits, propavshikh bez vesti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 3. S. 132-137.
13. Zakharova V.O. O nekotorykh oshibkakh, dopuskayemykh v khode ustanovleniya obstayatel'stv bezvestnogo ischeznoeniya nesovershennoletnikh // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2020. № 1. S. 218-221.
14. Ponomareva N.S., Szykh A.D. Otdel'nyye voprosy vzaimodeystviya dobrovol'cheskikh poiskovo-spasatel'nykh otryadov so sledstvennymi organami Sledstvennogo komiteta Rossii pri organizatsii poiska bez vesti propavshikh grazhdan // Sovremennoye pravo. 2024. № 11. S. 132-135.
15. Shapiro L.G., Gariga O.A. Transformatsiya vzaimodeystviya pravookhranitel'nykh organov s obshchestvennost'yu v sovremennykh usloviyakh bor'by s prestupnost'yu // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021. № 4 (86). S. 181-189.

© Акиев А.Р., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Акиев А.Р. Взаимодействие следственных органов с различными структурами при расследовании и в целях предупреждения семейных преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 65-71.

Даниил Алексеевич ЛЕГУШЕНКО,
ORCID 0009-0007-6096-0993
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
адъюнкт
legushenko@yandex.ru

Научный руководитель:
Ольга Борисовна ДРОНОВА,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
криминалистической техники учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России

Научная статья
УДК 343.97

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Несовершеннолетний, террористическая деятельность, терроризм, вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность, механизм совершения преступления, межведомственное взаимодействие.

АННОТАЦИЯ. Введение. В статье вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность рассматривается как одна из наиболее актуальных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Обоснована значимость изучения данной проблематики в контексте растущей террористической активности и увеличения числа подростков, вовлекаемых в совершение преступлений. Подчеркивается необходимость применения системного подхода к анализу вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность. Указано на то, что данный феномен представляет собой структурный элемент механизма совершения преступлений террористического характера. **Методы.** Методологическую основу исследования, результаты которого отражены в статье, составили диалектический, формально-юридический, логико-юридический и сравнительно-правовой методы, обеспечившие изучение правовых конструкций нормативного регулирования противодействия вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность. **Результаты.** Данные, полученные в ходе исследования, позволили сформировать авторское определение понятия «вовлечение несовершеннолетнего в террористическую деятельность», обосновать целесообразность его теоретико-правовой конкретизации в контексте раскрытия и расследования преступлений, а также выявить криминалистические особенности вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность как самостоятельной формы преступной деятельности. Сделан вывод о необходимости усиления межведомственного взаимодействия как элемента частной методики расследования преступлений террористического характера, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия.

ВВЕДЕНИЕ

Терроризм представляет собой негативное социальное явление, способное дестабилизировать политическую, социальную и экономическую системы отдельных государств и всего мирового сообщества, а потому относится к числу основных угроз национальной и международной безопасности. Его пагубное воздействие на общество весьма многогранно. Особую тревогу вызывает участие в террористической деятельности несовершеннолетних – той категории населения, которая определяет будущее любой страны, но

наиболее уязвима перед идеологическим внушением и манипуляциями.

Современная геополитическая обстановка обуславливает необходимость определения перспективных направлений преодоления имеющих организационно-методический характер проблем, связанных с расследованием преступлений террористической направленности, к совершению которых имеют отношение несовершеннолетние.

Результаты анализа статистических данных показывают, что в 2024 году всего было зарегистрировано 3714 преступлений террористического

Daniil A. LEGUSHENKO,
ORCID 0009-0007-6096-0993

Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Adjunct
legushenko@yandex.ru

Scientific supervisor:

Olga B. DRONOVA,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic
Technology of the Educational and Scientific Complex of Forensic
Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

**INVOLVEMENT OF MINORS IN TERRORIST ACTIVITY
AS AN ELEMENT OF THE MECHANISM OF COMMITTING A CRIME**

KEYWORDS. Minor, terrorist activity, terrorism, involvement of minors
in terrorist activity, mechanism of committing a crime, interagency cooperation.

ANNOTATION. *Introduction.* The article considers the involvement of minors in terrorist activities as one of the most pressing threats to the national security of the Russian Federation. The importance of studying this issue in the context of growing terrorist activity and an increase in the number of adolescents involved in committing crimes is substantiated. The need to apply a systematic approach to the analysis of the involvement of minors in terrorist activities is emphasized. It is indicated that this phenomenon is a structural element of the mechanism for committing terrorist crimes. *Methods.* The methodological basis of the study, the results of which are reflected in the article, consisted of dialectical, formal-legal, logical-legal and comparative-legal methods, which ensured the study of legal structures of normative regulation of counteracting the involvement of minors in terrorist activities. *Results.* The data obtained during the study allowed us to formulate the author's definition of the concept of «involvement of a minor in terrorist activity», to substantiate the expediency of its theoretical and legal specification in the context of solving and investigating crimes, and to identify forensic features of involving minors in terrorist activity as an independent form of criminal activity. A conclusion was made about the need to strengthen interagency cooperation as an element of a private methodology for investigating terrorist crimes committed by minors.

характера, что на 55,9% больше, чем годом ранее¹. Примечательно, что даже в 2022 году, когда наблюдался значительный рост числа таких преступлений, связанный с началом проведения специальной военной операции, динамика не была столь стремительной. Государство и общество обеспокоены тем, что в террористическую деятельность вовлекаются несовершеннолетние. В 2024 году в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, Росфинмониторинга было внесено 93 подростка², что является самым высоким показателем за последние шесть лет. Следует также обратить внимание на то, что в 2024 году произошло увеличение количества несовершеннолетних, совершивших преступления террористического характера – на 122,7% (до 98 с 44 годом ранее)³.

Резко участились случаи вербовки подростков в целях совершения поджогов объектов военного назначения и транспортной инфраструктуры.

Она, как правило, осуществляется посредством использования современных телекоммуникационных технологий (мессенджеров, социальных сетей, чатов и т.п.). Кроме того, отметим, что за последние годы в правоохранительные органы стало больше поступать сообщений от несовершеннолетних абонентов, содержащих заведомо ложную информацию о размещении в общественных местах взрывных устройств и готовящихся вооруженных нападениях на объектах проведения массовых культурно-досуговых мероприятий [1, с. 36].

Таким образом, состояние преступности демонстрирует, что в Российской Федерации наблюдается повышение террористической активности в целом. И необходимо констатировать, что участие несовершеннолетних в преступной деятельности такого вида ставит под угрозу безопасность общества не только в настоящее время, но и в будущем.

МЕТОДЫ

Методологической основой исследования, результаты которого представлены в настоящей

¹ Состояние преступности в России за январь - декабрь 2024 года // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 08.05.2025).

² Таланова Д. В 2024 году российский реестр террористов и экстремистов пополнили 93 несовершеннолетних // URL: <https://storage.googleapis.com/novayagazeta-eu/pdf/2024/09/13/v-2024-godu-rossiiskii-reestr-terroristov-i-ekstremistov-popolnili-93-nesovershennoletnikh-eto-rekord-minimum-za-shest-let-news.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

³ Дети и опасность онлайн: экстремизм и терроризм. Будьте бдительны! Всероссийское родительское собрание по вопросам профилактики тяжких, особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также вовлечения несовершеннолетних в совершение общественно опасных противоправных деяний с использованием компьютерных технологий // URL: https://minkult.49gov.ru/common/upload/62/editor/file/Deti_i_opasnost_onlayn._Ekstremizm_i_terrorizm.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

статье, стал комплекс общенаучных и частнонаучных методов, обеспечивающих анализ механизма вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность в условиях трансформации форм и способов реализации преступных намерений. Диалектический метод познания позволил рассматривать изучаемое криминальное явление во взаимосвязи правовых, социальных, психологических и криминалистических факторов, определяющих его специфику. Системный подход обеспечил целостное восприятие проблемы. Формально-юридический метод способствовал выявлению особенностей и характерных признаков террористической деятельности, что, в свою очередь, дало возможность конкретизировать сущность вовлечения несовершеннолетнего в террористическую деятельность. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления различных трактовок понятия «вовлечение», выявленных в уголовно-правовой доктрине и научной литературе. Применение логико-юридического метода было востребовано для выстраивания логически обоснованной структуры данного понятия в контексте информационной модели изучаемого явления. Комплексное применение перечисленных методов позволило исследовать вовлечение несовершеннолетнего в террористическую деятельность как элемент механизма этих преступлений.

Эмпирическую базу исследования составили данные Перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, Росфинмониторинга о количестве включенных в него несовершеннолетних, материалы судебно-следственной практики по преступлениям террористического характера, совершенным с участием несовершеннолетних.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 2 июля 2021 г., ориентирована на решение задач по обеспечению государственной и общественной безопасности¹. Среди прочего речь идет и о предотвращении радикализации населения, в том числе и несовершеннолетних. Значительных позитивных результатов в этой работе не добиться без внедрения в деятельность правоохранительных органов актуальных криминалистических методов и средств, обеспечивающих не только своевременное и всестороннее расследование преступлений террористического характера, но и превентивные меры противодействия интеграции подростков в терроризм [2, с. 25].

Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений рассматриваемого нами вида представляет собой сложное явление, которое можно изучать с позиций различных наук (уголовное право, криминология, криминалистика, психо-

логия и пр.). Научная литература не оперирует понятием «вовлечение несовершеннолетнего в террористическую деятельность», не дает его определения, не проводит анализа конкретизирующих признаков, присущих данному явлению. В трудах ученых представлены такие дефиниции, как «вовлечение в террористическую деятельность» [3, с. 359], «вовлечение несовершеннолетнего в противоправную деятельность» [4, с. 147]. Положения нормативно-правовых актов также не дают трактовки исследуемого понятия.

По нашему мнению, для формулирования определения понятия «вовлечение несовершеннолетнего в террористическую деятельность» можно начать с применения лексического подхода к толкованию терминов «терроризм» и «террористическая деятельность». В словаре В.И. Даля содержание «терроризма» (от лат. terror - страх, ужас) раскрывается как «устрашивание, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства»². В свою очередь, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова в своем толковом словаре определяют «террор» как устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения, жесткое запугивание, насилие, а «терроризм» – как политику и практику террора³. Согласно Современному словарю иностранных слов «террор» – это политика устрашения, подавления политических и классовых противников с применением насилия, вплоть до физического уничтожения, средство достижения политических и других целей путем диверсий, убийств, похищений и т.п., а терроризм – политика и тактика террора⁴.

Необходимо подчеркнуть, что представленные выше варианты толкования содержания понятия «терроризм» не охватывают собой ряд важных аспектов. Следует учитывать не только устрашающий характер деяний, но и целенаправленную деструкцию политической и социальной стабильности, организованную природу субъектов террористической активности, идеологическое или религиозное обоснование террористической деятельности, а также ее информационно-психологическое воздействие на массовое сознание общества [5, с. 24]. Эти элементы не нашли отражения в классических словарных дефинициях, однако являются ключевыми в актуальной правовой и научной парадигме.

Таким образом, с точки зрения лексики терроризм можно определить как форму насильственных действий, используемых для запугивания, обладающую двумя принципиально важными особенностями:

1. Целенаправленное устрашение общества, которое является не конечной целью, а инструментом давления на социальные институты для реализации конкретных задач (таких как корректировка государственной политики).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400

«О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1956. С. 401.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 796.

⁴ Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. М., 2006. С. 733-734.

2. Применение насилия или прямая угроза его осуществления, порождающие в обществе или в отдельных социальных группах состояние страха, паники, психологической подавленности.

В настоящее время неверно определять терроризм лишь посредством указания на насильственный характер действий, поскольку необходимо иметь в виду, что ненасильственные его проявления создают не меньшую угрозу, чем преступления террористического характера, сопряженные с насилием. Как отмечает А.Н. Курдуков, ненасильственный характер террористической деятельности может нести в себе в некоторой степени большую опасность для состояния защищенности общества и государства, связанную с потенциальными рисками распространения террористической угрозы [6, с. 143]. Это выражается в осуществлении идеологического, психологического и информационного воздействия, направленного на формирование радикальных установок и дестабилизацию общественного порядка без непосредственного применения физического насилия. Особую актуальность данное обстоятельство приобретает в условиях обострения социальных отношений, когда значительно увеличивается количество лиц, подверженных деструктивному влиянию со стороны радикальных и экстремистских идеологий. Несовершеннолетние в этом контексте представляют собой весьма уязвимую категорию населения ввиду незавершенности у них процессов формирования личности [7, с. 76].

Итак, лексический анализ терминов «терроризм» и «террористическая деятельность» позволил зафиксировать эволюцию их смыслового наполнения: от узко понимаемого насилия и устрашения в словарных источниках XIX–XX веков к многокомпонентной, системной характеристике, включающей в себя идеологическую, информационно-психологическую и организационную составляющие, присущие террористической деятельности в современных реалиях. Одной из целей нашего исследования было выявление исходного, базового содержания обозначаемых данными терминами понятий. На этой основе проводилось сопоставление традиционного представления о содержании понятия «терроризм» с современными интерпретациями. В результате установлено, что классические словарные определения не отражают целый ряд принципиальных признаков терроризма: деструктивную направленность на подрыв государственной и социальной стабильности, наличие идеологической составляющей, использование ненасильственных средств вовлечения. Лексический подход позволил обосновать необходимость более широкого понимания терроризма, охватывающего не только насильственные, но и ненасильственные его формы. Последнее обстоятельство особенно важно в рамках изучения вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность.

Однако лишь лексического осмысления понятий недостаточно для комплексного понимания сущности вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера. Необходима правовая конкретизация изучаемой категории, позволяющая выявить ее нормативные границы и содержательные аспекты, закрепленные в законодательстве. Поэтому в ходе исследования нами был проведен анализ юридического определения понятия «террористическая деятельность», из которого, как очевидно, и вытекает дефиниция вовлечения в террористическую деятельность.

Законодательство Российской Федерации рассматривает практику терроризма через содержание понятия «террористическая деятельность». Согласно ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», под таковой понимается совокупность действий, направленных на организацию, подготовку и реализацию террористических актов, формирование и поддержку террористических структур, а также пропаганду и иное содействие терроризму, включая информационное и идеологическое влияние. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в российских нормативно-правовых актах террористическая активность трактуется как многоаспектное противоправное явление, охватывающее не только непосредственное совершение насильственных действий, но и подготовительные, организационные и идеологические составляющие преступной деятельности данного вида. Такой подход соответствует стандартам международной стратегии организации противодействия терроризму¹, в рамках которой акцент делается на необходимости пресечения террористической деятельности правоохранными органами на ранних стадиях подготовки преступлений, включая профилактику радикализации населения и активное противодействие финансированию террористических организаций.

Отметим, что понятие «вовлечение в террористическую деятельность» отражено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1. В этом документе рассматриваются вопросы судебной практики по уголовным делам, связанным с преступлениями террористической направленности. Под действиями, направленными на склонение, вербовку или иное вовлечение лица либо группы лиц к совершению преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности), здесь понимается осознанное и целенаправленное поведение, заключающееся в попытках повлиять на лицо с целью побудить его к участию в террористической деятельности². Такое воздействие может выражаться в самых различных формах, включая просьбы, уговоры, убеждение, обещания, запугивание, использование физической силы, а также подкуп. Данное разъяснение приобретает особую значимость в

¹ См.: Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма ETS № 196 (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2393.

² Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

контексте анализа вовлечения в террористическую деятельность именно несовершеннолетних, поскольку специфика их возраста и социально-психологического статуса обуславливают высокую восприимчивость к деструктивному влиянию. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на механизм вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

С учетом особенностей психоэмоционального состояния подростков, их недостаточной правовой осведомленности [8, с. 43], свойственного им в некоторых случаях правового нигилизма [9, с. 32], а также склонности к импульсивному поведению [10, с. 38] оказываемое на них вербовочное влияние бывает особенно эффективным. Именно поэтому несовершеннолетние выступают в качестве специального объекта вовлечения в преступную деятельность в целом.

Обращаясь к понятию «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», следует отметить, что ст. 150 УК РФ непосредственно предусматривает ответственность за подобного рода деяния. Однако положения уголовного законодательства не раскрывают содержания понятия «вовлечение», указывая лишь на способы интеграции несовершеннолетних в преступную деятельность, которыми являются обещания, обман, угрозы и др. Вместе с тем в разъяснениях, изложенных в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1, которое рассматривает вопросы судебной практики по уголовным делам, связанным с применением законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления понимаются действия взрослого лица, направленных на возбуждение у лица, не достигшего возраста 18 лет, желания совершить преступление¹. В постановлении указано, что данные действия могут быть выражены не только в форме угроз, обмана или обещаний, но и в форме предложения совершить преступление, а также разжигания чувств зависти, мести и т.д.

Некоторые ученые трактуют вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления как форму воздействия, выражающуюся в склонении либо принуждении лица, не достигшего совершеннолетия, к участию в конкретном противоправном деянии [11, с. 111]. При этом акцент делается на наличии направленного побуждающего поведения со стороны взрослого человека, влекущего за собой включение несовершеннолетнего в процесс совершения преступления. Другие исследователи рассматривают вовлечение как форму побудительного влияния, направленного на склонение несовершеннолетнего к участию в противоправных действиях, что оборачивается его приобщением к преступной деятельности в более широком смысле [12, с. 55]. Наиболее полным по содержанию представляется определение понятия «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» М.А. Селивановой, которая пони-

мает под таковым осознанную активную деятельность совершеннолетнего лица, целенаправленно воздействующего на лицо, заведомо не достигшее 18-летнего возраста, с целью формирования у него намерения или готовности принять участие в осуществлении общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом. Такое воздействие приводит к осуществлению несовершеннолетним конкретных действий, направленных на реализацию преступного умысла – в форме как приготовлений, покушения, так и оконченного преступления, – при осознании им фактических обстоятельств содеянного [4, с. 149].

Анализ научных и нормативно-правовых источников позволил нам выявить существенные характеристики вовлечения несовершеннолетнего в террористическую деятельность:

- вовлечение предполагает наличие целенаправленного и осознанного воздействия со стороны совершеннолетнего лица. Это действие не носит случайного или спонтанного характера, а, напротив, представляет собой результат волевого усилия, направленного на формирование у несовершеннолетнего готовности к противоправному поведению;

- объектом преступного влияния является лицо, заведомо не достигшее возраста 18 лет, что предполагает наличие у субъекта вовлечения точных сведений или хотя бы вероятного представления о несовершеннолетии вовлекаемого;

- процесс вовлечения подразумевает психологическое воздействие, выражающееся в побуждении к совершению преступления путем убеждения, внушения, создания мотивационных установок. Это воздействие может реализовываться как в прямой форме – через предложения, указания, принуждение, так и в опосредованной – через формирование эмоционального фона, разжигание негативных чувств (мести, зависти) либо апелляцию к псевдосоциальным или идеологическим ценностям [13, с. 68];

- результатом вовлечения становится реальное поведение несовершеннолетнего, направленное на осуществление общественно опасного деяния. При этом не имеет значения, достиг ли несовершеннолетний стадии приготовления, покушения или довел преступление до конца – достаточно факта активного участия в преступной деятельности, обусловленного влиянием вовлекающего;

- существует причинная связь между действиями взрослого и формированием преступного намерения у подростка [14, с. 268]. Именно эта зависимость отличает вовлечение от соучастия или подстрекательства в классическом понимании: при вовлечении объектом является прежде всего воля несовершеннолетнего, а не техническое содействие в совершении преступления.

Таким образом, под вовлечением несовершеннолетнего в террористическую деятельность как элементом механизма совершения преступления следует понимать совокупность осознанных и целенаправленных действий совершеннолетнего лица, направленных на формирование у заведомо

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

несовершеннолетнего лица установки, готовности или мотивации к участию в осуществлении деяний, обладающих признаками террористической деятельности, в том числе к содействию террористическим организациям, а также формированию и распространению террористической идеологии, с использованием психологического, идеологического, физического или иного воздействия.

Вовлечение может быть реализовано как через прямой личный контакт, то есть в форме непосредственного взаимодействия между субъектом и объектом противоправного воздействия, в ходе которого осуществляется вербовочное, угрожающее или манипулятивное влияние, так и дистанционно и/или анонимно – через распространение радикальных материалов в информационно-телекоммуникационной сети, использование мессенджеров, игровых платформ и иных цифровых каналов коммуникации [15, с. 27]. Характерной особенностью данного явления выступает направленность действий вовлекающего субъекта на трансформацию мировоззрения подростка, подрыв его базовых социально-нравственных ориентиров и формирование деструктивной модели поведения, сопряженного с насилием, разрушением и противоправной деятельностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нарастание террористической активности несовершеннолетних требует комплексного переосмысления подходов к предупреждению, выявлению и расследованию преступлений изучаемого

нами вида. Вовлечение подростков в террористическую деятельность представляет собой непосредственную угрозу будущему Российского государства, это опасное явление требует междисциплинарного анализа и системного реагирования. Современные реалии диктуют необходимость усиления межведомственного взаимодействия правоохранительных структур, образовательных учреждений, органов опеки и других институтов, занимающихся профилактикой противоправного поведения несовершеннолетних, с целью раннего выявления признаков радикализации подростков и своевременного принятия мер. Успешное противодействие таким преступлениям, как вовлечение подростков в террористическую деятельность, возможно лишь при реализации государственной политики, направленной на формирование у подрастающего поколения стойкого иммунитета к радикальным идеологиям, а также при условии высокого уровня профессиональной подготовленности сотрудников правоохранительных органов и специалистов в области информационной безопасности.

С учетом того, что в настоящее время происходит стремительная трансформация угроз и способов противоправного воздействия на несовершеннолетних, научная проработка поднятой в нашем исследовании проблемы приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение. От ее решения зависит совершенствование деятельности, направленной на дальнейшее развитие национальной системы безопасности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шигуров А.В., Шигурова Е.И. Проблемы уголовно-правового противодействия заведомо ложным сообщениям об акте терроризма, совершаемым несовершеннолетними // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 2 (9). С. 36-44.
2. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
3. Гаджималикова З.Х. Вовлечение в террористическую деятельность как особый вид пособничества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 358-363.
4. Селиванова М.А. К вопросу о понятии вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Известия Байкальского государственного университета. 2010. № 2. С. 146-149.
5. Алексеева А.П. Перспективы развития уголовного законодательства в киберсфере // Подготовка сотрудников полиции к использованию информационных технологий в борьбе с преступностью. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Вып. 2. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 24-31.
6. Курдуков А.Н. Уголовно-правовые особенности и виды преступлений террористической направленности, совершаемых ненасильственными способами // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 11А. С. 142-148.
7. Алексеева А.П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 76-80.
8. Алексеева А.П. Правовой инфантилизм в современном российском обществе // Личность. Общество. Государство. Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб: СПбГУ, 1998. С. 42-45.
9. Канина Ю.С. Особенности выражения правового нигилизма молодежи и пути его преодоления // Социально-политические науки. 2019. № 4. С. 30-34.
10. Купченко В.Е., Ратанина О.В. Особенности самоконтроля, импульсивности, агрессивности и эмпатии подростков с делинквентным поведением // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2016. № 2. С. 36-41.
11. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность: Монография. М.: Российское право, 1992. 432 с.
12. Худяков Е.А. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. М., 1967. 312 с.
13. Карташов С.В. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 64-72.

14. Косова Н.Н. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовно-правовые аспекты // Вопросы управления. 2015. № 4 (16). С. 265-269.

15. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.

REFERENCES

1. Shigurov A.V., Shigurova Ye.I. Problemy ugolovno-pravovogo protivodeystviya zavedomo lozhnym soobshcheniyam ob akte terrorizma, sovershayemym nesovershennoletnimi // Gumanitarnyye i politiko-pravovyye issledovaniya. 2020. № 2 (9). С. 36-44.

2. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkluychennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). С. 25-30.

3. Gadzhimalikova Z.Kh. Vovlecheniye v terroristicheskuyu deyatel'nost' kak osobyiy vid posobnichestva // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2019. T. 5 (71). № 3. С. 358-363.

4. Selivanova M.A. K voprosu o ponyatii vovlecheniya nesovershennoletnikh v soversheniye prestupleniy // Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2. С. 146-149.

5. Alekseyeva A.P. Perspektivy razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva v kibersfere // Podgotovka sotrudnikov politicii k ispol'zovaniyu informatsionnykh tekhnologiy v bor'be s prestupnost'yu. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vyp. 2. Volgograd: VA MVD Rossii, 2017. С. 24-31.

6. Kurdukov A.N. Ugolovno-pravovyye osobennosti i vidy prestupleniy terroristicheskoy napravlenosti, sovershayemykh nenasil'stvennymi sposobami // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2021. T. 11. № 11A. С. 142-148.

7. Alekseyeva A.P. Kiberprestupnost': naskol'ko real'na ugroza // Nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2017. № T31. С. 76-80.

8. Alekseyeva A.P. Pravovoy infantilizm v sovremennom rossiyskom obshchestve // Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbGU, 1998. С. 42-45.

9. Kanina Yu.S. Osobennosti vyrazheniya pravovogo nigilizma molodezhi i puti yego preodoleniya // Sotsial'no-politicheskiye nauki. 2019. № 4. С. 30-34.

10. Kupchenko V.Ye., Ratanina O.V. Osobennosti samokontrolya, impul'sivnosti, agressivnosti i empatii podrostkov s delinkventnym povedeniyem // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya». 2016. № 2. С. 36-41.

11. Karpets I.I. Prestupnost': illyuzii i real'nost': Monografiya. M.: Rossiyskoye pravo, 1992. 432 s.

12. Khudyakov Ye.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za vovlecheniye nesovershennoletnikh v prestupnuyu deyatel'nost'. M., 1967. 312 s.

13. Kartashov S.V. Sposoby vovlecheniya nesovershennoletnikh v soversheniye prestupleniy // Vestnik Yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2020. T. 7. № 1. С. 64-72.

14. Kosova N.N. Vovlecheniye nesovershennoletnikh v soversheniye prestupleniy i inyykh antiobshchestvennykh deystviy: ugolovno-pravovyye aspekty // Voprosy upravleniya. 2015. № 4 (16). С. 265-269.

15. Alekseyeva A.P., Nychugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. С. 27-34.

© Легушенко Д.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Легушенко Д.А. Вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность как элемент механизма совершения преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 72-78.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наталья Алексеевна СОЛОВЬЕВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-9698-0845
Волгоградский государственный университет (г. Волгоград)
профессор кафедры уголовного права и процесса
solovieva_na@volsu.ru

Владимир Маркович ШИНКАРУК,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-5215-6299
Волгоградский государственный университет (г. Волгоград)
доцент кафедры уголовного права и процесса
shinkaruk@volsu.ru

Научная статья
УДК 343.148

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПОВ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Принципы судебной экспертизы, законность, полнота, достаточность, эксперт, внутреннее убеждение, правосознание, процессуальная самостоятельность эксперта, экспертная инициатива.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Статья посвящена вопросам корреляции принципов судебной экспертизы и формирования внутреннего убеждения участников уголовного процесса. Актуальность темы проведенного авторами исследования обусловлена неполнотой перечня процессуальных и научных принципов судебной экспертизы. Эта неполнота непосредственно влияет на формирование внутреннего убеждения участников уголовного процесса. Важно отметить, что недостаточная разработанность данных принципов может приводить к разным интерпретациям и затруднениям в оценке содержания заключений эксперта участниками уголовного процесса. **Методы.** Методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания: синтез, индукция, дедукция, обобщение, метод обработки информации и логического анализа. **Результаты.** Показано, насколько важно соблюдение требований принципов судебной экспертизы для определения четкой и обоснованной позиции лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Проведен анализ содержания каждого принципа, для того чтобы выделить основные элементы, обуславливающие важность их соблюдения. Установлено, что формирование внутреннего убеждения – сложный процесс, который зависит не только от личности эксперта, качества экспертной работы, выводов, но и от субъективных свойств участников судебного разбирательства, их профессиональной подготовки и эрудиции. Вот почему эксперт должен учитывать всегда в своей работе и адресат доказывания, то есть тех, кому он должен помочь в формировании внутреннего убеждения. Возможность лично перепроверять выводы эксперта, принимать участие в судебном исследовании, видеть то, о чем пишет эксперт в заключении, укрепляет убежденность участников уголовного процесса в достоверности его выводов.

ВВЕДЕНИЕ

Закон установил для экспертизы уникальную процессуальную форму. Правила, регулирующие ее проведение, образуют самостоятельный правовой институт, определяющий формы деятельности эксперта, его статус в уголовном процессе, а также правовую природу составляемых им заключений. Кроме того, этот институт координирует отношения следователя, прокурора, суда и других участников производства с экспертом.

Результаты подробного анализа функций эксперта в уголовном процессе демонстрируют двойственную природу судебной экспертизы. С одной стороны, ее можно охарактеризовать как деятельность процессуального характера, поскольку участие эксперта инициируется постановлением дознавателя, следователя или определением суда. Наличие такого акта составляет правовое основание проведения экспертизы, его отсутствие лишает экспертизу процессуального характера. Ввиду того что производство судебной экспертизы регламентируется законом, деятельность эксперта, наряду с другими следственными (судебными) действиями, является процессуальным действием. С другой стороны, фактическим основанием проведения судебной экспертизы выступает потребность в тех или иных специальных знаниях для выяснения обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела. Этой потребностью обуславливаются необходимость назначения экспертизы и выбор эксперта.

Связь специальных исследований эксперта с процессуальной деятельностью лица, производящего дознание, следователя и суда, а также других участвующих в деле лиц осуществляется в форме особого рода правоотношений. Еще в середине прошлого века ученые установили, что при производстве судебной экспертизы имеют место правоотношения трех видов:

а) правоотношения между экспертом и следователем;

б) правоотношения между экспертом и другими участвующими в деле лицами (свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми, переводчиками и т.д.), осуществляющиеся под контролем следователя и суда;

в) правоотношения между участвующими в деле лицами и судом по поводу экспертизы [1, с. 15-16].

Процессуальные правила, регулирующие эти отношения, определяют сущность экспертизы как сложной по своей природе деятельности специалиста в рамках судопроизводства.

Как известно, судебная экспертиза основывается на процессуальных и научных принципах. Исследование их влияния на формирование внутреннего убеждения участников уголовного процесса представляется важным с точки зрения практической значимости неуклонного соблюдения обусловленных ими требований.

МЕТОДЫ

Методологическую основу проведенного нами исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, составляла совокупность методов научного познания: синтез, индукция, дедук-

ция, обобщение, метод обработки информации и логического анализа.

Каждому специальному исследованию предшествует обычно выбор определенной проблемы, решение которой необходимо для получения нового знания. Он зависит как от уровня и состояния конкретной отрасли науки, так и от других факторов, в том числе субъективных, например от интереса ученого к той или иной проблеме, оригинальности замысла в ее решении и т.д. Общность и различие характерных черт научного и экспертного исследования показывают, что судебная экспертиза, являясь, с одной стороны, процессуальным следственным (судебным) действием, а с другой – специальным исследованием, проводимым сведущим лицом, кроме процессуальных принципов, основывается и на ряде научных принципов. Производство судебной экспертизы требует соблюдения комплекса базовых правил, которые можно сформулировать следующим образом:

1. Научно-практическая направленность исследований и заключений. Экспертное исследование рассматривается как особая форма научной деятельности, развивающаяся в рамках общих принципов познания. Оно осуществляется через взаимодействие эксперта с объектами, важными для установления фактов в конкретных правовых обстоятельствах. Основой для формирования выводов, необходимых для следствия или суда, является детальное изучение объектов экспертом и применение его профессиональных знаний.

2. Плановость в проведении исследования. Экспертные исследования должны осуществляться в соответствии с заранее намеченным планом, который составляется после предварительного изучения материалов уголовного дела. Такой подход позволяет использовать проверенные методики и способствует системному изучению объектов. Последовательный анализ ведет от рассмотрения отдельных свойств к пониманию их совокупности и взаимосвязей, что помогает раскрыть сущность объектов и сформулировать обоснованные выводы.

3. Достоверность и очевидность результатов. Необходимо обеспечивать прозрачность каждого этапа исследовательского процесса. Применяемые методики и средства должны быть корректными, а выводы – обоснованными объективными законами и явлениями. Связь с практикой имеет ключевое значение, поскольку выступает главным критерием истинности полученных результатов.

4. Наглядность и возможность наблюдения результатов. Существенным аспектом оценки экспертного заключения является его доступность для понимания. Наглядность обеспечивает опытную достоверность примененных методов и полученных данных, что требуется для передачи сложных концепций в простой и понятной форме. Принцип наглядности предполагает, что процесс исследования и его результаты должны быть представлены таким образом, чтобы были понятны все его этапы, используемые методы, технические средства, выявленные свойства и

Natalya A. SOLOVYEVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-9698-0845
Volgograd State University (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
solovieva_na@volsu.ru

Vladimir M. SHINKARUK,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-5215-6299
Volgograd State University (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
shinkaruk@volsu.ru

THE INFLUENCE OF FORENSIC EXAMINATION PRINCIPLES ON THE FORMATION OF INTERNAL CONVICTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

KEYWORDS. Forensic examination principles, legality, completeness, sufficiency, expert, internal conviction, legal consciousness, procedural independence of the expert, expert initiative.

ANNOTATION. *Introduction.* The article examines the correlation between forensic examination principles and the formation of internal convictions among participants in criminal proceedings. The relevance of the study is due to the incompleteness of the list of procedural and scientific principles of forensic examination. This incompleteness directly impacts the formation of internal convictions among participants in criminal proceedings. It is important to note that the insufficient development of these principles may lead to different interpretations and difficulties in assessing the content of expert opinions by participants in criminal proceedings. *Methods.* The methodological basis of the study was formed by a combination of scientific methods: synthesis, induction, deduction, generalization, information processing, and logical analysis. *Results.* The importance of compliance with the requirements of forensic examination principles for determining a clear and well-founded position among participants in criminal proceedings is demonstrated. The content of each principle is analyzed in order to identify the key elements that determine the importance of their compliance. It has been established that forming an internal conviction is a complex process that depends not only on the expert's personality, the quality of their work, and their conclusions, but also on the subjective qualities of the trial participants, their professional training, and their erudition. Therefore, an expert must always consider the audience for the evidence, that is, those they must help form an internal conviction. The opportunity to personally verify the expert's conclusions, participate in the forensic examination, and see the expert's findings in their report strengthens the conviction of those involved in the criminal proceedings in the veracity of their findings.

условия их обнаружения. Наглядность экспертных исследований может быть непосредственной и опосредованной. Непосредственная наглядность всегда связана с опытным знанием об исследуемом явлении, полученным экспериментальным путем (например подчистка на документе, выявленная при микроскопическом изучении его поверхности, прочтение обесцвечившейся записи при исследовании ее в ультрафиолетовых лучах и т.п.). Опосредованная наглядность также основывается на опытных данных. Однако эти данные непосредственно исследуемого явления не воспроизводят. Они характеризуют лишь свойства или признаки определенного явления, позволяющие прийти к достоверному выводу о его наличии или отсутствии на основе использования специальных знаний. Например, к выводу об исполнителе текста документа эксперт приходит опосредованно на основании сопоставления оспариваемой рукописи и сравнительных образцах почерка, оценки совпадений и различий, осуществляемой посредством специальных знаний в области судебного почерковедения. Наглядность в таком исследовании обеспечивается обоснованием существенности выявленных признаков почерка, характеризующих индивидуальность навыка письма конкретного лица, выделением и разметкой их на фототаблицах и т.п. С наглядностью связано понятие наблюдаемости. В экспертных исследованиях наблюдаемыми результатами являются

такие, которые можно представить в виде данных опыта, зафиксированных с помощью тех или иных методов или технических средств (например измерения, фотосъемки и др.).

5. Использование методов и технических средств в судебной экспертизе должно быть тщательно обосновано. Эффективность и достоверность судебных экспертиз зависят от применения научно обоснованных методов. Обоснование выбора метода начинается с оценки его актуальности и достоверности в научной парадигме. Каждый инструмент или методика должны соответствовать современным научным стандартам, оцениваемым по критериям валидности, надежности и воспроизводимости. Отклонение от этого стандарта может привести к недостоверным выводам и значительным судебным ошибкам. Необходимо, чтобы методы и технические средства, используемые в судебной экспертизе, соответствовали критериям валидности. Основой любого исследования должны быть признанные и эмпирически подтвержденные научные методы. Надежность методологии, предполагающая воспроизводимость и устойчивость результатов в различных условиях, также имеет первостепенное значение. Например, обоснование методов имеет огромное значение в области судебной баллистики. При анализе огнестрельного оружия, следов на гильзах и пулях точность используемого оборудования (микроскопов, программ для сопостав-

ления изображений и т.д.) является обязательным условием.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Тщательное обоснование использования методов и технических средств в судебной экспертизе – это вопрос не только научной добросовестности. Оно представляет собой краеугольный камень справедливого правосудия. Без четкого понимания научной основы выбранных подходов невозможно обеспечить достоверность и объективность экспертных заключений. Современная судебная экспертиза должна соответствовать вышеперечисленным правилам ее проведения и принципам деятельности эксперта. Статья 4 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») определяет, что «государственная судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники». Для того чтобы установить, как принципы судебной экспертизы влияют на формирование внутреннего убеждения участников уголовного процесса, в ходе проведения исследования возникла необходимость изучить каждый из них.

1. Принцип законности. Он означает, что деятельность эксперта и его заключение имеют правовое значение лишь в том случае, когда основываются на установленных законом требованиях. Этот принцип распространяется на все виды правоотношений, складывающихся при производстве экспертизы по делу. Он реализуется в отношении условий и порядка назначения экспертизы, выбора эксперта, прав участвующих в деле лиц и эксперта, оформления, оценки и использования заключения в доказывании по делу. Несоблюдение установленных законом требований влечет за собой отмену процессуальных решений, принятых в условиях допущенного нарушения. В случаях, указанных в законе, нарушения устраняются путем отвода эксперта и назначения повторной экспертизы. Недостаточная полнота или неясность заключения служат основаниями для назначения дополнительной экспертизы либо допроса эксперта.

2. Принцип полноты исследования и обоснованности заключения является фундаментальной основой деятельности эксперта. Он обязан провести тщательное изучение предоставленных ему объектов и материалов, применяя все имеющиеся в его арсенале специальные знания, методики и технические средства для разрешения поставленных вопросов.

В ходе судебного разбирательства эксперт участвует в исследовании доказательств, значимых для формирования заключения. С разрешения суда он может задавать вопросы подсудимому, потерпевшему и свидетелям. При участии в следственных и судебных процессах эксперт вправе

заявлять ходатайства о закреплении в протоколе сведений, необходимых для вынесения заключения [2, с. 19].

Эксперт обязан предоставить точные и обоснованные ответы на поставленные вопросы, а при недостаточности материалов, необходимых для формулирования таких ответов, вправе не проводить исследование. Об этом эксперт письменно сообщает органу, назначившему экспертизу. Такие письменные сообщения не являются отказом. Они констатируют невозможность проведения экспертизы по наличным материалам или по какой-то иной конкретной причине.

Принцип полноты распространяется на оформление заключения и обоснование в нем выводов эксперта по поставленным ему вопросам. Недостаточно полным может быть признано заключение, основанное на исследовании не всех предоставленных эксперту объектов или не содержащее исчерпывающих ответов на все поставленные вопросы. В случае недостаточной ясности или полноты заключения может быть назначена дополнительная экспертиза. Ее поручают тому же или другому эксперту. Дополнительная экспертиза должна назначаться судом лишь после дачи экспертом заключения в стадии судебного разбирательства, если недостаточную ясность или неполноту заключения не представилось возможным устранить путем допроса эксперта.

3. Принцип объективности. Он означает, что исследовательская деятельность и выводы эксперта должны основываться на объективных данных той отрасли специальных знаний, в которой он является сведущим лицом. Объективность экспертных исследований зависит от ряда условий. К числу таковых относятся беспристрастность эксперта (отсутствие у него личной заинтересованности в исходе дела), наличие у него профессиональных знаний и опыта, его обеспеченность необходимыми научно-техническими средствами и материалами.

4. Разграничение функций эксперта и других участников уголовного судопроизводства. Этот принцип означает, что экспертом может быть только компетентный специалист, владеющий определенными научными, техническими или иными профессиональными знаниями, если он не подлежит отводу по обстоятельствам, указанным в законе. Не допускается совмещение в одном лице функции эксперта и другого участвующего в уголовном деле лица, например следователя, судьи, защитника, обвинителя, потерпевшего, свидетеля, переводчика, понятого. По общему правилу лицо не может быть назначено экспертом, если оно находится в служебной или иной зависимости от участников процесса или раньше принимало участие в проведении проверок, материалы которых послужили основанием для возбуждения дела и привлечения виновных к уголовной ответственности. Вместе с тем участие специалиста в производстве осмотра места происшествия или иного следственного действия не препятствует назначению его экспертом, если он владеет необходимыми специальными знаниями для дачи заключения. На практике в качестве специалиста часто

привлекаются судебно-медицинские эксперты, которым в дальнейшем поручается производство экспертизы.

Сложилось мнение, что экспертом не может быть лицо, которое привлекалось на более раннем этапе расследования в роли специалиста, но лицо, назначенное экспертом, может быть использовано в качестве специалиста, поскольку его участие в следственном действии ограничивается только помощью следователю в выявлении, фиксации и изъятии доказательств. На этом основании иногда экспертов-автотехников и экспертов-криминалистов следователи привлекают к участию в осмотре места происшествия или транспортных средств, используя их именно как специалистов. Случается, что экспертов привлекают к получению образцов для сравнительного исследования. При вскрытии трупов судебно-медицинские эксперты нередко самостоятельно отбирают образцы крови, внутренних органов для биологического, химического или гистологического исследования и т.п.

С точки зрения разграничений функций эксперта и других участников судопроизводства такое не должно допускаться. В этом отношении более правильным является устранение эксперта от участия в производстве других следственных действий, что гарантирует формирование экспертного заключения только на основании личного исследования представленных ему объектов и материалов. Это не означает, что следователь (суд) при возникновении необходимости не может получить консультацию эксперта по вопросам подготовки объектов для экспертизы, собирания дополнительных материалов, о методах получения образцов и т.д. Однако такие консультации не должны переходить в непосредственное участие эксперта, например, в формулировании вопросов, на которые предстоит ответить по итогам экспертизы, получении образцов для сравнительного исследования, выполнении им функций специалиста при проведении других действий, связанных с подготовкой материалов для экспертизы или ее проведением.

5. Принцип самостоятельности и активности в проводимом исследовании. Эксперт проводит исследование и дает свое заключение по материалам и объектам, представленным ему органом, назначившим экспертизу. В ходе исследования он может производить опыты и получать экспериментальные образцы, производные от исследуемых объектов (например стреляные пули и гильзы, следы орудий взлома и др.) Эти экспериментальные действия осуществляются на основе принципа самостоятельности и активности эксперта в ходе производства экспертизы. Однако процессуальное значение получаемых экспертом в процессе исследования образцов не равнозначно значению образцов, изъятых или отобранных следователем. Образцы, полученные следователем, являются разновидностью используемых в судопроизводстве источников доказательств. Экспериментальные образцы, полученные экспертом в ходе исследования, не являются источниками доказательств. В рамках экспертного исследования образцы выполняют вспомогательную функцию,

используются для анализа механизмов явлений, сопоставления тех или иных признаков, оценки полученных результатов. Эксперт документирует процесс получения и применения этих образцов в своем заключении, что учитывается следствием или судом при оценке его ответов на поставленные вопросы.

Активность эксперта часто рассматривается как его инициативность. Однако по данному вопросу в теории не выработано единой позиции [3, с. 48]. Практика шла по пути расширения объема исследования, хотя в каждом конкретном случае его результат зависел в конечном итоге от руководителя экспертного учреждения, который мог и не разрешить эксперту представить в заключении выводы по обстоятельствам, о которых не были поставлены вопросы. И если в науке такое столкновение мнений вполне допустимо и даже необходимо для развития исследовательской мысли, то неоднозначное толкование правовой нормы на практике может повлечь ощутимые последствия для непосредственных участников уголовного процесса [4, с. 157].

Вместе с тем очевидно, что огромная роль в понимании экспертной инициативы принадлежит внутреннему убеждению эксперта, которое основывается на специальных знаниях и тщательной оценке результатов проведенных исследований. Концепция процессуальной самостоятельности эксперта предполагает, что ключевым фактором является осуществляемая им независимая оценка фактов, выявленных посредством специальных знаний и детального анализа материалов дела.

ОБСУЖДЕНИЕ

Тем не менее в УПК РФ отсутствуют прямые указания относительно роли внутреннего убеждения эксперта в процессе формирования заключения. Одним из первых, кто дал определение этому понятию, был В.П. Колмаков, который рассматривал его как сознательно и обоснованно сложившееся убеждение, имеющее объективные основы для единственного истинного вывода. Объективные основы – это фактические данные, установленные экспертом в процессе исследования и зафиксированные в описательной части заключения, а также общие научные сведения, на которых базируется исследование [5, с. 26].

Процессуальная самостоятельность эксперта гарантируется уголовным законодательством, что подчеркивает значимость его автономной роли в правовой системе. Понуждение к отказу от дачи заключения следственным и судебным органом или к даче ложного заключения, совершенное частным лицом путем угрозы убийством, насилия, уничтожения имущества, разглашения позорящих эксперта сведений или подкупа, а также угрозы осуществить эти действия из мести за ранее данное заключение, влечет уголовную ответственность.

Активность эксперта может проявляться в том, что в заключении он вправе указать обнаруженные при производстве экспертизы факты, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы (ч. 4 ст. 57 УПК РФ).

Ошибки при проявлении экспертом инициативы заключаются либо в отказе от исследования

того или иного вопроса, требующего специальных знаний, под тем предлогом, что он не относится к компетенции эксперта, либо, напротив, в даче ответов на такие вопросы, которые действительно не относятся к ведению экспертизы вообще или данного эксперта в частности. Большое количество ошибок первого вида обуславливается тем, что некоторые эксперты неясно представляют себе, в какой мере они могут входить в оценку доказательств и чем экспертная оценка отличается от той, которую осуществляет суд [6, с. 155].

Здесь необходимо обратить внимание на принцип личной ответственности за проведение экспертизы. Он определяет обязанность эксперта основывать выводы только на специальных знаниях и лично проведенных исследованиях, давать заключение от своего имени. За дачу заведомо ложного заключения эксперт несет уголовную ответственность. По нашему мнению, этот принцип целесообразно закрепить в ст. 4 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Рассмотренные процессуальные принципы неразрывно связаны между собой и образуют единую систему. В своем сочетании они обеспечивают эффективное использование специальных знаний в форме проведения экспертизы для достижения задач судопроизводства.

Вопрос о научных принципах экспертизы в юридической литературе разработан недостаточно глубоко. Основные из них, вытекающие из теории познания диалектического материализма, по своей сути не отличаются от принципов научных исследований, которые направлены на познание явлений объективного мира, объяснение неизвестных фактов или разработку методов получения новой информации об известных явлениях [7, с. 49]. В философии факт трактуется не как объект исследования или связанное с ним явление, а как полученное знание об этих сущностях [8, с. 168]. Факт может быть определен как достоверное знание о реальном явлении (событии). В данном значении понятие факта распространяется и на достоверные результаты экспертного исследования.

Помимо фактов, имеющих доказательственное значение для дела, рассматриваются результаты, полученные в ходе экспертного исследования, и сформулированные на их основе выводы, правильность которых подтверждается методами соответствующей отрасли специальных знаний. Задачей судебной экспертизы является установление конкретных обстоятельств или их объяснение на основе специальных знаний. Экспертное исследование обладает признаками, аналогичными признакам научного исследования:

а) *воспроизводимость* (ход и результаты экспертного исследования должны быть воспроизводимы при соблюдении тех же условий, в которых оно проводилось);

б) *выводимость* (в экспертном заключении могут содержаться неочевидные выводы о фактах, имеющих значение для дела. Такие выводы получаются посредством сопоставления выявленных признаков и свойств исследуемых объектов (идентификационные экспертизы) или через принятые допу-

щения (дедуктивные выводы, математические расчеты и др.). При этом данные выводы и методы их получения должны быть обоснованными в соответствующей области специальных знаний, к которой принадлежит эксперт);

в) *проверяемость* (полученные результаты и выводы должны подвергаться объективной проверке путем повторного исследования или проведения следственных (судебных) действий);

г) *критичность* (примененные методы и результаты должны соответствовать современному уровню развития науки и практики. Эксперт обязан критически оценивать уровень своих специальных знаний, обеспечивая независимость, полноту и обоснованность заключений);

д) *практическая полезность* (заключение эксперта должно ясно отвечать на поставленные вопросы и обладать доказательственным значением в контексте конкретного уголовного дела).

Экспертное исследование отличается от научного своей преднамеренностью. Оно проводится специалистами в определенной области знаний для решения вопросов, возникших в уголовном судопроизводстве. Преднамеренность экспертного исследования обуславливается направленностью процессуальных действий органа расследования (суда) на выяснение обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Научное исследование не ограничивается решением задач, связанных непосредственно с практическими потребностями. В нем большую роль играют запросы теории науки.

Личная ответственность, которая возлагается на эксперта, с профессиональных и правовых позиций оправдана только тогда, когда эксперт убежден в своих выводах. Внутреннее убеждение эксперта, воплощенное в его ответах и заключении, в какой-то степени передается участникам судебного разбирательства, формируя их внутреннее убеждение. Таким образом, очевидно, что убедить других эксперта удастся только тогда, когда он сам убежден в правильности своих выводов и может это доказать.

Ответы на устные вопросы и выводы эксперта не могут быть основаны на его предположениях или догадках. Только точно установленные им факты, которые подвергались тщательной научной проверке, могут служить основой для его выводов. Вот почему внутреннее убеждение участников судебного разбирательства по поводу тех или иных фактов находится в прямой зависимости от категоричности и обоснованности ответов или выводов эксперта. В основу приговора наряду с другими доказательствами может быть положено только категорическое заключение эксперта.

Внутреннее убеждение участников судебного разбирательства в отношении фактов, устанавливаемых с помощью экспертизы, формируется постепенно. Каждая справка, любой ответ на поставленные вопросы, разъяснение ранее данного заключения в суде – это этапы на пути формирования внутреннего убеждения. Значит, каждая ступень этого сложного и чрезвычайно важного процесса должна быть пройдена экспертом очень

осторожно, внимательно и вместе с тем основательно.

От самого незначительного аргумента до основного научного положения – всё должно быть хорошо продумано и в совокупности устанавливать достоверность факта, являющегося доказательством. Малейшее противоречие, неясность, необоснованность в системе аргументации эксперта сразу же влияют на убежденность участников судебного разбирательства в правильности его выводов.

Способы доказывания могут быть использованы самые разнообразные. В этом разнообразии способов и умелом их сочетании заключается основная сила убеждения. Эксперт широко использует такой способ, как ссылка на обобщенный опыт, зафиксированный в различных научных изданиях, методических пособиях, справочной литературе. Выводы могут аргументироваться ссылками на опыт экспертного учреждения или личный опыт эксперта в тех или иных видах исследований. Не менее убедительным является объяснение произведенных экспериментов, примененной техники, а также воспроизведение этапов исследования перед участниками судебного разбирательства. Особое место в арсенале средств, формирующих внутреннее убеждение участников судебного разбирательства, занимают наглядные методы представления выводов эксперта в суде.

Значительные трудности возникают в тех случаях, когда эксперт должен убедить участников судебного разбирательства в групповой принадлежности тех или иных материалов и веществ. Оценить выводы экспертизы в этих случаях очень трудно, так как эксперты нередко излагают их недостаточно ясно, не всегда дают оценку результатам сравнительного исследования [9, с. 253].

Полное и всестороннее установление природы исследуемых объектов, четкое изложение результатов исследования и выводов способствуют формированию глубокого убеждения в их правильности у участников судебного разбирательства и помогают выявить существенные обстоятельства преступления. Убедительность доводов эксперта и ее роль в формировании внутреннего убеждения у присутствующих в зале судебного заседания относительно устанавливаемых фактов находятся в прямой зависимости от уровня развития той или иной отрасли науки, техники, искусства, ремесла. Уже завоеванный авторитет представляемой экспертом отрасли знаний и авторитет самого эксперта создают благоприятную атмосферу доверия к его выводам.

Если же эксперт оперирует недостаточно проверенными практикой категориями или использует вызывающие сомнения методики исследования, суд и все присутствующие в зале заседания испытывают необходимость в подтверждении достоверности экспертных выводов с помощью других доказательств. Если не было исследовано какое-нибудь обстоятельство, известное участникам судебного разбирательства, они могут сразу же опровергнуть вывод эксперта (например вывод о точном времени производства выстрела, сде-

ланный экспертом по результатам исследования нагара в канале ствола оружия). Подобный вывод также создает внутреннее убеждение, но это убеждение в некомпетентности эксперта.

Окончательное формирование внутреннего убеждения участников уголовного процесса по поводу заключения эксперта происходит после сопоставления сделанных им выводов с другими доказательствами по делу [10, с. 124]. Убеждение в достоверности выводов складывается, если они не противоречат другим доказательствам. Вместе с тем их несовпадение с другими доказательствами еще не свидетельствует о неправильности этих выводов.

Суд не может принимать на веру, без тщательной проверки, выводы эксперта только потому, что тот обладает специальными знаниями, которых нет у участников судебного разбирательства. Но, с другой стороны, нельзя без самой скрупулезной оценки и сопоставления с другими доказательствами отклонить заключение эксперта. Необходимые гарантии этого содержатся в законе. Отклонение выводов эксперта может произойти только в результате формирования твердого внутреннего убеждения суда в их ошибочности и после изложения соответствующих мотивов [11, с. 182].

На формирование внутреннего убеждения судей определенное влияние оказывает внутреннее убеждение прокурора, защитника и других участников судебного разбирательства. Если эксперт сумел убедить в своей правоте всех или некоторых участников судебного разбирательства, вполне естественно, что при проверке его выводов возникает гораздо меньше вопросов, выдвигается меньше возражений. В этих случаях судьям легче сопоставить выводы эксперта с другими доказательствами и убедиться в их правильности.

Когда у участников судебного разбирательства формируется единое глубокое внутреннее убеждение в правильности выводов эксперта, это оказывает большое воздействие и на всех присутствующих в зале заседания. К таким результатам должен стремиться каждый эксперт, употребляя для этого свои знания и опыт, умения и инициативу. Однако такая идеальная ситуация в судебной практике встречается редко. В большинстве случаев кто-либо из участников судебного разбирательства не соглашается с выводами эксперта, выдвигает против них существенные аргументы или даже представляет опровергающие их доказательства. Поэтому суд вынужден самым тщательным образом проверять не только выводы эксперта, но и выдвинутые против них аргументы и доказательства. Эта проверка осуществляется путем допроса эксперта, сопоставления его заключения с оспаривающими доводами и всеми иными доказательствами по делу, а также путем назначения повторной экспертизы [12, с. 59].

Такие действия суда позволяют либо установить правильность выводов эксперта и несостоятельность противоречащих им доказательств, либо опровергнуть выводы эксперта. В обоих

случаях у суда, других участников судебного разбирательства и публики, присутствующей в зале, создается правильное представление о существовании вопросов, разрешавшихся экспертизой. Немотивированное же отрицание выводов эксперта или принятие их на веру, без всякой оценки, не может способствовать формированию правильного убеждения и, следовательно, негативно отражается на качестве приговора.

К сожалению, бывает и так, что авторитет личности эксперта, его эрудиция и опыт, а иногда и занимаемое им положение настолько воздействуют на участников судебного разбирательства, что не используются элементы контроля, не осуществляется верификация сформулированных им выводов. Тогда создается положение, при котором объективность оценки притупляется и неправильное внутреннее убеждение возникает главным образом под влиянием личности эксперта [13, с. 58]. С другой стороны, аргументированные, научно обоснованные выводы молодого, неизвестного еще эксперта иногда разбиваются о стену недоверия, воздвигнутую предвзятым отношением к нему. Если в первом случае внутреннее убеждение окажется неоправданно непоколебимым, то во втором оно вообще может не сформироваться, и очевидные выводы по простейшим вопросам будут многократно перепроверяться. Обе эти крайности только вредят установлению всех обстоятельств по делу.

Убеждение в правильности выводов эксперта должно определяться в первую очередь объективными факторами – полнотой и научной обоснованностью заключения, его доходчивостью и наглядностью, соответствием выводов и ответов на вопросы другим доказательствам, наличием у эксперта глубоких специальных знаний, – а потом уже связанными с личностью эксперта субъективными факторами, о которых говорилось выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебная экспертиза является важным элементом фундаментальных основ современного правосудия, так как предоставляет объективные данные, необходимые для установления справедливости и поддержания правопорядка. В связи с этим одна из ключевых задач экспертов – обоснование применения тех или иных методов и технологий [14, с. 38]. Нормативное и организационно-методическое обеспечение соблюдения прав участников уголовного процесса при проведении судебных экспертиз предопределяет ключевые решения по уголовным делам и материалам доследственных проверок, что непосредственным образом влияет на судьбу всех сторон в процессе [15, с. 32].

В ходе проведенного исследования нами была дана оценка принципам судебной экспертизы, закрепленным в ст. 4 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: законности; полноты исследования и обоснованности заключения эксперта; объективности; разграничения функций эксперта и других участников уголовного судопроизводства; самостоятельности и активности в проводимом исследовании. По итогам их анализа

мы пришли к выводу о необходимости закрепления в ст. 4 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принципа личной ответственности за проведение экспертизы.

Принцип законности, выступая в качестве ключевого регулятора судебно-экспертной деятельности, определяет правомерность и допустимость действий эксперта на всех стадиях исследования. Экспертное заключение приобретает юридическую силу и может быть использовано в качестве доказательства в суде лишь при условии его полного соответствия установленным действующим законодательством нормативным предписаниям, регламентирующим порядок назначения и проведения судебных экспертиз.

Принцип полноты и обоснованности экспертного исследования способствует обеспечению достоверности и надежности получаемых выводов. В соответствии с данным принципом эксперт обязан осуществлять тщательный и всесторонний анализ представленных на экспертизу объектов и материалов, используя при этом весь арсенал имеющихся в его распоряжении специальных знаний, методологических инструментов, технических средств и современных экспертных методик, валидированных научным сообществом.

Принцип объективности, выступая в качестве гаранта непредвзятости и беспристрастности эксперта, предписывает, что экспертное исследование и формулируемые на его основе выводы должны базироваться исключительно на объективных данных, полученных в рамках той области специальных знаний, в которой эксперт обладает необходимыми компетенцией и квалификацией. Исключается возможность субъективной интерпретации имеющихся фактов, предвзятого отношения к участникам судопроизводства или оказания какого-либо давления на эксперта со стороны заинтересованных лиц.

Принцип разграничения функциональных обязанностей эксперта и иных участников судопроизводства направлен на обеспечение независимости эксперта и недопущение его вовлечения в выполнение несвойственных ему функций. В соответствии с данным принципом эксперт не должен подменять собой следователя, прокурора или судью, его задача состоит исключительно в предоставлении компетентного заключения по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний.

Принцип автономности и инициативности эксперта предполагает, что эксперт самостоятельно определяет методы и способы проведения исследования, а также имеет право проявлять инициативу в сборе дополнительных данных, необходимых для дачи объективного и научно обоснованного заключения.

В целях дальнейшего совершенствования судебно-экспертной деятельности представляется целесообразным законодательное закрепление в ст. 4 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принципа персональной ответственности эксперта за дачу заведомо ложного заключе-

ния, что позволит повысить качество проводимых исследований и укрепить доверие общества к институту судебной экспертизы.

В результате исследования нами был обоснован тезис о том, что убеждение, возникающее у адресатов доказывания, зависит от многих причин. Немаловажным фактором, формирующим

внутреннее убеждение участников судебного разбирательства по поводу тех или иных фактов, устанавливаемых при помощи экспертизы, является личность самого эксперта. У них возникает доверие к эксперту, если они знают его, уверены в его объективности, высоких моральных качествах, глубоких знаниях и большом опыте. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964. 266 с.
2. Соловьев С.А. Пределы судебного усмотрения при оценке заключения эксперта и мнения специалиста: гносеологический аспект // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 17-22.
3. Бобовкин М.В., Ручкин В.А., Соловьева Н.А. Комплексные судебно-почерковедческие исследования: проблемы теории и практики // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 47-53.
4. Таова Л.Ю., Толгурова З.Х. Правовое регулирование статуса эксперта в уголовном процессе в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 6. С. 156-159.
5. Колмаков В.П. О внутреннем убеждении советского судебного эксперта // Вопросы советской криминалистики. М.: Госюриздат, 1951. 48 с.
6. Лазарева Л.В., Покровский С.В. К вопросу о доказательности экспертных выводов // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4 (125). С. 152-159.
7. Брановицкий К.Л., Ренц И.Г. Можно ли доверять эксперту? Или несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ) // Закон. 2019. № 10. С. 43-54.
8. Азарова Е.С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы // Правовая парадигма. 2019. № 4. С. 166-173.
9. Хмелева А.В. Вопросы этики в деятельности судебного эксперта // Библиотека криминалиста. 2018. № 2 (37). С. 251-255.
10. Азарова Е.С. Механизм формирования судебного усмотрения // Закон и право. 2022. № 7. С. 122-125.
11. Шаров В.И. Состязательность сторон при проведении судебной экспертизы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 180-185.
12. Спирин А.В., Расулова Н.С. К вопросу о проверке и оценке заключения эксперта в уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4 (32). С. 56-62.
13. Жижина М.В. Проблемы реализации независимости судебного эксперта и состязательности уголовного судопроизводства в свете реформирования института судебной экспертизы // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 56-61.
14. Мазуренко П.Н. Реализация принципа состязательности при назначении и производстве судебных экспертиз // Российская юстиция. 2023. № 3. С. 37-40.
15. Москалькова Т.Н. Судебная экспертиза в механизме обеспечения прав участников уголовного процесса // Российский судья. 2024. № 2. С. 28-33.

REFERENCES

1. Petrukhin I.L. Ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v sovetskom ugovnom protsesse. M.: Yuridicheskaya literatura, 1964. 266 s.
2. Solov'yev S.A. Predely sudebnogo usmotreniya pri otsenke zaklyucheniya eksperta i mneniya spetsialista: gnoseologicheskii aspekt // Advokatskaya praktika. 2017. № 4. S. 17-22.
3. Bobovkin M.V., Ruchkin V.A., Solov'yeva N.A. Kompleksnyye sudebno-pocherkovedcheskiye issledovaniya: problemy teorii i praktiki // Sudebnaya ekspertiza. 2023. № 4 (76). S. 47-53.
4. Taova L.Yu., Tolgurova Z.Kh. Pravovoye regulirovaniye statusa eksperta v ugovnom protsesse v Rossiyskoy Federatsii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2020. № 6. S. 156-159.
5. Kolmakov V.P. O vnutrennem ubezhdenii sovetskogo sudebnogo eksperta // Voprosy sovetskoy kriminalistiki. M.: Gosyurizdat, 1951. 48 s.
6. Lazareva L.V., Pokrovskiy S.V. K voprosu o dokazatel'nosti ekspertnykh vyvodov // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2021. T. 16. № 4 (125). S. 152-159.
7. Branovitskiy K.L., Rents I.G. Mozhno li doveryat' ekspertu? Ili neskol'ko slov o garantiyakh kachestva sudebnoy ekspertizy (sravnitel'no-pravovoy analiz) // Zakon. 2019. № 10. S. 43-54.
8. Azarova Ye.S. Usmotreniye suda kak chast' struktury ugovno-protsessual'noy paradigmy // Pravovaya paradigma. 2019. № 4. S. 166-173.
9. Khmeleva A.V. Voprosy etiki v deyatel'nosti sudebnogo eksperta // Biblioteka kriminalista. 2018. № 2 (37). S. 251-255.
10. Azarova Ye.S. Mekhanizm formirovaniya sudebnogo usmotreniya // Zakon i pravo. 2022. № 7. S. 122-125.
11. Sharov V.I. Sostyazatel'nost' storon pri provedenii sudebnoy ekspertizy // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2021. № 4. S. 180-185.

12. Spirin A.V., Rasulova N.S. K voprosu o proverke i otsenke zaklyucheniya eksperta v ugovnom protsesse // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 4 (32). S. 56-62.

13. Zhizhina M.V. Problemy realizatsii nezavisimosti sudebnogo eksperta i sostyazatel'nosti ugovnogo sudoproizvodstva v svete reformirovaniya instituta sudebnoy ekspertizy // Rossiyskaya yustitsiya. 2023. № 2. S. 56-61.

14. Mazurenko P.N. Realizatsiya printsipa sostyazatel'nosti pri naznachenii i proizvodstve sudebnykh ekspertiz // Rossiyskaya yustitsiya. 2023. № 3. S. 37-40.

15. Moskal'kova T.N. Sudebnaya ekspertiza v mekhanizme obespecheniya prav uchastnikov ugovnogo protsessa // Rossiyskiy sud'ya. 2024. № 2. S. 28-33.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Соловьева Н.А., Шинкарук В.М., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соловьева Н.А., Шинкарук В.М. Влияние принципов судебной экспертизы на формирование внутреннего убеждения участников уголовного процесса // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 79-88.

Мария Юрьевна ТАРАСОВА,

кандидат юридических наук, доцент

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники

tarasovawo.mariya@yandex.ru

Научная статья

УДК 343.98

ЛИЧНАЯ ОХРАНА В СИСТЕМЕ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Личная охрана, государственная защита, участник уголовного судопроизводства, обеспечение безопасности участника судопроизводства, защищаемое лицо.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В системе обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства такая мера безопасности, как личная охрана, занимает центральное место, являясь одной из наиболее востребованных и тактически сложных в реализации. Ее применение обеспечивает сохранность жизни, здоровья и имущества лиц, подвергающихся реальным угрозам в связи с их процессуальным статусом и содействием правосудию. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения уровня правовой определенности в вопросах, связанных с личной охраной, организационной эффективности и технической оснащенности подразделений, ее осуществляющих. Это особенно значимо в условиях обострения противодействия организованной преступности и повышенной общественной опасности посягательств на участников процесса. *Методы.* В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности. Кроме того, были использованы нормативно-правовой анализ, статистический и сравнительно-правовой методы, а также элементы системного и формально-юридического подходов, что позволило комплексно изучить нормативную базу, обобщить эмпирические данные и выработать предложения по совершенствованию законодательства и практики в вопросах, связанных с обеспечением безопасности защищаемых лиц. *Результаты.* Было установлено, что в 2024 году личная охрана применялась чаще других видов государственной защиты и показала высокую эффективность – случаев гибели охраняемых лиц или причинения им вреда не допущено. Выявлено, что успешная реализация данной меры защиты требует значительных сил и средств, специальной подготовки личного состава, межведомственного взаимодействия и строгого следования установленным алгоритмам действий. Определены основные проблемы, осложняющие деятельность подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите: отсутствие в федеральном законодательстве легального определения личной охраны, затруднения при выполнении служебных задач на объектах с особым режимом доступа и в местах массового пребывания граждан, ограниченные возможности взаимодействия с другими структурами. Разработаны рекомендации по нормативному закреплению дефиниции «личная охрана», внесению изменений в Федеральный закон «О полиции», совершенствованию материально-технического и кадрового обеспечения подразделений, осуществляющих государственную защиту участников уголовного судопроизводства.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из приоритетных направлений деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) является обеспечение безопасности личности, а также надлежащая правовая охрана ее прав, свобод и законных интересов. Практика уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что в отношении его участников нередко используются различные формы физического либо психологического воздействия, направленные на принуждение к изменению ранее данных показаний или отказу от их подтверждения [1, с. 239]. Следствием подобных противоправных действий становится

отказ потерпевших и свидетелей от участия в уголовном процессе либо уклонение от исполнения ими процессуальных обязанностей [2, с. 339]. Кроме того, в адрес судей, должностных лиц правоохранительных и контрольно-надзорных органов иногда поступают угрозы, непосредственно обусловленные осуществлением ими служебных полномочий и имеющие целью воспрепятствовать надлежащему отправлению правосудия либо иным образом повлиять на результаты рассмотрения уголовных дел [3, с. 157].

В течение длительного времени вопросы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, оставались незатронутыми

Maria Yu. TARASOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment

tarasovawo.mariya@yandex.ru

PERSONAL PROTECTION IN THE SYSTEM OF SECURITY MEASURES: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND LEGISLATIVE PROSPECTS

KEYWORDS. Personal protection, state protection, participant in criminal proceedings, ensuring the safety of a participant in proceedings, protected person.

ANNOTATION. Introduction. In the system of ensuring state protection of participants in criminal proceedings, such a security measure as personal protection occupies a central place, being one of the most popular and tactically difficult to implement. Its application ensures the safety of life, health and property of persons exposed to real threats in connection with their procedural status and assistance to justice. The relevance of the study is due to the need to increase the level of legal certainty in matters related to personal protection, organizational efficiency and technical equipment of the units implementing it. This is especially important in the context of intensified counteraction to organized crime and increased public danger of attacks on participants in the process. **Methods.** In the course of the study, the results of which are presented in the article, the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality was used. In addition, regulatory and legal analysis, statistical and comparative legal methods, as well as elements of the systemic and formal legal approaches were used, which made it possible to comprehensively study the regulatory framework, summarize empirical data and develop proposals for improving legislation and practice in matters related to ensuring the safety of protected persons. **Results.** It was found that in 2024, personal protection was used more often than other types of state protection and demonstrated high efficiency - there were no cases of death of protected persons or harm to them. It was revealed that the successful implementation of this protection measure requires significant forces and resources, special training of personnel, interdepartmental interaction and strict adherence to established action algorithms. The main problems complicating the activities of units to ensure the safety of persons subject to state protection are identified: the absence of a legal definition of personal protection in federal legislation, difficulties in performing official tasks at facilities with a special access regime and in places of mass presence of citizens, limited opportunities for interaction with other structures. Recommendations have been developed for the regulatory consolidation of the definition of «personal protection», amendments to the Federal Law «On Police», and improvement of the logistical and personnel support of units implementing state protection of participants in criminal proceedings.

комплексной законодательной регламентацией, их решение не сопровождалось проведением необходимых организационно-правовых преобразований. Компетентные органы, действуя в рамках нормативных предписаний, фиксирующих лишь сам факт существования той или иной угрозы, но не предусматривающих эффективных процедур ее устранения, были объективно лишены возможности гарантировать надежную защиту содействующих правосудию лиц [4, с. 262].

Подобный правовой и институциональный пробел противоречил международным обязательствам Российской Федерации, включая принятым в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.) и Конвенцией ООН против коррупции (Мерида, 31 октября 2003 г.), предусматривающими необходимость осуществления государствами мер по обеспечению эффективной защиты свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства, подвергающихся угрозам [5, с. 242].

Традиционные формы деятельности правоохранительных органов при раскрытии и расследовании преступлений, а равно применяемые ими криминалистические приемы и методы не всегда обеспечивали достижение требуемого уровня предотвращения угроз [6, с. 122]. В этих условиях возникла объективная необходимость в разработ-

ке и принятии специализированных законодательных актов, в формировании четкого и действенного правового механизма их практической реализации, согласованного как с национальными интересами, так и с международно-правовыми стандартами.

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, для всестороннего рассмотрения оснований и процессов обеспечения государственной защиты, был востребован общенаучный диалектический метод. Он позволил выявить взаимосвязи между правовыми нормами, практикой их применения и социальными условиями, а также негативно отражающиеся на них системные противоречия. Метод нормативно-правового анализа использовался при изучении положений Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (далее – УПК РФ), Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и подзаконных актов с целью выявления эффективности действующих правовых механизмов, а также пробелов и коллизий. Стати-

стический метод позволил осуществить обработку и интерпретацию данных о количестве защищаемых лиц, примененных мерах безопасности, их эффективности и динамике изменений за определенные периоды. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления действующих правовых норм с фактическими потребностями практики и предложениями по совершенствованию законодательства, в том числе на основе анализа мнений, представленных в научной литературе. Системно-структурный анализ применялся для рассмотрения института государственной защиты как целостной системы, включающей нормативно-правовую основу, организационную структуру, полномочия органов и тактические приемы. Анализ практического опыта проводился на основании обобщения данных о деятельности подведомственных МВД России оперативно-разыскных частей по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (далее ОРЧ ГЗ), изучения наиболее часто применяемых мер такой защиты. Это позволило установить, какие трудности возникают при их реализации, как ОРЧ ГЗ взаимодействуют с другими органами. Формально-юридический метод использовался при формулировании авторского определения понятия «личная охрана» и для подготовки предложений по закреплению этой дефиниции в законодательстве и внесению в него изменений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Первым нормативным актом, регламентирующим организацию мер государственной защиты в Российской Федерации, был Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – ФЗ-45). Однако его положения предусматривали меры безопасности в отношении не всех участников уголовного судопроизводства.

Правовое закрепление института государственной защиты участников уголовного судопроизводства было осуществлено в УПК РФ. В частности, в ст. 11 предусматривается принятие компетентными органами мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников процесса, а также их родственников и близких им лиц при наличии достаточных данных об угрозах их жизни, здоровью, имуществу либо о том, что им угрожают иными опасными противоправными деяниями.

Дальнейшее нормативно-правовое развитие рассматриваемый нами институт получил в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – ФЗ-119). Согласно ст. 2 этого акта государственной защите подлежат: потерпевшие, свидетели, частные обвинители, подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, их защитники и законные представители, лица, в отношении которых уголовное дело прекращено, эксперты, специалисты, переводчики, понятные, принимающие участие в процессе педагоги и психологи, гражданские истцы и ответчики, а также их законные представители. Меры государственной защиты

могут быть применены в отношении указанных лиц как до возбуждения уголовного дела, так и после вынесения приговора или иных процессуальных решений. Кроме того, законодательство распространяет защиту на близких родственников и иных лиц, на которых оказывается противоправное воздействие с целью давления на участников уголовного судопроизводства.

Результаты анализа статистических данных свидетельствуют о росте уровня востребованности института государственной защиты. В 2024 году органами, отвечающими за ее осуществление, было применено значительное количество мер безопасности в отношении различных категорий лиц, участвующих в уголовном процессе, при этом гибели защищаемых лиц или причинения им вреда не допущено [7, с. 71].

Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», реализуемая с 2006 года, подтверждает наличие тенденции к усилению мер безопасности и расширению охвата ими лиц, нуждающихся в защите. За время ее действия защита осуществлялась в отношении более 40 тысяч человек с применением свыше 100 тысяч мер, включая личную охрану, выдачу средств индивидуальной защиты и временное перемещение в безопасные места [8, с. 61].

Утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 этап названной выше программы, рассчитанный на 2024-2028 годы, предусматривает несколько приоритетных направлений деятельности. Это, в частности, защита личности, предотвращение противоправных посягательств, повышение эффективности правосудия, исключение фактов гибели защищаемых лиц или причинения им физического вреда. Распределение функций по обеспечению государственной защиты между МВД России, ФСБ России, Минобороны России, ФТС России и ФСИН России, а также финансирование программы в размере 714 млн рублей гарантируют системность и комплексность ее реализации. Особое значение программы заключается в повышении уровня безопасности свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [9, с. 476]. Их защита позволяет обеспечить высокое качество и достоверность свидетельских показаний, которые являются важнейшим элементом уголовного процесса, особенно в ходе пресечения деятельности этнических организованных групп и преступных сообществ, отличающихся высокой степенью сплоченности.

Защищаемые лица наделены комплексом прав на меры безопасности, включая личную охрану, охрану имущества, предоставление средств индивидуальной защиты и связи, обеспечение конфиденциальности, возможность временного перемещения, изменение места работы и учебы, а также меры по изменению внешности и документов. Все меры осуществляются компетентными органами с согласия защищаемых лиц и на основании наличия подтвержденных угроз.

Статистические данные за 2024 год позволили установить, что на территории Российской Феде-

рации из числа предусмотренных законом мер государственной защиты наиболее часто подразделениями по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, применяется личная охрана [7, с. 71]. Эта мера по своей организационно-тактической природе является одной из наиболее сложных в реализации, поскольку требует привлечения значительных сил и средств, а также обеспечения высокого уровня межведомственной координации и согласованного взаимодействия различных служб.

Оперативные подразделения органов внутренних дел, созданные для осуществления мер государственной защиты, в настоящее время являются единственными специализированными структурами в МВД России, обладающими необходимыми полномочиями, техническим обеспечением и подготовленным личным составом для выполнения задач по обеспечению личной охраны. Отбор сотрудников в данные подразделения проводится на конкурсной основе, приоритет отдается кандидатам, имеющим опыт службы в условиях повышенного риска, высокий уровень физической и огневой подготовленности, надлежащее образование, навыки вождения автотранспорта и тактического маневрирования, а также хорошо сформированные коммуникативные качества, внешний облик, соответствующий требованиям конспиративной работы, и знания, обеспечивающие соблюдение норм служебного этикета [10, с. 227].

Оперативные сотрудники, непосредственно реализующие меры личной охраны, действуют в строгом соответствии с алгоритмами, построенными на прогнозировании сценариев развития оперативно-тактической обстановки, с учетом особенностей потенциала угрозоносителя, имеющихся в их распоряжении сил и средств, а также возможностей осуществления тех или иных тактических и технических мероприятий. Эффективность их работы обеспечивается не только четким выполнением требований, предъявляемых к реализуемым действиям, но и неукоснительным соблюдением положений нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность подразделений МВД России по обеспечению государственной защиты [11, с. 39].

Основным предназначением личной охраны является предотвращение любых противоправных действий в отношении охраняемого лица со стороны угрозоносителя, включая не только риск физического устранения объекта защиты, но и оказание на него психологического или иного незаконного воздействия. В перечень задач подразделений физической защиты входит: обеспечение безопасности защищаемых лиц в пределах установленной компетенции; проведение комплекса оперативных мероприятий, направленных на выявление и предотвращение угроз жизненно важным интересам защищаемых лиц; осуществление специальных мероприятий по предупреждению, пресечению и документированию преступлений и иных противоправных деяний в отношении защищаемых лиц; выполнение подготовительных мероприятий, необходимых для эффективной реализации мер защиты; организация межведомственного взаимодействия с территориальными

органами внутренних дел и иными заинтересованными структурами в рамках обеспечения безопасности [12, с. 550; 13, с. 26].

Практика реализации личной охраны демонстрирует наличие ряда проблем, в том числе связанных с нахождением охраняемого лица и сотрудников ОРЧ ГЗ на объектах с особым режимом доступа (здания судов, органов государственной власти и местного самоуправления, прилегающие к ним территории) или в зонах повышенного риска (объекты, где проходят массовые публичные мероприятия, торгово-развлекательные центры, учреждения финансового сектора и др.). В таких условиях возникают затруднения при проведении оперативно-разыскных мероприятий, требующих использования табельного огнестрельного оружия, специальных средств связи, средств индивидуальной бронезащиты, специализированного служебного транспорта, в том числе автомобилей скрытого бронирования [14, с. 57]. Дополнительные сложности связаны с необходимостью взаимодействия с представителями иных правоохранительных органов, частных охранных организаций и другими субъектами охранной деятельности. Ведь специфика работы сотрудников ОРЧ ГЗ заключается в преимущественно негласном характере несения службы, что предполагает скрытность действий и сохранение в тайне факта обеспечения охраны [15, с. 202].

Проведенный нами анализ практики деятельности ОРЧ ГЗ показал, что корректировка ведомственных нормативных актов не способна в полной мере решить перечисленные проблемы, поскольку они ориентированы на узкий круг субъектов. В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в законодательство. Так, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» предусматривает право беспрепятственного прохода сотрудников полиции на объекты государственных, муниципальных и коммерческих организаций при исполнении служебных обязанностей. С учетом этого предлагаем дополнить статью 13 названного закона пунктом 41 следующего содержания: «Сотрудники полиции, осуществляющие меры государственной защиты, в интересах службы, без раскрытия личных данных охраняемых лиц, вправе требовать содействия граждан, организаций, правоохранительных и контролирующих органов, в том числе в форме выполнения письменных поручений и запросов руководителя подразделения по обеспечению безопасности либо устных законных запросов лица, непосредственно реализующего меры безопасности».

Следует отметить, что ни ФЗ-119, ни ФЗ-45 не содержат легального определения такой меры безопасности, как личная охрана. В своей деятельности сотрудники специальных подразделений, реализуя данную меру, применяют весь комплекс предусмотренных нормативными актами оперативно-разыскных и специальных мероприятий, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества охраняемого лица, его близких и родственников. Поэтому представляется обоснованным определение личной охраны, сформулированное

В.А. Клызбаевой: это комплекс мероприятий, осуществляемых подразделениями по обеспечению государственной защиты, направленных на непосредственную защиту жизни, здоровья и (или) имущества охраняемых лиц, обеспечение установленного порядка судопроизводства, неотвратимости наказания, а также нейтрализацию угроз со стороны угрозоносителей [16, с. 147].

В целом соглашаясь с такой трактовкой, считаем необходимым уточнить дефиницию и представить ее в следующем виде: «Личная охрана – это комплекс организационных, тактических и технических мероприятий, осуществляемых уполномоченными подразделениями по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, с целью защиты их жизни, здоровья и (или) имущества, обеспечения установленного порядка судопроизводства, предотвращения и пресечения противоправного воздействия со стороны угрозоносителей и иных субъектов, а также охраны членов их семей и близких, подвергшихся угрозам в связи с участием охраняемого лица в уголовном судопроизводстве». Отсутствие в российском законодательстве определения рассматриваемой нами меры безопасности создает ситуацию правовой неопределенности, что обуславливает необходимость закрепить предложенную дефиницию в ст. 6 ФЗ-45 и ст. 7 ФЗ-119.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги проведенного нами анализ правового регулирования и практики применения такой меры безопасности, как личная охрана, в отношении участников уголовного судопроизводства позволяют утверждать, что данный институт занимает центральное место в системе государственной защиты и представляет собой неотъемлемый элемент обеспечения эффективности уголовного правосудия.

Личная охрана – наиболее востребованная мера защиты. Она характеризуется высокой сте-

пенью тактической сложности с организационной точки зрения. Для ее осуществления необходимы значительные ресурсы и четкая межведомственная координация. Успешная реализация личной охраны невозможна без привлечения специально подготовленных для этой работы сотрудников, обладающих комплексом специфических профессиональных, физических и коммуникативных компетенций.

Вместе с тем в практике деятельности подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, выявлен ряд проблем, обусловленных как пробелами в законодательстве (отсутствие легального определения личной охраны в федеральных законах), так и организационно-техническими ограничениями при ее осуществлении в условиях повышенного риска и на объектах с особым режимом доступа.

В целях повышения эффективности применения личной охраны как меры безопасности представляется целесообразным: закрепить в ФЗ-45 и ФЗ-119 нормативное ее определение; внести изменения в Федеральный закон «О полиции», направленные на обеспечение содействия оперативным подразделениям при реализации ими охранных мероприятий; развивать материально-техническое обеспечение и кадровый потенциал специализированных подразделений, предназначенных для осуществления личной охраны; интегрировать меры личной охраны с комплексом оперативно-разыскных мероприятий с учетом межнародно-правовых стандартов защиты свидетелей и потерпевших.

Реализация этих предложений позволит, по нашему мнению, повысить уровень защищенности лиц, содействующих уголовному правосудию, и, как следствие, укрепить гарантии неотвратимости наказания, а также доверие к институтам государства и правопорядка. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Назырова Н.А. Отдельные проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 239-248.
2. Бабенко С.В., Семенцова И.А., Тишкин Д.Н. Защита свидетелей в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11 (198). С. 338-340.
3. Глухова К.С. Оптимизация мер обеспечения безопасности должностных лиц в связи с выполнением ими служебных обязанностей при расследовании преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 155-161.
4. Тройнина И.С. Некоторые проблемы государственной защиты потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С. 262-266.
5. Гунченко Д.О. Международный опыт обеспечения государственной защиты отдельных категорий участников уголовного судопроизводства по уголовным делам, связанным с деятельностью организованных преступных сообществ // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 2 (67). С. 242-247.
6. Кондра А.В., Малин П.М. Правовые проблемы обеспечения безопасности свидетеля в уголовном судопроизводстве // Вестник экономики и права. 2025. № 102. С. 121-127.
7. Алафьев К.М. Принципы государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1 (107). С. 71-80.
8. Маликова Н.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: ретроспективный и перспективный анализ // Научный портал МВД России. 2024. № 4 (68). С. 61-66.
9. Алексеев А.М., Чернейкин П.П., Березовиков Е.В. К вопросу применения меры безопасности «личная охрана, охрана жилища и имущества» // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5 (192). С. 475-476.
10. Флоча В.М. О комплексной и системой подготовке сотрудников подразделений МВД России, обеспечивающих личную охрану защищаемых лиц // Педагогический журнал. 2024. Т. 14. № 7А. С. 227-232.
11. Вормсбехер И.А. Обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите, как функция полиции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 39-47.

12. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
13. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
14. Ласкорунский В.О. К вопросу осуществления безопасности лиц, подлежащих государственной защите в МВД России // Правовая реформа. 2024. № 3. С. 57-61.
15. Мищенко И.А. Личная охрана и охрана жилища и имущества участников уголовного судопроизводства // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 202-205.
16. Клызбаева В.А. Возможность привлечения сотрудника-женщины к обеспечению меры безопасности «личная охрана». Использование сильных и слабых сторон // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 3 (45). С. 145-148.

REFERENCES

1. Nazyrova N.A. Otdel'nyye problemy obespecheniya bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 1 (108). S. 239-248.
2. Babenko S.V., Sementsova I.A., Tishkin D.N. Zashchita svideteley v ugolovnom protsesse: problemy pravovogo regulirovaniya // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2024. № 11 (198). S. 338-340.
3. Glukhova K.S. Optimizatsiya mer obespecheniya bezopasnosti dolzhnostnykh lits v svyazi s vypolneniem imi sluzhebnykh obyazannostey pri rassledovanii prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2025. № 1 (72). S. 155-161.
4. Troynina I.S. Nekotoryye problemy gosudarstvennoy zashchity poterpevshikh i svideteley v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 2. S. 262-266.
5. Gunchenko D.O. Mezhdunarodnyy opyt obespecheniya gosudarstvennoy zashchity ot del'nykh kategoriy uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva po ugolovnym delam, svyazannym s deyatelnost'yu organizovannykh prestupnykh soobshchestv // Biznes. Obrazovaniye. Pravo. 2024. № 2 (67). S. 242-247.
6. Kondra A.V., Malin P.M. Pravovyye problemy obespecheniya bezopasnosti svidetelya v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik ekonomiki i prava. 2025. № 102. S. 121-127.
7. Alaf'yev K.M. Printsipy gosudarstvennoy zashchity uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 1 (107). S. 71-80.
8. Malikova N.V. Obespecheniye bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: retrospektivnyy i perspektivnyy analiz // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2024. № 4 (68). S. 61-66.
9. Alekseyev A.M., Chernykin P.P., Berezovikov Ye.V. K voprosu primeneniya mery bezopasnosti «lichnaya okhrana, okhrana zhilishcha i imushchestva» // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2024. № 5 (192). S. 475-476.
10. Flocha V.M. O kompleksnoy i sistemoy podgotovke sotrudnikov podrazdeleniy MVD Rossii, obespechivayushchikh lichnuyu okhranu zashchishchayemykh lits // Pedagogicheskiy zhurnal. 2024. T. 14. № 7A. S. 227-232.
11. Vormsbekher I.A. Obespecheniye bezopasnosti lits, podlezhashchikh gosudarstvennoy zashchite, kak funktsiya politzii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 4 (57). S. 39-47.
12. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
13. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkluyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
14. Laskorunskiy V.O. K voprosu osushchestvleniya bezopasnosti lits, podlezhashchikh gosudarstvennoy zashchite v MVD Rossii // Pravovaya reforma. 2024. № 3. S. 57-61.
15. Mishchenkova I.A. Lichnaya okhrana i okhrana zhilishcha i imushchestva uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Obshchestvo i pravo. 2008. № 1 (19). S. 202-205.
16. Klyzbayeva V.A. Vozmozhnost' privlecheniya sotrudnika-zhenshchiny k obespecheniyu mery bezopasnosti «lichnaya okhrana». Ispol'zovaniye sil'nykh i slabykh storon // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. 2016. № 3 (45). S. 145-148.

© Тарасова М.Ю., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тарасова М.Ю. Личная охрана в системе мер безопасности: проблемы реализации и законодательные перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 89-94.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Алексей Витальевич ПОЛЯКОВ,
кандидат педагогических наук, ORCID 0009-0009-5680-989X
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел Калининградского филиала
alexpolyakov1503@mail.ru

Научная статья
УДК 343.213.7:[343.985:351.74]

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Содействие граждан, освобождение от уголовной ответственности, вынужденное причинение вреда, имитация преступной деятельности, обеспечение безопасности, оперативные подразделения, оперативно-разыскная деятельность, органы внутренних дел.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Часть 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает возможность вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам при правомерном выполнении служебных обязанностей сотрудниками оперативных подразделений или лицами, содействующими им. При этом в научной дискуссии особое внимание уделяется вопросам участия граждан, оказывающих конфиденциальное содействие, в имитации преступной деятельности и рискам, связанным с необходимостью совершения ими реальных преступлений в ходе внедрения в преступные группы. Законодательство запрещает таким лицам участвовать в подготовке и совершении преступлений, и на практике возникают проблемы с освобождением их от уголовной ответственности. На основании представленных в статье результатов анализа некоторых положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовного кодекса Российской Федерации и зарубежного опыта делается вывод о важности совершенствования нормативной базы в части правовой защиты лиц, содействующих оперативным подразделениям, и освобождения их от наказания в случае вынужденного совершения преступлений по обстоятельствам, связанным с оперативно-разыскной деятельностью.

Методы. В ходе проведения исследования, результаты которого отражены в настоящей статье, применялись диалектический метод, метод описания, метод абстрагирования, метод обобщения, сравнительно-правовой метод. Такое комплексное использование методов обеспечило объективность и достоверность выводов, а также позволило разработать научно обоснованные рекомендации для совершенствования уголовного и оперативно-разыскного законодательства.

Результаты. Автор предлагает рассматривать случаи вынужденного совершения преступлений лицами, содействующими оперативным подразделениям, как деятельность, осуществленную в обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Реализация этого предложения требует внесения дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», способствующих совершенствованию правовой защиты лиц, содействующих оперативным подразделениям. Для решения этой комплексной и дискуссионной проблемы необходимы дальнейшие научные исследования и законодательные инициативы.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования правовых основ освобождения от уголовной ответственности лиц, содействующих оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), обусловлена рядом современных вызовов и проблем, возникающих в практической и научной сферах борьбы с преступностью.

Оперативно-разыскные мероприятия, включая конфиденциальное содействие граждан, являются ключевым инструментом правоохранительных органов для выявления, предупреждения и пресечения преступлений. Зачастую их проведение сопряжено с высокой степенью риска и сложностью выполняемых задач [1, с. 25]. При этом лица, вовлеченные в ОРД, могут быть вынуждены совершать преступные деяния в рамках доверительного внедрения в преступные группы. Однако действующее уголовное законодательство не обеспечивает адекватных механизмов освобождения таких лиц от уголовной ответственности, что создает правовую неопределенность и снижает эффективность оперативной работы.

Современная правоприменительная практика выявляет серьезные пробелы в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) и Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), а также противоречия между их нормами. Эти обстоятельства требуют научного осмысления и законодательного урегулирования. Отсутствие четких правовых механизмов защиты содействующих ОРД лиц приводит к снижению их мотивации и повышению уровня опасности для жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов, участвующих в оперативных мероприятиях.

Результаты изучения международного опыта, особенно накопленного в странах с развитой практикой ОРД, позволяют говорить о том, что наметилась тенденция к формированию сбалансированных правовых норм, которые позволят обеспечить баланс между наказанием за преступления и необходимостью эффективного взаимодействия с информаторами, конфиденцентами и иными содействующими лицами.

Проведенное нами исследование было направлено на выявление возможностей устранения существующих ныне нормативных пробелов, на поиск путей формирования комплексного правового механизма, обеспечивающего защиту и поощрение лиц, содействующих органам внутренних дел. Решение данных задач будет способствовать в конечном итоге росту результативности борьбы с преступностью и обеспечению законности в рамках осуществления ОРД. В связи с этим тема исследования представляется особенно актуальной как в научном, так и в прикладном плане.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования для решения конкретных задач применялись общенаучные и частнонаучные методы. Диалектический метод обеспечивал комплексный анализ правовых явлений в их развитии, взаимосвязях и противоречиях. С его помощью в действующем законодательстве выявлялись системные недостатки, имеющие от-

ношение к освобождению от уголовной ответственности лиц, содействующих ОРД. Метод описания использовался для фиксации и систематизации фактического материала, отражающего проблемные аспекты профессиональной деятельности оперативных подразделений, в том числе при взаимодействии с гражданами. Этот метод позволил собрать эмпирическую базу для дальнейшего анализа. Метод абстрагирования способствовал определению существенных, ключевых характеристик исследуемых правовых норм и отсеиванию второстепенных, что помогло сосредоточиться на наиболее важных коллизиях из числа выявленных нами в законодательстве в рамках проведения исследования. Метод обобщения применялся для систематизации и интерпретации фактов в контексте теории и практики ОРД, а также для формулирования предложений по совершенствованию нормативной базы. Сравнительно-правовой метод позволил проанализировать зарубежный опыт, накопленный в области правового регулирования деятельности конфиденцентов и освобождения их от уголовной ответственности (в частности в Республике Беларусь и США). Это дало возможность раскрыть внешнюю перспективу и выявить эффективные практики, которые могли бы быть внедрены в российское законодательство. Такое комплексное использование методов обеспечило объективность и достоверность выводов, а также позволило разработать научно обоснованные рекомендации для совершенствования уголовного и оперативно-разыскного законодательства.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Часть 4 ст. 16 ФЗ об ОРД закрепляет специальное правовое положение, предусматривающее возможность так называемого «вынужденного причинения вреда» охраняемым уголовным законом интересам. Такая возможность допускается в случаях, когда причиняющее вред деяние совершается должностным лицом органа, уполномоченного на осуществление оперативно-разыскных мероприятий, либо лицом, оказывающим ему содействие, при условии, что оно выполняет свои служебные или общественные функции правомерно и в пределах поставленных перед ним задач.

В научной доктрине [2, 3] обсуждаются спорные вопросы, касающиеся того, что конфиденценты, привлекаемые правоохранительными органами, часто участвуют в имитации преступной деятельности с целью создания иллюзии принадлежности к криминальному сообществу. Однако сама по себе такая имитация далеко не всегда является достаточным условием для эффективного внедрения и получения достоверной оперативной информации. Лица, длительно находящиеся в криминогенной среде, нередко оказываются под давлением обстоятельств, когда отказ от участия в реальных преступлениях может обернуться утратой доверия со стороны криминального окружения, подорвать занимаемые позиции, вызвать подозрения и, как следствие, сделать невозможным выполнение полученного задания. Как подчеркивает М.Ю. Воронин, конфиденценты, пребывающие вне непосредственной криминальной среды, как правило, лишены возможности полно-

Alexey V. POLYAKOV,
Cand. Sci. (Pedagogy), ORCID 0009-0009-5680-989X
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Senior Lecturer at the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch
alexpolyakov1503@mail.ru

LEGAL GROUNDS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY OF PERSONS ASSISTING OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Assistance of citizens, exemption from criminal liability,
forced harm, imitation of criminal activity, ensuring security, operational
units, operational investigative activities, internal affairs agencies.

ANNOTATION. Introduction. Part 4 of Article 16 of the Federal Law «On Operational Investigative Activities» provides for the possibility of forced harm to protected interests in the lawful performance of official duties by employees of operational units or persons assisting them. At the same time, the scientific discussion pays special attention to the issues of participation of citizens providing confidential assistance in the imitation of criminal activity and the risks associated with the need for them to commit real crimes during infiltration into criminal groups. The legislation prohibits such persons from participating in the preparation and commission of crimes, and in practice there are problems with their release from criminal liability. Based on the results of the analysis of some provisions of the Federal Law «On Operational Investigative Activities», the Criminal Code of the Russian Federation and foreign experience presented in the article, a conclusion is made about the importance of improving the regulatory framework in terms of legal protection of persons assisting operational units and their release from punishment in the event of forced commission of crimes due to circumstances related to operational investigative activities. **Methods.** In the course of the study, the results of which are reflected in this article, the dialectical method, the description method, the abstraction method, the generalization method, and the comparative legal method were used. Such a comprehensive use of methods ensured the objectivity and reliability of the conclusions, and also allowed the development of scientifically based recommendations for improving criminal and operational-search legislation. **Results.** The author proposes to consider cases of forced commission of crimes by persons assisting operational units as an activity carried out in circumstances that exclude the criminality of the act. The implementation of this proposal requires amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Federal Law «On Operational Investigative Activity» that contribute to the improvement of the legal protection of persons assisting operational units. Further scientific research and legislative initiatives are needed to solve this complex and controversial problem.

и достоверно освещать происходящие в ней процессы. Отсюда следует, что в ряде случаев поддержание легенды требует от внедренного лица участия в реальных противоправных деяниях, пусть и в минимально возможных пределах [4, с. 79].

В то же время действующее законодательство накладывает строгий запрет на участие лиц, содействующих оперативным подразделениям на негласной основе, в подготовке и совершении преступлений. Это положение создает серьезный правовой диссонанс: с одной стороны, для успешного внедрения в преступную группу необходимо продемонстрировать «лояльность» ее членам, иногда посредством тех или иных действий противоправного характера, а с другой – отсутствует четкий механизм освобождения таких лиц от ответственности в случае совершения ими преступлений по вынужденным обстоятельствам, связанным с выполнением оперативного задания.

Д.А. Симоненко обоснованно обращает внимание на необходимость разработки специального нормативного механизма реализации положений ч. 4 ст. 16 ФЗ об ОРД, который отличался бы от институтов крайней необходимости или необходимой обороны [5, с. 103]. В рамках законодательного регулирования следует четко определить правовой статус лиц, действующих на конфиден-

циальной основе по заданию органов, осуществляющих ОРД, и закрепить процедуры их защиты от уголовного преследования в случае вынужденности совершения ими деяний и при условии добросовестности исполнения поручения.

Результаты анализа формулировки ч. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД показывают, что ее действие распространяется лишь на членов преступной группы. При этом без внимания остается другая категория содействующих лиц – те, кто внедряются в криминальные структуры в рамках специальных мероприятий (оперативное внедрение) и вынуждены совершать деяния, формально подпадающие под признаки преступлений, исключительно в интересах защиты правопорядка. Таким образом, очевидно существование правового пробела, связанного с неопределенностью оснований освобождения таких лиц от уголовной ответственности.

Как подчеркивает С.Н. Радачинский, нормы ФЗ об ОРД не получили адекватного отражения в уголовном законодательстве [6, с. 38]. Это обуславливает серьезную проблему: внедренные конфидененты, совершающие преступления в ходе выполнения оперативного задания, не имеют специального предусмотренного законом механизма защиты от уголовного преследования.

Статья 75 УК РФ, устанавливающая основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, по своей природе не применима к такого рода случаям, так как предполагает: а) совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести; б) добровольную явку с повинной; в) способствование раскрытию преступления; г) возмещение ущерба и утрату деянием общественной опасности. Очевидно, что для конфидентов, изначально действующих в интересах государства и общества, эти условия не всегда выполнимы и не отражают реальной сути их положения.

Часть 1 ст. 1 УК РФ определяет, что уголовное законодательство состоит исключительно из Уголовного кодекса Российской Федерации. Следовательно, новые законы, содержащие основания освобождения от ответственности, подлежат включению в него. Это означает, что любые положения ФЗ об ОРД, предоставляющие иммунитет от уголовного преследования, должны носить бланкетный характер с отсылкой к соответствующим уголовно-правовым нормам. Ситуация осложняется еще и тем, что ФЗ об ОРД оперирует понятием «тяжкие последствия», тогда как уголовное законодательство классифицирует преступления прежде всего по степени тяжести деяния. Это несоответствие необходимо устранить для обеспечения единообразия юридической квалификации.

Обратим внимание на то, что ФЗ об ОРД не предусматривает каких-либо ограничений на использование содействия лиц, имеющих судимость. Более того, именно лица, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности, представляют собой особую ценность как потенциальные источники значимой информации о криминальной среде. А.Г. Антонов отмечает, что «Уголовный кодекс РФ не рассматривает сотрудничества преступника с правоохранительными органами в качестве непосредственного основания освобождения его от уголовной ответственности за совершенные в преступной группе преступления» [7, с. 81]. При этом он подчеркивает, что данный недостаток затрудняет работу правоохранительных органов по выявлению и документированию действий лидеров и членов преступных групп.

Закрепленное в ст. 75 УК РФ основание освобождения от уголовной ответственности, на наш взгляд, не может применяться в отношении лиц, содействующих оперативным подразделениям. Кроме того, ч. 1 ст. 1 УК РФ, заявляющая о том, что «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса» и «новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс», не позволяет считать действующими любые нормы, являющиеся по сути уголовно-правовыми, но не включенные в УК РФ. Поэтому, никакие нормативные предписания, в том числе и сформулированные в ФЗ об ОРД, не могут быть основаниями для освобождения лица, сотрудничающего с оперативными подразделениями и совершающего в ходе этого сотрудничества пре-

ступление, от уголовной ответственности, если это не допускается УК РФ.

Далее, уголовным законом исключается возможность совершения тяжких и особо тяжких преступлений лицом, которое предполагается освободить от уголовной ответственности. В свою очередь, ФЗ об ОРД использует словосочетание «тяжкие последствия». Причем такие последствия являются и квалифицирующим признаком¹. То есть ФЗ об ОРД указывает не на предполагаемую тяжесть самого преступления, а именно на вескость результата его совершения, что опять же входит в противоречие со смыслом ст. 75 УК РФ.

Еще одним обстоятельством, потребовавшим внимания в рамках нашего исследования, стало то, что законодатель, говоря о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, указывает на связь явки с повинной, следующего за ней способствования в раскрытии и расследовании преступления и возмещения ущерба. В связи с этим возникает закономерный вопрос: должно ли лицо – как совершившее преступление, так и принимавшее в нем участие – возмещать ущерб, если деяние было совершено в рамках осуществления содействия оперативным подразделениям? Более того, имеет ли смысл требование, закрепленное ст. 142 УПК РФ «Явка с повинной», о добровольности сообщения о совершенном преступлении, если речь идет о рассматриваемой нами категории лиц?

В п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указано на то, что явка с повинной «является обстоятельством, смягчающим наказание». Нами же изучаются случаи, в которых возникает необходимость не в смягчении наказания, а в освобождении от уголовной ответственности. И.С. Макаров справедливо отмечает, что освобождение от уголовной ответственности является проявлением справедливости и гуманизма [8, с. 178], однако в исследуемом нами контексте это представляется неуместным.

Вместе с тем обратим внимание на то, что ст. 75 УК РФ предусмотрено и такое основание освобождения от уголовной ответственности как деятельное раскаяние лица, вследствие которого деяние перестает быть общественно опасным. В.К. Дюнов и И.В. Иванов, рассуждая о сущности уголовной ответственности и освобождении от нее, пишут, что «смысл кары в том, чтобы воздать по справедливости виновному, оказать карательное, воспитательное и предупредительное воздействие. Но по смыслу деятельности содействующих лиц, они изначально действуют во благо общества, и о раскаянии речь идти не должна» [9, с. 60].

И.А. Смирнов считает возможным дополнить ФЗ об ОРД механизмом приостановления уголовного преследования содействующих оперативно-разыскным подразделениям лиц и их дальнейшего освобождения от ответственности в связи с добросовестностью осуществляемого ими содействия [10, с. 132]. И.А. Ворсбехер предлагает из-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

ложить ст. 18 ФЗ об ОРД в следующей редакции: «Лицо, являющееся членом преступной группы, привлеченное к содействию с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным Уголовным кодексом Российской Федерации» [11, с. 133]. В свою очередь, Н.В. Павличенко считает необходимым наделить лиц, конфиденциально сотрудничающих с органами внутренних дел, дискреционными полномочиями, которые давали бы право совершать деяния, квалифицируемые УК РФ как преступные, что благоприятно бы отразилось на эффективности оперативно-розыскных мероприятий по борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. В связи с этим, по его мнению, следует дополнить ФЗ об ОРД нормой, наделяющей данных лиц такими полномочиями, а также устанавливающей порядок судебного рассмотрения материалов о совершенных ими в рамках этих полномочий деяниях [12, с. 25].

Результаты анализа зарубежного опыта свидетельствуют о существовании в ряде стран более четких правовых механизмов в рассматриваемой нами сфере. Так, ч. 1 ст. 38 УК Республики Беларусь закрепляет положение о том, что лицо, выполнявшее специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления, и вынужденно совершившее преступление, не подлежит уголовной ответственности, за исключением случаев совершения тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья. В США допускается совершение внедренным агентом так называемых «разрешенных» правонарушений, если это необходимо для укрепления их легенды, но категорически запрещены акты насилия и иные особо опасные действия без санкции уполномоченных на то органов [13, с. 50].

По итогам изучения мнений ряда авторов научных работ [14, с. 200; 15, с. 109] и требований уголовного законодательства мы пришли к выводу о том, что в отношении лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД, уместно говорить не об освобождении от уголовной ответственности, а об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, аналогичных тем, что приведены в гл. 8 УК РФ. На основании результатов проведенного нами исследования представляется целесообразным закрепить в УК РФ новое обстоятельство, исключающее преступность деяния. Его действие должно распространяться на лиц, привлеченных к содействию органам, осуществляющим ОРД, добросовестно выполняющих поручаемые им задания. Данная норма будет исключать возможность привлечения к ответственности за деяния, совершенные при выполнении оперативного задания, при условии, что эти деяния не являются тяжкими или особо тяжкими преступлениями и не повлекли за собой тяжких последствий. Формулировка ч. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД при этом должна иметь строго бланкетный характер и содержать прямую отсылку к статье гл. 8 УК РФ, где найдет закрепление новое обстоятельство, исключающее преступность деяния. Это обеспечит соответствие

конституционным и уголовно-правовым принципам и исключит дублирование норм.

Устранение выявленных в ходе исследования правовых коллизий и пробелов требует комплексных мер, направленных на гармонизацию положений уголовного и оперативно-розыскного законодательства, а также создание эффективных правовых гарантий для лиц, выполняющих особо опасные задания в интересах правоохранительной деятельности. Для этого, по нашему мнению, в гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» целесообразно было бы разместить новую статью в следующей редакции:

«Статья 42.1. Особые обстоятельства, исключающие преступность деяния лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, привлеченным к содействию органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, и добросовестно выполняющим порученные ему задания в целях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, при условии, что данные действия:

- а) не относятся к числу тяжких или особо тяжких преступлений;
- б) не повлекли тяжких последствий;
- в) совершались по объективно вынужденным обстоятельствам, связанным с выполнением специального задания.

2. Положения настоящей статьи не распространяются на случаи, когда содействующее лицо участвует в действиях, связанных с преступлениями против жизни и здоровья человека, а также в иных деяниях, предусмотренных уголовным законодательством в качестве особо опасных.

3. В случаях, предусмотренных настоящей статьей, следственные и судебные органы обеспечивают особый порядок рассмотрения дел с учетом мотивов и обстоятельств совершения деяния».

Одновременно считаем целесообразным обновить редакцию ч. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД, сформулировав ее следующим образом:

«4. Лицо, привлеченное к содействию с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и добросовестно выполняющее данные этим органом задания, совершившее противоправное деяние, освобождается от уголовной ответственности в порядке, установленном Уголовным кодексом Российской Федерации, при условии соблюдения требований, предусмотренных статьей 42.1 главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Данная законодательная инициатива направлена на устранение противоречий между ФЗ об ОРД и УК РФ, создание ясных правовых гарантий для лиц, содействующих оперативным подразделениям, и повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности. Ее реализация позволит обеспечить баланс между необходимостью защиты правопорядка и соблюдением принципов законности и прав человека (таблица 1).

Предлагаемые изменения помогут устранить несоответствие норм ФЗ об ОРД и УК РФ в ис-

**СРАВНЕНИЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»
И УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ИЗМЕНЕНИЙ, КОТОРЫЕ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ВНЕСТИ
В ЭТИ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ**

Элемент регулирования	Было (действующее регулирование)	Станет (предлагаемые изменения)
Правовая природа нормы	Часть 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» содержит декларативное положение о правовой защите, которое прямо не увязано с нормами УК РФ. Носит описательный характер.	Часть 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» становится бланкетной нормой с прямой отсылкой к ст. 42.1 УК РФ. Она приобретает четкую процедурную привязку к уголовному законодательству.
УК РФ	Не содержит специальной нормы, освобождающей от ответственности конфиденентов и иных содействующих лиц, совершивших преступление по заданию органов ОРД. Возможность освобождения от ответственности рассматривается через ст. 75 УК РФ («Дейтельное раскаяние»), что фактически неприменимо к данной категории.	В гл. 8 УК РФ вводится ст. 42.1 «Особые обстоятельства, исключающие преступность деяния лиц, содействующих органам ОРД». Она закрепляет положение о том, что в случаях вынужденного совершения преступления при выполнении оперативного задания (при определенных условиях) деяние не является преступлением.
Основания для защиты	Отсутствуют четко определенные критерии. Решение зависит от усмотрения правоприменителя, что создает риск произвола.	Четко закреплены условия: а) действия не являются тяжкими или особо тяжкими преступлениями; б) не повлекли тяжких последствий; в) совершены по объективно вынужденным обстоятельствам, связанным с выполнением спецзадания.
Гарантии от злоупотреблений	Отсутствует норма, защищающая содействующих лиц и одновременно ограничивающая спектр их допустимых действий.	В ст. 42.1 УК РФ вводятся прямые запреты на участие в особо опасных преступлениях (против жизни и здоровья и др.), что исключает возможность использования нормы для оправдания неправомерных действий вне служебной необходимости.
Соответствие международному опыту	Не обеспечено. Механизм отличается от белорусской и американской моделей.	Согласуется с зарубежной практикой (Республика Беларусь, США) по защите внедренных агентов при одновременном введении четких ограничений.
Практический эффект	Конфидененты и внедренные оперативные сотрудники подвергаются высокому риску уголовного преследования, что снижает эффективность спецмероприятий.	Повышается готовность граждан к конфиденциальному сотрудничеству; оперативная работа становится более результативной и защищенной с правовой точки зрения; снижается риск утраты полезных источников информации.

следуемой нами сфере, создадут прямой, законодательно закрепленный механизм защиты лиц, содействующих оперативным подразделениям, обеспечивая использование их потенциала без нарушения принципа законности. Правоприменение ст. 42.1 гл. 8 УК РФ «Особые обстоятельства, исключающие преступность деяния лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность» можно было бы строить по следующему алгоритму:

1. *Идентификация лиц, подпадающих под действие статьи.*

Определение того, что лицо было привлечено к содействию органу, осуществляющему ОРД, и добросовестно выполняло порученные задания в рамках спецмероприятий.

Подтверждение документами или иными доказательствами статуса содействующего лица (постановление, протокол, справка и т.п.).

2. *Выявление совершения противоправного деяния.*

Фиксация факта совершения содействующим лицом деяния, формально имеющего признаки преступления.

Квалификация деяния по УК РФ.

3. *Определение обстоятельств совершения деяния.*

Установление связи деяния с выполнением специального задания органа, осуществляющего ОРД.

Анализ объективных причин и условий, вынудивших содействующее лицо совершить противоправное деяние (давление криминальной среды, необходимость сохранения легенды, предотвращение большего вреда и т.п.).

Проверка добросовестности и законности выполнения заданий.

4. *Применение ограничений, предусмотренных ст. 42.1 УК РФ.*

Проверка с целью подтверждения того, что деяние не относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений и что оно не повлекло за собой тяжких последствий.

Исключение случаев преступлений против жизни, здоровья и совершения иных особо опасных деяний.

5. *Принятие решения о непривлечении к уголовной ответственности.*

В случае соответствия всем установленным критериям вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного преследования.

Документирование мотивов и оснований принятия такого решения, включая ссылку на ст. 42.1 УК РФ.

Особое внимание уделяется полноте доказательств добросовестного выполнения заданий.

6. *Процессуальное сопровождение.*

Обеспечение участия представителей органов, осуществляющих ОРД, и прокуратуры в рассмотрении дела.

В случае судебного разбирательства суд учитывает положения ст. 42.1 УК РФ как основание для исключения преступности деяния.

Судебное решение должно содержать ссылку на ст. 42.1 УК РФ и обоснование правомерности

поступков лица, содействующего органам, осуществляющим ОРД.

7. *Контроль и мониторинг.*

Уголовно-процессуальные органы осуществляют контроль за правильностью применения ст. 42.1 УК РФ.

При необходимости проводится обучение и инструктаж сотрудников правоохранительных и судебных органов по вопросам применения ст. 42.1 УК РФ.

Использование представленного выше поэтапного алгоритма, по нашему мнению, будет способствовать обеспечению единообразного и правомерного применения ст. 42.1 УК РФ, исключит произвольность правовых оценок действий лиц, выполняющих задания в интересах государства в сложных условиях оперативно-разыскной деятельности, и максимально защитит их интересы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование подтвердило наличие существенного правового пробела в отечественной системе регулирования вопросов освобождения от уголовной ответственности лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД, и вынужденно совершающих деяния, имеющие признаки преступления, при выполнении специальных заданий.

Часть 4 ст. 18 ФЗ об ОРД в современной редакции носит декларативный характер, не обеспечивает прямой связи с уголовно-правовыми нормами и потому не обеспечивает надежных правовых гарантий лицам рассматриваемой категории. Положение ст. 75 УК РФ, закрепляющей основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, по своей правовой природе неприменимы к ситуациям, связанным с правовой оценкой деяний лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД. Это обстоятельство подтверждает целесообразность принятия мер законодательного характера, направленных на урегулирование таких ситуаций.

Анализ зарубежного опыта показал наличие в ряде стран (Республика Беларусь, США) действенных правовых механизмов, обеспечивающих баланс между необходимостью защиты внедренных в криминальную среду агентов и запретом на их участие в совершении особо опасных посягательств. Применение положений иностранного законодательства, адаптированных к российским реалиям, позволит не только устранить существующие коллизии, но и повысить эффективность работы правоохранительных органов, особенно в условиях проведения таких сложных мероприятий, как оперативное внедрение.

Реализация предложений о дополнении гл. 8 УК РФ статьей 42.1 «Особые обстоятельства, исключающие преступность деяния лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность», а также о придании ч. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД бланкетного характера (с отсылкой к ст. 42.1 УК РФ) обеспечит системность правового регулирования в рассматриваемой нами сфере, его соответствие конституционным принципам и уголовно-правовой доктрине. Эти изменения помогут создать прозрачный, форма-

лизованный и устойчивый механизм защиты конфиденентов и внедренных агентов, повысить уровень их правовой защищенности, будут способствовать расширению круга граждан, готовых

оказывать содействие правоохранительным органам, и усилят возможности государства в борьбе с наиболее опасными формами преступности при строгом соблюдении принципа законности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
2. Лузько Д.Н. Имитация преступного поведения в оперативно-разыскной деятельности: теоретико-методологический аспект // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 207-214.
3. Доманов Д.В. Имитация преступного поведения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 1 (60). С. 47-54.
4. Воронин М.Ю. Правовая защита лиц, участвующих в оперативном внедрении // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4 (91). С. 79-82.
5. Симоненко Д.А. Освобождение от уголовной ответственности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 103-107.
6. Радачинский С.Н. Особенности освобождения от уголовной ответственности лиц, способствующих раскрытию и расследованию преступлений в процессе оперативно-разыскной деятельности // Юристы-Правоведь. 2005. № 4 (15). С. 38-40.
7. Антонов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности членов преступной группы по УК РФ и закону об ОРД // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 81-84.
8. Макаров И.С. Освобождение от уголовной ответственности как форма реализации принципов справедливости и гуманизма // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 178-182.
9. Дуюнов В.К., Иванов И.В. О сущности уголовной ответственности и освобождения от нее // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 60-64.
10. Смирнов И.А. Проблемы правового регулирования освобождения от уголовной ответственности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 30. С. 132-136.
11. Вормсбехер И.А. Право граждан, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий, на освобождение от уголовной ответственности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2 (31). С. 133-138.
12. Павличенко Н.В. Проблемы наделяния дискреционными полномочиями лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Оперативник (сыщик). 2010. № 2 (23). С. 25-30.
13. Железняк Н.С. О некоторых аспектах социальной защиты внедряемых в преступные группы сотрудников оперативных подразделений и содействующих им лиц // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1 (4). С. 50-59.
14. Тимофеев С.В., Карданов А.Р. Обеспечение гарантий безопасности участников оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение» // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 1 (29). С. 200-208.
15. Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 109-135.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkluyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
2. Luz'ko D.N. Imitatsiya prestupnogo povedeniya v operativno-razysknoy deyatel'nosti: teoretiko-metodologicheskii aspekt // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4 (103). S. 207-214.
3. Domanov D.V. Imitatsiya prestupnogo povedeniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 1 (60). S. 47-54.
4. Voronin M.Yu. Pravovaya zashchita lits, uchastvuyushchikh v operativnom vnedrenii // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. 2015. № 4 (91). S. 79-82.
5. Simonenko D.A. Osvobozhdeniye ot ugovolnoy otvetstvennosti lits, okazyvayushchikh konfidentsial'noye sodeystviye operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennikh del // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2 (51). S. 103-107.

6. Radachinskiy S.N. Osobennosti osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti lits, sposobstvuyushchikh raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy v protsesse operativno-razysknoy deyatel'nosti // Yurist"-Pravoved". 2005. № 4 (15). S. 38-40.
7. Antonov A.G. Osvobozhdeniye ot ugovolnoy otvetstvennosti chlenov prestupnoy gruppy po UK RF i zakonu ob ORD // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2008. № 1 (6). S. 81-84.
8. Makarov I.S. Osvobozhdeniye ot ugovolnoy otvetstvennosti kak forma realizatsii printsipov spravedlivosti i gumanizma // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 5. S. 178-182.
9. Duyunov V.K., Ivanov I.V. O sushchnosti ugovolnoy otvetstvennosti i osvobozhdeniya ot neye // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki. 2010. № 3. S. 60-64.
10. Smirnov I.A. Problemy pravovogo regulirovaniya osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti lits, okazyvayushchikh sodeystviye organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2016. № 30. S. 132-136.
11. Vormsbekher I.A. Pravo grazhdan, uchastvuyushchikh v provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy, na osvobozhdeniye ot ugovolnoy otvetstvennosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2 (31). S. 133-138.
12. Pavlichenko N.V. Problemy nadeleniya diskretsionnymi polnomochiyami lits, okazyvayushchikh sodeystviye organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Operativnik (syshchik). 2010. № 2 (23). S. 25-30.
13. Zheleznyak N.S. O nekotorykh aspektakh sotsial'noy zashchity vnedryayemykh v prestupnyye gruppy sotrudnikov operativnykh podrazdeleniy i sodeystvuyushchikh im lits // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. 2015. № 1 (4). S. 50-59.
14. Timofeyev S.V., Kardanov A.R. Obespecheniye garantiy bezopasnosti uchastnikov operativno-rozysknogo meropriyatiya «operativnoye vnedreniye» // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2024. № 1 (29). S. 200-208.
15. Lugovik V.F. Operativno-rozysknoy kodeks Rossiyskoy Federatsii (avtorskiy proyekt federal'nogo zakona) // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2015. № 1 (31). S. 109-135.

© Поляков А.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Поляков А.В. Правовые основания освобождения от уголовной ответственности лиц, содействующих оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 95-103.

Сергей Викторович ПОПОВ,
ORCID 0000-0002-1240-6046
Санкт-Петербургский университет
МВД России (г. Калининград)
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел Калининградского филиала
psv270181@gmail.com

Научная статья
УДК 343.985

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Институт содействия граждан, оперативно-разыскная деятельность, принципы добровольности и законности, система гарантий прав, превентивная функция содействия, социальная защищенность, правовое регулирование.

АННОТАЦИЯ. Введение. Институт содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, представляет собой ключевой элемент национальной безопасности в условиях усложняющейся криминогенной обстановки. Содействие граждан рассматривается как система правовых отношений между ними и уполномоченными органами, основанная на добровольности и направленная на защиту прав и свобод, собственности и общественной безопасности. **Методы.** Методологическую основу исследования, результаты которого представлены в статье, составил диалектический метод познания. Для изучения института содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, использовались: формально-юридический метод – при анализе нормативно-правовых актов на конституционном, федеральном и ведомственном уровнях; системно-структурный анализ – для выявления внутренней структуры и взаимосвязей форм взаимодействия между гражданами и органами, которым они содействуют; метод классификации – для систематизации видов содействия; социологический метод – для оценки социальной обусловленности исследуемого института. **Результаты.** Изучены нормативно-правовые основы института содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, на конституционном, федеральном и ведомственном уровнях, а также принципы его функционирования: добровольность, законность, конфиденциальность, социальная защищенность. Классифицированы виды содействия: возмездное и безвозмездное, гласное и негласное, постоянное и эпизодическое, специализированное и универсальное. Описаны формы практического взаимодействия: информационное, консультативное, техническое и личное участие граждан. Раскрыты критерии субъектного состава участников взаимодействия: правовые, организационные, материальные, социальные – и система гарантий их прав. Проанализированы проблемы правового регулирования содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Это отсутствие четкого определения понятия, противоречия нормативных актов и недостаточность механизмов защиты участников. Подчеркнуты социальные функции рассматриваемого института: превентивная, компенсаторная, интегративная, демократическая. Представлены пути совершенствования законодательства в исследуемой сфере, предлагается внедрять современные технологии в процессы взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, с гражданским обществом.

ВВЕДЕНИЕ

Институт содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, представляет собой одну из фундаментальных основ современной системы обеспечения национальной безопасности. В условиях усложнения криминогенной обстановки и появления новых форм преступности особую актуальность приобретает вопрос эффективного

взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом.

Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, является неотъемлемой частью системы противодействия преступности, обеспечивающей дополнительные возможности по получению информации о противоправной деятельности, выявлению и документированию преступлений, розыску лиц,

Sergey V. POPOV,
ORCID 0000-0002-1240-6046
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Lecturer at the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch
psv270181@gmail.com

THE CONCEPT AND ESSENCE OF CITIZENS' ASSISTANCE TO BODIES IMPLEMENTING OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Institute of citizens' assistance, operational investigative activities, principles of voluntariness and legality, system of rights guarantees, preventive function of assistance, social security, legal regulation.

ANNOTATION. Introduction. The institution of citizens' assistance to bodies carrying out operational investigative activities is a key element of national security in the context of an increasingly complex crime situation. Citizens' assistance is considered as a system of legal relations between citizens and authorized bodies, based on voluntariness and aimed at protecting rights and freedoms, property and public safety. **Methods.** The methodological basis of the study, the results of which are presented in the article, is the dialectical method of cognition. To study the institution of citizens' assistance to bodies carrying out operational investigative activities, the following were used: formal-legal method – in the analysis of regulatory legal acts at the constitutional, federal and departmental levels; systemic-structural analysis – to identify the internal structure and interrelations of forms of interaction between citizens and the bodies they assist; classification method – to systematize the types of assistance; sociological method – to assess the social conditioning of the institution under study. **Results.** The article examines the legal framework for the institution of citizen assistance to bodies implementing operational investigative activities at the constitutional, federal and departmental levels, as well as the principles of its functioning: voluntariness, legality, confidentiality, and social security. The article classifies the types of assistance: paid and gratuitous, overt and covert, permanent and episodic, specialized and universal. The article describes the forms of practical interaction: informational, advisory, technical, and personal participation of citizens. The article reveals the criteria for the subject composition of interaction participants and the system of guarantees of their rights: legal, organizational, material, and social. The article analyzes the problems of legal regulation of citizen assistance to bodies implementing operational investigative activities. These include the lack of a clear definition of the concept, contradictions in regulatory acts, and insufficient mechanisms for protecting participants. The article highlights the social functions of the institution under consideration: preventive, compensatory, integrative, and democratic. The ways of improving the legislation in the studied area are presented, it is proposed to implement modern technologies in the processes of interaction of the bodies carrying out operational investigative activities with civil society.

скрывающихся от правосудия. Этот институт базируется на конституционном принципе участия граждан в отправлении правосудия и обеспечении правопорядка.

Теоретическое осмысление понятия и сущности содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, требует комплексного анализа правовых, организационных и социальных аспектов данного явления. Необходимость такого исследования обусловлена потребностью в формировании единого понятийного аппарата, систематизации форм и методов привлечения граждан к содействию, а также определения его границ и пределов.

Цели проведенного нами исследования заключались в том, чтобы на основе достижений оперативно-разыскной науки, а также других отраслевых юридических и иных наук показать специфику понятия и сущности содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, определить основные характеристики данного института и выявить его роль в системе обеспечения правопорядка.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания, позволивший рассматривать институт содействия граждан в динамике его развития и во взаимосвязи с другими правовыми институтами. Формально-юридический метод применялся для анализа нормативно-правовых актов, регламентирующих содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, включая Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности», ведомственных нормативных актов и судебной практики. Системно-структурный анализ позволил установить место института содействия в общей системе оперативно-разыскной деятельности, определить его внутреннюю структуру, выявить взаимосвязи между различными формами содействия. Метод классификации применялся для систематизации видов и форм содействия, описания их характерных признаков и особенностей правового регулирования. Социологический метод использовался для анализа социальной обусловленности института содействия,

его роли в системе общественных отношений и влияния на эффективность правоохранительной деятельности. Эмпирическую базу исследования составили материалы научных публикаций, диссертационных исследований, монографий и статей ведущих специалистов в области оперативно-разыскной деятельности, а также правоприменительной практики и статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ научной литературы и нормативно-правовых актов позволил установить, что понятие содействия гражданам органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, не имеет единого законодательного определения, что создает трудности в правоприменительной практике и при проведении теоретических исследований [1, с. 187]. В литературе встречаются по-разному сформулированные, но близкие по смыслу дефиниции института содействия гражданам органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Так, А.Ю. Шумилов пишет: «Содействие гражданам органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, – это специализированный институт, наделяющий отдельных лиц правом по их согласию участвовать в подготовке и проведении оперативно-разыскных мероприятий, включая как гласные, так и негласные формы помощи»¹. Другие исследователи иначе формулируют определение этого понятия: «Содействие представляет собой комплекс организационных мер, проводимых оперативными подразделениями органов внутренних дел на основании законодательства, направленных на привлечение граждан с их добровольного согласия к подготовке и проведению оперативно-разыскных мероприятий, а также на получение ими оперативно-значимой информации»². А.В. Федоров и А.В. Шахматов полагают, что содействие рассматриваемого нами вида – это особый вид деятельности, осуществляемый на основе законодательства и подзаконных актов путем привлечения граждан к подготовке и проведению оперативно-разыскных мероприятий в целях получения оперативно значимой информации о подготавливаемых или совершенных преступлениях и лицах, причастных к ним [2, с. 68]. В свою очередь, С.И. Владимиров дает такое определение: «Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел – это добровольное оказание помощи органам внутренних дел в сборе и передаче сведений, способствующих решению задач оперативно-разыскной деятельности» [3, с. 195]. В.Ю. Алферов, А.И. Гришин и Н.И. Ильин придерживаются иного мнения: «Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел – это их добровольное

участие в подготовке и проведении преобладающих негласных оперативно-разыскных мероприятий, а также предоставление информации, полученной в ходе их подготовки и проведения»³. В учебнике под редакцией К.К. Горяинова заявлена другая позиция: содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел – это открытая или скрытая помощь в виде участия в оперативно-разыскных мероприятиях, обмена информацией и оказания других услуг, необходимых для выполнения задач борьбы с преступностью⁴.

Во всех представленных дефинициях есть схожие ключевые элементы: добровольность содействия (без принуждения); участие содействующего лица в подготовке и/или проведении оперативно-разыскного мероприятия; передача таким лицом оперативно-значимой информации; вариативность форм содействия (гласное, негласное, контрактное и безконтрактное); нормативная основа – Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» и смежные акты [4, с. 43]. Различаются лишь акценты, касающиеся организационных мер, целей (сбор информации или участие в оперативно-разыскном мероприятии), и терминологические особенности («содействие» или «сотрудничество»).

Следовательно, содействие гражданам органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, может быть определено как система правовых отношений, возникающих между гражданами и уполномоченными государственными органами в процессе решения задач оперативно-разыскной деятельности, основанная на добровольности участия граждан и направленная на обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, безопасности общества и государства от преступных посягательств. Данная дефиниция отражает основные характеристики института содействия: правовой характер отношений, основанный на нормах действующего законодательства; состав субъектов, включающий в себя граждан и органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность; целевая направленность на решение задач по борьбе с преступностью; принцип добровольности как основа взаимодействия; охранительная функция по защите законных интересов личности, общества и государства. Рассмотрим эти характеристики более детально.

Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, реализуется на основе многоуровневой системы нормативных актов:

1) конституционный уровень представлен положениями Конституции Российской Федера-

¹ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности»: с постатейным приложением нормативных актов и документов / авт.-сост. А.Ю. Шумилов; 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. 290 с.

² Белый А.Г. и др. Основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: Учебник / под общ. ред.: Ю.А. Агафонова, Ю.Ф. Кваши. Краснодар : КРУ МВД России, 2008. 264 с.

³ Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И. Правовые основы оперативно-разыскной деятельности: Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (специализация «Уголовно правовая») и специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» (специализация «Административная деятельность») / под общ. ред. В.В. Степанова; 3-е изд., испр. и доп. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. 296 с.

⁴ Оперативно-разыскная деятельность: Учебник / под ред. К.К. Горяинова. М.: Инфра-М, 2002. 794 с.

ции, закрепляющими право граждан на участие в отправлении правосудия (ст. 32), обязанность соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации (ст. 15), а также принципы взаимной ответственности личности и государства (ст. 2) [5, с. 128];

2) федеральный уровень составляют нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», который в ст. 17 закрепляет право органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, использовать в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий содействие отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе [6, с. 25];

3) ведомственный уровень формируют нормативные акты федеральных органов исполнительной власти, детализирующие порядок привлечения граждан к содействию, их права и обязанности, меры их социальной защиты [7, с. 30].

Результаты научного анализа позволили выделить несколько оснований для классификации видов содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность:

1) по характеру правовых отношений: содействие на возмездной основе (с выплатой вознаграждения или компенсацией расходов); содействие на безвозмездной основе (опирающееся на гражданский долг и правосознание) [8, с. 165];

2) по степени конспирации: гласное содействие (открытое взаимодействие с правоохранительными органами); негласное содействие (конфиденциальное сотрудничество с соблюдением мер конспирации); анонимное (без данных о личности содействующего) [9, с. 63];

3) по временным характеристикам: постоянное содействие (длительные правовые отношения); эпизодическое содействие (разовое или краткосрочное взаимодействие) [10, с. 92];

4) по объему выполняемых функций: специализированное содействие (выполнение конкретных заданий в определенной сфере); универсальное содействие (участие в решении широкого круга задач) [11, с. 149].

Институт содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, базируется на системе основополагающих принципов, определяющих характер и границы взаимодействия [12, с. 38]:

1. Принцип добровольности означает, что привлечение граждан к содействию возможно исключительно с их согласия, без применения принуждения или давления. Данный принцип исключает возможность понуждения граждан к сотрудничеству и гарантирует право на отказ от содействия [13, с. 50].

2. Принцип законности предполагает, что содействие должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства, не может нарушать права и законные интересы граждан, не должно выходить за рамки полномочий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [14, с. 16].

3. Принцип конфиденциальности обеспечивает защиту сведений об оказывающих содействие лицах, предотвращение разглашения информа-

ции, способной причинить вред их безопасности или законным интересам [15, с. 25].

4. Принцип социальной защищенности гарантирует предоставление государственной защиты лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, включая правовые, организационные и материальные меры обеспечения их безопасности [16, с. 122].

Практика оперативно-розыскной деятельности выработала различные формы содействия граждан, каждая из которых имеет свои особенности и область применения. Информационное содействие заключается в предоставлении гражданами сведений, имеющих значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности. Это могут быть сообщения о готовящихся или совершенных преступлениях, местонахождении разыскиваемых лиц, фактах противоправной деятельности. Консультативное содействие предполагает использование специальных знаний и профессионального опыта граждан для решения оперативно-розыскных задач. Такое содействие может оказываться специалистами, располагающими значительным объемом знаний и опыта в различных областях науки, техники, производства. Техническое содействие связано с предоставлением гражданами технических средств, помещений, транспорта и других материальных ресурсов для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Личное содействие – это непосредственное участие граждан в проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий под контролем оперативных сотрудников.

Субъектный состав отношений содействия включает в себя две основные группы их участников:

1) граждане, оказывающие содействие (могут быть классифицированы по различным критериям: по гражданству – граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства; по возрасту – совершеннолетние (основная категория), несовершеннолетние (в исключительных случаях с согласия законных представителей); по социальному статусу – представители тех или иных профессий, социальных групп, слоев общества; по характеру взаимодействия – постоянные помощники, эпизодические информаторы, случайные свидетели);

2) органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (федеральные органы исполнительной власти, наделенные полномочиями в соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Важнейшим элементом рассматриваемого нами института является система гарантий прав и законных интересов граждан, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Правовые гарантии состоят в законодательном закреплении прав граждан на получение информации о целях привлечения к содействию, на отказ от сотрудничества, на обжалование неправомерных действий должностных лиц. Организационные гарантии предполагают создание системы контроля за соблюдением законности при привлечении граждан

к содействию, установление четкого порядка взаимодействия, определение компетенции должностных лиц. Материальные гарантии предусматривают возмещение ущерба, причиненного гражданам в связи с содействием органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, выплату вознаграждения за оказанную помощь. Социальные гарантии обуславливают государственную защиту граждан, содействующих правоохранительным органам, включая меры по обеспечению личной безопасности, сохранению места работы, предоставлению социальных льгот.

Институт содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, имеет большое социальное значение и выполняет ряд функций в системе общественных отношений. Превентивная функция заключается в предупреждении преступлений через создание атмосферы неотвратимости наказания и общественного контроля за соблюдением законности. Компенсаторная функция позволяет восполнить ограниченные возможности органов правоохранительного порядка в получении информации о противоправной деятельности и обеспечении всестороннего контроля за криминогенной обстановкой. Интегративная функция способствует консолидации общества в борьбе с преступностью, формированию гражданской позиции и правовой культуры населения. Демократическая функция обеспечивает реализацию конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия и управлении государственными делами.

Несмотря на достаточно глубокую научно-теоретическую проработку института содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволил выявить ряд системных проблем его правового регулирования. Пробелы в законодательном регулировании связаны с отсутствием четкого определения понятия содействия, недостаточной детализацией прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений, неопределенностью критериев отбора граждан для привлечения к содействию. Противоречия между различными уровнями нормативного регулирования создают трудности в правоприменении и могут приводить к нарушению прав граждан.

Перспективными, на наш взгляд, представляются несколько направлений совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере. Прежде всего на федеральном уровне следует разработать и закрепить единое нормативное определение института содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Это определение должно охватывать существенные характеристики содействия как правового института; формы и виды содействия (гласное, негласное, анонимное); критерии разграничения различных видов содействия. Требуется конкретизация правового статуса всех участников отношений содействия: граждан, его оказывающих (расширение гарантий социальной и правовой защиты, четкое определение прав на получение

вознаграждения и компенсаций); органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (установление конкретных обязанностей по обеспечению безопасности лиц, оказывающих содействие); контролирующих органов (определение полномочий и механизмов надзора). Необходимо разработать четкие, объективные критерии отбора граждан для привлечения к различным формам содействия: требования к личным и деловым качествам; ограничения по возрасту и состоянию здоровья; процедуры проверки благонадежности; механизмы оценки пригодности для конкретных видов содействия. Вместе с тем стоит поддержать инициативу А.С. Самodelкина, предложившего разработать и принять Концепцию совершенствования правового регулирования института содействия органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность [17, с. 40], которая должна включить в себя общие принципы и цели правового регулирования; основные направления развития законодательства; этапы и сроки реализации реформ; критерии оценки эффективности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования создают теоретическую основу для дальнейших научных разработок в области оперативно-разыскной деятельности, способствуют формированию единого понятийного аппарата и методологических подходов к изучению института содействия граждан органам, такую деятельность осуществляющим. Перспективы развития данного института связаны с необходимостью его адаптации к современным вызовам и угрозам, внедрения новых технологий, совершенствования форм и методов взаимодействия с гражданским обществом. Полученные результаты могут быть использованы для разработки законопроектов, направленных на устранение выявленных пробелов в правовом регулировании исследуемого института. Предложенное нами определение понятия содействия граждан может быть использовано для внесения изменений в Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» и ведомственные нормативные акты. Разработанная в ходе исследования классификация видов и форм содействия обеспечивает сотрудникам оперативных подразделений четкие критерии для выбора оптимальных способов взаимодействия с гражданами. Систематизация принципов организации содействия способствует повышению эффективности оперативно-разыскной деятельности и минимизации рисков нарушения прав граждан при ее осуществлении. Сформулированные по итогам исследования выводы могут быть полезны при разработке учебных программ в образовательных организациях МВД России и других правоохранительных ведомств. Необходимость решения выявленных нами системных проблем обеспечения прав лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, обуславливает постановку задач по разработке дополнительных правовых, организационных и социальных гарантий их защиты. Это поспособствует повышению уровня доверия граждан к правоохранительным органам и

их готовности к сотрудничеству. Особое внимание должно быть уделено обеспечению баланса между

эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав и свобод граждан. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маслов А.А., Косов Д.В. Некоторые проблемы правового регулирования содействия граждан и иных лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 187-190.
2. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование вопросов содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 1 (1). С. 68-76.
3. Владимиров С.И. К вопросу о дефиниции «содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел» // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 195-201.
4. Маслов А.А. К вопросу о содействии граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и сотрудничестве с ними на конфиденциальной основе // Научный портал МВД России. 2014. № 2 (26). С. 43-47.
5. Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Содействие правоохранительным органам как конституционно гарантированное право // Академическая мысль. 2022. № 3 (20). С. 128-131.
6. Тамбовцев А.И. Коллизии законодательного регулирования содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 25-33.
7. Тамбовцев А.И. Проблемы правовой интерпретации общих требований к лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 3 (66). С. 30-35.
8. Железняк И.Н. Актуализация ответственности государства при защите конфиденентов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49). С. 165-170.
9. Маслов А.А., Власенко А.В. Законодательные основы использования конфиденциального содействия специалиста оперативными подразделениями органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2018. № 3 (43). С. 63-68.
10. Павличенко Н.В. Взаимодействие оперативно-розыскных органов и населения: правовые и теоретические проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4 (39). С. 92-96.
11. Железняк И.Н. Проблемы юридической квалификации взаимоотношений лиц, заключивших контракт о конфиденциальном сотрудничестве с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3 (44). С. 149-157.
12. Симоненко Д.А. Социальная обусловленность конфиденциального содействия отдельных лиц оперативным подразделениям органов внутренних дел // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2023. № 3 (17). С. 38-46.
13. Алексеева А.П., Зуева О.В., Иванов А.С., Кривошеин П.К. Мониторинг общественного мнения как способ оценки деятельности российской полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 50-57.
14. Алексеева А.П. Деятельность полиции Волгоградской области в оценках общественности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 16-25.
15. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
16. Буряков Е.В., Вормсбежер И.А. Гарантии правового статуса граждан, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 122-129.
17. Самоделкин А.С. Основные направления совершенствования правового регулирования координации оперативно-розыскной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. С. 40-45.

REFERENCES

1. Maslov A.A., Kosov D.V. Nekotoryye problemy pravovogo regulirovaniya sodeystviya grazhdan i inykh lits organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2011. № 2. S. 187-190.
2. Fedorov A.V., Shakhmatov A.V. Pravovoye regulirovaniye voprosov sodeystviya grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennikh del // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 1999. № 1 (1). S. 68-76.
3. Vladimirov S.I. K voprosu o definitsii «sodeystviye grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennikh del» // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2017. № 6 (79). S. 195-201.
4. Maslov A.A. K voprosu o sodeystvii grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost', i sotrudnichestve s nimi na konfidentsial'noy osnove // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2014. № 2 (26). S. 43-47.
5. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. Sodeystviye pravookhranitel'nyim organam kak konstitutsionno garantirovannoye pravo // Akademicheskaya mysl'. 2022. № 3 (20). S. 128-131.

6. Tambovtsev A.I. Kollizii zakonodatel'nogo regulirovaniya sodeystviya organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 3 (47). S. 25-33.
7. Tambovtsev A.I. Problemy pravovoy interpretatsii obshchikh trebovaniy k litsam, sodeystvuyushchim organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 3 (66). S. 30-35.
8. Zheleznyak I.N. Aktualizatsiya otvetstvennosti gosudarstva pri zashchite konfidentov // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4 (49). S. 165-170.
9. Maslov A.A., Vlasenko A.V. Zakonodatel'nyye osnovy ispol'zovaniya konfidentsial'nogo sodeystviya spetsialista operativnymi podrazdeleniyami organov vnutrennikh del // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2018. № 3 (43). S. 63-68.
10. Pavlichenko N.V. Vzaimodeystviye operativno-rozysknykh organov i naseleniya: pravovyye i teoreticheskiye problemy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 016. № 4 (39). S. 92-96.
11. Zheleznyak I.N. Problemy yuridicheskoy kvalifikatsii vzaimootnosheniy lits, zaklyuchivshikh kontrakt o konfidentsial'nom sotrudnichestve s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2020. № 3 (44). S. 149-157.
12. Simonenko D.A. Sotsial'naya obuslovlennost' konfidentsial'nogo sodeystviya otdel'nykh lits operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennikh del // Voenno-pravovyye i gumanitarnyye nauki Sibiri. 2023. № 3 (17). S. 38-46.
13. Alekseyeva A.P., Zuyeva O.V., Ivanov A.S., Krivoshein P.K. Monitoring obshchestvennogo mneniya kak sposob otsenki deyatel'nosti rossiyskoy politsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2015. № 4 (35). S. 50-57.
14. Alekseyeva A.P. Deyatel'nost' politsii Volgogradskoy oblasti v otsenkakh obshchestvennosti // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2015. № 4. S. 16-25.
15. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
16. Buryakov Ye.V., Vormsbekher I.A. Garantii pravovogo statusa grazhdan, uchastvuyushchikh v provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2 (51). S. 122-129.
17. Samodelkin A.S. Osnovnyye napravleniya sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya koordinatsii operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 4. S. 40-45.

© Попов С.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Попов С.В. Понятие и сущность содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 104-110.

Александр Иванович МЕЛИХОВ,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-8987-713X

Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин

M-13913@mail.com

Юлия Владимировна КАПИТАНЕЦ,

кандидат юридических наук, доцент

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

заведующая кафедрой государственного и муниципального управления

gmi@rea.ru

Научная статья

УДК 342.9

ДОГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, история оперативно-разыскной деятельности, догосударственный период, первобытное общество, негласное обеспечение безопасности, скрытое наблюдение, агентурная работа.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, был проведен историко-правовой анализ происхождения оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) на догосударственном этапе развития общества. Рассмотрены существующие научные взгляды на генезис ОРД, обосновывается необходимость расширения парадигмы ее истории за пределы государственно-правовых рамок. *Методы.* Исследование основывалось на парадигмальном и историко-сравнительном методах, предполагающих анализ доктринальных источников, норм древнего права и социальных институтов первобытного общества. Применение данных методов позволило сопоставить современные принципы обеспечения безопасности с их праисторическими прототипами. *Результаты.* Деятельность по негласному познанию преступных и общественно опасных деяний членов общества прошла многовековой путь развития – от семейно-общинного и религиозного надзора до институционализированной государственной ОРД органов внутренних дел. Пробразом ОРД были универсальные формы человеческой активности, возникавшие стихийно в целях удовлетворения витальных потребностей самосохранения как отдельного человека, так и коллектива. В догосударственных условиях функции скрытого контроля выполнялись старшими поколениями, жрецами, носителями общинной власти, опирающимися на силу традиций и верований. Они осуществляли негласный надзор и собирали информацию об опасных замыслах и деяниях, чтобы предотвратить нанесение общине вреда. Впоследствии эти функции были постепенно переработаны и отданы сначала общенациональным религиозным институтам (церковный контроль и исповедь), а затем и государственным органам правопорядка.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение безопасности общества посредством негласного выявления и пресечения угроз имеет глубокие исторические корни: потребность в нем возникла задолго до появления государства. Традиционный взгляд состоит в том, что оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) возникла вместе с государственностью как ответ общества на преступления, которые не уда-

валось раскрыть гласными правовыми способами. Ученых, придерживающихся этой точки зрения, условно можно назвать «государственниками». Как правило, это представители военной школы и спецслужб, сосредоточенные на внешней и внутренней государственной безопасности [1]. Их подход к безопасности ориентирован на защиту государства от внешних врагов; методы, допустимые на войне или в противостоянии «своих» и

Aleksandr I. MELIKHOV,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8987-713X

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines

M-13913@mail.com

Yulia V. KAPITANETS,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor

Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

Head of the Department of Public and Municipal Administration

gmu@rea.ru

PRE-STATE HISTORY OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Operational investigative activities, history of operational investigative activities, pre-state period, primitive society, covert security, covert surveillance, informant work.

ANNOTATION. *Introduction.* In the course of the study, the results of which are presented in this article, a historical and legal analysis of the origin of operational investigative activity (hereinafter referred to as OIA) at the pre-state stage of society development was conducted. The existing scientific views on the genesis of OIA are considered, the need to expand the paradigm of its history beyond the state and legal framework is substantiated. *Methods.* The study was based on paradigmatic and historical-comparative methods, involving the analysis of doctrinal sources, norms of ancient law and social institutions of primitive society. The use of these methods made it possible to compare modern principles of security with their prehistoric prototypes. *Results.* The activity of secretly learning about criminal and socially dangerous acts of members of society has come a long way of development – from family-community and religious supervision to institutionalized state OIA of internal affairs agencies. The prototype of OIA were universal forms of human activity that arose spontaneously in order to satisfy the vital needs of self-preservation of both an individual and a team. In pre-state conditions, the functions of hidden control were performed by older generations, priests, and bearers of community power, relying on the power of traditions and beliefs. They carried out secret surveillance and collected information about dangerous plans and actions in order to prevent harm to the community. Subsequently, these functions were gradually reworked and given first to national religious institutions (church control and confession), and then to state law enforcement agencies.

«чужих», они рассматривают в качестве истоков ОРД. Внутри же самого общества применение подобных силовых методов воспринимается как угроза общественной безопасности и морали. Исторический опыт показывает, что подавление внутренних волнений военизированными средствами нередко приводило к социальным катастрофам [2, 3].

В то же время ряд исследователей, специализирующихся в сфере ОРД и полицейского права, выдвигают гипотезу о более древнем происхождении ОРД, связывая его с догосударственным периодом развития общества [4]. По их мнению, задолго до появления государственных институтов функции по негласному обеспечению внутреннего порядка выполняло само общество – через семейные, общинные и религиозные механизмы [5]. Цель такой деятельности у догосударственных общин была такой же, как и у государства, – защита общества от угроз. Однако сферы ответственности и характер самих угроз отличались от государственных: опасность исходила по большей части от членов собственного коллектива, а не от внешнего врага, и нейтрализовались силами самих общин.

Существует и третья точка зрения, согласно которой ОРД следует рассматривать исключительно как правовой институт, появившийся вместе с возникновением права. Сторонники этого подхода, воспринимая ОРД как вид юридической деятельности, значительно укорачивают ее историю, фактически игнорируя доправовые формы скрытого надзора [6]. Узко юридический подход,

связывающий зарождение ОРД лишь с появлением письменного закона, не учитывает накопленный человечеством опыт внекодифицированных способов обеспечения безопасности.

Результаты анализа научных позиций показывают обоснованность всех трех подходов, поскольку каждый из них акцентирует внимание на разных аспектах безопасности. Тем не менее традиционная государственно-правовая парадигма не охватывает всего многообразия исторических форм ОРД. С учетом современных представлений о национальной безопасности представляется необходимым расширить историко-правовую перспективу изучения ОРД. Проведенное нами исследование имело целью сформулировать обоснование необходимости включения в историю ОРД догосударственного (общинного) и религиозного этапов ее эволюции.

МЕТОДЫ

В качестве методологической основы исследования был выбран парадигмальный подход, предложенный А.Е. Шарихиным [7]. Данный подход предполагает изучение истории ОРД через призму сменяющих друг друга парадигм – целостных моделей понимания целей, задач и средств деятельности на разных этапах истории. Так, можно говорить о сыскной парадигме дореволюционной России, об оперативно-разыскной парадигме советского периода и о новой парадигме, формирующейся в последние десятилетия. Парадигмальный метод позволяет лучше систематизировать исторический материал, чем простое разделение

истории ОРД на хронологические отрезки. Однако и он нуждается в дополнении. Существующие парадигмы неполны без учета догосударственного и религиозного опыта обеспечения безопасности. Поэтому представляется оправданным говорить о **догосударственной парадигме** ОРД, предшествовавшей появлению государственных органов сыска, а также о **религиозной парадигме**, в рамках которой функции негласного надзора осуществлялись через институты верований и культов. Включение этих элементов в парадигмальную модель позволяет увидеть, как постепенно формировались принципы и приемы ОРД задолго до их институционализации в государстве.

Помимо парадигмального подхода, применялся исторический метод исследования, основанный на поиске прообразов современных методов ОРД в деятельности различных социальных институтов прошлого. Традиционно историко-правовые исследования ОРД ограничиваются изучением законодательства и деятельности государственных органов розыска. Это зачастую приводит к отождествлению истории ОРД исключительно с историей уголовного сыска в государстве, тогда как вне поля зрения остаются внеправовые средства обеспечения порядка. Нормативные источники Древней Руси фиксировали, например, такие институты, как «свод» и «гонение следа», которые можно рассматривать как прототипы розыскных действий [8]. Однако нормы, закрепленные в договорных правилах отношений между общинами и в обычаях, касались преимущественно межобщинной безопасности. Они представляли собой способы коллективной самопомощи соседских общин и позволяли активно привлекать к розыску большую часть членов общины, осуществлять поиск и изобличение преступника без участия государственной власти. Формальное правило тех времен гласило: «Куда приведет след, там и находится преступник». Это правило древнего общинного права позволило значительно повысить эффективность розыска преступников путем общинной мобилизации. В то же время внутренние, внутриобщинные угрозы порядку исторически регулировались обычаями и негласным надзором внутри самого коллектива. Таким образом, одно лишь изучение нормативных памятников (таких как Русская Правда) не дает полного представления об истоках ОРД, поскольку значительная часть практики обеспечения безопасности закрытого общинного общества осуществлялась вне рамок писаного закона.

Таким образом, методологическую базу нашего исследования составили: 1) парадигмальный метод (был востребован для концептуализации этапов развития ОРД); 2) историко-сравнительный анализ (применялся в отношении догосударственных, религиозных и государственных форм негласной деятельности); 3) институциональный подход (ОРД рассматривалась как социальный институт, возникший в ответ на потребность общества ограничить насилие и энтропию общественных отношений). В связи с последним необходимо обратить внимание на учение Д. Норта о типологиях социальных порядков, в частности о механиз-

мах ограничения насилия в разных типах обществ [9, с. 59]. Применяя его методологию, можно представлять ОРД как институт, призванный ограничивать насилие в различных его проявлениях на разных стадиях развития общества. В архаических сообществах такой институт имел внесударственный характер, будучи встроенным в структуру самоорганизации рода или племени.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Догосударственные институты негласного обеспечения безопасности. Первобытное общество: внешняя и внутренняя безопасность.

Задача обеспечения безопасности коллектива возникла задолго до появления первых государств, еще в условиях первобытнообщинного строя. Уже на ранних ступенях развития человеческого общества можно выделить два аспекта категории «безопасность»: внешняя безопасность – защита от нападения чужаков, соседних племен – и внутренняя безопасность – поддержание порядка среди членов собственной общины, обеспечение их выживания, разрешение внутренних конфликтов. Если для обеспечения внешней безопасности первобытные люди выработали коллективные оборонительные меры, то для поддержания внутренней безопасности начали применять методы, по сути, представляющие собой ранние формы ОРД. В небольших замкнутых сообществах (родовых общинах) появлялась потребность незаметно узнавать о скрытых замыслах соплеменников, способных навредить коллективу – будь то хищение, нарушение табу или иной опасный поступок.

Ведущий российский криминолог Ю.М. Антонын справедливо отмечал, что первобытная культура – это наследство, от которого человечество никогда не избавится, поскольку личность формировалась в филогенезе именно в условиях первобытного социума [10, с. 56]. Иными словами, многие современные государственно-правовые институты, включая национальную безопасность, ОРД и уголовный процесс, имеют корни в первобытной эпохе. Впервые стремление общества узнать тайные замыслы нарушителя и предотвратить зло проявилось не в кабинете следователя и не в канцелярии жандармерии, а у костра родовой общины.

«Закрытое» и «открытое» общество: информация и контроль. Характер негласного контроля существенно различался в традиционных и более развитых социальных системах. Л.Н. Гумилев разделял социальные системы на закрытые (традиционные) и открытые. Он писал: «В чем разница между этносами-изолятами и этносами, развивающимися бурно? В системах реликтовых этносов нет борьбы между членами этноса, а если и случается соперничество, то оно не влечет гибели проигравшего. Преследуются только нововведения, которых, как правило, не хочет никто. Но если так, то естественный отбор, один из факторов эволюции, затухает. Остается этноландшафтное равновесие, на фоне которого возможен только социальный прогресс или регресс. Но в сложных и трудных условиях реадaptации и смены стереотипа поведения естественный отбор возникает снова, и сформированная им популяция либо

погибает, либо становится новым этносом» [11, с. 498]. Первобытная родовая община представляет собой типичное закрытое общество. В таких коллективах практически отсутствует приватность: человек постоянно находится под наблюдением семьи, соседей, старейшин; все его проявления – и внешние поступки, и даже эмоциональные реакции – находятся на виду. По сути, в закрытом обществе содержание внутреннего мира человека не является тайной для его окружения. Индивид живет в условиях прозрачности: несколько поколений родственников и соплеменников, совместный быт, коллективный труд и обряды – всё это создает эффект полной взаимной осведомленности. Поэтому скрыть в традиционной общине свои страхи, агрессию или преступные умыслы чрезвычайно сложно. Они рано или поздно проявляются, и окружающие замечают их.

Напротив, открытое общество городского типа, зародившееся с усложнением социальной структуры, предполагает обособление личности. Городской житель уже не окружен плотным кольцом родственников и односельчан, он в значительной мере анонимен для окружающих. Возникает феномен частной жизни, закрытой от посторонних, – то, что мы называем личным пространством. Именно в условиях открытого общества появляется необходимость в специальном институте, который занимался бы негласным познанием тайных замыслов индивидов, вышедших из-под контроля традиционных социальных связей. Исторически таким институтом и стал государственный сыск (прообраз современной ОРД), возникший в древних городских цивилизациях как ответ на невозможность тотального общественного контроля, который имел место в сельской общине. Иными словами, государственная розыскная система в городах появилась во многом потому, что люди, покинув традиционную деревню, оказались вне поля зрения семьи и общины, что создало пространство для тайной преступной деятельности.

Информационная среда закрытого общества заметно отличается от той, которая существовала в обществе открытом. В замкнутой аграрной общине большинство ее членов обладает цельным и общим мировоззрением, разделяет единые ценности и нормы (в том числе касающиеся обеспечения безопасности). Знания и опыт передаются из поколения в поколение, охватывая все основные стороны жизни. Такой коллективный опыт позволяет общине в известной мере прогнозировать поведение каждого ее члена и предотвращать опасности: ведь все возможные отклонения от нормы тоже хорошо известны. В открытом же обществе (условно говоря, в городе) мышление людей фрагментарно: узкая специализация труда, разрыв семейных и общинных связей, культурное разнообразие – всё это приводит к тому, что поведение личности становится менее предсказуемым для окружающих. Ответственность за индивидуальное выживание и безопасность в традиционной деревне во многом лежала на самом человеке (под бдительным оком семьи и общины). В городе же значительная доля этой ответственности пере-

кладывается на специализированные институты: стражу порядка, полицию, государство в целом.

Человеческие сообщества на протяжении большей части истории оставались замкнутыми системами. В них сложились свои нормы морали, продиктованные тесными узами между людьми, и свои методы управления энтропийными процессами [12], то есть методы предотвращения распада и хаоса в коллективе. Эти методы существенно отличались от тех, которые позже сформировались в открытых обществах. Главные условия выживания традиционного общества – его сплоченность и иерархичность. Соблюдение установленной иерархии (подчинение младших старшим, уважение к вождям и жрецам) было залогом стабильности. Нарушение иерархических устоев воспринималось как прямая угроза коллективной безопасности. Недаром во многих архаичных обществах одно из тяжелейших «преступлений» – неуважение или оскорбление вождя, старейшины, шамана. Дискредитация лидера могла подорвать доверие к институтам власти и привести к распаду общины. Поэтому, как правило, посягательства на устои власти и традиции сурово наказывались.

Многие действия членов общины, предпринимавшиеся во имя ее выживания, с современной точки зрения выглядят как акты насилия или правонарушения. Например, практиковались насильственное перераспределение ресурсов, жестокие наказания молодых членов рода за проступки и т.п. С позиций личности эти действия аморальны, однако в условиях общины они считались необходимыми и были строго регламентированы обычаями. По сути, община допускала некоторые коллективные формы насилия против отдельных своих членов, чтобы пресечь их эгоистичные или опасные наклонности и тем самым сохранить стабильность группы. Ю.М. Антонян точно подметил: «Первобытная религия ... есть мера предосторожности против опасности, которой подвергаются, как только начинают думать, – опасности думать только о себе» [10]. Иными словами, многие первобытные обряды и нормы преследовали цель подавить чрезмерный индивидуализм как угрозу коллективу. В этом проявлялась первичная форма негласного контроля – через мораль, традицию и страх перед осуждением сверхъестественных сил.

Религиозные основы негласного контроля. Универсальным механизмом обеспечения порядка в догосударственных обществах были институты веры: тотемы, табу, культы предков, шаманизм. Религиозные практики играли двойную роль. С одной стороны, они сплачивали общину, формируя единые ценности и запреты. С другой – позволяли осуществлять негласный надзор за поведением членов общины, завуалированный под исполнение религиозных обрядов. Шаман, колдун, жрец в традиционном обществе был не только духовным лидером, но и своеобразным «оперативником», обладающим тайными знаниями о людях, что подтверждается исследованиями в области этнологии, культурной и социальной антропологии. Так, по мнению Т.А. Ондар, «в сознании и глубинной психологии народов, исповедующих шаманизм, шаман – это человек,

наделенный сверхъестественными способностями общения с миром духов, выполняющий ряд духовно-практических функций, необходимых роду, племени. К ним относятся: объяснение причинно-следственных связей происходящих событий, в том числе и психологического плана, предсказание будущего, исцеление и нанесение вреда человеку, сопровождение души умершего в потусторонний мир, защита членов своего рода от несчастий, стихийных бедствий, поиск пропавших людей, скота, вещей и т.д.» [13]. А.Ф. Анисимов обращает особое внимание на реализацию шаманом функции, связанной с поддержанием внутренней безопасности в обществе: «Шаман обеспечивает также защиту этноцентра. Он обносит территорию, где живет этнос особой невидимой оградой, которая проходит по речкам, холмам, полянам и чащам. Эта ограда называется «марылья» и препятствует тому, чтобы злые духи проникли на территорию этноса и нарушили его равновесие. В этом шаману помогают духи-птицы, духи-звери, духи-рыбы, духи земли. Они строят ограду этноцентра сквозь все стихии, реорганизуя священные слои космоса» [14, с. 213].

Благодаря ореолу сверхъестественной силы шаман мог получать информацию, недоступную другим, и влиять на поведение соплеменников. При этом его наблюдения за ежедневной жизнью общины и отдельными личностями были скрыты под видом религиозных ритуалов. Например, распространяемая в примитивных культурах практика принесения жертв, гаданий, общения с духами фактически давала возможность шаману незаметно выяснять, кто из членов общины нарушил табу или замысливает недоброе. Магические обряды были прикрытием для сбора разведывательной информации внутри общины.

Важно отметить, что религиозные инструменты негласного управления имели региональные особенности. В южных земледельческих цивилизациях, возникших в регионах с мягким климатом (например в Европе, на Ближнем Востоке), появление избыточного продукта и специализация труда позволяли части членов общины (старикам, немощным, жрецам) не участвовать напрямую в добычании пропитания. Эти люди располагали свободным временем, которое могли посвятить наблюдению за соплеменниками и проведению обрядов. Постепенно их житейский опыт и проницательность институционализировались: вокруг них сложился ореол мудрости и святости, их суждения о поведении других приобрели вес. Так формировался институт старейшин и жрецов, фактически осуществлявших негласный надзор. В северных же обществах, где выживание требовало от каждого длительного напряжения (например на Крайнем Севере), шаманы обычно жили отдельно, вдали от поселений, что само по себе делало их повседневность таинственной для окружающих. Они периодически появлялись среди людей для совершения обрядов и прорицаний, благодаря чему собирали сведения о жизни общины. Их отрешенный образ жизни создавал видимость того, что они пребывают в общении с

духами, тогда как практически позволял им отстраненно наблюдать за общиной.

Религиозное мировоззрение архаичного человека облегчало поддержание порядка. Любое несчастье объяснялось гневом духов за нарушение табу. Поэтому члены общины сами были заинтересованы в том, чтобы обнаружить нарушителя скрытых запретов, иначе общину постигнет наказание свыше. Шаман выступал арбитром: через него якобы духи сообщали, кто виновен. Этот механизм выполнял одновременно функции расследования и суда. Так, если преступление, например убийство, оставалось нераскрытым, шаман мог объявить, что дух погибшего указал ему на виновника, и община верила этому откровению. Очевидно, что в действительности шаман опирался на информацию, полученную от людей (своих «осведомителей») негласно, или на результаты собственных наблюдений. Но легенда о вещем духе придавала оглашенным сведениям неоспоримый характер. Таким путем поддерживалась иллюзия неизбежности изобличения в совершении тайного преступления. Страх перед всевидящими духами дисциплинировал членов общины: понимание того, что о любом злодеянии может стать известно через «волю богов», предотвращало многие нарушения правил и обычаев.

С течением времени сложился целый арсенал религиозных практик, служивших инструментами негласного контроля. Примеры можно найти во множестве культур. Миф о всепроникающем взгляде мертвых предков, которые наблюдают за живыми и могут донести о проступках, существовал практически у всех народов. Институт «загробного суда» позволял общине, через посредничество шаманов, объявлять волю предков и требовать от членов рода того или иного поведения. По сути, «мнение» умерших старейшин было способом внушить современникам моральные нормы: предки одобряют или осуждают твой поступок. Неподчинение такой «воле предков» грозило страшными карами (болезнями, неудачами), что побуждало людей добровольно следовать предписаниям. Вместе с тем обращение к духам предков служило средством получения от самих людей нужной информации. Например, при расследовании убийства шаман мог инсценировать беседу с духом убитого, который через него называет имя убийцы. Потрясенные суеверным ужасом люди принимали это как истину, а виновный, полагая, что его тайна раскрыта сверхъестественным путем, нередко сознавался сам. Фактически же шаман мог получить сведения от случайных очевидцев или путем логического анализа улик, но предъявлял результат как «глас мертвеца». Подобное легендирование источников информации – классический прием негласной работы, известный и современной ОРД [15, с. 29].

Следует подчеркнуть, что шаманизм и колдовство как институциональные формы скрытой власти были распространены не повсеместно. Например, в культуре восточных славян (предков русских) шаманские практики не заняли доминирующего положения. Климатические условия с продолжительными зимами способствовали тому,

что у крестьян появлялось много свободного времени, которое они могли проводить в семейном кругу. В течение долгих зимних вечеров происходила передача жизненного опыта от старших к младшим, шло постоянное негласное воспитание и наблюдение за поведением детей и молодежи. Это развивало у членов общины навыки внимательности, умения «читать» психологическое состояние близких. В российской ментальности исторически укоренилась черта, нередко отмечаемая иностранцами: склонность негласно наблюдать за окружающими из чувства любопытства и осторожности. Гость из открытого западного общества, оказавшийся в традиционной русской деревне, мог испытывать ощущение, что за ним скрытно следят все вокруг – настолько пристально и осознанно люди интересовались поведением постороннего. Таким образом, на русском Севере и в средней полосе роль шаманов как профессиональных наблюдателей была менее значима. Функцию социального контроля во многом исполняла сама община посредством неформального наблюдения каждого за каждым. В южных же сообществах (а также у кочевых народов Крайнего Севера) свободное время и специальные «наблюдатели» были доступны лишь небольшой группе людей (шаманам, жрецам), поэтому там институты религиозного надзора развились сильнее.

Семейный, соседский и общинный контроль.

В русской традиционной деревне, являющей собой один из наиболее ярких примеров закрытого общества, исторически сложилась эффективная система коллективной безопасности. Как отмечают исследователи, для дореволюционной деревни в мирное время было обычно состояние «полной безопасности и душевного покоя» [16, с. 52]. Это свидетельствует о действенности существовавших механизмов поддержания порядка, к числу которых относились: общая система ценностей и верований, общественный (в том числе самосудный) контроль за правонарушителями, гласный и негласный внутрисемейный надзор, контроль со стороны старшего поколения, а также вера в надзор высших сил.

Можно вести речь о нескольких основных субъектах негласного контроля в традиционном обществе: во-первых, семья – родители, старшие родственники, следившие за повседневным поведением младших; во-вторых, соседи – ближайшее окружение, не связанное родственными узами, но постоянно присутствующее в жизни индивида и готовое пресечь отклонения; в-третьих, старейшины – наиболее уважаемые и опытные члены общины, чье мнение имело решающее значение, осведомленные обо всех происходящих событиях; в-четвертых, «высшие силы» – религиозный контроль, осуществлявшийся как бы извне (через институты шамана, священника, духов предков). Л. Леви-Брюль писал: «Тот, кто вольно или невольно нарушает правила, ломает соглашение с невидимыми силами и, следовательно, подвергает опасности само существование всей общественной группы, ибо именно эти невидимые силы могут в любой момент обречь людей на смерть от голода, болезни, холода или чего-нибудь другого» [17, с. 35].

Последний из описанных выше видов контроля являлся продолжением первых трех, просто легитимировался в форме веры: через страх божьего наказания или духовного возмездия община стремилась удержать нестабильных членов коллектива от сокрытия порочных замыслов.

Внутри этой системы можно условно выделить наблюдение за внешней повседневностью человека и контроль за его внутренним миром. Негласное наблюдение за внешними сторонами жизни – кто куда ходит, с кем общается, чем занимается – осуществлялось естественным образом семьей и соседями. Оно носило открытый характер (все на виду), но оставалось негласным для того, за кем наблюдали, поскольку не всегда осознавалось им как контроль. Что же касается внутреннего мира – мыслей, чувств, мотивов, – то его человек стремился скрыть, опасаясь осуждения. В традиционной культуре существовал ряд механизмов, позволявших преодолеть эту скрытность.

Психологической особенностью человека является потребность поделиться сокровенным, получить оценку со стороны. Но в малой общине публичное обнажение своего внутреннего мира рискованно и нежелательно, так как нарушает устоявшиеся роли и может подорвать семейный уклад. Поэтому в закрытых обществах удовлетворение этой потребности происходило либо через доверенное лицо вне круга близкого родства (например крестного, духовника), либо через институционализированный ритуал исповеди. Христианское таинство покаяния, введенное в церковную практику, по сути, является великолепно продуманным институтом раскрытия внутренних тайников души индивида перед специально уполномоченным лицом – священником. В православной традиции исповедь дополнилась институтом духовного отца – старца-наставника, которому верующий добровольно раскрывает свои помыслы и греховные склонности, получая совет и отпущение грехов [18, с. 141]. Этот религиозный институт решал две задачи: с одной стороны, духовник через доверительную беседу получал сведения о потенциально опасных помыслах, обидах, конфликтах, назревающих у прихожанина; с другой – такое общение позволяло дать выход эмоциональному напряжению, предупреждая тем самым совершение реального преступления. По сути, церковь взяла на себя функцию безопасного «проветривания» внутреннего мира человека, необходимого для предотвращения скопления деструктивной энергии. Здесь мы видим истоки современных институтов профилактической беседы, психологического консультирования и т.д., но в то же время и прообраз приемов агентурной работы, когда доверенное лицо (священник) становится хранителем информации о тайных мотивах членов общества. Конечно, священнослужитель не должен был разглашать тайну исповеди, но даже сам факт существования такой практики имел превентивное значение: человек знает, что может излить душу и получить наставление, а значит, не пойдет самоуправно решать проблему преступным путем [19]. Да и осознание того, что твои тайные грехи известны духовнику

и через него – Богу, само по себе дисциплинировало верующего.

Итак, уже на ранних этапах существования человеческого общества можно обнаружить психологические и социальные основы ключевых методов современной ОРД: скрытого наблюдения (наружного надзора) и агентурной работы. Негласное наблюдение реализовывалось в общине через повседневный присмотр и неформальный контроль поведения, а агентурная деятельность – через доверенных лиц (шаманов, старейшин, духовников), которым сообщались тайные сведения.

С исторической точки зрения система обеспечения безопасности перечисленными внутриобщинными методами была, вероятно, оптимальной для условий замкнутого человеческого коллектива. По данным современных биологических исследований, естественный отбор в древности происходил преимущественно на уровне групп (родов, племен), а не индивидуумов [20]. Выживали и передавали свои ценности дальше те группы, в которых эффективно действовали механизмы коллективного самосохранения. Племена и общины, сумевшие выработать устойчивые институты выявления и подавления внутренних угроз, продолжали развиваться, тогда как менее организованные – исчезали. Это эволюционное преимущество подчеркивает, что методы обеспечения безопасности, сложившиеся в первобытную эпоху, заслуживают внимания и в наши дни. Конечно, прямое перенесение архаичных практик в современное общество невозможно, но понимание их сути помогает обогатить теорию ОРД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность по негласному познанию преступных и общественно опасных тайн членов общества прошла многовековой путь развития – от семейно-общинного и религиозного надзора до институционализированной государственной ОРД органов внутренних дел. Последняя является «объективно необходимой, научно обоснованной деятельностью во благо общества» [21, с. 4]. Ее прообразом были универсальные формы человеческой активности, создававшиеся стихийно в

целях удовлетворения витальных потребностей самосохранения как отдельного индивида, так и коллектива. В догосударственных условиях функции скрытого контроля выполнялись старшими поколениями, жрецами, носителями общинной власти, опирающимися на силу традиций и верований. Они осуществляли негласный надзор и собирали информацию об опасных замыслах и деяниях, чтобы предотвратить вред общине. Впоследствии эти функции были постепенно переработаны, а их исполнение взяли на себя сначала общенациональные религиозные институты (церковный контроль и исповедь), а затем государственные органы правопорядка.

История свидетельствует, что ОРД как социальное явление зародилась задолго до формирования полиции и спецслужб. Она носит универсальный характер, поскольку удовлетворяет базовую потребность общества – потребность в безопасности, в защите от деструктивных сил, таящихся внутри самого общества. Элементы ОРД – наблюдение, разведка, привлечение осведомителей – эволюционно встроены в социальную практику человечества. Их наличие отмечается на всех этапах истории, хотя они и принимали разные организационные формы. Осознание данного обстоятельства позволяет по-новому взглянуть на современную ОРД: не только как на правовой инструмент раскрытия преступлений, но и как на сложный социальный институт, выполняющий функцию первичного регулирования общественных отношений в сферах, не охваченных прямым действием права. Органы, осуществляющие ОРД, противостоят тем проявлениям энтропии (хаоса) в обществе, которые не успевают своевременно сдерживать правовая система, а потому играют важнейшую роль в обеспечении национальной безопасности. Включение догосударственной и вне-нормативной перспективы в исследование ОРД обогащает ее теорию и помогает вырабатывать более эффективные стратегии противодействия современным угрозам, учитывающие глубинные, антропологически обусловленные аспекты человеческого поведения. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жаров С.Н. История оперативно-розыскной деятельности и ее правового регулирования в России (XI - начало XX вв.): Монография. Челябинск: Изд-во Т. Лурье, 2008. 375 с.
2. Шульц Э.Э. Сирия: к пониманию причин гражданской войны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 29 (266). С. 35-42.
3. Bell S.R., Murdie A. The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework // Conflict Management and Peace Science. 2018. Vol. 35. № 4. P. 336-354.
4. Омеляненко М.Е. Участие населения в отправлении правосудия по Русской Правде // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 3 (42). С. 151-162.
5. Румянцев Н.В., Мальчук О.И. Развитие оперативно-розыскной деятельности с древних времен до XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 3 (742). С. 177-186.
6. Куклин Д.В. Исторический аспект становления и развития оперативно-розыскной деятельности в России: задачи, основания и средства // Studia Humanitatis. 2023. № 4.
7. Шарихин А.Е. Парадигмы оперативно-розыскной деятельности и их влияние на формирование системы обеспечения экономической и общественной безопасности страны // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 63-67.
8. Матиенко Т.Л. Генезис и значение термина «сыск» в русском праве XI-XVII вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 40-43.

9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М., 2011. 480 с.
10. Антонян Ю.М. Преступность в первобытном обществе // Научный портал МВД России. 2010. № 3 (11). С. 55-59.
11. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. 512 с.
12. Мелихов А.И. Энтропийная преступность как угроза национальной безопасности // Юрист-Правовед. 2022. № 2 (101). С. 150-156.
13. Ондар Т.А. Социально-психологический анализ терминов «шаманство», «шаманизм» и «неошаманизм» // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2009. № 1 (1). С. 96-101.
14. Анисимов А.Ф. Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки шаманства // Сборник музея антропологии и этнографии. 1951. Т. 13. С. 187-215.
15. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
16. Бердинских В.А. Русская деревня: быт и нравы. М.: Ломоносовъ, 2022. 272 с.
17. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / пер. с франц. Б.И. Шаревской. М.: Академический проект, 2020. 428 с.
18. Домострой / изд. подгот.: В.В. Колесов, В.В. Рождественская; 3-е изд. СПб: Наука, 2007. 399 с.
19. Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Привлечение к конфиденциальному содействию священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений: ограничения и запреты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 91-98.
20. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству / пер. с англ. А. Чечиной. М.: Эксмо, 2013. 332 с.
21. Соловей Ю.П. О совершенствовании законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омский юридический институт, 2010. С. 3-8.

REFERENCES

1. Zharov S.N. Istoriya operativno-rozysknoy deyatel'nosti i yeye pravovogo regulirovaniya v Rossii (XI - nachalo XX vv.): Monografiya. Chelyabinsk: Izd-vo T. Lur'ye, 2008. 375 s.
2. Shul'ts E.E. Siriya: k ponimaniyu prichin grazhdanskoy voyny // Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'. 2014. T. 10. № 29 (266). S. 35-42.
3. Bell S.R., Murdie A. The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework // Conflict Management and Peace Science. 2018. Vol. 35. № 4. P. 336-354.
4. Omel'yanenko M.Ye. Uchastiye naseleniya v otpravlenii pravosudiya po Russkoy Pravde // Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2018. T. 10. № 3 (42). S. 151-162.
5. Rumyantsev N.V., Mal'chuk O.I. Razvitiye operativno-rozysknoy deyatel'nosti s drevnikh vremen do XX veka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki. 2016. № 3 (742). S. 177-186.
6. Kuklin D.V. Istoricheskiy aspekt stanovleniya i razvitiya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v Rossii: zadachi, osnovaniya i sredstva // Studia Humanitatis. 2023. № 4.
7. Sharikhin A.Ye. Paradigmy operativno-rozysknoy deyatel'nosti i ikh vliyaniye na formirovaniye sistemy obespecheniya ekonomicheskoy i obshchestvennoy bezopasnosti strany // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2017. № 4. S. 63-67.
8. Mاتيyenko T.L. Genezis i znachenije termina «sysk» v russkom prave XI-XVII vv. // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2008. № 10. S. 40-43.
9. Nort D., Uollis D., Vayngast B. Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva / per. s angl. D. Uzlanera, M. Markova, D. Raskova, A. Raskovoy. M., 2011. 480 s.
10. Antonyan Yu.M. Prestupnost' v pervobytnom obshchestve // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2010. № 3 (11). S. 55-59.
11. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. M., 1993. 512 s.
12. Melikhov A.I. Entropiynaya prestupnost' kak ugroza natsional'noy bezopasnosti // Yurist"-Pravoved". 2022. № 2 (101). S. 150-156.
13. Oндar T.A. Sotsial'no-psikhologicheskiy analiz terminov «shamanstvo», «shamanizm» i «neoshamanizm» // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki. 2009. № 1 (1). S. 96-101.
14. Anisimov A.F. Shamanskiye dukhi po vovzreniyam evenkov i totemicheskiye istoki shamanstva // Sbornik muzeya antropologii i etnografii. 1951. T. 13. S. 187-215.

15. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiyny apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
16. Berdinskikh V.A. Russkaya derevnya: byt i nray. M.: Lomonosov", 2022. 272 s.
17. Levi-Bryul' L. Sverkh"yestestvennoye v pervobytnom myshlenii / per. s frants. B.I. Sharevskoy. M.: Akademicheskiiy proyekt, 2020. 428 s.
18. Domostroy / izd. podgot.: V.V. Kolesov, V.V. Rozhdestvenskaya; 3-ye izd. SPb: Nauka, 2007. 399 s.
19. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. Privlecheniye k konfidentsial'nomu sodeystviyu svyashchennosluzhiteley i polnomochnykh predstaviteley ofitsial'no zaregistrirovannykh religioznykh ob"yedineniy: ograniчениya i zaprety // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2013. № 2 (25). S. 91-98.
20. Ridli M. Proiskhozhdeniye al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu / per. s angl. A. Chechinoy. M.: Eksmo, 2013. 332 s.
21. Solovey Yu.P. O sovershenstvovanii zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii // 15 let Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti». Sbornik materialov vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk: Omskiy yuridicheskiiy institut, 2010. S. 3-8.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Мелихов А.И., Капитанец Ю.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мелихов А.И., Капитанец Ю.В. Догосударственная история оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 111-119.

Дарья Сергеевна ПЕТРОВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0009-0001-3653-486X

Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

младший научный сотрудник кафедры гражданского права Юридического факультета

daria-s-petrova@yandex.ru

Научная статья

УДК 347.637

ОГРАНИЧЕНИЕ И ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК СПОСОБЫ БОРЬБЫ С ДОМАШНИМ НАСИЛИЕМ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Лишение родительских прав, ограничение родительских прав, семейно-правовая ответственность, домашнее насилие, профилактика домашнего насилия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе исследования, основные результаты которого представлены в настоящей статье, были проанализированы наиболее значимые доктринальные вопросы ограничения и лишения родительских прав как способов борьбы с домашним насилием. В современных реалиях проблема домашнего насилия, включая жестокое обращение с детьми, не теряет своей значимости, что подтверждает актуальность проведенного исследования. *Методы.* Сформулированные выводы базируются на результатах мониторинга литературы (научных источников), в которой ограничение и лишение родительских прав рассматриваются как способы противодействия домашнему насилию. *Результаты.* По мнению автора статьи, в настоящее время изучаемая проблематика доктринально разработана очень слабо. В российском праве нет единого понимания того, что такое «домашнее насилие». К счастью, это обстоятельство пока не оказывает сколь-либо существенного негативного влияния на практику. На уровне закона не решен вопрос о квалификации осуждения родителя с избранием ему наказания в виде лишения свободы в качестве основания для ограничения (лишения) родительских прав. Сейчас суды решают его, исходя из фактических обстоятельств конкретного спора об ограничении (лишении) родительских прав. Автор считает, что сегодня уже пора начать обсуждение возможности признания лишения родительских прав в качестве наказания или иной меры уголовно-правового характера в случаях совершения некоторых преступлений. Это предложение требует детальной и глубокой проработки, но без его принятия эффективно противодействовать домашнему насилию будет достаточно сложно.

ВВЕДЕНИЕ

В современных реалиях проблема домашнего насилия, включая жестокое обращение с детьми, не теряет своей злободневности. Это подтверждается и новостной повесткой, и результатами исследований последних лет [1, с. 96-98]. В таком контексте становится важным ответ на вопрос о том, какими правовыми инструментами можно защитить ребенка и его интересы и обеспечить благоприятные условия для его развития.

Одним из механизмов защиты детей являются нормативные положения об ограничении и лишении родительских прав. Вместе с тем необходимо отметить, что эти правовые инструменты недостаточно глубоко исследованы в аспекте борьбы с домашним насилием: нередко ребенок по-прежнему оказывается в какой-то мере заложником (или жертвой) действий родителей, которые порой не отвечают даже базовым требованиям безопасности и уважения личности. Перечисленные обстоятельства обусловили актуальность проведения исследования, результаты которого представлены в настоящей статье.

МЕТОДЫ

В 2024-2025 годах нами был осуществлен мониторинг литературы, посвященной вопросам

ограничения и лишения родительских прав как способов борьбы с домашним насилием. Мониторинг стал вторым этапом исследования правового регулирования противодействия домашнему насилию в Российской Федерации. В рамках первого этапа анализировались материалы рассмотренных и разрешенных в 2019-2023 годах судами дел, в которых ставились вопросы об ограничении и лишении родительских прав. Полученные тогда данные [2] подтверждают не только значимость, но и сложность решения проблем, связанных с домашним насилием, посредством применения изучаемых нами правовых инструментов.

В статье обобщены итоги второго этапа исследования, описаны доктринальные проблемы, возникающие в связи с востребованностью институтов ограничения и лишения родительских прав в качестве способов борьбы с домашним насилием, совершаемым в отношении детей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Домашнее насилие:

проблемы определения и содержания

В ходе анализа научной литературы нами было установлено, что в доктрине имеет место мнение о том, что «домашнее насилие» и «семейное насилие» – разные явления, и потому соответствующие

Daria S. PETROVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0001-3653-486X

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Research Assistant at the Civil Law Department of the Law Faculty

daria-s-petrova@yandex.ru

RESTRICTION AND DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS AS METHODS OF COMBATING DOMESTIC VIOLENCE

KEYWORDS. Deprivation of parental rights, restriction of parental rights, family legal responsibility, domestic violence, prevention of domestic violence.

ANNOTATION. *Introduction.* In the course of the study, the main results of which are presented in this article, the most significant doctrinal issues of restriction and deprivation of parental rights as methods of combating domestic violence were analyzed. In modern realities, the problem of domestic violence, including child abuse, does not lose its significance, which confirms the relevance of the study. *Methods.* The formulated conclusions are based on the results of monitoring the literature (scientific sources), in which restriction and deprivation of parental rights are considered as methods of combating domestic violence. *Results.* According to the author of the article, at present the studied problem is very poorly developed from a doctrinaire perspective. In Russian law, there is no single understanding of what «domestic violence» is. Fortunately, this circumstance does not yet have any significant negative impact on practice. At the legal level, the issue of qualifying the conviction of a parent with the choice of a punishment in the form of imprisonment as a basis for restricting (depriving) him of parental rights has not been resolved. Now the courts decide it based on the factual circumstances of a particular dispute about the restriction (deprivation) of parental rights. The author believes that today it is time to start discussing the possibility of recognizing deprivation of parental rights as a punishment or other measure of a criminal-legal nature in cases of certain crimes. This issue requires detailed and in-depth study, but without this it will be quite difficult to effectively combat domestic violence.

понятия разграничиваются исследователями. На наш взгляд, с учетом буквального толкования закона и интересов правоприменения такое разделение едва ли целесообразно и обосновано. В связи с этим мы предлагаем рассматривать термины, используемые для обозначения двух этих понятий, как синонимичные.

С точки зрения Всемирной организации здравоохранения, насилие представляет собой «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб (либо имеется вероятность причинения этого)» [3, с. 5]. Иными словами, насилие может осуществляться не только путем применения физической силы, что представляет собой классический его вид, но и в иных формах, включая психическое и эмоциональное воздействие. В научной литературе к числу его разновидностей относят физическое, психологическое и сексуальное насилие, «пренебрежение основными потребностями ребенка, а также духовное, коммерческое и интернет-насилие» [4, с. 15]. В таком контексте насилие отождествляется с жестоким обращением с ребенком [4, с. 15].

Очевидно, что домашнее насилие в ряду его видов выделяется по условиям, в которых оно осуществляется. Таковыми является обстановка места проживания [2, с. 51]. В связи с этим, по мнению некоторых исследователей, необходимо проводить разграничение между домашним насилием, с одной стороны, и семейным насилием – с другой. «Домашнее насилие – пишет Ю.Ф. Беспалов, – самое ёмкое понятие, включающее в себя

и семейное, и гендерное, и иные модели насилия. Домашнее насилие есть причинение физического, психического, умственного вреда одному либо нескольким лицам (потерпевшим), проживающим с насильником в одном жилом помещении либо случайно оказавшимся с насильником, например, вторгшимся в дом, а также создание угрозы причинения такого вреда любыми действиями (бездействием) насильника». Семейное же насилие он рассматривает как причинение физического, психического, умственного вреда либо создание угрозы причинения такого вреда одним членом семьи (одними членами семьи) другому ее члену (другим членам) различными действиями или бездействием [5, с. 21-22]. Таким образом, дифференциация домашнего и семейного насилия проводится по субъектам, участвующим в его осуществлении (причинитель вреда и потерпевший), и месту, в котором совершается акт насилия.

Важно иметь в виду, что ни один федеральный закон не оперирует категориями «семейное насилие» и «домашнее насилие». Анализ нормативных положений, касающихся лишения родительских прав (ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)), показывает, что в них упоминается насилие, но речь идет исключительно о физическом или психическом насилии, имеющем место строго в отношениях «ребенок – родитель». Иными словами, споры о содержании понятия «насилие» в данном случае едва ли могут возникнуть (разве что по поводу выяснения, является ли какой-то конкретный акт физическим или психическим насилием, но ответ на этот вопрос не входит в задачу нашего исследования), так как законодатель максимально исключает пространство для противоречий.

В связи с этим есть основания утверждать, что выделение видов насилия, разграничение категорий «семейное насилие» и «домашнее насилие», обоснование его критериев – это по большей части доктринальные изыскания, не влияющие на правоохранительную практику и разрешение реальных судебных споров. Отсутствие нормативного закрепления понятия «домашнее насилие», на наш взгляд, не является пробелом в законодательстве. Вместе с тем в целях решения задач, стоящих перед нашим исследованием, предлагаем определять домашнее насилие как совершаемое в домашней (бытовой) обстановке воздействие, физическое либо психологическое, осуществляемое помимо воли и желания объекта такого воздействия (ребенка) и наносящее вред его физическому или психическому развитию.

Совершение преступления и лишение родительских прав: проблема соотношения

На протяжении многих лет сложной для правоохранительной практики проблемой оставалось решение вопроса о допустимости лишения лица его родительских прав в случае совершения им умышленного преступления.

С 1 марта 1996 года по 10 января 2016 года основанием для лишения родительских прав, согласно Семейному кодексу, могло служить лишь совершение родителем умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, а также против жизни или здоровья супруга (супруги). Это положение, закрепленное в ст. 69 СК РФ, налагало достаточно жесткие рамки на правовые возможности защиты детей путем лишения отца или матери родительских прав, причем именно в тех случаях, когда оно объективно продиктовано заботой об интересах и здоровье ребенка.

В ходе научных дискуссий справедливо отмечалось, что причинить вред ребенку могут не только умышленные преступные действия родителя, направленные против его жизни или здоровья. «Ребенок, – пишет О.О. Кузеванова, – может быть травмирован морально и в случаях, когда умышленное преступление родителя совершено против жизни или здоровья его самого, иных близких родственников (бабушки, дедушки), а также другого родителя (или его отчима, мачехи), с которыми родитель, совершивший преступление, может и не состоять в зарегистрированном браке, то есть не иметь статуса «супругов»» [6, с. 106-107].

Осознав наличие этой проблемы, законодатель принял Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и статью 256 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», который значительно изменил, а точнее – расширил, трактовку понятия «совершение умышленного преступления» применительно к правилам, касающимся лишения родительских прав. С 10 января 2016 года ст. 69 СК РФ действует в новой редакции. И сегодня родитель может быть лишен родительских прав, если он совершил умышленное преступление против жизни или здоровья не только своих детей или супруга (супруги), но и другого родителя детей (не являю-

щегося его супругом/супругой), а равно супруга (супруги), не являющегося (не являющейся) родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Иными словами, законодатель все-таки нашел решение проблемы защиты ребенка путем лишения его родителя, совершившего умышленное преступление, родительских прав в тех случаях, когда родители не состоят или никогда и не состояли в зарегистрированном браке (что сегодня бывает достаточно часто), а равно в ситуациях, когда умышленное преступление совершено против лиц, не являющихся родителями ребенка, но входящих в близкий круг его общения, будучи для него значимыми взрослыми. Это решение законодателя ученые связывают с желанием и необходимостью снизить остроту такой крайне серьезной социальной проблемы, как семейное насилие [7, с. 229].

Осуждение к лишению свободы родителя как основание ограничения (лишения) родительских прав

Лишение свободы как одна из разновидностей уголовного наказания объективно предполагает установление для гражданина ограничений, и часть из них связана с невозможностью в полной мере реализовывать свои родительские права и обязанности. Вместе с тем сегодня Семейный кодекс прямо не называет лишение свободы в качестве самостоятельного основания для ограничения либо лишения родительских прав. И это значит, что родительские права и обязанности, по общему правилу, сохраняются за родителями, которые находятся в местах лишения свободы. Соответственно, в этой ситуации возникает коллизия, связанная с тем, что такие родители объективно не могут полноценно заниматься воспитанием своего ребенка. Несмотря на это, их родительские права не подлежат ущемлению.

По мнению некоторых исследователей, совершение умышленного преступления может выступать основанием для ограничения лица в родительских правах в соответствии со ст. 73 СК РФ [8, с. 29]. Однако в Семейном кодексе перечень оснований, при наличии которых родительские права могут быть ограничены, сформулирован максимально четко и недвусмысленно. Таковыми являются:

- оставление ребенка с родителями (или с одним из них) опасно для него по причинам, не зависящим от родителей (или от одного из них) (например психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и др.);

- оставление ребенка с родителями (или с одним из них) опасно для него вследствие их поведения, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (или одного из них) родительских прав (п. 2 ст. 73 СК РФ).

На наш взгляд, при буквальном толковании закона весьма затруднительно усмотреть в лишении родителя свободы одно из оснований, описанных в приведенных выше формулировках. И это обстоятельство в настоящее время формально препятствует рассмотрению лишения свободы

в качестве причины для ограничения лица в его родительских правах.

Другие ученые, например К.В. Шиманчик, полагают, что лишение свободы может быть основанием для лишения родительских прав. Однако в этом случае суду «предстоит выяснить, какие меры данное лицо предприняло для надлежащего исполнения возложенных обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка». «Если до помещения под стражу лицо не исполняло родительские обязанности и в период нахождения под стражей данное поведение не изменилось, вопросов об основаниях лишения родительских прав у суда не возникнет» [9, с. 26-27].

Однако такой подход к решению проблемы вызывает у нас серьезные сомнения. Статья 69 СК РФ допускает лишение родительских прав в случаях, когда родители (или один из них):

- уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов. Это может выражаться в отсутствии заботы родителей о здоровье детей, об их физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении (пп. «а» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (далее – Постановление № 44));

- отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций;

- злоупотребляют своими родительскими правами. В качестве злоупотребления можно рассматривать использование этих прав в ущерб интересам детей: создание препятствий к получению ими общего образования, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной продукции и наркотических средств или психотропных веществ, вовлечение в азартные игры, в деятельность организаций, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности (пп. «в» п. 16 Постановления № 44);

- жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность;

- являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией, что подтверждается медицинскими документами (пп. «д» п. 16 Постановления № 44);

- совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являю-

щегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Эти формулировки Семейного кодекса однозначно указывают на то, что лишение свободы как уголовное наказание само по себе не может быть достаточным основанием для лишения родителя его родительских прав. Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые исследователи пытаются оспаривать этот тезис. «Нельзя согласиться, – пишет К.В. Шиманчик, – что сам факт нахождения в местах лишения свободы является уважительной причиной уклонения от исполнения родительских обязанностей» [9, с. 27-28]. Впрочем, четко сформированной позиции судов по этому поводу в настоящее время нет. Иными словами, вопрос о признании лишения свободы основанием для ограничения (лишения) родительских прав не имеет ответа: проблема фактически решается судами индивидуально в каждом конкретном случае¹.

Причины высокого уровня домашнего насилия и перспективы совершенствования в связи с этим нормативной базы

Домашнее насилие является серьезной проблемой практически в любом государстве. К сожалению, весьма часто случается, что родители допускают жестокое обращение со своими детьми, в том числе физическое насилие и психологическое давление. Но, несмотря на всю очевидность потребности в исправлении ситуации, проблема далека от полноценного разрешения. Почему так происходит?

По мнению Н.И. Пишкиной, есть несколько причин такому положению дел. Одна из них – это отсутствие единой системы сбора и регистрации информации о случаях семейного насилия, вследствие чего невозможно более-менее объективно оценить его масштабы, а потому не получается и выработать действенные меры предупреждения [10, с. 43]. Здесь отметим, что с течением времени инструментарий учета преступлений, совершаемых в домашней обстановке, развивается. Так, например, «с 2021 года при отражении числа преступлений, совершаемых на семейно-бытовой почве, стали учитываться преступления, совершаемые сожителями» [11, с. 238]. И это, безусловно, является показателем позитивных тенденций в осуществлении деятельности по борьбе с домашним насилием правовыми средствами.

Другая причина заключается в том, что в России так и не принят закон о предупреждении семейного насилия, «хотя специалисты давно предлагают проект подобного нормативного акта» [10, с. 43]. Актуальность проблемы никем не оспаривается, и обсуждается она достаточно активно. В результате дискуссий, развернувшихся в 2019-2020 годах, был разработан законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Однако ввиду сложности и комплексности проблемы домашнего насилия в целом, наличия множества мнений по поводу организации противодействия ему, которые подчас

¹ См., например, решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 22.05.2018 по делу № 2-2735/2018; апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 11.09.2018 по делу № 2-4063/2018.

оказываются прямо противоположными, закон, к сожалению, так и не был принят [11, с. 234]. Поэтому сегодня вопросы борьбы с насилием в семейно-бытовой сфере, хотя, безусловно, и не остаются «за бортом» правового регулирования, затрагиваются законодательством весьма фрагментарно, и вести речь о полной их регламентации пока рано.

Сегодня, как и десять лет назад, причины детского домашнего насилия в Российской Федерации оцениваются крайне противоречиво. «С одной стороны, – рассуждает Н.И. Пишикина в научной статье, опубликованной в 2016 году, – россияне в большинстве своем нетерпимы к жестокому обращению с детьми и равнодушны к страданиям ребенка... С другой стороны, ... телесные наказания в качестве воспитательной меры применяют в каждой второй семье, и лишь половина опрошенных считает их недопустимыми» [10, с. 43-44]. Вместе с тем сейчас уверенно можно говорить «о смягчении методов семейного воспитания – на молодых родителей большое влияние оказывает психологически ориентированная медийная повестка. ... Так, в результатах опроса 2024 года значительно уменьшилась доля респондентов, считающих себя строгими родителями (3% против 12% в 2019 году), 24% считают себя мягкими, нетребовательными родителями (17% в 2019 году), снизилась ... доля положительных ответов на вопрос о применении физического наказания детей» [12, с. 71-72].

Подчеркнем, что затруднения в борьбе с домашним насилием, связанные с социокультурным контекстом, ценностными ориентациями и воззрениями общества на воспитание ребенка (а их изменить по воле законодателя просто невозможно) постепенно преодолеваются. Однако по-прежнему необходимо активно и широко обсуждать данную проблематику, только в этом случае удастся сохранить и укрепить тренд на смягчение методов семейного воспитания, прийти к более-менее консолидированному во всероссийском масштабе мнению по вопросам профилактики домашнего насилия. И речь не идет о подрыве традиционных национальных семейных ценностей. Наоборот, сначала необходимо глубоко изучить устоявшиеся в обществе взгляды на воспитание ребенка и лишь затем на основе результатов такого исследования вносить изменения в законодательство. В противном случае, какими бы ни были законодательные новации, они не будут восприняты, правоприменитель не сможет эффективно использовать то, что «чужеродно» российскому менталитету и традициям.

Приведенные выше доводы наглядно показывают, что проблема домашнего насилия является весьма многогранной [13, с. 26] и из-за этого очень сложной. Ее решение лежит в междисциплинарной плоскости, причем здесь не только важны сами по себе инструменты частного и публичного права [14, с. 49-50], но еще и необходима их синхронизация с воззрениями общества на методы воспитания ребенка [15, с. 117].

Вместе с тем считаем, что сегодня пора поставить на обсуждение вопрос о возможности применения лишения родительских прав в случаях

осуждения за совершение актов домашнего насилия, которые квалифицируются российским законодательством как преступления (главным образом речь идет о ст. 156 УК РФ), в качестве наказания или иной меры уголовно-правового характера. По нашему мнению, если говорить о таком семейном насилии, когда родитель несовершеннолетнего совершает преступление, то вопрос о лишении его родительских прав должен рассматриваться автоматически и, вероятно, именно в рамках уголовного судопроизводства. В этом случае уголовно-правовыми средствами будет обеспечиваться максимально сбалансированная защита прав и интересов всех участников процесса (а именно членов одной семьи – ребенка и его родителей). Иначе несовершеннолетний, его жизнь и достоинство, защита его прав и интересов оказываются в зависимости от того, подаст ли его родитель (или иной родственник, или уполномоченный орган) заявление в суд о лишении родительских прав родителя-преступника.

Безусловно, комплекс рассматриваемых нами вопросов подлежит скрупулезной детальной проработке. Ее объективно невозможно было полноценно осуществить в рамках исследования, результаты которого представлены в статье. Его цель заключалась в том, чтобы обозначить проблему, указать возможные направления дальнейшего анализа. Особое внимание требуется уделить перечню составов преступлений, при совершении которых применение такой меры воздействия на преступника, как лишение родительских прав, может быть целесообразно и соразмерно причиненному деянием ущербу, а также установить, в каких случаях оно будет чрезмерно строгим наказанием. Уверены в том, что совершенствование законодательства в этом направлении позволит повысить эффективность правовых инструментов, применяемых для противодействия домашнему насилию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время проблемы домашнего насилия и жестокого обращения с детьми по-прежнему не теряют своей остроты. Одним из механизмов защиты ребенка от насилия и жестокости являются такие меры семейно-правовой ответственности, как ограничение и лишение родительских прав. Несмотря на актуальность вопросов организации противодействия домашнему насилию, далеко не все из них в достаточной степени проработаны как доктринально, так и в правоохранительной практике. По нашему мнению, это обусловлено тем, что проблема домашнего насилия в отношении несовершеннолетних является очень многогранной, поиск ее решения тесным образом связан с воззрениями общества на методы воспитания ребенка. И поэтому эффективность такой деятельности во многом зависит от готовности общественности обсуждать данную проблему и стремиться к выработке консенсуса.

В российском праве нет единого понимания того, что такое домашнее насилие. К счастью, это пока не оказывает сколь-либо существенного влияния на правоохранительную практику и разрешение реальных жизненных ситуаций.

Представляется, что вопрос носит доктринальный характер, и ответ на него должен быть найден учеными в результате проведения исследований.

Отметим также, что продолжаются дискуссии о возможности нормативного закрепления такого основания для лишения родительских прав, как совершение преступления. Законодатель с 2016 года существенно приблизился к этому, расширив трактовку понятия «совершение умышленного преступления» применительно к правилам, касающимся лишения родительских прав. Теперь такое обстоятельство, как наличие/отсутствие зарегистрированного брака родителей, не влияет на защиту ребенка, который стал жертвой или свидетелем умышленного преступления, совершенного его родителем. Считаем, что уже настало время сделать следующий шаг: поставить на обсуждение вопрос о том, что в случаях совершения некоторых преступлений лишение родительских прав может рассматриваться в качестве наказания или иной меры уголовно-правового характера.

Это предложение требует детальной и глубокой проработки, но без его принятия эффективно противодействовать домашнему насилию будет достаточно сложно.

Нерешенным в законе и неоднозначным с точки зрения правоприменительной практики остается, кроме того, вопрос о квалификации осуждения родителя с назначением ему наказания в виде лишения свободы как основания для ограничения или лишения родительских прав. Этот вопрос решается судами индивидуально в каждом конкретном судебном споре, что свидетельствует о несформированности четких единообразных подходов к правовой оценке таких ситуаций. ■

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424 «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации» // URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00424/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Щепельков В.Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // КриминалистЪ. 2022. № 2 (39). С. 95-103.
2. Петрова Д.С. Ограничение и лишение родительских прав как способы противодействия домашнему насилию // КриминалистЪ. 2024. №3 (48). С. 50-57.
3. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Э.Г. Круга и др.; пер. с англ. М: Весь Мир, 2003. 376 с.
4. Гармаш А., Сулова И. Защита детей от жестокого обращения и насилия // ЭЖ-Юрист. 2012. № 29. С. 15.
5. Беспалов Ю.Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1. С. 21-25.
6. Кузеванова О.О. Совершение родителями преступления как основание лишения родительских прав // Состояние, динамика и тенденции преступности в семейно-бытовой сфере. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Горно-Алтайск, 2016. С. 106-108.
7. Мельникова М.Б. Совершение преступления в семье как основание для лишения родительских прав // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-2. С. 229-230.
8. Юнусова К.В., Юнусов М.А., Умари Х.А. Основания утраты родителями родительских прав и обязанностей с учетом специфики лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (анализ законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Национальная ассоциация ученых. 2018. № 40. С. 27-29.
9. Шиманчик К.В. К вопросу о лишении родительских прав как крайней мере семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 26-29.
10. Пишикина Н.И. Правовое обеспечение безопасности ребёнка в семье по законодательству Российской Федерации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 1 (40). С. 39-45.
11. Щепельков В.Ф., Савин С.Д., Тимошина Е.М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 3. С. 232-244.
12. Савин С.Д., Щепельков В.Ф., Сидорова А.Н. Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 64-78.
13. Носова И.Ю. К проблеме нарушения прав ребенка // Семейное и жилищное право. 2009. № 6. С. 23-26.
14. Шикула И.Р. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насилия в семейно-бытовой сфере // Российский следователь. 2020. № 3. С. 48-51.
15. Крутихина П.В. Декриминализация домашнего насилия: три года спустя // Закон. 2019. № 12. С. 112-119.

REFERENCES

1. Shchepel'kov V.F. Protivodeystviye domashnemu nasiliyu v Rossiyskoy Federatsii: sostoyaniye i perspektivy // Kriminalist". 2022. № 2 (39). S. 95-103.

2. Petrova D.S. Ogranicheniye i lisheniye roditel'skikh prav kak sposoby protivodeystviya domashnemu nasiliyu // *Kriminalist*. 2024. №3 (48). S. 50-57.
3. Nasiliye i yego vliyaniye na zdorov'ye. Doklad o situatsii v mire / Pod red. E.G. Kruga i dr.; per. s angl. M: Ves' Mir, 2003. 376 s.
4. Garmash A., Suslova I. Zashchita detey ot zhestokogo obrashcheniya i nasiliya // *EZH-Yurist*. 2012. № 29. S. 15.
5. Bespalov Yu.F. Semeynoye nasiliye v Rossiyskoy Federatsii kak porok zhizni i deyatel'nosti sem'i i yeye chlenov: sotsial'no-pravovoy aspekt // *Notarius*. 2019. № 1. S. 21-25.
6. Kuzevanova O.O. Soversheniye roditelyami prestupleniya kak osnovaniye lisheniya roditel'skikh prav // *Sostoyaniye, dinamika i tendentsii prestupnosti v semeyno-bytovoy sfere. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Gorno-Altaysk, 2016. S. 106-108.*
7. Mel'nikova M.B. Soversheniye prestupleniya v sem'ye kak osnovaniye dlya lisheniya roditel'skikh prav // *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyam*. 2018. № 18-2. S. 229-230.
8. Yunusova K.V., Yunusov M.A., Umari Kh.A. Osnovaniya utraty roditelyami roditel'skikh prav i obyazannostey s uchetom spetsifiki lits, otbyvayushchikh nakazaniye v vide lisheniya svobody (analiz zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tadzhibistan) // *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 2018. № 40. S. 27-29.
9. Shimanchik K.V. K voprosu o lishenii roditel'skikh prav kak krayney mere semeyno-pravovoy otvetstvennosti // *Semeynoye i zhilishchnoye pravo*. 2020. № 2. S. 26-29.
10. Pishikina N.I. Pravovoye obespecheniye bezopasnosti rebonka v sem'ye po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2016. № 1 (40). S. 39-45.
11. Shchepel'kov V.F., Savin S.D., Timoshina Ye.M. Domashneye nasiliye v Rossiyskoy Federatsii (sostoyaniye, problemy kriminologicheskoy otsenki) // *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 2024. T. 18. № 3. S. 232-244.
12. Savin S.D., Shchepel'kov V.F., Sidorova A.N. Domashneye nasiliye kak sotsial'naya problema v rossiyskom obshchestve: mezhdru privatnost'yu i publichnost'yu // *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2025. T. 25. № 1. S. 64-78.
13. Nosova I.Yu. K probleme narusheniya prav rebenka // *Semeynoye i zhilishchnoye pravo*. 2009. № 6. S. 23-26.
14. Shikula I.R. Aktual'nyye problemy ugolovno-pravovoy okhrany prav i svobod poterpevshego, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii, ot nasiliya v semeyno-bytovoy sfere // *Rossiyskiy sledovatel'*. 2020. № 3. S. 48-51.
15. Krutikhina P.V. Dekriminalizatsiya domashnego nasiliya: tri goda spustya // *Zakon*. 2019. № 12. S. 112-119.

© Петрова Д.С., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Петрова Д.С. Ограничение и лишение родительских прав как способы борьбы с домашним насилием // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2025. № 3 (81). С. 120-126.

Сергей Анатольевич ЯВОРСКИЙ,
ORCID 0009-0009-2734-9708
ООО «ИТ Альянс» (г. Москва)
491899@mail.ru

Научная статья
УДК 347.652:347.9

СУДЬБА ЗАВЕЩАТЕЛЬНЫХ ОТКАЗОВ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ СОСТАВА НАСЛЕДСТВЕННОЙ МАССЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Завещательный отказ, легат, отказополучатель, наследственная масса, обязательная доля, супружеская доля, выморочное имущество.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Рассматриваются возникающие на практике проблемы перераспределения завещательных отказов в случаях отказа от наследства и появления выморочного имущества, анализируются коллизии, связанные с применением ст. 1137 ГК РФ, в целях оптимизации защиты легатариев. *Результаты исследования,* изложенные в настоящей статье, углубляют представления о некоторых теоретических аспектах перераспределения обязательств по завещательному отказу, подчеркивая доктринальные пробелы в контексте эволюции наследственного права. *Методы.* В ходе проведения исследования применялись историко-правовой анализ, доктринальная критика позиций ученых и судебных прецедентов для выявления системных несоответствий, что позволило выявить дисбаланс в соотношении принципа свободы завещания и императивных гарантий прав наследников ряда категорий. *Результаты.* Делается вывод о необходимости законодательного урегулирования перераспределения отказов при невозможности их исполнения для обеспечения приоритета обязательных наследников. Предлагается уточнить полномочия нотариусов по выявлению нарушений и отказу в удостоверении завещаний, содержащих потенциально неисполнимые отказы, а также разработать для судебной практики единые подходы, что позволит устранить имеющие место противоречия и повысить предсказуемость правового регулирования в рассматриваемой сфере. Сформулированные автором рекомендации касаются применения в судебной практике телеологического толкования, субсидиарных механизмов обязательственного права для сроков, лимита обременения и процедуры трансформации условий легата. Реализация данных предложений должна способствовать минимизации споров и обеспечению эффективной защиты интересов в наследственных процессах.

ВВЕДЕНИЕ

Завещательный отказ (легат) является одним из ключевых институтов наследственного права. Его действие ориентировано на реализацию воли завещателя в пользу третьих лиц – отказополучателей (легатариев). В действующем законодательстве, в частности ст. 1137 ГК РФ, есть существенные пробелы в механизме перераспределения обязанностей по исполнению легата в случаях отказа наследника от наследства или перехода имущества в разряд выморочного. Недостатки нормативной регламентации порождают правоприменительные коллизии, что подчеркивает необходимость совершенствования законодательства.

Для выявления системных причин рассматриваемых нами проблем целесообразно прежде всего обратиться к исторической ретроспективе, анализу эволюции круга субъектов, которые должны исполнять легат.

Согласно ст. 418 ГК РСФСР 1922 года¹ обязанность исполнения завещательного отказа возлагалась только на наследников по закону, включая государственные и общественные организации (в соответствии со ст. 422 ГК РСФСР). Завещатель не мог лишить доли несовершеннолетних и нетрудоспособных наследников, а третьи лица привлекались лишь при их отсутствии (ч. 3 ст. 422 ГК РСФСР). Ученые того времени отмечали необходимость расширения круга лиц, обязанных исполнять легат [1, с. 136], рассматривая это как шаг, способствующий обеспечению справедливости и адаптивности наследственного права.

Гражданский кодекс РСФСР 1964 года² расширил этот круг: ст. 534 допускала исполнение отказа наследниками по закону, а также государственными, общественными и кооперативными организациями. Статья 538 разрешала быть отказополучателем любому субъекту (такое положение сохраняется и в действующем ГК РФ). При

¹ Гражданский кодекс РСФСР, утв. Постановлением Всесоюзного центрального исполнительного комитета от 11.11.1922 // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

² Гражданский кодекс РСФСР, утв. Верховным Советом РСФСР 11.06.1964 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

Sergey A. YAVORSKY,
ORCID 0009-0009-2734-9708
IT Alliance LLC (Moscow, Russia)
491899@mail.ru

THE FATE OF TESTAMENTARY REFUSALS WHEN THE COMPOSITION OF THE ESTATE CHANGES

KEYWORDS. Testamentary refusal, hereditary mass, legacy, legatee, compulsory share, marital share, escheat property.

ANNOTATION. *Introduction.* The article considers the practical problems of redistribution of testamentary refusals in cases of renunciation of inheritance and emergence of ownerless property, analyzes the collisions arising from the application of Article 1137 of the Civil Code of the Russian Federation in order to optimize the protection of legatees. The results of the study presented in this article deepen the understanding of some theoretical aspects of the redistribution of obligations under a testamentary refusal, emphasizing doctrinal gaps in the context of the evolution of inheritance law. *Methods.* The study used historical and legal analysis, doctrinal criticism of the positions of scientists and judicial precedents to identify systemic inconsistencies, which made it possible to identify an imbalance in the relationship between the principle of freedom of testament and imperative guarantees of the rights of heirs of a number of categories. *Results.* A conclusion is made about the need for legislative regulation of the redistribution of refusals when they cannot be executed in order to ensure the priority of obligatory heirs. It is proposed to clarify the powers of notaries to identify violations and refuse to certify wills containing potentially unenforceable refusals, as well as to develop uniform approaches for judicial practice, which will eliminate existing contradictions and increase the predictability of legal regulation in the area under consideration. The recommendations formulated by the author concern the application in judicial practice of teleological interpretation, subsidiary mechanisms of the law of obligations for terms, encumbrance limits and the procedure for transforming the terms of the legacy. The implementation of these proposals should help minimize disputes and ensure effective protection of interests in inheritance processes.

этом необходимо подчеркнуть, что расширение перечня исполнителей усложняет идентификацию ответственного субъекта и механизмов возложения обязанности, создавая ситуацию неопределенности в практике реализации завещательного отказа.

Говоря о современном положении дел, Н.В. Корнилова обращает внимание на то, что в качестве лиц, на которые может быть возложен завещательный отказ, сегодня рассматриваются как наследники по закону, так и по завещанию [2, с. 299].

МЕТОДЫ

Проведенное нами исследование опиралось на комплексное применение формально-юридического, сравнительно-правового, историко-правового и прогностического методов, что позволило соединить анализ норм гражданского законодательства с изучением их эволюции и сопоставлением с зарубежными моделями, прежде всего германской и французской. Эмпирическую основу исследования составили судебные акты кассационных инстанций и материалы нотариальной практики, которые раскрыли фактические механизмы перераспределения завещательных отказов и позволили определить типичные проблемы, возникающие при их реализации. Применение системного анализа в сочетании с правовым моделированием жизненных ситуаций, связанных с недопустимостью получения наследства или утратой прав наследников, обеспечило выявление противоречий в регулировании завещательного отказа и дало возможность сформулировать предложения по их устранению. Метод правового прогнозирования помог смоделировать послед-

ствия возможных законодательных изменений и обосновать необходимость закрепления более четких правил перераспределения завещательных отказов с учетом гарантий защиты обязательных наследников и баланса интересов всех заинтересованных лиц.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Отказ наследника от наследства, как утверждают О.Л. Алтенова и Е.А. Блинкова, неминуемо «приведет к невозможности реализации права требования исполнения завещательного отказа» [3, с. 99]. На наш взгляд, есть основания подвергнуть обоснованность этого вывода сомнениям. Ю.Н. Денисова справедливо относит легат и его возложение к числу «самых сложных и неисчерпаемых по своей юридической силе институтов наследственного права» [4, с. 44]. Поэтому предполагаемая некоторыми учеными невозможность исполнения завещательного отказа остается дискуссионным вопросом и требует глубокого критического осмысления. Например, Е.М. Тужилова-Орданская и Л.И. Магасумова в результате своих исследований приходят к выводу о том, что «наследство с наличием завещательного отказа» наследник «может не принимать, если в нем не будет определенной для него выгоды» [5, с. 258].

Отказ конкретного наследника влияет на исполнение легата лишь в той ситуации, когда соответствующая обязанность была возложена персонально на него. Согласно ст. 1158 ГК РФ отказавшийся наследник теряет права и обязанности¹, связанные с наследством. При этом ст.ст. 1142-1145 ГК РФ предписывают переход обязанности исполнить завещательный отказ к наследникам

¹ См. п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании».

последующих очередей. Отказ одного наследника не уменьшает наследственной массы, из которой исполняется легат. Наследник, не принявший наследство, освобожден от исполнения легата. Говоря о механизме перераспределения, К.А. Крюкова отмечает, что наследник по завещанию наделен обязанностью совершения определенных действий и берет ее на себя [6, с. 153], а бремя исполнения завещательного отказа в рамках ст. 1137 ГК РФ переходит к лицам, принявшим наследство, в пропорции наследственных долей.

Легатарий сохраняет право потребовать исполнения легата за счет наследственной массы. Двойственная природа легата предусматривает, что «завещательный отказ, являясь элементом наследственного права, включает в себя как обязательственные, так и вещные компоненты» [7, с. 6]. Данное обстоятельство усиливает аргументы в пользу независимости обязательства от личности наследника. В связи с этим утверждения о привязке обязательства только к наследственной массе (например О.Л. Алтенговой) представляются спорным и требуют доказательств. Очевидно, что сложившаяся неопределенность подчеркивает необходимость законодательного уточнения механизма реализации завещательного отказа.

В своих работах Е.О. Ананьева и И.В. Бондаренко отмечают критически важное положение, связанное с тем, что возможность исполнения легата ставится под сомнение, если «в составе наследственной массы не оказалось имущества» [8, с. 80]. В свою очередь, Л.Н. Волковская подчеркивает необходимость осуществления нотариального контроля с целью «минимизировать риски возникновения подобных конфликтов» [9, с. 240].

Г.А. Павлова указывает на то, что «исполнитель завещания считается доверительным управляющим наследственным имуществом с момента выражения им согласия быть исполнителем завещания» [10, с. 93]. Это обстоятельство является аргументом в поддержку предложения законодательно определить порядок перераспределения отказов, включая переход к выморочному имуществу, с указанием субъектов рассматриваемых правоотношений, алгоритмов действий и способов защиты прав отказополучателей.

А.З. Аскарлов утверждает, что обременение легатом имеет объектную природу: «Завещательным отказом обременяется не наследник, а наследуемое имущество» [11, с. 62]. Механизм перераспределения обязанностей подчеркивает личный характер отказа, допускающий подназначение наследника как исключение.

Для минимизации рисков нарушения обязательств В.О. Вяткин предлагает привлекать правовой инструментарий, используя «при формулировании условий завещательного отказа ... обязание наследника заключить с отказополучателем договор залога» [12, с. 69] в отношении наследуемых активов.

Доктрина наследственного права единодушно признает личный характер права на получение легата, что исключает его передачу третьим лицам. Если «отказополучатель не желает воспользоваться своим правом получения завещательного

отказа, – пишет И.Н. Лукманова, – он не может передать это право кому-либо другому» [13, с. 220]. Аналогичную позицию занимают И.А. Демина и Е.С. Омельченко, подчеркивая, что «данное правомочие не подлежит передаче иным лицам» [14, с. 124]. Такой вывод основан на диспозитивной конструкции ст. 1137 ГК РФ, связывающей право легатария исключительно с его личностью.

Статья 1160 ГК РФ гарантирует право на отказ от получения завещательного отказа, тесно связанное с личностью легатария. Она не допускает передачи легата третьим лицам, однако переход к подназначенному наследнику разрешен, если это предусмотрено завещанием. Смерть легатария одновременно с завещателем или до открытия наследства прекращает его право, кроме случаев подназначения, закрепленных в ст. 1117 и п. 4 ст. 1137 ГК РФ. Таким образом, мнение ряда ученых об отсутствии какой-либо возможности передачи завещательного отказа не является бесспорным. Считаем целесообразным дополнить ст. 1137 ГК РФ положением о подназначении легатария в нотариальном порядке.

Исследование коллизий перераспределения завещательных отказов выявляет конфликт между имущественными режимами супругов, установленными брачным договором (ст.ст. 40, 42 СК РФ), и механизмом наследственного правопреемства, регулируемым ст.ст. 1110 и 1137 ГК РФ. Закон, устанавливая режим совместной собственности супругов (ст. 34 СК РФ), не обеспечивает эффективного согласования брачного договора с последующими завещательными распоряжениями, включая легаты.

Проводя анализ такого рода конфликтов, следует обратить внимание на точку зрения Н.В. Корниловой по поводу предоставления права пользования жилым помещением в качестве завещательного отказа. Она отмечает, в частности, что «само пользование жилым помещением является безвозмездным» [15, с. 71], несмотря на возможное распределение расходов. Это порождает коллизии, когда завещательный отказ обременяет имущество, которое исключено из общего имущества супругов, например признано их личной собственностью каждого из них (п. 1 ст. 42 СК РФ). В других ситуациях соответствующее имущество включается в наследственную массу в объеме, отличающемся от того, который определил завещатель, после обязательного выделения супружеской доли, предусмотренного ст. 1150 ГК РФ.

Для решения проблемы необходимы комплексные меры, предусматривающие, кроме прочего, и защиту наследственных прав супругов. Во-первых, считаем целесообразным закрепить в ст. 1150 ГК РФ приоритет автоматического выделения супружеской доли из совместного имущества до формирования наследственной массы с учетом ее изменений, связанных с условиями брачного договора. Это обеспечит возможность четкого определения границ объекта обременения легатом. Во-вторых, представляется полезным дополнить ст. 42 СК РФ требованием о включении в брачный договор специального раздела, касающегося судьбы имущества умершего супруга, предусматривающего

действия, которые должны быть осуществлены в случае установления завещательных отказов. В-третьих, защитить имущественные интересы супруга-легатария можно, на наш взгляд, путем распространения на него гарантий, аналогичных обязательной доле (ст. 1149 ГК РФ), исключая возможность лишения минимальных прав брачным договором или завещанием. В-четвертых, позитивный потенциал усматривается у адаптации зарубежного опыта. В данном случае речь о праве узусфрукта и праве проживания, предусмотренных Гражданским кодексом Испании, а также режиме «elective share» (в переводе с английского – избирательная доля), существующем в США. Все это – гибкие инструменты удовлетворения нужд супруга без неисполнимых обременений наследства. Кроме того, по нашему мнению, следовало бы нормативно закрепить обязанность нотариуса разъяснять при удостоверении брачного договора его влияние на наследственные отношения и легаты, а также предусмотреть медиацию для посмертного урегулирования споров.

Рассмотрим показательный пример¹. Наследодатель ФИО1 завещал жилой дом сыну ФИО2 с возложением завещательного отказа в пользу супруги К.Р., получающей право пожизненного пользования имуществом. После смерти ФИО1 наследник ФИО2 юридически принял наследство не оформил, однако фактически вступил во владение, разрешив К.Р. содержать дом и проживать в нем. После смерти ФИО2 его единственный наследник К.А. обратился за признанием факта принятия наследства и прав собственности. К.Р. заявила о непринятии ФИО2 наследства и возникновении в связи с этим у нее права собственности на дом как у его фактического владельца. В результате апелляционного обжалования решение суда первой инстанции было отменено с признанием факта принятия ФИО2 наследства и передачей прав К.А. При этом завещательный отказ в пользу К.Р. был сохранен. Такое решение кассационный суд поддержал.

Анализ развития данного спора показывает, что фактическое принятие наследства отдается приоритет над юридически оформленным. Отметим, что суд в приведенном примере не рассмотрел вопрос о перераспределении обязанностей по исполнению легата, создавая правовую неопределенность. Обременение по ст. 1137 ГК РФ связано с наследственной массой, а не с личностью наследника, и должно переходить следующим правопреемникам.

Суд опирался на положения ст. 1153 ГК РФ, учитывая действия ФИО2 по владению недвижимостью и ее сохранению, что соответствует доктрине фактического принятия наследства. Тем не менее он не принял во внимание, что завещательный отказ привязан не к личности наследника, а к наследственной массе – обременение должно распределяться между правопреемниками пропорционально их долям в соответствии со ст. 1137 ГК РФ.

Решение суда не учитывает вероятности признания имущества выморочным при непринятии ФИО2 наследства, что могло бы активировать защиту отказополучателя К.Р., чье право пожизненного пользования сохраняется за счет наследственной массы независимо от смены собственника. Это обстоятельство обуславливает возникновение противоречия с личным характером завещательного отказа, не допускающего передачи без подназначения, что подтверждается результатами проведенного нами исследования. Принятое судом решение формально соответствует п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9², признающему фактическое принятие наследства достаточным основанием для правопреемства. Однако суд упустил из виду историческую эволюцию норм, усложняющую идентификацию ответственных лиц и защиту интересов легатариев. Это усиливает сформулированные нами в ходе проведения исследования аргументы в пользу необходимости совершенствования законодательства в части, касающейся завещательного отказа.

А.В. Ермакова полагает, что в целях устранения правовой неопределенности требуется «нормативное закрепление обязательности государственной регистрации права пользования жилым помещением, возникающего из завещательного отказа, определяющей момент его возникновения» [16, с. 55]. Результаты проведенного нами анализа судебной практики позволили выявить противоречия в применении норм, регулирующих режим завещательного отказа, и подчеркивают потребность в детализации механизмов перераспределения обязательств по легату при отказе наследника принять наследство или признании имущества выморочным.

Признание судом права собственности К.А. базируется на фактическом владении имуществом и его сохранении, что соответствует доктрине, однако при этом не учитывается переход завещательного отказа к наследственной массе, а не конкретному наследнику. Это негативно отражается на праве отказополучателя К.Р. на пожизненное проживание, гарантированное волей завещателя.

Игнорирование судом необходимости пропорционального распределения обременений усугубляет выявленные нами коллизии, возникающие при фактическом принятии имущества наследником (без юридического оформления), что приводит к правовой неопределенности в положении легатариев. В рассмотренном выше примере проявляются отголоски доктринальных споров, поскольку суд не принял во внимание личный характер завещательного отказа, исключаящий его передачу без подназначения и обеспечивающий сохранение права требования за счет наследственной массы. Такой позиции в интерпретации ст. 1137 ГК РФ придерживаются и другие авторы научных работ, в частности И.А. Демина и И.Н. Лукманова.

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2020 № 88-19314/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании».

Итак, очевидно, что результаты проведенного нами исследования подчеркивают потребность в законодательной регламентации перераспределения при отказе от наследства и усилении защиты прав легатариив для обеспечения исполнения воли завещателя без нанесения ущерба интересам заинтересованных лиц, что будет способствовать повышению уровня адаптивности наследственного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования была комплексно обоснована необходимость пересмотра ст. 1137 ГК РФ. Для этого потребовалось провести анализ исторической эволюции круга субъектов, которые должны исполнять легат, выявить системный конфликт между брачно-имущественными режимами (ст. 42 СК РФ) и наследственным правопреемством. Научная новизна результатов исследования заключается в доказательстве гибридной природы легата (синтез вещных и обязательственных элементов); разработке предложений о формировании гарантий супругов-легатариив в порядке, аналогичном обязательной доле; выявлении коллизий, возникающих при обременении активов, исключенных из совместной собственности.

Анализ судебной практики позволил подтвердить существование дисбаланса интересов: формальное применение норм о фактическом при-

нятии наследства игнорирует привязку легата к наследственной массе, создавая «замороженные обязательства». Для устранения пробелов, по нашему мнению, необходимы комплексные меры: законодательное закрепление автоматического выделения супружеской доли до формирования наследственной массы (путем внесения поправок в ст. 1150 ГК РФ), введение лимитов обременения для сложных активов и субсидиарное применение обязательственно-правовых механизмов. На уровне правоприменения необходимы унификация судебных подходов посредством телеологического толкования воли наследодателя, обязательная регистрация обременений в ЕГРН, расширение превентивных полномочий нотариусов.

Перспективы дальнейших исследований в рассматриваемой сфере включают: разработку предложений, связанных с формированием цифровых реестров обременений с использованием блокчейн-технологий, изучение возможности применения медиационных процедур досудебного урегулирования, сравнительно-правовой анализ института подназначения. Основным вектором научного поиска здесь остается определение условий обеспечения в рамках наследственных правоотношений баланса между свободой завещания и императивными гарантиями прав уязвимых категорий граждан. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. М.: Акад. наук СССР, 1953. 240 с.
2. Корнилова Н.В. О субъектах правоотношения, вытекающего из завещательного отказа // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 2023. С. 298-302.
3. Блинкова Е.А., Алтентова О.Л. Некоторые проблемы реализации права на получение завещательного отказа // Вестник Волжского института экономики, педагогики и права. 2023. № 2. С. 97-103.
4. Денисова Ю.Н. Завещательный отказ и завещательное возложение как особые завещательные распоряжения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3 (48). С. 44-50.
5. Тужилова-Орданская Е.М., Магасумова Л.И. Проблемы применения завещательного отказа в наследственном праве России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 7 (58). С. 258-260.
6. Крючкова К.А. Обязанности наследников в наследственных правоотношениях: правовой аспект // Сборник научных работ. Серии «Право». 2021. № 4 (24). С. 147-157.
7. Емелина Л.А., Яворский С.А. Смещение институтов наследственного права и завещательного отказа: проблемы теории и практики // Наследственное право. 2025. № 2. С. 5-9.
8. Ананьева Е.О., Бондаренко И.В. Завещательный отказ и завещательное возложение: проблемы правоприменения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 10-7(78). С. 79-81.
9. Волковская Л.Н. Завещательный отказ как юридический факт, подлежащий нотариальному удостоверению // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 239-241.
10. Павлова Г.А. Доверительное управление наследственным имуществом: регулирование и некоторые практические аспекты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10 (241). С. 93-99.
11. Аскарлов А.З. Завещательный отказ в российском гражданском праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-2 (49). С. 62-64.
12. Вяткин В.О. Наследственная стратегия и другие инструменты наследственного планирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 2 (269). С. 64-77.
13. Лукманова И.Н. Правовые проблемы исполнения завещательного отказа в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 9-1 (72). С. 219-221.
14. Демина И.А., Омельченко Е.С. Завещательный отказ в наследственном праве: теория, практика и проблемы применения // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 1 (25). С. 121-128.
15. Корнилова Н.В. О предоставлении права пользования жилым помещением в качестве завещательного отказа // Актуальные проблемы права. 2023. № 10. С. 68-72.
16. Ермакова А.В. Действие принципа внесения при государственной регистрации права пользования жилым помещением, возникающего из завещательного отказа // Ex Jure. 2020. № 2. С. 53-63.

REFERENCES

1. Serebrovskiy V.I. Ocherki sovetskogo nasledstvennogo prava. M.: Akad. nauk SSSR, 1953. 240 s.
2. Kornilova N.V. O sub'yektakh pravootnosheniya, vytekayushchego iz zaveshchatel'nogo otказа // Rol' yuridicheskikh i sotsial'nykh nauk v razvitii sovremennogo obshchestva. Sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vladivostok, 2023. S. 298-302.
3. Blinkova Ye.A., Altengova O.L. Nekotoryye problemy realizatsii prava na polucheniye zaveshchatel'nogo otказа // Vestnik Volzhskogo instituta ekonomiki, pedagogiki i prava. 2023. № 2. S. 97-103.
4. Denisova Yu.N. Zaveshchatel'nyy otказ i zaveshchatel'noye vozlozheniye kak osobyie zaveshchatel'nyye rasporyazheniya // Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii. 2020. № 3 (48). S. 44-50.
5. Tuzhilova-Ordanskaya Ye.M., Magasumova L.I. Problemy primeneniya zaveshchatel'nogo otказа v nasledstvennom prave Rossii // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2021. № 7 (58). S. 258-260.
6. Kryuchkova K.A. Obyazannosti naslednikov v nasledstvennykh pravootnosheniyakh: pravovoy aspekt // Sbornik nauchnykh rabot. Serii «Pravo». 2021. № 4 (24). S. 147-157.
7. Yemelina L.A., Yavorskiy S.A. Smesheniye institutov nasledstvennogo prava i zaveshchatel'nogo otказа: problemy teorii i praktiki // Nasledstvennoye pravo. 2025. № 2. S. 5-9.
8. Anan'yeva Ye.O., Bondarenko I.V. Zaveshchatel'nyy otказ i zaveshchatel'noye vozlozheniye: problemy pravoprimeneniya // Aktual'nyye nauchnyye issledovaniya v sovremennom mire. 2021. № 10-7(78). S. 79-81.
9. Volkovskaya L.N. Zaveshchatel'nyy otказ kak yuridicheskiy fakt, podlezhashchiy notarial'nomu udostovereniyu // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 8 (224). S. 239-241.
10. Pavlova G.A. Doveritel'noye upravleniye nasledstvennym imushchestvom: regulirovaniye i nekotoryye prakticheskiye aspekty // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. 2021. № 10 (241). S. 93-99.
11. Askarov A.Z. Zaveshchatel'nyy otказ v rossiyskom grazhdanskom prave // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2020. № 10-2 (49). S. 62-64.
12. Vyatkin V.O. Nasledstvennaya strategiya i drugiye instrumenty nasledstvennogo planirovaniya // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. 2024. № 2 (269). S. 64-77.
13. Lukmanova I.N. Pravovyye problemy ispolneniya zaveshchatel'nogo otказа v Rossiyskoy Federatsii // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2022. № 9-1 (72). S. 219-221.
14. Demina I.A., Omel'chenko Ye.S. Zaveshchatel'nyy otказ v nasledstvennom prave: teoriya, praktika i problemy primeneniya // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2019. T. 7. № 1 (25). S. 121-128.
15. Kornilova N.V. O predostavlenii prava pol'zovaniya zhilym pomescheniyem v kachestve zaveshchatel'nogo otказа // Aktual'nyye problemy prava. 2023. № 10. S. 68-72.
16. Yermakova A.V. Deystviye printsipa vneseniya pri gosudarstvennoy registratsii prava pol'zovaniya zhilym pomescheniyem, voznikayushchego iz zaveshchatel'nogo otказа // Ex Jure. 2020. № 2. S. 53-63.

© Яворский С.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Яворский С.А. Судьба завещательных отказов при изменении состава наследственной массы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 127-132.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Наталья Константиновна ПРИГАРИНА,
доктор филологических наук, доцент, ORCID 0000-0003-3081-0533
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет (г. Волгоград)
профессор кафедры языкознания
prigarina99@mail.ru

Научная статья
УДК 378.147

НОВАЯ РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Обучение, реформа образования,
инновации в образовании, практико-ориентированный
подход, индивидуальная образовательная технология.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время ставится вопрос об отмене многих элементов реформы образования, реализованных в последние два десятилетия в связи со стремлением России к интеграции с европейской образовательной парадигмой. Оказалось, что большая часть этих новаций не подходит для отечественной системы образования, что пагубно отразилось на качестве подготовки специалистов в высшей школе. Для того чтобы исправить положение, необходимо четкое понимание, в каком именно направлении следует теперь двигаться.

Методы. В рамках исследования, результаты которого представлены в статье, был использован комплекс теоретических и эмпирических методов познания: анализ источников, систематизация и интерпретация полученной информации, сопоставительный анализ выявленных позиций ученых, абстрагирование, синтез и др.

Результаты. Проблемы, требующие решения, поделены на две группы. К первой группе отнесены проблемы организационного характера. Их решение не зависит от желаний и возможностей вузов, однако они должны обсуждаться, поскольку без него затруднительно сделать правильный выбор общего направления предстоящей новой реформы образования. Наиболее важными ее аспектами автор считает: увеличение финансирования вузов; ослабление бюрократического регулирования учебного процесса и возвращение академических свобод; стабилизацию содержания преподаваемых дисциплин; снижение нагрузки преподавателей. Во вторую группу включены проблемы, возникающие в связи с навязыванием вузам рекомендуемых официальной педагогикой приемов работы преподавателя с обучающимися. Здесь рассматриваются: способы повышения мотивации к обучению; ориентация на самообразование; элективность обучения; активное внедрение в образовательный процесс разнообразных IT-технологий; перекосы в соотношении старых и инновационных методов. Автор приходит к выводу о том, что наиболее важной задачей вуза является формирования культурной и интеллектуальной элиты общества, способной вносить значимый вклад в развитие общества, а не подготовка практико-ориентированного специалиста.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время уже и в официальных кругах высказывается мнение об ошибочности многих элементов реформы образования, введенных в последние два десятилетия в связи со стремлением России к интеграции с европейской образовательной парадигмой. Оказалось,

что большая часть этих новаций не подходит для отечественной системы образования, что пагубно отразилось на качестве подготовки специалистов в высшей школе. В связи с этим представляется актуальным четкое формулирование тех направлений развития образования, которые нуждаются в обсуждении и корректировке.

Natalia K. PRIGARINA,

Doctor of Philology, Associate Professor, ORCID 0000-0003-3081-0533
Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
Professor of the Department of Linguistics
prigarina99@mail.ru

NEW REFORM OF HIGHER EDUCATION: THEORY AND PRACTICE

KEYWORDS. Education, educational reform, innovations in education, practice-oriented approach, individual educational technology.

ANNOTATION. Introduction. Currently, the question is being raised about the abolition of many elements of the education reform implemented over the past two decades in connection with Russia's desire to integrate with the European educational paradigm. It turned out that most of these innovations are not suitable for the domestic education system, which has had a detrimental effect on the quality of training specialists in higher education. In order to rectify the situation, a clear understanding of the direction in which to move now is necessary. **Methods.** Within the framework of the study, the results of which are presented in the article, a set of theoretical and empirical methods of cognition was used: analysis of sources, systematization and interpretation of the information received, comparative analysis of the identified positions of scientists, abstraction, synthesis, etc. **Results.** The problems that require solutions are divided into two groups. The first group includes organizational problems. Their solution does not depend on the desires and capabilities of universities, but they should be discussed, it is difficult since without it to make the right choice of the general direction of the upcoming new education reform. The author believes that its most important aspects are: increase in funding for universities; weakening bureaucratic regulation of the educational process and returning academic freedoms; stabilization of the content of taught disciplines; reduction of the workload of teachers. The second group includes problems arising in connection with the imposition of methods of work of a teacher with students recommended by official pedagogy on universities. Here are considered: ways to increase motivation for learning; orientation towards self-education; effectiveness of learning; active introduction of various IT technologies into the educational process; distortions in the ratio of old and innovative methods. The author comes to the conclusion that the most important task of a university is the formation of a cultural and intellectual elite of society capable of making a significant contribution to the development of society, and not the training of a practice-oriented specialist.

Многие специалисты отмечают, что как высшую, так и среднюю школу в нашей стране сформировали до такой степени, что они не дают знаний, а лишь предоставляют образовательные услуги. Несмотря на заявления о необходимости инвестирования средств в человеческий капитал, по факту Россия вдвое отстает от ведущих стран мира по уровню расходов на образование детей¹. В следующем году всех нас ждет переход на новую модель. Эту систему высшего образования начали опробовать в 2023 году в соответствии с поправками, внесенными в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а с 2026 по ней будут работать все вузы². В такой ситуации важно учесть и исправить ошибки, допущенные упраздняемой системой.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования, основные результаты которого представлены в статье, был использован комплекс теоретических и эмпирических методов познания. На первом этапе для выявления имеющихся в педагогике подходов к оценке степени эффективности внедряемых в образование новых методик и рекомендаций применялся метод анализа научных источников. Затем оказались востребованы методы систематизации и интерпретации полученной информации, а также

сопоставительный анализ выявленных позиций ученых. На втором этапе исследования были актуальны методы абстрагирования и синтеза, с помощью которых систематизировались и сопоставлялись установленные факты для последующего их толкования и обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Какие же проблемы представляются ученым наиболее злободневными? Что, по их мнению, ведет к потере нашей страной ведущих позиций в области образования? Все проблемы такого рода можно объединить в две группы. К первой относятся те из них, которые имеют организационный характер. Их решение не зависит от желания и возможностей ни вузов, ни тем более преподавателей. Однако о них следует говорить, поскольку перспективы их решения предопределяются государственной политикой в области образования. Как подчеркивают некоторые исследователи, например М.В. Добрынина и Т.В. Растимешина, «в России преобладает государствоцентричная (патерналистская) модель образовательной политики» [1]. Это означает, что именно государство является тем субъектом, который формирует цели, задачи, приоритеты и содержание образования.

1. Нищенское финансирование вузов – одна из самых острых проблем, так или иначе порождаю-

¹ Пронько Ю. В России готовят новую реформу образования? // Дзен: сайт // URL: <https://dzen.ru/video/watch/66f44acd0089fe6ae110879d?f=d2d/>.

² Высшее образование в России больше не будет прежним: что ждет студентов после 2026 года // URL: <https://dzen.ru/a/aLeGjWBK2UatTZKT>.

щая остальные. Причем такое положение дел не связано с временными сложностями финансовой системы государства, оно стало естественным результатом стремления к поставленной перед высшим образованием цели: «Образование должно стать непрерывным и высокодоходным бизнесом», – на что указывают, в частности, М.В. Воронов, П.В. Герасименко, Г.И. Письменный [2, с. 31] и другие ученые.

Именно потому, что вуз перестал быть центром культуры, а превратился в предприятие по производству дипломированных выпускников, функция передачи следующим поколениям всего накопленного народом багажа знаний и опыта реализуется лишь частично. Если раньше представители педагогического состава вузов всегда считались культурной элитой народа, то теперь престиж преподавателя крайне низок. Когда оклад доцента меньше заработка уборщицы в офисе, а доход профессора не дотягивает до зарплаты кассира в супермаркете, умные и талантливые молодые люди не стремятся идти работать в вуз. В связи с этим в последнее время значительно обострилась проблема обновления кадров университетов и институтов.

Из этой же проблемы недостаточного финансирования вытекают и многие другие сложности, с которыми сталкиваются образовательные организации: затруднено привлечение к проведению занятий с обучающимися специалистов-практиков, имеющих значительный опыт профессиональной деятельности; очень медленно происходит оснащение вузов современной техникой и т.д.

2. Бюрократическое давление на вузы и отсутствие академических свобод. Эта проблема в значительной степени тормозит развитие системы высшего образования. Здесь речь в первую очередь идет об объемах отчетности и количестве всевозможных согласований. На эту рутинную деятельность уходит большая часть рабочего дня преподавателя. Необходимость составления и корректировки многочисленных программ, планов, методических указаний, отчетов и т.п. существенно ограничивает время, которое выделяется на проведение исследований, написание научных статей, разработку новых учебных курсов.

Вузы лишены возможности не только самостоятельно планировать стратегию своего развития, но и определять программы преподаваемых дисциплин. Тотальный контроль и полная утрата академических свобод в системе образования привели к тому, что профессия преподавателя вуза перестала быть творческой, теперь требуется лишь точное и бездумное выполнение навязываемых свыше рекомендаций. Причем особенно острые ситуации возникают в тех случаях, когда эти рекомендации не согласуются с новейшими достижениями науки, разрабатываются служащими, а не ведущими специалистами отрасли. Лишение академических школ реальной автономии, введе-

ние тотального контроля за их работой привело к тому, что «российское образование перестало быть творческой, креативной отраслью»¹.

3. Нестабильность содержания преподаваемых дисциплин. Эта проблема тесно связана с предыдущей. Каждый год (а иногда и чаще) вузам приходится обновлять содержание образовательных программ, поскольку постоянно меняются учебные планы и составы компетенций. Это приводит к размыванию содержания учебных дисциплин, к усложнению установления межпредметных связей, к нивелированию формирования профессиональных умений и навыков. В связи с тем, что все силы преподавателя уходят на постоянную подгонку курса к новым формальным требованиям, не остается времени на реализацию системного подхода к преподаванию, на развитие и воспитание обучающихся.

4. Крайняя перегруженность преподавателей связана прежде всего с увеличением общего объема аудиторной нагрузки. Несмотря на переориентацию образовательного процесса на преимущественно самостоятельную работу обучающихся, часов на обсуждение продуктов этой работы не предусматривается. В результате и разработка заданий для самостоятельной работы, и оценка качества их выполнения осуществляются, как правило, за счет личного времени преподавателей. Это оборачивается обесцениванием их творческого потенциала, реализация которого критически важна не только для формирования информационного содержания образовательных программ, но и для повышения уровня профессиональной подготовленности обучающихся.

На основании изложенного выше мы приходим к выводу о том, что нынешняя государственная политика в области образования не способствует повышению культурного и профессионального уровня населения. А ведь неоспоримой истиной остается утверждение о том, что «государство, стремящееся к развитию и желающее занимать одну из первых позиций на мировой арене, должно заботиться о грамотности и образованности населения»².

Во вторую группу проблем современной системы российского образования включены те, которые возникают в связи с навязыванием вузам рекомендуемых официальной педагогикой приемов работы преподавателя с обучающимися. Ниже представлены наиболее, по нашему мнению, острые из них.

1. Низкий уровень мотивации обучающихся. Многие исследователи отмечают как понижение общего уровня знаний поступающих в вузы молодых людей, так и отсутствие у них стремления повысить его. Большая часть обучающихся ориентируется на получение только базовых знаний, причем полезность этих знаний оценивается исключительно с точки зрения их непосредственной пригодности для будущей профессиональ-

¹ Лемуткина М. Эксперты назвали главные проблемы российского образования. «Впихнуть в детей невпихуемое» // Московский комсомолец: сайт. 22.03.2020 // URL: <https://www.mk.ru/social/2020/03/22/eksperty-nazvali-glavnye-problemy-rossiyskogo-obrazovaniya.html>.

² Юсманов И. Проблемы современной российской системы образования – 2021 // URL: <http://www.epochtimes.ru/problemey-sovremennoj-rossijskojsistemyobrazovaniya-98913405/>.

ной деятельности. Отчасти обучающихся можно понять: с одной стороны, сокращение количества аудиторных часов, а с другой – постоянный рост объема необходимой для специалиста информации, что вынуждает самостоятельно формировать для нее своего рода рамки, чтобы оптимизировать ее поток. Однако если говорить объективно, такой подход к образованию приводит к существенному ухудшению его качества. Приоритет в процессе обучения в высшей школе должен отдаваться формированию умений мыслить и излагать свои мысли аргументированно и целесообразно [3], анализировать и синтезировать информацию, прослеживать причины и следствия событий и на этой основе принимать решения. В условиях сложившейся сейчас ситуации практически невозможна реализация рекомендованной действующей концепцией образования системы «lifelong learning» (обучение на протяжении всей жизни), поскольку она требует от обучающегося в первую очередь формирования прочной основы для дальнейшей учебы, а составляют ее фундаментальные знания.

Результаты научных исследований показывают, что только около трети обучающихся либо с самого начала сознательно подходят к этому процессу, понимая необходимость получения новых знаний, либо приобретают подобного рода мотивацию в процессе обучения [2, с. 36]. Еще треть не имеют такой мотивации только потому, что обладают слишком слабой первоначальной подготовкой. Их можно мотивировать при повышении сознательности в подходе к процессу обучения. Наконец, оставшиеся (примерно треть, а иногда и более) не обладают мотивацией, не хотят учиться, являются балластом и обузой для вуза. В итоге они получают дипломы о высшем образовании, но не приобретают почти никаких знаний и профессиональных компетенций [4, 5].

Таким образом, наш реальный обучающийся весьма далек от того идеалистического портрета, который нарисован в федеральном государственном образовательном стандарте: «... креативный и критически мыслящий, активно и целенаправленно познающий мир, осознающий ценность образования и науки, труда и творчества для человека и общества; владеющий основами научных методов познания окружающего мира; мотивированный на творчество и инновационную деятельность; готовый к сотрудничеству, способный осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационно-познавательную деятельность...»¹.

2. Ориентация на самообразование. Специфическим трендом современной педагогики стало усиление ориентации на самообразование обучающихся. Это явление обычно объясняется тем, что «студенты и педагоги высоко оценивают возможность творчества, ратуют за увеличение доли самостоятельной работы, совершенствование форм экзаменов» [6]. Вместе с тем возникает вопрос: если значительная часть учебной работы переводится в режим самообразования, зачем вообще нужна дневная (очная) форма обучения?

Не оставить ли только заочную, основой которой всегда была именно самостоятельная работа обучающихся?

Впрочем, пожалуй, каждый преподаватель знает, что выпускник, получивший полноценное образование очно, владеет своей специальностью лучше, чем заочник. Так получается потому, что в условиях дневной формы обучения преподаватель имеет возможность объяснять обучающимся новый материал, обсуждать с ними сложные вопросы, закреплять у них практические навыки с помощью игровых, проектных, проблемных, коммуникативных и других современных педагогических технологий. Именно участие преподавателя активизирует учебные интересы обучающегося и оптимизирует процесс образования.

Кроме того, умение получать новые знания самостоятельно не появляется само собой: этому тоже следует сначала научиться. В связи с этим курс на расширение в образовательном процессе доли самостоятельной работы требует увеличения количества аудиторных часов, выделяемых на предметы, предназначенные для выработки умений и навыков самостоятельной работы. Все эти часы должны быть отведены на практические занятия (а не лекции), чтобы информацию, добытую обучающимися самостоятельно, например в Интернете, преподаватель имел возможность обсудить с ними в процессе непосредственного общения.

Это особенно важно еще и потому, что информация из Интернета совсем не обязательно является научно обоснованной и качественной. К сожалению, там гораздо больше дилетантской продукции, чем результатов серьезных исследований. Причем это касается не только около- и псевдонаучных рассуждений блогеров и комментаторов, но и учебных материалов, выложенных на сайтах образовательных организаций, а также всё большего количества издаваемых ими учебников. Появление некачественной учебной литературы во многом объясняется условиями, в которые поставлены сегодня вузы страны. Любой университет или институт обязан каждый год планировать подготовку и публикацию учебных пособий по всем основным дисциплинам. Однако, для того чтобы создавать качественную учебную продукцию, автору необходимо не только обладать высокой научной квалификацией и опытом преподавания соответствующего предмета в вузе, но и иметь достаточно времени на полноценную реализацию своих творческих замыслов. К сожалению, далеко не у каждого автора издаваемой сейчас учебной продукции всё это есть в наличии. Подготовленные наспех учебники размещаются в Интернете и наносят немалый вред нашему образованию, «поскольку ни студенты, ни молодые преподаватели не способны отличить качественную научную литературу от суррогатов» [7, с. 248]. Ведь, чтобы это сделать, необходимо критически анализировать литературу и творчески мыслить, а это умения, которых ни школа, ни вуз сегодня не формируют.

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (10-11 кл.) // Министерство образования и науки Российской Федерации: сайт // URL: минобрнауки.рф/documents/2365.

Мы согласны с тем, что «обществу требуются специалисты, способные к самостоятельной преобразовательной деятельности, к самостоятельному профессиональному самоизменению» [8, с. 89]. Однако полагаем, что в условиях отсутствия у обучающихся мотивации к самообразованию и добротной предварительной подготовки повышать качество компетенций будущих специалистов следует не путем сокращения аудиторных часов, а посредством применения современных методик в рамках традиционного учебного процесса.

Чтобы научить их «добывать информацию, понимать ее и применять на практике, требуется колоссальный труд»¹ и осознанный подход к его организации. В программу обучения на первом курсе, по нашему мнению, следует ввести дисциплину «Основы самостоятельной работы студента» [9]. В ее рамках появится возможность подробно и тщательно проработать приемы и способы получения и осмысления новой информации. Кроме того, в нагрузку преподавателя обязательно должны включаться часы, предназначенные для руководства самостоятельной работой обучающихся. Только тогда можно требовать, чтобы преподаватель изучал их индивидуальные возможности: чего именно каждый из них не знает или не понял, с какой именно информацией ему следует ознакомиться, чтобы восполнить тот или иной пробел.

3. Элективность обучения – это предоставление обучающимся максимально возможной самостоятельности в выборе так называемых элективных курсов и определении образовательных маршрутов. И здесь легко заметить полное несовпадение идеальных рекомендаций теоретической педагогики и реальной университетской действительности. Педагоги считают внедрение индивидуальных образовательных технологий центральным принципом современной дидактики. Его реализация предполагает «свободу выбора обучающегося в постановке учебных целей, проектировании индивидуального образовательного маршрута, определении темпа и уровня освоения тех или иных элементов образовательной программы» [10, с. 40].

Однако, во-первых, при нынешнем уровне финансирования вузы не способны изыскать ресурсы для создания условий эффективной реализации этого принципа; во-вторых, обучающиеся не располагают достаточными знаниями для выбора именно тех курсов, учебный материал которых им действительно пригодится в их будущей работе. Внедрение элективности представляется возможным на втором (магистратура), а скорее всего, только на третьем (аспирантура, последипломное образование) этапе обучения. К этому времени обучающиеся уже приобретают достаточно опыта, чтобы разумно формулировать цели своей дальнейшей учебной деятельности и осознанно выбирать дисциплины для освоения. Что касается бакалавров, то результаты опросов показывают: при выборе курсов они, как правило, руководствуются случайными соображениями (за компанию, его легче сдать, ведет любимый преподаватель и

т.п.), а не предположениями о полезности получаемых при освоении этих курсов знаний для будущей профессиональной деятельности. Ни о каких «индивидуальных устремлениях», «жизненных стратегиях», «индивидуально-творческом развитии личности» [11] на этом этапе речь идти не может.

4. Активное внедрение в образование информационных технологий. Прогресс в области компьютерных технологий предоставляет обширные возможности для модернизации образовательных процессов. Их неотъемлемым компонентом стали современные мультимедийные средства, такие как интерактивные презентации, видеофрагменты из научных лекций известных преподавателей, учебных, научно-популярных и даже художественных фильмов. Однако чрезмерное увлечение технологическими новациями может привести к утрате осмысленного подхода к обучению, что, в свою очередь, негативно скажется на мотивации обучающихся и их академических достижениях. Особенно большие опасения вызывает увеличение объемов дистанционных занятий.

Тотальное использование онлайн-обучения пять лет назад было вполне оправданно: оно было вызвано проведением карантинных мероприятий. Однако после отмены карантина степень полезности и методы организации этой формы проведения занятий не без оснований подвергаются критике.

Многие исследователи указывают на то, что дистанционные занятия гораздо менее эффективны, чем аудиторные. Это связано с отсутствием непосредственного контакта преподавателя с обучающимися. С одной стороны, существенно ослабляется эффект заражения (взаимного усиления эмоциональных воздействий), который всегда имеет место при совместной работе. С другой стороны, преподаватель в ходе дистанционных занятий располагает меньшим арсеналом способов и средств воздействия на обучающихся. В связи с этим полагаем, что такая форма организации учебной работы может применяться преимущественно как дополнительное средство образования: при изучении элективных курсов, для освоения дополнительных навыков, для проведения консультаций с отстающими или болеющими обучающимися и т.п.

Что касается использования чужих интернет-курсов, то это может дать позитивный эффект только в том случае, если сам преподаватель уверен в высоком качестве данного контента. Это условие весьма актуально с учетом того, что нередко такие курсы берутся проводить дилетанты, слабо разбирающиеся в преподаваемом предмете [12].

5. Соотношение традиционных и инновационных методов. В литературе сегодня представлен весьма широкий набор невиданных ранее методов, способных, по мнению их разработчиков, существенно повысить качество образования. И здесь весьма важным оказывается ответ на вопрос о том, что следует считать инновацией. Сколько лет (или десятилетий) получившая такой статус учебная форма может сохранять его? Например, использование в образовательном процессе дискуссий и

¹ Юсманов И. Указ. соч.

деловых игр пропагандируется уже лет тридцать. Можно ли их сейчас относить к числу педагогических инноваций? Есть немало других вопросов, тесно связанных с первым. Как часто преподаватель должен использовать инновационные приемы, чтобы считаться новатором? Достаточно ли для этого по два раза в семестр проводить деловые игры и дискуссии на профессионально значимые темы? Или дополнительно необходимо внедрить какую-нибудь супермодную необычную методику преподавания? И если эта методика является супермодной, обязательно ли ее внедрять каждой образовательной организации? А.Н. Тубельский считает, что инновационными могут быть названы лишь такие учебные заведения, которые сами полностью разрабатывают и реализуют комплексные инновационные программы «от замысла до воплощения», а не просто внедряют модные разработки [13].

Полагаем, что погоня за инновациями, стремление непременно внедрить принципиально отличное от традиционного содержание обучения, чтобы заслужить похвалу начальства, негативно отражается на качестве образования. Преподаватель, конечно, должен следить за педагогическими новинками и заменять устаревшие методики теми, которые в большей степени соответствуют времени, однако этот процесс не может быть самоцелью, он должен осуществляться осмысленно. Например, сегодня к числу полностью утративших всякую актуальность можно отнести методы, предполагающие задания на написание всевозможных эссе и рефератов. Бессмысленность самих этих жанров объясняется тем, что почти никто из обучающихся не пишет такие работы самостоятельно: преподавателю сдается текст, сгенерированный искусственным интеллектом. Вместе с тем в наших учебных планах эти виды отчетности продолжают сохраняться не только для заочной формы обучения, но и для дневной.

Сам факт внедрения в процесс обучения тех или иных методов, характеризуемых в литературе как инновационные, не может гарантировать более высокого качества образования. Чтобы добиться успеха, требуются талант преподавателя и умение применять на практике новые методы, необходима также соответствующая тщательная предварительная подготовка обучающихся. Так, например, М.В. Бутакова считает, что модная и широко рекламируемая в настоящее время проектная деятельность не дает ожидаемого эффекта, поскольку «сами проекты, вне зависимости от их характера, зачастую носят реферативный и компилятивный характер и более напоминают обыкновенный реферат, нежели полноценный

проект» [14, с. 80]. А.Е.Г. Гимпельсон весьма обоснованно подчеркивает: «Следует ли внедрять в программу конкретного курса геймификацию и сколько раз в семестр проводить (или не проводить вообще) общую дискуссию, должен решать сам преподаватель, а не чиновники от образования» [15, с. 87].

Вывод очевиден: нужно использовать те методы (как традиционные, так и инновационные), которые в наибольшей степени эффективны: 1) для освоения той или иной конкретной темы; 2) для освоения того или иного конкретного предмета; 3) для педагогического стиля конкретного преподавателя. Если же хотя бы одно из этих условий не соблюдено, применение даже самого модного инновационного приема характеризуется «во-первых, отсутствием системных представлений о соответствующих психологических механизмах; во-вторых, кампанейщиной, сопровождаемой использованием популистских лозунгов и решений» [16, с. 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Высшее учебное заведение должно ориентироваться не просто на подготовку практических работников, гораздо более важной является задача формирования культурной и интеллектуальной элиты общества, способной вносить значимый вклад в его развитие [17]. Эта задача требует комплексного и многоуровневого подхода, учитывающего как академические, так и социальные аспекты образовательного процесса. Чтобы ее решить, недостаточно нынешнего бакалавриата. В условиях стремительного развития науки и технологий, а также глобальных социально-экономических трансформаций становится критически важным обеспечение непрерывности образования на протяжении всей жизни индивида. Для того чтобы он мог постоянно повышать свой образовательный уровень, необходимо развивать у него критическое мышление, творческий потенциал, способность к решению сложных, многофакторных задач. Формирование этих навыков является приоритетной задачей вуза. Ее решение требует не только высокой квалификации профессорско-преподавательского состава, но и существенных временных и материальных ресурсов. В связи с этим, полагаем, целесообразно сделать специалитет, к которому российское образование вернется после 2027 года, ориентированным не только на сугубо практическую деятельность, но и на освоение основ фундаментальных знаний. Это позволит обеспечить более глубокую и всестороннюю подготовку специалистов, способных эффективно решать комплексные задачи в условиях динамично меняющейся реальности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Добрынина М.В., Растимешина Т.В. Национальная политика России в области инженерного образования: понятие, сущность, содержание // Власть. 2019. Т. 27. № 6. С. 257-265.
2. Воронов М.В., Герасименко П.В., Письменный Г.И. Разработка виртуальной среды самостоятельной подготовки студентов // Инновации в образовании. 2017. № 9. С. 31-44.
3. Анисимова Т.В. Роль риторики в формировании коммуникативной компетентности студента вуза // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (45). С. 225-243.
4. Дерюга В.Е. Возможности и риски применения цифровых образовательных технологий // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11. № 3 (43). С. 41-50.

5. Храпов С., Баева Л. Цифровизация образовательного пространства: эмоциональные риски и эффекты // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 16-24.
6. Салаватова А.М., Ибрагимова Л.А. Современные проблемы образования. Нижневартовск: НВГУ, 2022. 136 с.
7. Анисимова Т.В. Современный учебник по риторике для вузов: проблемы, композиция, текст // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 4. С. 240-251.
8. Рыбакова Н.Н. Роль самостоятельной работы студентов в современном профессиональном образовании // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2011. № 1 (19). С. 89-96.
9. Анисимова Т.В. К вопросу о формах организации самостоятельной работы студентов в вузе // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 140-142.
10. Блинов В.И., Сергеев И.С., Есенина Е.Ю., Биленко П.Н., Дулинов М.В., Кондаков А.М. Педагогическая концепция цифрового профессионального образования и обучения: Монография. М.: РАНХиГС, 2020. 112 с.
11. Шапошникова Н.Ю. Состояние проблемы реализации индивидуальных образовательных траекторий студентов в высшей школе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 2 (24). С. 105-111.
12. Анисимова Т.В., Боинчану Г.И. Критерии оценки качества онлайн-курсов по риторике, предлагаемых в Интернете // Проблемы современного образования. 2024. № 6. С. 195-209.
13. Инновационная деятельность учителя в учебно-воспитательном процессе школы. Проблемы, опыт, решения. Псков, 2002. 82 с.
14. Бутакова М.В., Воропай Л.М., Чесноков Е.Н. Проектная деятельность обучающихся как метод формирования межпредметных связей физики и химии // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 5. С. 79-83.
15. Гимпельсон Е.Г. Преподавание гуманитарных дисциплин в вузе: баланс нового и традиционного // Материалы международной научно-практической конференции. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2025. Т. 2. С. 85-89.
16. Янчук В.А. Психологические основания образовательной инноватики // Инновации в образовании. 2003. № 1. С. 15-26.
17. Сердобинцев К.С. Русская философская мысль – аксиологическая основа формирования цивилизационной идентичности // XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2024. С. 13-16.

REFERENCES

1. Dobrynina M.V., Rastimeshina T.V. Natsional'naya politika Rossii v oblasti inzhener'nogo obrazovaniya: ponyatiye, sushchnost', sodержaniye // Vlast'. 2019. T. 27. № 6. S. 257-265.
2. Voronov M.V., Gerasimenko P.V., Pis'mennyy G.I. Razrabotka virtual'noy sredy samostoyatel'noy podgotovki studentov // Innovatsii v obrazovanii. 2017. № 9. S. 31-44.
3. Anisimova T.V. Rol' ritoriki v formirovanii kommunikativnoy kompetentnosti studenta vuza // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 1 (45). S. 225-243.
4. Deryuga V.Ye. Vozmozhnosti i riski primeneniya tsifrovyykh obrazovatel'nykh tekhnologiy // Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye. 2020. T. 11. № 3 (43). S. 41-50.
5. Khrapov S., Bayeva L. Tsifrovizatsiya obrazovatel'nogo prostranstva: emotsional'nyye riski i efekty // Voprosy filosofii. 2022. № 4. S. 16-24.
6. Salavatova A.M., Ibragimova L.A. Sovremennyye problemy obrazovaniya. Nizhnevartovsk: NVGU, 2022. 136 s.
7. Anisimova T.V. Sovremennyy uchebnik po ritorike dlya vuzov: problemy, kompozitsiya, tekst // Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2022. № 4. S. 240-251.
8. Rybakova N.N. Rol' samostoyatel'noy raboty studentov v sovremennom professional'nom obrazovanii // Vestnik Sibirskoy gosudarstvennoy avtomobil'no-dorozhnoy akademii. 2011. № 1 (19). S. 89-96.
9. Anisimova T.V. K voprosu o formakh organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov v vuze // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii». Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 140-142.
10. Blinov V.I., Sergeyev I.S., Yesenina Ye.Yu., Bilenko P.N., Dulinov M.V., Kondakov A.M. Pedagogicheskaya kontseptsiya tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya: Monografiya. M.: RANKhiGS, 2020. 112 s.
11. Shaposhnikova N.Yu. Sostoyaniye problemy realizatsii individual'nykh obrazovatel'nykh trayektoriy studentov v vysshey shkole // Nauka o cheloveke: humanitarnyye issledovaniya. 2016. № 2 (24). S. 105-111.
12. Anisimova T.V., Boinchanu G.I. Kriterii otsenki kachestva onlayn-kursov po ritorike, predlagayemykh v Internetе // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2024. № 6. S. 195-209.
13. Innovatsionnaya deyatel'nost' uchitelya v uchebno-vospitatel'nom protsesse shkoly. Problemy, opyt, resheniya. Pskov, 2002. 82 s.

14. Butakova M.V., Voropay L.M., Chesnokov Ye.N. Proyektnaya deyatel'nost' obuchayushchikhsya kak metod formirovaniya mezhpredmetnykh svyazey fiziki i khimii // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. 2024. № 5. S. 79-83.

15. Gimpel'son Ye.G. Prepodavaniye gumanitarnykh distsiplin v vuze: balans novogo i traditsionnogo // Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tol'yatti: Volzhskiy universitet imeni V.N. Tatishcheva, 2025. T. 2. S. 85-89.

16. Yanchuk V.A. Psikhologicheskiye osnovaniya obrazovatel'noy innovatiki // Innovatsii v obrazovanii. 2003. № 1. S. 15-26.

17. Serdobintsev K.S. Russkaya filosofskaya mysl' – aksiologicheskaya osnova formirovaniya tsivilizatsionnoy identichnosti // XII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2024. S. 13-16.

© Пригарина Н.К., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пригарина Н.К. Новая реформа высшего образования: теория и практика // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 133-140.

Ирина Афанасьевна СОЛОВЦОВА,

доктор педагогических наук, профессор, ORCID 0000-0002-6191-5306
Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград)
профессор кафедры педагогики
irina_solovcova@mail.ru

Татьяна Михайловна ТЕРЕЩЕНКО,

кандидат филологических наук, доцент, ORCID 0009-0001-8259-429X
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
преподаватель кафедры русского языка
tertina@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.18:351.74

ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Академическая адаптация, социокультурная адаптация, образовательный процесс, образовательная среда, иностранный гражданин, образовательная организация, высшее образование, МВД России.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В современной науке проблемы академической адаптации иностранных граждан, обучающихся в российских вузах, относятся к числу наиболее актуальных. Однако при этом недостаточно исследованными остаются вопросы академической адаптации слушателей-иностранцев, проходящих профессиональную подготовку в образовательных организациях МВД России. Между тем выявление специфики процесса академической адаптации таких слушателей, типичных для них проблем и способов их решения является одним из важнейших направлений работы по организации освоения иностранными гражданами образовательной среды ведомственного вуза. От ее успешности во многом зависят не только их учебные достижения, но и качество их будущей профессиональной деятельности. Таким образом, есть все основания говорить о высоком уровне значимости изучения в настоящее время особенностей процесса академической адаптации иностранных граждан, обучающихся в вузах МВД России, и различных аспектов его педагогического сопровождения. *Методы.* В ходе проведения исследования, результаты которого отражены в настоящей статье, применялись теоретические методы: анализ, синтез, конкретизация, обобщение, анализ педагогического опыта. *Результаты.* Авторы уточняют понятие «академическая адаптация» с учетом особенностей образовательного процесса вузов МВД России, одной из которых является жесткая регламентация учебной деятельности слушателей. Представлены проблемы, наиболее часто возникающие у иностранных граждан в процессе академической адаптации. В контексте оказания студентам педагогической помощи в разных ее видах сформулированы предложения, касающиеся способов решения данных проблем.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в вузах Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) обучается большое количество граждан государств Азии, Африки, Латинской Америки. На начальном этапе учебы они переживают серьезный кризис, обусловленный четырьмя группами причин. Во-первых, организация учебно-воспитательного процесса, педагогические методы, образовательные традиции, характер, этикетные нормы и формы взаимодействия пре-

подавателей и обучающихся в азиатских, африканских и латиноамериканских странах существенно отличаются от условий, сформировавшихся в российской высшей школе [1]. Во-вторых, жизнь иностранного гражданина, начинающего обучение в образовательной организации МВД России, оказывается жестко регламентированной, она подчиняется строгой дисциплине и определяется правилами субординации. В-третьих, сам по себе переход от учебы в школе или от трудовой деятельности к обучению в вузе является

Irina A. SOLOVTSOVA,

Doctor of Pedagogy, Professor, ORCID 0000-0002-6191-5306
Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
Professor of the Department of Pedagogy
irina_solovtcova@mail.ru

Tatyana M. TERESCHENKO,

Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor, ORCID 0009-0001-8259-429X
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Lecturer of the Russian Language Department
tertm@yandex.ru

FEATURES OF ACADEMIC ADAPTATION OF FOREIGN CITIZENS STUDYING AT HIGHER EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

KEYWORDS. Academic adaptation, socio-cultural adaptation, educational process, educational environment, foreign citizen, educational organization, higher education, Ministry of the Interior of Russia.

ANNOTATION. *Introduction.* In modern science, the problems of academic adaptation of foreign citizens studying in Russian universities are among the most pressing. However, the issues of academic adaptation of foreign students undergoing professional training in educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia remain insufficiently studied. Meanwhile, identifying the specifics of the academic adaptation process of such students, their typical problems and ways to solve them is one of the most important areas of work on organizing the development of the educational environment of a departmental university by foreign citizens. Not only their academic achievements, but also the quality of their future professional activity largely depend on its success. Thus, there is every reason to talk about the high level of significance of the current study of the specifics of the academic adaptation process of foreign citizens studying in universities of the Ministry of the Interior of Russia and various aspects of its pedagogical support. *Methods.* In the course of the study, the results of which are reflected in this article, the following theoretical methods were used: analysis, synthesis, specification, generalization, analysis of pedagogical experience. *Results.* The authors clarify the concept of «academic adaptation» taking into account the specific features of the educational process of the universities of the Ministry of the Interior of Russia, one of which is the strict regulation of the students' educational activities. The problems most often encountered by foreign citizens in the process of academic adaptation are presented. In the context of providing students with pedagogical assistance in its various forms, proposals are formulated regarding ways to solve these problems.

фактором риска, способным оказать негативное воздействие на процесс академической адаптации [2]. Наконец, нахождение в инокультурной и иноязычной среде значительно осложняет процесс адаптации слушателей, прибывших из дальнего зарубежья, к условиям профессиональной подготовки в России.

Преодоление кризиса, вызванного перечисленными выше причинами, составляет сущность академической адаптации, то есть процесса включения иностранного слушателя в новую для него систему обучения. Важность этого процесса подтверждается результатами современных исследований, согласно которым изучение вопросов академической адаптации «занимает ключевые позиции при разработке методов повышения эффективности профессиональной подготовки иностранных студентов в вузе» [3, с. 68]. При этом социологи отмечают, что лишь 57% иностранных студентов оценивают уровень своей академической адаптации как достаточный для продолжения обучения¹, что свидетельствует о необходимости продолжения научных изысканий в данной области.

Разные аспекты академической адаптации рассматриваются в работах М.В. Апасовой, Е.В. Квятковского (условия академической адаптации иностранных студентов в вузах разных стран), А.В. Говорушенко, Н.Л. Бороной, Г.П. Шолоховой (общие вопросы академической адаптации студентов-первокурсников), Ж.И. Жеребцовой (проблемы академической адаптации иностранных студентов в российских вузах), Г.П. Ивановой (академическая адаптация в контексте социокультурной адаптации иностранных студентов), Л.В. Сергеевой (академическая адаптация в контексте академической мобильности), А.И. Сурыгина (учебный и национально-культурный аспекты академической адаптации иностранных граждан, обучающихся в российских вузах). Однако есть основания говорить о том, что проблематике, связанной с педагогическими аспектами академической адаптации иностранных слушателей, получающих образование в вузах МВД России, не уделяется должного внимания.

Целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, было выявление особенностей академической адаптации ино-

¹ Результаты социологического исследования «Адаптация иностранных студентов» (август - сентябрь 2023 года) // Яндекс Документы. 2_1_Адаптация иностранных студентов.pdf.

странных граждан, обучающихся в вузах МВД России. Начиная работу, мы сформулировали три исследовательские задачи:

1) уточнение понятия «академическая адаптация» с учетом специфики рассматриваемой проблематики;

2) определение особенностей процесса академической адаптации иностранных граждан, обучающихся в вузах МВД России;

3) выявление и характеристика особенностей педагогического сопровождения иностранных слушателей вузов МВД России с учетом специфики процесса их академической адаптации.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования использовались теоретические методы педагогического исследования: анализ доктринальных положений и практических рекомендаций, содержащихся в научной литературе, посвященной вопросам обоснования содержательных и процессуальных характеристик академической адаптации; синтез и конкретизация, позволившие уточнить понятие «академическая адаптация иностранных граждан, обучающихся в вузах МВД России»; анализ педагогического опыта, ставший основой для определения особенностей, форм, методов и приемов педагогического сопровождения иностранных слушателей вузов МВД России; обобщение, благодаря которому были сформулированные представленные в данной статье выводы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучая академическую адаптацию, исследователи обращают внимание на разные ее аспекты. Г.В. Шолохова и И.В. Чикова рассматривают адаптацию как «процесс взаимодействия человека с окружающей средой, в результате которого у него возникают модели и стратегии поведения, адекватные меняющимся в этой среде условиям» [4, с. 103]. В таком понимании академическая адаптация предполагает формирование у обучающихся из числа иностранных граждан моделей, стратегий, форм поведения, соответствующих образовательной среде вуза и позволяющих успешно решать учебные задачи в рамках профессиональной подготовки, а также оперативно и адекватно реагировать на изменение образовательной среды. По мнению Е.В. Квятковского, академическая адаптация предполагает активность со стороны студента при освоении форм и методов деятельности в процессе обучения в вузе, ролей и функций, необходимых для выполнения разных видов учебной работы [5, с. 142]. А.И. Сурыгин пишет о двух аспектах академической адаптации иностранных студентов: учебном, отражающем переход от общеобразовательной школы либо от ступени среднего профессионального образования к вузовской системе обучения, и национально-культурном [6, с. 147]. Адаптационную подготовку (наряду с языковой и предметной) ряд авторов научных работ определяют в качестве необходимой составляющей подготовки иностранного студента к успешному обучению в российском вузе [7, с. 63; 8, с. 37].

В современной науке общепризнанным является положение о ключевой роли академической

адаптации не только в учебной, но и в профессиональной деятельности. Уровень академической адаптированности непосредственно влияет на успеваемость студента [2, с. 16] и оказывает серьезное воздействие на качество его самостоятельной работы, объем и сложность которой возрастают из года в год. Задания для самостоятельной работы могут быть выполнены иностранным студентом на должном уровне лишь тогда, когда ему доступны необходимые для выполнения заданий материалы (в том числе адаптированные), понятны критерии оценивания результатов, знакомы формы отчетности.

Проблемы, возникающие в процессе адаптации у иностранных граждан, обучающихся в вузах МВД России, можно разделить на несколько групп:

1) проблемы, общие для всех студентов-первокурсников, – обучающихся как в вузах родной страны, так и в зарубежных образовательных организациях;

2) проблемы, общие для всех иностранных граждан, обучающихся в российских вузах, независимо от ведомственной принадлежности последних;

3) проблемы, специфичные для иностранных граждан, обучающихся в вузах МВД России.

Если российские студенты, столкнувшиеся с проблемами академической адаптации и не сумевшие их преодолеть, чаще всего бросают учебу, то иностранцы стараются найти другой выход из затруднительного положения. Так, студенты, не освоившие в должной степени русский язык, обращаются за поддержкой к однокурсникам, достигшим в его освоении значительных успехов. Возникают группы, объединенные по национальному признаку, в которых «сильные» студенты выполняют за слабоуспевающих задания, находят для них нужную информацию, помогают сориентироваться в расписании, пройти регистрацию на используемых в процессе обучения интернет-платформах и т.п. В этом случае проблема усугубляется, приобретая скрытый характер, и процесс академической адаптации остается незавершенным.

Большое значение для успешности академической адаптации имеет способность студентов к саморегуляции [9, 10]. По мнению А.В. Говорушенко, «высокая степень саморегулирования, которую требует университет, – одно из самых больших отличий от средней школы» [2, с. 20]. Однако далеко не все студенты способны к саморегуляции. В связи с этим жесткую регламентацию процесса обучения в вузах МВД России можно рассматривать как фактор, позитивно влияющий на формирование у слушателей способности к саморегуляции и, как итог, на результаты их академической адаптации. Контроль учебного поведения слушателей, строгие дисциплинарные требования создают учебную среду, в которой нивелируются негативные обстоятельства, препятствующие развитию способности к саморегуляции. Повторяемость моментов, обусловленных режимом образовательного процесса, облегчает слушателям привыкание к особенностям обучения в вузе и может стать основой для формирования традиций, ценных с

социальной, нравственной и профессиональной точек зрения.

В вузах МВД России обучающиеся сталкиваются не только с новыми для них способами организации учебной работы, но и с серьезными физическими нагрузками. Для слушателей-иностранцев, имеющих романтические взгляды на будущую профессию и процесс ее получения, воздействие перечисленных выше факторов становится серьезным испытанием, существенно меняющим их представления об обучении в вузе. Это обстоятельство необходимо учитывать при организации деятельности, способствующей академической адаптации: стараться сохранять позитивные ценностные установки обучающихся на получение профессии, дополнять их установками на преодоление трудностей адаптации и применять разнообразие средств, помогающие слушателям, полноценно включиться в учебу. Следовательно, для того чтобы быть успешной, академическая адаптация должна быть целенаправленным, педагогически целесообразно организованным процессом.

Одной из проблем, возникающих в ходе обучения иностранных граждан, является их страх перед неудачами в учебе. Он порождает эмоциональную нестабильность, тревожность, неуверенность в себе, что в итоге может привести к общей неудовлетворенности процессом обучения [4] и ухудшению социального самочувствия [11]. Поэтому чрезвычайно важно оказывать иностранным студентам педагогическую помощь. Ее формы могут быть весьма разнообразны: педагогическая поддержка при возникновении на занятиях затруднений в освоении учебного материала; педагогическое сопровождение на протяжении всего периода академической адаптации, предполагающее не только контроль за успеваемостью, но и оказание помощи, основанной на результатах диагностирования индивидуальных особенностей; создание ситуаций успеха в обучении, поощрение студента за его реальные, пусть и небольшие, учебные достижения; использование тьюторских практик либо их элементов, обеспечивающих индивидуальный подход к студенту с учетом его личных и социокультурных особенностей; вовлечение студентов в групповую работу на занятиях, в условиях которой они могут проявить свои способности и получить поддержку однокурсников.

Для избавления студентов от страха перед неудачами в учебе преподавателям необходимо строго следовать одному из ключевых дидактических принципов – принципу доступности. Его соблюдение, помимо учета социокультурных и индивидуальных особенностей студента из числа иностранцев, обеспечивается наличием адаптированной учебной литературы и/или литературы на родном языке такого студента; применением методов, форм и приемов обучения, позволяющих ему наилучшим образом освоить содержание изучаемых дисциплин; понятностью графика учебного процесса (чередование аудиторных занятий, периодов прохождения практики, сессий, каникул), рабочих программ, структуры лекций,

семинаров, практических занятий; ясностью, разумностью и согласованностью требований преподавателей; информированностью студентов о возможности и условиях пересдачи, записи на консультации; прозрачностью системы оценивания знаний и других учебных достижений. Одним из способов реализации принципа доступности в обучении иностранных граждан является предоставление им материалов лекций в различных формах. Так, Ж.И. Жеребцова предлагает методику работы с так называемым скриптом лекции. Он содержит план, аннотацию, основные положения лекции, список литературы по ее теме и словарь терминов [12, с. 118].

На эмоциональное состояние иностранных граждан на начальном этапе их обучения в российских вузах оказывают негативное влияние низкий уровень социокультурной адаптированности, недостаточная информированность об образовательной среде, отдаленность от близких и ряд других факторов [13]. К их числу можно отнести слабую мотивированность к учебе и будущей профессиональной деятельности, неадекватную (заниженную либо завышенную) самооценку, недостаточность развития коммуникативных способностей [14, с. 133]. Для нивелирования воздействия этих факторов необходимо применение разнообразных способов информирования об образовательной среде вуза (как традиционных, так и связанных с современными цифровыми технологиями), интерактивных методов обучения, позволяющих развивать коммуникативные навыки, способствующих формированию студенческого сообщества и созданию новых форм взаимодействия, повышающих интерес к учебе. Вместе с тем важны также «выбор наиболее конструктивной методики преподавания и правильное понимание каждым преподавателем индивидуально выполняемых им функций» [15, с. 80].

В Волгоградской академии МВД России существует факультет подготовки иностранных специалистов. Его слушатели обучаются на русском языке и по тем же специальностям, что и курсанты-россияне. Адаптационная работа с иностранцами ведется с самого начала их нахождения в академии независимо от того, учатся они по подготовительной программе или прибыли из других вузов МВД России на первый курс. Целью обучения таких слушателей является подготовка высококлассных специалистов, которые, используя знания, полученные в академии, сформированные здесь умения и навыки, будут успешно бороться с преступностью в своих странах, подтверждая высокий уровень российского юридического образования.

Отметим, что преподавателям профильных дисциплин не всегда легко перестроиться на взаимодействие с иностранными слушателями. Ведь в ходе организации и проведения занятий необходимо учитывать специфику социокультурной адаптации обучающихся данной категории. Например, такие обстоятельства, как то, что они недостаточно хорошо владеют русским языком и тем более профессиональной терминологией, не могут в полной мере воспринимать излагаемый

материал из-за быстрого темпа речи преподавателя (испытывают затруднения с развитием фонематического слуха) и т.п. Эти проблемы помогает решать работающая в Волгоградской академии МВД России школа педагогического мастерства. В рамках ее деятельности опытные преподаватели-методисты кафедры русского языка, участвующие в подготовке иностранных слушателей, дают советы коллегам-профильникам по поводу того, как лучше организовать учебный процесс, объясняют алгоритмы проведения практических и лекционных занятий с иностранцами, проводят открытые занятия. Всё это в конечном итоге способствует интенсификации и повышению эффективности работы с обучающимися данной категории и позитивно влияет на их адаптацию в условиях вуза МВД России.

ОБСУЖДЕНИЕ

Результатами правильно организованной академической адаптации иностранных слушателей являются формирование у них положительной мотивации приобретения общеобразовательных и профессиональных знаний и соответствующих умений, удовлетворенность обучением в вузе МВД России, уверенность в правильности выбора страны для получения образования, учебного заведения, программы обучения и будущей специальности, желание совершенствоваться в учебе, приобретение навыков адаптации.

В качестве условий успешного прохождения процесса академической адаптации иностранными слушателями, обучающимися в вузах МВД России, можно рассматривать:

1) знание слушателями русского языка на необходимом и достаточном для продолжения обучения в вузе уровне (в том числе владение специальной терминологией);

2) регулирование учебного поведения слушателей [2, с. 17], предусматривающее: грамотное составление расписания и своевременное доведение информации о его корректировке; доступность и понятность для слушателей-иностранцев графика учебного процесса и его строгое соблюдение;

регламентацию работы с интернет-ресурсами в процессе обучения; контроль соблюдения режимных и дисциплинарных требований; контроль успеваемости слушателей;

3) педагогическую помощь иностранным слушателям в разных ее формах: педагогическое сопровождение на протяжении всего адаптационного периода; педагогическая поддержка в проблемных, кризисных, конфликтных ситуациях; использование тьюторских практик с целью облегчения академической адаптации (тьюторское сопровождение, индивидуальное консультирование, тьюториал и др.); создание на занятиях ситуаций успеха; вовлечение слушателей в групповую работу на занятиях;

4) информирование слушателей об особенностях образовательной среды вуза (предметно-пространственной, поведенческой, информационной, событийной) и о возникающих в ее характере и структуре изменениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение проблем академической адаптации иностранных граждан к новой для них образовательной среде является актуальной задачей для всех вузов, где проходят обучение иностранцы. Адаптация в условиях образовательных организаций МВД России связана с приспособлением слушателей не только к учебным занятиям, к группе, к образовательной среде в целом, но и к жесткой дисциплине, значительным интеллектуальным и физическим нагрузкам, которые сопровождают их на протяжении всего периода обучения. Успешность академической адаптации во многом зависит от внешних факторов, воздействию которых определяется спецификой образовательной среды. Но прежде всего необходимо стремление самого слушателя к формированию профессиональной мотивации. Ведь в дальнейшем постепенно она перерастет в профессиональную зрелость, основанную на ответственном отношении к выбранной профессии, твердой гражданской позиции и желании эффективно выполнять служебные обязанности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванова М.А., Титкова Н.А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов первого года обучения в вузе. СПб: Проспект, 2003. 160 с.
2. Говорушенко А.В. Академическая адаптация студентов-первокурсников к обучению в вузе // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 6. С. 16-21.
3. Казанцева А.А. Академическая адаптация иностранных студентов в российском вузе // Совет ректоров. 2012. № 10. С. 68-73.
4. Шолохова Г.П., Чикова И.В. Адаптация первокурсников к условиям обучения в вузе и ее психолого-педагогические особенности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3. С. 103-107.
5. Квятковский Е.В. Социокультурная и академическая адаптация российских студентов в рамках реализации программы академической мобильности // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. Материалы научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2024. С. 140-144.
6. Сурыгин А.И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб: Златоуст, 2000. 233 с.
7. Соловцова И.А., Малахова В.Г. Нормативная модель процесса профессиональной социализации иностранных студентов в региональном вузе // Концепт. 2021. № 09. С. 63-77.
8. Сурыгин А.И. Интегративный подход в подготовке иностранных студентов к обучению в российских вузах // Научный вестник МГТУ ГА. 2006. № 102. С. 36-43.
9. Сергеева Л.В. Академическая мобильность: виды и формы адаптации иностранных студентов в России // Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 681-687.

10. Pintrich P.R. A motivational science perspective on the role of student motivation in learning and teaching contexts // Journal of Educational Psychology. № 95 (4). 2003. P. 667-686.
11. Боронина Л.Н., Вишневецкий Ю.Р., Дидковская Я.В., Минеева С.И. Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции // Университетское управление: практика и анализ. 2001. № 4. С. 65-69.
12. Жеребцова Ж.И. Проблемы академической адаптации иностранных студентов в российских вузах и пути их решения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 11 (127). С. 116-122.
13. Иванова Г.П., Ширкова Н.Н., Логвинова О.К. Иностранный студент в российском вузе: Монография. М.: РУСАИНС, 2022. 138 с.
14. Апасова М.В., Кулагина И.Ю., Апасова Е.В. Условия адаптации иностранных студентов в вузах // Современная зарубежная психология» 2020. Том 9. № 4. С. 129-137.
15. Родина М.А., Шарипова В.В., Гутерман Л.А. Факторы адаптации иностранных студентов к обучению в российских вузах // Инклюзия для всех 2020: социальная инклюзия в современном социокультурном пространстве. Сборник материалов международной модульной научно-практической конференции. Самара: СНИУ им. акад. С.П. Королёва, 2020. С. 79-81.

REFERENCES

1. Ivanova M.A., Titkova H.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya inostrannykh studentov pervogo goda obucheniya v vuze. SPb: Prospekt, 2003. 160 s.
2. Govorushenko A.V. Akademicheskaya adaptatsiya studentov-pervokursnikov k obucheniyu v vuze // Gumanitarnyye issledovaniya. Pedagogika i psikhologiya. 2021. № 6. S. 16-21.
3. Kazantseva A.A. Akademicheskaya adaptatsiya inostrannykh studentov v rossiyskom vuze // Sovet rektorov. 2012. № 10. S. 68-73.
4. Sholokhova G.P., Chikova I.V. Adaptatsiya pervokursnikov k usloviyam obucheniya v vuze i yeye psikhologo-pedagogicheskiye osobennosti // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 3. S. 103-107.
5. Kvyatkovskiy Ye.V. Sotsiokul'turnaya i akademicheskaya adaptatsiya rossiyskikh studentov v ramkakh realizatsii programmy akademicheskoy mobil'nosti // Dialog kul'tur – dialog o mire i vo imya mira. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Komsomol'sk-na-Amure: AmPGU, 2024. S. 140-144.
6. Surygin A.I. Osnovy teorii obucheniya na nerodnom dlya uchashchikhsya yazyke. SPb: Zlatoust, 2000. 233 s.
7. Solovtsova I.A., Malakhova V.G. Normativnaya model' protsessa professional'noy sotsializatsii inostrannykh studentov v regional'nom vuze // Kontsept. 2021. № 09. S. 63-77.
8. Surygin A.I. Integrativnyy podkhod v podgotovke inostrannykh studentov k obucheniyu v rossiyskikh vuzakh // Nauchnyy vestnik MGU GA. 2006. № 102. S. 36-43.
9. Sergeyeva L.V. Akademicheskaya mobil'nost': vidy i formy adaptatsii inostrannykh studentov v Rossii // Ustoychivoye razvitiye rossiyskikh regionov: ekonomicheskaya politika v usloviyakh vneshnikh i vnutrennikh shokov. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Yekaterinburg: UrFU, 2015. S. 681-687.
10. Pintrich P.R. A motivational science perspective on the role of student motivation in learning and teaching contexts // Journal of Educational Psychology. № 95 (4). 2003. P. 667-686.
11. Boronina L.N., Vishnevskiy Yu.R., Didkovskaya Ya.V., Mineyeva S.I. Adaptatsiya pervokursnikov: problemy i tendentsii // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. 2001. № 4. S. 65-69.
12. Zherebtsova Zh.I. Problemy akademicheskoy adaptatsii inostrannykh studentov v rossiyskikh vuzakh i puti ikh resheniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2013. № 11 (127). S. 116-122.
13. Ivanova G.P., Shirkova N.N., Logvinova O.K. Inostranny student v rossiyskom vuze: Monografiya. M.: RUSAYNS, 2022. 138 s.
14. Apasova M.V., Kulagina I.Yu., Apasova Ye.V. Usloviya adaptatsii inostrannykh studentov v vuzakh // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya» 2020. Tom 9. № 4. S. 129-137.
15. Rodina M.A., Sharipova V.V., Guterman L.A. Faktory adaptatsii inostrannykh studentov k obucheniyu v rossiyskikh vuzakh // Inklyuziya dlya vsekh 2020: sotsial'naya inklyuziya v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve. Sbornik materialov mezhdunarodnoy modul'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Samara: SNIU im. akad. S.P. Korol'ova, 2020. S. 79-81.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Соловцова И.А., Терещенко Т.М., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соловцова И.А., Терещенко Т.М. Особенности академической адаптации иностранных граждан, обучающихся в вузах Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 141-146.

Андрей Иванович БУТИКОВ,
ORCID 0000-0002-8850-8516
Санкт-Петербургский университет МВД России
(г. Мурино, Ленинградская область)
начальник Ленинградского областного филиала
butikov-ai003@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.147.88:351.741

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАТРУДНЕНИЙ ПРАКТИКАНТОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРАКТИК БУДУЩИХ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Производственная практика, затруднения руководителя практики, затруднения практиканта, участковый уполномоченный полиции.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Прохождение производственных (преддипломных) практик слушателями старших курсов образовательных организаций МВД России является важным условием обеспечения качества их подготовленности к самостоятельной служебной деятельности. Изучение отзывов о практикантах сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел, под чьим руководством они работали, отзывов преподавателей и отчетов практикантов показало наличие ряда проблем методологического характера. В свою очередь, специфика выявленных педагогических затруднений предопределила необходимость совершенствования гносеологических и праксеологических функций в методологии педагогической деятельности руководителей практик и общую потребность в модернизации практической подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России. **Методы.** При проведении исследования применялись методы опроса, анкетирования и беседы. В статье представлены результаты анализа данных, полученных посредством опросов руководителей практик, назначенных от образовательной организации, и запросов самих практикантов. В рамках исследования изучались педагогические затруднения, с которыми сталкиваются руководители практик, и затруднения, возникающие у практикантов при формировании профессиональных компетенций, характер таких затруднений и причины их возникновения. Сведения о профессионально-педагогических затруднениях руководителей практик сопоставлены с данными о затруднениях практикантов. **Результаты.** Сформулированы предложения по совершенствованию подготовки и проведения производственных практик слушателей образовательных организаций МВД России – будущих участковых уполномоченных полиции. В частности, разработаны модернизированные практические задания, способствующие формированию профессиональных компетенций.

ВВЕДЕНИЕ

Производственная (преддипломная) практика обучающихся является одним из заключительных этапов профессионального образования и имеет большое значение для окончательного формирования профессиональных компетенций у выпускников. В высшей школе системообразующим элементом практико-ориентированного обучения «является специально организованная практика как форма педагогического процесса» [1, с. 443]. Проведение производственных практик в территориальных подразделениях органов внутренних дел дает возможность будущим выпускникам вузов МВД России приобрести необходимые для осуществления самостоятельной

служебной деятельности практические умения и закрепить профессиональные компетенции.

Изучение и непосредственное выполнение различных видов работы участкового уполномоченного полиции требует от практикантов профессиональной мотивации и хорошей теоретической подготовленности, которая представляет собой результат освоения ими учебной программы в вузе. Возможность свободно ориентироваться в теоретических вопросах, касающихся обеспечения законности и правопорядка, уверенное знание законодательства Российской Федерации являются базой для качественного формирования практических умений в реальных условиях службы. По окончании образовательной организации вы-

Andrei I. BUTIKOV,
ORCID 0000-0002-8850-8516
Saint Petersburg University of the Ministry of the
Interior of Russia (Murino, Leningrad Region, Russia)
Head of the Leningrad Regional Branch
butikov-ai003@yandex.ru

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE DIFFICULTIES OF TRAINEES AND SUPERVISORS OF INDUSTRIAL PRACTICES OF FUTURE DISTRICT POLICE OFFICERS

KEYWORDS. Industrial practice, difficulties of the supervisor, difficulties of the trainee, district police officer.

ANNOTATION. Introduction. Passing industrial (pre-graduation) practices by senior students of educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia is an important condition for ensuring the quality of their preparedness for independent service activities. The study of reviews of interns of employees of territorial divisions of internal affairs bodies, under whose supervision they worked, reviews of teachers and reports of trainees showed the presence of a number of methodological problems. In turn, the specificity of the identified pedagogical difficulties predetermined the need to improve the epistemological and praxeological functions in the methodology of pedagogical activities of supervisors of training practices and the general need to modernize the practical training of students in educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia. **Methods.** The study used survey, questionnaire and interview methods. The article presents the results of the analysis of data obtained through surveys of practice managers appointed by the educational organization and requests from the trainees themselves. The study examined the pedagogical difficulties encountered by practice managers and the difficulties encountered by trainees in developing professional competencies, the nature of such difficulties and the reasons for their occurrence. Information on the professional and pedagogical difficulties of practice managers is compared with data on the difficulties of trainees. **Results.** Proposals are formulated to improve the preparation and conduct of industrial practices for students of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia – future district police officers. In particular, modernized practical tasks have been developed to facilitate the formation of professional competencies.

пускник, прошедший производственную (преддипломную) практику, должен обладать таким уровнем владения профессиональными компетенциями, который позволяет незамедлительно приступить к самостоятельному выполнению служебных обязанностей.

Однако отзывы руководителей территориальных подразделений о степени включенности выпускников в самостоятельную деятельность показывают, что практическая подготовка будущих участковых уполномоченных требует большего внимания со стороны и образовательной организации, и органов внутренних дел, в которых осуществляется производственная практика. В свою очередь, выпускники вузов МВД России отмечают, что после вступления в должность испытывают затруднения в связи с недостаточно высоким уровнем практической подготовленности.

Вопросы повышения результативности применения различных педагогических технологий, методик диагностики и оценки их эффективности в целях улучшения качества практической подготовки обучающихся исследовали Л.Т. Бородавко [2], Н.Ф. Гейжан [3], М.Р. Илакавичус [4], Л.В. Кузнецова [5] и другие ученые. О.В. Гарманова отмечает, что «формирование готовности слушателей к службе в подразделениях МВД РФ представляет собой длительный, поэтапный и многокомпонентный процесс, включающий в себя психологический, деятельностный, мотивационный и оценочный компоненты» [6, с. 350]. А.Ю. Де-

нисова подчеркивает значение таких показателей профессиональной готовности выпускников, как автономность, информированность, способность к принятию решений и планированию, эмоциональное отношение к работе. Эти качества обеспечивают успешное прохождение всех этапов практики [7, с. 258]. В структуру профессионально значимых качеств курсантов вузов МВД России С.А. Сашенков включает такие группы качеств, как «интеллектуально-познавательные, мотивационно-ценностные и организаторско-коммуникационные» [8, с. 208].

Изучение отзывов выпускников о характере проблем, связанных с началом их самостоятельной службы в должности участкового уполномоченного полиции, позволило определить, что во время преддипломных практик недостаточно внимания уделялось проработке действий, которые в дальнейшем наиболее часто вызывают затруднения в процессе самостоятельной работы. Были получены предложения о более глубоком изучении во время производственных практик некоторых практических вопросов и проведении дополнительных теоретических занятий по административному и уголовному праву перед началом практики.

В связи с этим возникла необходимость углубленного исследования затруднений, возникающих у слушателей во время прохождения производственной (преддипломной) практики, их анализа, классификации, возможностей их преодоле-

ния. Это важно не только для совершенствования методик организации и проведения практики, но и для повышения качества подготовки ее руководителей в вузах, поскольку от их компетенции зависит качество педагогического сопровождения слушателей.

Диагностика затруднений, возникающих во время производственной практики, должна стать неотъемлемой частью совместной деятельности руководителей практики, назначаемых как от территориальных подразделений МВД России, так и от вуза, что позволит целенаправленно и своевременно осуществлять коррекционную работу по применению эффективных педагогических технологий в практическом обучении слушателей. В научной литературе говорится о диагностике и диагностической компетенции как о важных составляющих педагогической деятельности и придается огромное значение сотрудничеству педагога и обучающегося [9, 10].

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, являлось изучение характера и причин затруднений, возникающих при проведении производственных практик (на примере практического обучения будущих участковых уполномоченных полиции в территориальных подразделениях МВД России), с последующей выработкой педагогических коррекционных мер для работы с ними.

Для достижения этой цели перед исследованием были поставлены следующие задачи:

- проведение общей педагогической диагностики качества организации и проведения производственных (преддипломных) практик в территориальных подразделениях МВД России;
- выявление затруднений, возникающих у слушателей при выполнении деятельности, направленной на формирование, закрепление и развитие практических умений и компетенций;
- анализ характера и причин затруднений, их классификация и систематизация;
- выработка предложений по изменению условий и средств педагогического сопровождения, ориентированная на улучшение качества формирования профессиональных компетенций у курсантов и слушателей.

МЕТОДЫ

На этапе диагностического исследования изучались отзывы руководителей производственных (преддипломных) практик и преподавателей о практикантах, отчеты обучающихся о прохождении практики, их служебные характеристики и результаты оценивания защиты ими отчетов о практике.

Для проведения диагностики проблем, возникающих при организации и проведении производственных (преддипломных) практик, применялся метод опроса. В целях получения объективных, независимых данных опросу подлежали как слушатели выпускных курсов, так и окончившие обучение выпускники Санкт-Петербургского университета МВД России, проходящие службу в территориальных подразделениях органов внутренних дел на момент опроса в должности участкового уполномоченного полиции. Часть

опрошенных выпускников уже имели опыт руководства производственной практикой обучающихся университета.

Выявление затруднений, возникающих у слушателей образовательных организаций МВД России при выполнении ими мероприятий в рамках прохождения практики, осуществлялось методом анкетирования. В анкетировании участвовали слушатели, обучающиеся по специальности 40.05.02, узкая специализация – «Деятельность участкового уполномоченного полиции». Всего в нем приняло участие 80 человек, проходивших производственную практику в территориальных подразделениях органов внутренних дел в 2023 и 2024 годах.

Информация, полученная от респондентов из числа руководителей практик (40 действующих участковых уполномоченных полиции), использовалась для анализа причин профессиональных затруднений, возникающих как при выполнении ими своих служебных обязанностей, так и при обучении практикантов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Итоги проделанной работы позволили подтвердить наличие потребности в выработке педагогических коррекционных мер для совершенствования реализации практического обучения слушателей вузов МВД России. Были определены два основных направления деятельности участкового уполномоченного полиции, вызывающие наибольшие затруднения у обучающихся, проходящих практику:

- 1) личное непосредственное взаимодействие с гражданами на обслуживаемых участках в целях профилактики, выявления и пресечения правонарушений;
- 2) применение норм административного права при документировании правонарушений.

Анкетирование слушателей, проведенное по окончании производственной (преддипломной) практики, и выпускников позволило выявить наиболее часто вызывающие у практикантов затруднения (таблица 1).

Обобщение результатов анализа типичных затруднений, возникающих у практикантов, позволило сделать вывод об их повторяющемся характере и однотипности вне зависимости от видов изучаемых мероприятий служебной деятельности участкового уполномоченного полиции. Вследствие этого возникла необходимость систематизации этих затруднений, соотнесения их с ранее определенными причинами профессионально педагогических затруднений руководителей практик для определения образовательных задач и своевременного принятия коррекционных мер.

Образовательная задача понимается как осознаваемая преподавателем проблемная ситуация, а «процесс решения задачи представляет собой поиск выхода из затруднений или процесс достижения цели, которая первоначально не кажется доступной» [11, с. 21].

Причины профессионально-педагогических затруднений руководителей практического обучения можно объединить в три основных блока:

- информационные (знаниевые);

**ТИПИЧНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ,
ВОЗНИКАЮЩИЕ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ВО ВРЕМЯ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ (ПРЕДДИПЛОМНЫХ) ПРАКТИК
ПО УЗКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ»**

№ п/п	Направление служебной деятельности участкового уполномоченного полиции	Характер затруднений
1.	Совершение профилактических обходов административного участка и получение информации	- владение знаниями о содержании нормативно-правовых актов в области миграционного законодательства; - установление контакта с антиобщественными элементами и выстраивание диалога с их соседями; - установление доверительных отношений с гражданами; - разъяснение гражданам их прав и обязанностей; - понимание психологии подростков и выстраивание с ними диалога
2.	Прием граждан и рассмотрение обращений	- правильное заполнение служебной документации; - выстраивание диалога при рассмотрении обращений граждан
3.	Проведение индивидуальной профилактической работы	- владение знаниями о содержании нормативно-правовых актов; - установление психологического контакта и выстраивание диалога с лицами, в отношении которых проводится профилактическая работа; - правильное заполнение служебной документации
4.	Проведение участковым уполномоченным полиции иных мероприятий по профилактике правонарушений	- владение знаниями о содержании нормативно-правовых актов; - порядок общения с подростками, понимание их психологии и выстраивание диалога; - установление психологического контакта и выстраивание диалога с лицами, в отношении которых проводится профилактическая работа; - правильное заполнение служебной документации; - взаимодействие с медицинскими организациями
5.	Рассмотрение дел об административных правонарушениях	- владение знаниями о содержании федерального законодательства в области административного права; - правильное заполнение служебной документации с объективным фиксированием фактов; - умение правильно квалифицировать правонарушения
6.	Раскрытие преступлений	- правильное оформление процессуальных документов
7.	Участие в мероприятиях по осуществлению розыска лиц	- порядок действий при осуществлении розыска
8.	Работа с электронными сервисами (Сервис охраны общественного порядка ИСОД МВД России)	- осуществление поиска необходимой информации

Таблица 2

**БЛОКИ И КОМПОНЕНТЫ ЗАТРУДНЕНИЙ ПРАКТИКАНТОВ
В СООТНОШЕНИИ С ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ
ЗАТРУДНЕНИЯМИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРАКТИК**

№ п/п	Блоки профессионально-педагогических затруднений	Блоки затруднений практикантов	Компоненты затруднений практикантов
1.	Информационные (знаниевые)	- владение знаниями о содержании федерального законодательства и других нормативно-правовых актов, регулирующих служебную деятельность; - правильное оформление процессуальных документов и служебной документации; - знание порядка действий при осуществлении розыска	- информационный; - исполнительский
2.	Деятельностно-организационные	- умение осуществлять поиск необходимой информации; - умение правильно квалифицировать правонарушения; - умение взаимодействовать с медицинскими и другими организациями	- информационный; - организационный
3.	Индивидуально-личностные	- установление психологического контакта и выстраивание диалога со всеми группами граждан; - установление доверительных отношений с гражданами; - умение разъяснить гражданам их права и обязанности; - понимание психологии подростков и выстраивание с ними диалога	- информационный; - коммуникативный

- деятельностно-организационные;
- индивидуально-личностные [12, с. 163].

Соотнесение затруднений, с которыми сталкиваются практиканты при изучении мероприятий служебной деятельности участкового уполномоченного полиции, с причинами профессионально-педагогических затруднений руководителей практик дает возможность углубить понимание возникающих проблемных ситуаций и определить направления необходимой коррекционной работы (таблица 2).

Проведенное нами исследование показало, что причины профессионально-педагогических затруднений руководителей практического обучения в значительной степени соотносятся с затруднениями практикантов. В свою очередь, приобретение обучающимися профессиональных умений находится в зависимости от профессиональных и педагогических умений руководителей практик. Корреляционная связь в этих случаях может быть как прямолинейной (количество правильно выполненных заданий зависит от общего количества запланированных к выполнению однотипных практических задач), так и сложно-линейной, когда мотивация руководителя практики оказывает влияние на качество выполнения заданий практикантом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты позволяют сделать вывод о влиянии профессионально-педагогических затруднений руководителей производственных (преддипломных) практик на качество организации и проведения этих практик. Следствием является возникновение трудностей у практикантов, что влечет за собой снижение качества подготовки слушателей к самостоятельной деятельности. Для решения выявленной педагогической проблемы, возникающей при организации производственных (преддипломных) практик, необходимо проводить работу со всеми участниками педагогического процесса.

Руководитель практики должен не только владеть профессиональными компетенциями высокого уровня, но и уметь передавать свои знания и умения, то есть осуществлять педагогическую деятельность на уровне, позволяющем практиканту в полной мере овладеть будущей профессией. Достижение такой цели требует наличия у руководителя практики специальной педагогической подготовки. Одним из решений этой проблемы может быть организация педагогического обучения руководителей производственных (преддипломных) практик в форме профессиональной

переподготовки, которая должна проводиться образовательными организациями МВД России в рамках профессионального взаимодействия с территориальными подразделениями органов внутренних дел. Такое обучение должно быть направлено на развитие прежде всего гностических, проектировочных, организаторских, оценочных педагогических умений. При этом обязательно учитывать типологию обучающихся и руководителей практики, основанную на «доминировании направленности проектировочной компетентности» [13, с. 21].

При работе с обучающимися на всех этапах теоретического и практического обучения педагоги должны уделять внимание развитию таких качеств, как мотивация к службе в органах внутренних дел России, самостоятельность, внимательность, психоэмоциональная устойчивость, коммуникабельность. Поскольку «выстраивание диалога» с гражданами (независимо от того, к какой группе они относятся) встречается в перечне затруднений чаще всего, особенно тщательно должна проводиться работа по формированию у всех обучающихся коммуникативных умений и навыков.

В целях повышения качества производственных практик, организуемых в рамках подготовки будущих участковых уполномоченных полиции, были разработаны методические рекомендации для руководителей практик из числа сотрудников территориальных органов внутренних дел и образовательных организаций МВД России, конкретизированы задания, которые слушателям необхо-

димо выполнить на этапе подготовки к практике. С учетом того обстоятельства, что практиканты зачастую испытывают затруднения в части владения содержанием нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность участкового уполномоченного, обучающимся предлагается перечень документов, соотнесенный с конкретными задачами их будущей профессиональной деятельности. Подборка документов, систематизированных в соответствии с видами деятельности участковых уполномоченных полиции, рекомендована также для использования всеми руководителями практик в территориальных органах МВД России.

Исследование подтвердило, что к числу наиболее востребованных в служебной деятельности участкового уполномоченного полиции относятся организационные, информационные [14, с. 46] и коммуникативные [15, с. 319] компетенции. Поэтому основную часть педагогического взаимодействия должно составлять выполнение практических заданий, способствующих формированию именно этих компетенций, что позволит существенно уменьшить перечень затруднений практикантов. Практические задания, ориентированные на развитие организаторских и управленческих качеств, умения оперировать большими объемами информации с применением информационно-коммуникационных технологий, а также тренинги в области межличностного взаимодействия должны быть включены в программы производственных (преддипломных) практик будущих участковых уполномоченных полиции. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Никитская Е.А., Мудрик А.В. Практика как важнейший компонент профессиональной подготовки будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних на этапе обучения в высшей школе // Российский девиантологический журнал. 2024. Т. 4. № 3. С. 440-452.
2. Бородавко Л.Т. Улучшение педагогической диагностики курсантов вузов МВД России в процессе обучения как основное условие совершенствования их профессионального развития // Проблемы непрерывного профессионального образования. Сборник научных трудов по материалам межвузовской научно-практической конференции. СПб: СПбВИ ВВ МВД России, 2014. С. 31-36.
3. Гейжан Н.Ф. О методологических особенностях разработки методических материалов для образовательных организаций высшего образования МВД России // Педагогика и психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: теория, методика, практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2018. С. 58-63.
4. Илакавичус М.Р., Шевляков А.С. Педагогические основы подготовки участковых уполномоченных полиции к индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которых установлен административный надзор, в дополнительном профессиональном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-3. С. 135-138.
5. Кузнецова Л.В. Психолого-педагогическая компетентность курсантов в контексте задач профессиональной деятельности // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики. Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2020. С. 245-248.
6. Гарманова О.В. Формирование готовности к будущей профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2-3-1. С. 346-352.
7. Денисова А.Ю. Готовность к профессии «Полицейский» как результат успешной практической деятельности будущих специалистов ОВД // Педагогическое образование в России. 2024. № 3. С. 250-260.
8. Сашенков С.А., Остапенко В.С. Инновационные технологии в формировании информационного компонента профессионально значимых качеств курсантов МВД России // Глобальный научный потенциал. 2023. № 4 (145). С. 208-211.
9. Дудина М.М., Колотовкина Е.А. Педагогическая диагностика как фактор совершенствования учебно-воспитательного процесса в профессиональном образовании // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2017. Т. 9. № 2 (36). С. 39-45.
10. Рожков Н.Т. Педагогическая диагностика как компонент педагогической деятельности // Вестник Орловского государственного университета. Новые гуманитарные исследования. 2011. № 4 (18). С. 128-131.

11. Кузьмина Н.В., Жаринова Е.Н. Методы исследования образовательных систем. СПб: Центр стратегических исследований, 2018. 164 с.
12. Сергеева Н.А. Анализ затруднений студентов ПГПУ в период прохождения педпрактики // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2009. № 7. С. 163-165.
13. Вьюнова Н.И., Кривотулова Е.В. Реалии и перспективы исследования проблемы готовности к инновационной деятельности преподавателя вуза // Педагогическое образование и наука. 2020. № 6. С. 17-22.
14. Бокова О.И., Конюшев В.В. Актуальные направления совершенствования профессиональной подготовки в информационном обществе // Охрана, безопасность, связь. 2020. № 5-3. С. 45-52.
15. Светличный Е.Г., Мищенко В.С., Мисливский Е.Б. Ключевая роль практики в образовательном процессе курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования МВД РФ // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-2. С. 318-320.

REFERENCES

1. Nikitskaya Ye.A., Mudrik A.V. Praktika kak vazhneyshiy komponent professional'noy podgotovki budushchikh sotrudnikov podrazdeleniy po delam nesovershennoletnikh na etape obucheniya v vysshey shkole // Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal. 2024. T. 4. № 3. S. 440-452.
2. Borodavko L.T. Uluchsheniye pedagogicheskoy diagnostiki kursantov vuzov MVD Rossii v protsesse obucheniya kak osnovnoye usloviye sovershenstvovaniya ikh professional'nogo razvitiya // Problemy nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbVI VV MVD Rossii, 2014. S. 31-36.
3. Geyzhan N.F. O metodologicheskikh osobennostyakh razrabotki metodicheskikh materialov dlya obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya MVD Rossii // Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del: teoriya, metodika, praktika. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2018. S. 58-63.
4. Ilakavichus M.R., Shevlyakov A.S. Pedagogicheskiye osnovy podgotovki uchastkovykh upolnomochennykh politzii k individual'noy profilakticheskoy rabote s litsami, v otnoshenii kotorykh ustanovlen administrativnyy nadzor, v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2024. № 85-3. S. 135-138.
5. Kuznetsova L.V. Psikhologo-pedagogicheskaya kompetentnost' kursantov v kontekste zadach professional'noy deyatel'nosti // Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2020. S. 245-248.
6. Garmanova O.V. Formirovaniye gotovnosti k budushchey professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del // Pedagogicheskiy zhurnal. 2023. T. 13. № 2-3-1. S. 346-352.
7. Denisova A.Yu. Gotovnost' k professii «Politseyskiy» kak rezul'tat uspezhnoy prakticheskoy deyatel'nosti budushchikh spetsialistov OVD // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. 2024. № 3. S. 250-260.
8. Sashenkov S.A., Ostapenko V.S. Innovatsionnyye tekhnologii v formirovanii informatsionnogo komponenta professional'no znachimykh kachestv kursantov MVD Rossii // Global'nyy nauchnyy potentsial. 2023. № 4 (145). S. 208-211.
9. Dudina M.M., Kolotovkina Ye.A. Pedagogicheskaya diagnostika kak faktor sovershenstvovaniya uchebno-vospitatel'nogo protsessa v professional'nom obrazovanii // Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt. 2017. T. 9. № 2 (36). S. 39-45.
10. Rozhkov N.T. Pedagogicheskaya diagnostika kak komponent pedagogicheskoy deyatel'nosti // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novyye humanitarnyye issledovaniya. 2011. № 4 (18). S. 128-131.
11. Kuz'mina N.V., Zharinova Ye.N. Metody issledovaniya obrazovatel'nykh sistem. SPb: Tsentr strategicheskikh issledovaniy, 2018. 164 s.
12. Sergeyeva N.A. Analiz zatrudneniy studentov PGPU v period prokhozhdeniya pedpraktiki // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki. 2009. № 7. S. 163-165.
13. V'yunova N.I., Krivotulova Ye.V. Realii i perspektivy issledovaniya problemy gotovnosti k innovatsionnoy deyatel'nosti prepodavatela vuza // Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka. 2020. № 6. S. 17-22.
14. Bokova O.I., Konyushev V.V. Aktual'nyye napravleniya sovershenstvovaniya professional'noy podgotovki v informatsionnom obshchestve // Okhrana, bezopasnost', svyaz'. 2020. № 5-3. S. 45-52.
15. Svetlichnyy Ye.G., Mishchenko V.S., Mislivskiy Ye.B. Klyuchevaya rol' praktiki v obrazovatel'nom protsesse kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya MVD RF // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2024. № 85-2. S. 318-320.

© Бутиков А.И., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бутиков А.И. Сравнительная характеристика затруднений практикантов и руководителей производственных практик будущих участковых уполномоченных полиции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 147-153.

Антон Маратович МОРГУНОВ,

ORCID 0000-0002-7784-8961

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

адъюнкт

Morataon@yandex.ru

Научный руководитель:

Ольга Артуровна ЧОПИК,

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

Научная статья

УДК 378.126

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Цифровизация образования, компетентностный подход, цифровые компетенции, преподаватель высшей школы, педагогические работники, образовательная организация, МВД России, цифровой образовательный контент.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Современное образование развивается в условиях масштабной цифровой трансформации, которая меняет роль педагога и предъявляет новые требования к его профессиональной деятельности. Для успешного функционирования образовательных организаций и обеспечения должного качества подготовки выпускников в настоящее время необходимо, чтобы преподаватели обладали цифровыми компетенциями. Вместе с тем сохраняется противоречие между ожиданиями государства и общества и реальным уровнем цифровых навыков педагогов, в том числе в вузах МВД России. *Методы.* Для достижения поставленных целей использовались такие теоретические методы исследования, как анализ, синтез, обобщение. Они позволили системно осмыслить проблему цифровых компетенций преподавателей высшей школы в контексте цифровизации образования. Из числа эмпирических методов оказалось востребовано анкетирование. На сформулированные нами вопросы отвечали представители профессорско-преподавательского состава Санкт-Петербургского университета МВД России. Результаты анкетирования обеспечили фактическую базу для определения уровня цифровой компетентности педагогов и выявления их мотивации к развитию соответствующих компетенций. Такой комплексный методологический подход позволил всесторонне рассмотреть исследуемую проблему. *Результаты.* Исследование показало, что уровень цифровой компетентности педагогов остается недостаточно высоким: многие ограничиваются использованием минимального набора инструментов, при этом для них характерна низкая мотивация к развитию цифровых компетенций. Зарубежные практики демонстрируют системный подход к моделированию цифровых компетенций педагога, тогда как в России нет единого нормативного документа, который закреплял бы их перечень. Выявлена необходимость разработки теоретически обоснованных моделей цифровых компетенций педагога вуза МВД России, учитывающих специфику его деятельности и требования к использованию цифрового образовательного контента.

ВВЕДЕНИЕ

Человечество на настоящем этапе своего развития находится в постоянном взаимодействии с цифровыми технологиями. Цифровизация является не только тенденцией, но и требованием современности [1]. Становление цифрового общества, появление новых технологических решений и цифровых инструментов обуславливают изменения в содержании обучения как одного из компонентов дидактического

треугольника. Данные обстоятельства требуют пересмотра и корректировки теории обучения в условиях цифровой трансформации образования [2, с. 89].

Во многих странах на государственном уровне реализуются программы цифровой трансформации, которые предусматривают, в частности, развитие цифровых компетенций педагогических работников. В России цифровизации уделяется не меньшее внимание. Разрабатываются и реа-

Anton M. MORGUNOV,

ORCID 0000-0002-7784-8961

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Adjunct

Morataon@yandex.ru

Supervisor:

Olga A. CHOPIK,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of the Educational and Scientific Complex for the Study of Personnel Management Problems and Moral and Psychological Support for the Activities of Internal Affairs Bodies of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

THE PROBLEM OF DEVELOPING DIGITAL COMPETENCIES OF HIGHER EDUCATION TEACHERS: ANALYSIS OF FOREIGN AND DOMESTIC RESEARCH

KEYWORDS. Digitalization of education, competency-based approach, digital competencies, higher education teacher, teaching staff, educational organization, Ministry of the Interior of Russia, digital educational content.

ANNOTATION. *Introduction.* Modern education is developing in the context of a large-scale digital transformation, which changes the role of the teacher and imposes new requirements on his/her professional activity. For the successful functioning of educational organizations and ensuring the proper quality of graduate training, it is currently necessary for teachers to have digital competencies. At the same time, there remains a contradiction between the expectations of the state and society and the actual level of digital skills of teachers, including in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Methods.* To achieve the stated goals, such theoretical research methods as analysis, synthesis, and generalization were used. They made it possible to systematically understand the problem of digital competencies of higher education teachers in the context of digitalization of education. Among the empirical methods, a questionnaire turned out to be in demand. Representatives of the teaching staff of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia answered the questions we formulated. The survey results provided a factual basis for determining the level of digital competence of teachers and identifying their motivation to develop the relevant competencies. Such an integrated methodological approach made it possible to comprehensively consider the problem under study. *Results.* The study showed that the level of digital competence of teachers remains insufficiently high: many limit themselves to using a minimum set of tools, while they are characterized by low motivation to develop digital competencies. Foreign practices demonstrate a systematic approach to modeling digital competencies of a teacher, while in Russia there is no single regulatory document that would establish their list. The need was identified to develop theoretically substantiated models of digital competencies of a teacher of a higher educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia, taking into account the specifics of his activities and the requirements for the use of digital educational content.

лизуются государственные программы и национальные проекты, ставящие задачи, касающиеся цифровой трансформации¹. В Указе Президента России² один из показателей достижения национальных целей сформулирован следующим образом: «Формирование к 2030 году современной системы профессионального развития педагогических работников для всех уровней образования, предусматривающей ежегодное дополнительное профессиональное образование на основе актуализированных профессиональных стандартов не менее чем 10% педагогических работников на базе ведущих образовательных организаций высшего образования и научных организаций». Создание данной системы обусловлено, кроме прочего, необходимостью развития цифровых компетенций педагогических работников. В то же время следует отметить, что на федеральном уровне не утверж-

дено документа, устанавливающего перечень цифровых компетенций преподавателя высшей школы, не сформулированы единые дефиниции понятий «цифровая компетенция» и «цифровая компетентность» педагога.

Более требовательным стал общественный взгляд на подготовку выпускников образовательных организаций высшего образования. Сейчас этот взгляд нацелен преимущественно на педагога, причем не как на носителя знаний, а как на профессионала, наставника, куратора, обладающего развитой цифровой компетентностью, способного сформировать совокупность необходимых обучающемуся цифровых компетенций и при этом задать гуманистические ориентиры, «очеловечить» тот огромный информационный мир, в котором мы живем. Об этом свидетельствуют посвященные данной тематике выступления

¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Правительство России: сайт // URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России: сайт // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 20.08.2025).

государственных деятелей и публичные дискуссии представителей общественности¹.

Несмотря на развитие, широкое распространение и относительную доступность цифровых технологий, большое количество государственных программ, методических рекомендаций, образовательных платформ и иных инициатив, проблема низкой цифровой компетентности остается одной из важнейших не только в России, но и в других странах, оказывая существенное влияние на благополучие всего населения [3, 4]. Так, только половина жителей нашей страны «обладает базовыми цифровыми компетенциями, а доля населения, способного решать специализированные задачи с применением информационно-коммуникационных технологий, совсем незначительная» [3, с. 939].

Неоднозначно процессы цифровизации воспринимаются и в среде педагогов-практиков. Авторы многочисленных исследований в области формирования и развития цифровых компетенций педагогических работников, обосновывая актуальность данной проблемы, указывают на противоречия между требованиями государства и общества, предъявляемыми к современному преподавателю, обладающему знаниями, умениями, опытом профессиональной деятельности, позитивным отношением к цифровизации, с одной стороны, и компетентностью педагогических работников в области использования цифровых инструментов, с другой стороны². О недостаточном уровне сформированности цифровых компетенций педагогов говорят и зарубежные ученые [5, 6].

Количество научных исследований в области цифровизации образования стало резко увеличиваться начиная с 2017 года, на сегодняшний день этот показатель продолжает оставаться довольно высоким. Вопросам развития цифровых компетенций педагогических работников высшей школы посвящены труды Т.А. Асташовой, М.Е. Вайндорф-Сысоевой, В.А. Иванова, О.М. Карпенко, О.В. Мерецкова, И.В. Роберт, Д.А. Суханова. Проблемы цифровых компетенций профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России рассматриваются в работах В.В. Вахниной, А.А. Гавриловой, А.А. Кислухина, А.М. Старцева, Е.М. Шпагиной, М.П. Щербаковой, К.В. Ярмака. В то же время следует отметить, что по-прежнему актуальным остается продолжение исследований, касающихся методологического обоснования, системной разработанности и научного осмысления теоретических основ развития цифровых компетенций педагогических работников образовательных организаций высшего образования МВД России.

МЕТОДЫ

Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, основывалось на положениях компетентностного и системного подходов. Использован комплекс теоретических методов (анализ, синтез, обобщение) и эмпирический метод анкетирования. В ходе проведения исследования были проанализированы отечественные и зарубежные нормативные источники, научная и специальная литература, обобщен материал, полученный по итогам эмпирического сбора данных. Анкетирование профессорско-преподавательского состава Санкт-Петербургского университета МВД России состоялось в конце 2024 - начале 2025 года. Выборочную совокупность составили 48 педагогических работников.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В условиях стремительного развития науки и технологий сформировался дефицит специалистов, способных не только к механическому воспроизведению ранее полученных знаний, но и к непрерывному самообразованию, самосовершенствованию и адаптации к постоянно меняющейся среде. Личностный и профессиональный рост, социальная и профессиональная мобильность стали в современном обществе неотъемлемыми качествами высококвалифицированного специалиста. Выработке перечисленных выше качеств личности способствует использование в образовании компетентностного подхода.

Традиционно возникновение компетентностного подхода относят к 60-70 годам прошлого века и связывают его с работами Н. Хомского, Р. Уайта, Дж. Равена, Д. Макклелланда [7, с. 8]. Он предопределил несколько этапов развития, подробно изучен в педагогике и широко используется в сфере образования. Различные научные школы выработали разные определения и разграничения понятий «компетентность» и «компетенция». Поэтому подчеркнем, что мы присоединяемся к позиции В.П. Беспалько, С.Н. Беловой, М.В. Лапенко, О.В. Насс, М.В. Ступиной, О.В. Мерецкова и ряда других ученых и под компетентностью в какой-либо области понимаем совокупность предметных компетенций, формирующих данную компетентность. В свою очередь, компетенция может быть представлена в виде совокупности знаний, умений и опыта их реализации (Л.И. Миронова, О.В. Насс, М.В. Ступина, О.В. Мерецков). Таким образом, компетенция носит теоретико-практический характер и предусматривает способность применять знания в конкретных ситуациях профессиональной деятельности.

Умение педагогов использовать цифровые технологии в образовательном процессе является од-

¹ Матвиенко заявила о роли учителя в эпоху цифровизации // РИА «Новости»: сайт. 05.10.2023 // URL: <https://ria.ru/20231005/matvienko-1900571718.html> (дата обращения: 20.08.2025); Педагог как основа цифрового суверенитета // Научно-образовательная политика: сайт. 04.10.2024 // URL: <https://xn--m1acd.xn--p1ai/pedagogi-kak-osnova-tsifrovogo-suvereniteta/> (дата обращения: 20.08.2025).

² Карпенко О.М. Научно-методические и технологические основания создания и использования образовательной среды распределенного университета на базе интеллектуальных систем: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 2023. С. 7-9; Мерецков О.В. Педагогико-технологические подходы к созданию электронных учебных курсов распределенным коллективом разработчиков для поддержки профессиональной деятельности (на примере дополнительного образования): Дис. ... канд. пед. наук. М., 2022. С. 8; Суханов Д.А. Педагогические условия преодоления затруднений педагогов при повышении квалификации в электронной информационно-образовательной среде: Дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2023. С. 3.

ним из ключевых факторов, влияющих на эффективность образования, будущую профессиональную деятельность обучающихся и их участие в жизни общества и государства. Результаты исследований подтверждают, что данный фактор более значим по сравнению с насыщенностью образовательной среды цифровыми технологиями: даже при ограниченных возможностях в выборе и использовании цифровых инструментов обучающиеся используют их активнее и целесообразнее под руководством педагога, обладающего более высоким уровнем цифровой компетентности, чем в случае, если выбор цифровых инструментов не ограничен, но деятельность обучающихся организована педагогом, не обладающим необходимым уровнем цифровой компетентности [8, 9]. В то же время некоторые ученые обращают внимание на то, что в характеризующей педагога триаде «компетентность - благополучие - приверженность» наибольшее влияние на качество образовательного процесса оказывает именно компетентность [10]. Другие доказывают, что высокий уровень цифровой компетентности помогает снизить риск профессионального выгорания в педагогической деятельности [11]. Таким образом, цифровая компетентность является не только профессиональным, но и важным личным ресурсом в современной цифровой рабочей среде.

Страны Евросоюза уделяют большое внимание организационному и методическому обеспечению развития цифровых компетенций. Европейская комиссия в области цифрового образования разработала рамочные комплексы цифровых компетенций, ориентированные на граждан (DigComp 2.2¹), образовательные организации (DigCompOrg¹) и педагогов (DigCompEdu³), а также интернет-платформенные инструменты самоанализа цифровых компетенций для образовательных организаций (SELFIE⁴, SELFIE WBL⁵)

и педагогов (SELFIEforTEACHERS⁶). Проводятся совместные межгосударственные хакатоны⁷ по цифровому образованию (DigiEduHack⁸). В плане действий ЕС в области цифрового образования на 2021-2027 годы именно цифровые компетенции педагогов рассматриваются как средство развития высокоэффективных систем для его совершенствования⁹. ЮНЕСКО разработаны рекомендации, раскрывающие структуру ИКТ-компетентности¹⁰ педагогов, организационные условия, необходимые для ее формирования, критерии оценивания ее сформированности компетенций (2018 год)¹¹ и Проект по развитию цифровых компетенций педагогов посредством использования открытых образовательных ресурсов (2022 год)¹². Европейский рамочный комплекс цифровых компетенций педагога (European Framework for the Digital Competence of Educators – DigComEdu) предусматривает 22 группы таких компетенций, классифицированных по шести направлениям профессиональной педагогической деятельности:

- интеграция цифровых технологий в профессиональную деятельность;
- работа с цифровыми ресурсами;
- использование цифровых технологий в образовательном процессе;
- использование цифровых технологий для оценивания образовательных результатов;
- использование цифровых технологий для повышения персонализации и вовлеченности обучающихся;
- развитие цифровых компетенций обучающихся.

Международной ассоциацией технологий в образовании в 2024 году был разработан и утвержден стандарт для педагога¹³, основанный на результатах исследования функций преподавателя в цифровую эпоху. Определено, что преподаватель должен исполнять роли:

¹ Vuorikari R., Kluzer S., Punie Y. DigComp 2.2: The Digital Competence Framework for Citizens – With new examples of knowledge, skills and attitudes. Luxembourg, 2022 // URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC128415> (дата обращения: 22.08.2025).

² Kampylis P., Punie Y., Devine J. Promoting Effective Digital-Age Learning: A European Framework for Digitally-Competent Educational Organisations. Luxembourg, 2015 // URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC98209> (дата обращения: 22.08.2025).

³ Punie Y., Redecker C. European Framework for the Digital Competence of Educators: DigCompEdu. Luxembourg, 2017 // URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC107466> (дата обращения: 22.08.2025).

⁴ European Commission. SELFIE. A tool to support learning in the digital age // URL: <https://education.ec.europa.eu/selfie> (дата обращения: 18.07.2025).

⁵ European Commission. SELFIE. SELFIE for work-based learning // URL: <https://education.ec.europa.eu/selfie/selfie-for-work-based-learning> (дата обращения: 18.07.2025).

⁶ European Commission. SELFIE for TEACHERS. Supporting teachers in building their digital competence // URL: <https://education.ec.europa.eu/selfie-for-teachers> (дата обращения: 18.07.2025).

⁷ Хакатон (англ. hackathon от HACKer «хакер» и marATHON «марафон») – форум или командное соревнование программистов, дизайнеров, менеджеров, аналитиков и других IT-специалистов, которые должны за короткое время решить ту или иную задачу.

⁸ DigiEduHack 2025 // URL: <https://digieduhack.com/> (дата обращения: 18.07.2025).

⁹ Digital Education action Plan 2021-2027 Resetting education and training for the digital age // URL: https://education.ec.europa.eu/sites/default/files/document-library-docs/deap-swd-sept2020_en.pdf (дата обращения: 21.06.2025).

¹⁰ ИКТ-компетентность – это компетентность в сфере информационно-коммуникационных технологий (от англ. ICT – Information and Communication Technologies).

¹¹ UNESCO. ICT Competency Framework for Teachers. 2018 // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265721?posInSet=1&queryId=725b2ecc-408f-4d49-a8cd-e223bbbde13f> (дата обращения: 18.07.2025).

¹² UNESCO. The ICT Competency Framework for Teachers Harnessing OER Project: digital skills development for teachers. 2022 // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383206> (дата обращения: 29.07.2025).

¹³ ISTE Standards 2024, 4.02, ISTE (International Society for Technology in Education) // URL: <https://iste.org/standards/educators> (дата обращения: 18.07.2025).

- «ученика», осуществляющего непрерывное самообразование;
- «лидера», способствующего формированию общего видения концепции цифровой дидактики, служащего авторитетом для обучающихся и примером для коллег в вопросах использования цифровых ресурсов и инструментов;
- «гражданина», развивающего цифровую грамотность обучающихся, воспитывающего в них ответственность за свои действия в цифровом мире и мотивирующего на деятельность, направленную на пользу общества;
- «соавтора», организующего совместную с другими преподавателями и обучающимися образовательную деятельность, направленную на решение конкретных образовательных проблем, и оказывающего помощь в достижении образовательных целей;
- «дизайнера», использующего цифровые технологии для создания цифровой образовательной среды, учитывающего различия и потребности обучающихся;
- «фасилитатора»¹, формирующего культуру, в которой обучающиеся берут на себя ответственность за цели и результаты своего обучения, управляющего использованием технологий и стратегиями обучения в цифровой образовательной среде, моделирующего и развивающего у обучающихся креативность;
- «аналитика», использующего цифровые средства для комплексного анализа процесса обучения и оценки его результатов.

В США утверждена комплексная стратегия интеграции цифровых технологий в систему образования, ориентированная на расширение возможностей педагогов, поддержку обучающихся и использование технологий для создания динамичного и персонализированного образовательного процесса. Она оформлена в виде Национального плана развития образовательных технологий [12].

Министерство образования Китая закрепило стандарты цифровой грамотности учителей в Плате действий по информатизации образования 2018 года (Education Informatization 2.0 Action Plan) и созданных в целях его реализации программных документах. Вместе с тем определены конкретные критерии оценки сформированности цифровой грамотности и компетенций в области цифрового образования педагогов, разработаны рекомендации по обучению педагогов цифровой грамотности на различных уровнях образования [13].

В России на государственном уровне также признается важным направлением деятельности нормативное, организационное, финансовое и методическое обеспечение развития цифровых компетенций как граждан в целом, так и педагогиче-

ских работников в частности. В настоящее время на стадии обсуждения находится проект Стратегии развития образования на период до 2036 года², призванной укрепить лидерские позиции России в сфере образования на мировой арене. Однако следует отметить, что до сих пор не утвержден профессиональный стандарт, предусматривающий перечень цифровых компетенций педагогического работника высшего образования³.

Появление новых областей знаний предполагает формирование и развитие компетенций по их освоению и использованию и, как следствие, встраивание этих новых компетенций в структуру уже существующих. На этапе информатизации общества обусловленные ею процессы способствовали тому, что отечественные ученые, исследовавшие компетентностный подход, стали относить информационные компетенции⁴, или компетенции информационных технологий [7, с. 13], к числу ключевых. Позднее в связи со стремительным развитием процессов цифровизации в качестве самостоятельных начинают выделять цифровые компетенции [14, с. 162].

Э.У. Бэйтс утверждает, что определение необходимых для профессиональной деятельности компетенций должно происходить во взаимодействии между работодателями и педагогами. В рамках такого взаимодействия сначала определяются компетенции высокого уровня (более абстрактные), соотносящиеся с трудовыми функциями, после чего рабочая группа экспертов в соответствующей области деятельности разбивает компетенции определенной квалификации на более конкретные и измеримые компетенции, вокруг которых выстраивается образовательный модуль. Таким образом, компетенции должны обладать признаками прогрессии: каждая из них основывается на предыдущих (базовых) компетенциях и способствует углублению и расширению целостности компетенций. В результате совокупность всех компетенций обеспечивает выпускнику необходимые для профессиональной деятельности знания и умения. В своей монографии «Преподавание в цифровую эпоху: рекомендации по проектированию преподавания и обучения» Э.У. Бэйтс представляет наиболее важные для педагога цифровые компетенции:

- владение основными технологиями и цифровыми платформами;
- проектирование обучения с использованием цифрового контента;
- работа с открытыми цифровыми образовательными ресурсами;
- критическое мышление и цифровая грамотность (умение оценивать надежность источников, данные, алгоритмы);

¹ Фасилитатор (англ. facilitator, от лат. facilis «легкий, удобный») – специалист, обеспечивающий успешную коммуникацию в условиях групповой деятельности.

² Дмитрий Чернышенко: Подготовка Стратегии развития образования – беспрецедентно масштабный процесс // Правительство России: сайт. 19.08.2025 // URL: <http://government.ru/news/55972/> (дата обращения: 25.08.2025).

³ Обоснование необходимости разработки проекта профессионального стандарта «Педагогический работник высшего образования» // Профессиональный стандарты: сайт // URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/upload/iblock/1b4/Obosnovanie_125137_20122023.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

⁴ Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО 23 апреля 2002 г. // Эйдос. 2002.

№ 1. С. 1; URL: <https://khutorskoy.ru/books/2002/0423.htm> (дата обращения: 16.07.2025).

- навыки онлайн и смешанного преподавания;
- оценка результатов обучения в цифровой среде;
- этичное использование цифровых технологий [15].

Помимо описанных выше рамочных комплексов цифровых компетенций, внедренных на уровне отдельных государств, отечественными и зарубежными исследователями были предложены собственные модели цифровых компетенций педагогических работников [16, 17, 18, 19]. Представим некоторые из них.

В модели TDC (Teacher Digital Competency) Г. Фэллуна цифровые компетенции педагога разделены на три группы: учебно-методические (технические, технологические, предметные и педагогико-дизайнерские); личностно-этические (цифровое гражданство, безопасность, здоровье и благополучие, критическая оценка влияния цифровых технологий на общество и окружающую среду); личностно-профессиональные (информационная грамотность, деятельность в профессиональных сообществах, непрерывное профессиональное развитие) [16, с. 2459].

Для высшего образования разработана модель HeDiCom (Higher Education Digital Competence). Здесь цифровые компетенции преподавателя структурированы по четырем взаимосвязанным направлениям его деятельности. Первое – учебно-педагогическая практика, в которую включены интеграция цифровых технологий в преподавание, использование интерактивных форм обучения и цифровых инструментов для оценки. Второе – подготовка обучающихся к жизни и работе в цифровом обществе, что предполагает развитие у них критического мышления, медиаграмотности, ответственного и этичного поведения в цифровой среде. Третье – цифровая грамотность самого преподавателя, охватывающая умение безопасно и эффективно работать с информацией, владение современными цифровыми сервисами и критическую оценку их возможностей и рисков. Четвертое – профессиональное развитие преподавателя, подразумевающее участие в цифровых сообществах, обмен опытом, постоянное совершенствование компетенций и адаптацию к быстро меняющимся условиям цифровой образовательной среды [20, с. 38].

Двигаясь в своих исследованиях от более широких направлений деятельности педагогических работников к более узким конкретным ее видам, ученые разрабатывают соответствующие им модели компетенций, переходя от общих (ключевых) к частным (предметным). Авторский коллектив в составе Д. Фуэнтес-Канселл, О. Эстрада-Молина, Н. Дельгадо-Янес и Х. Самбрано-Акоста перечис-

ляет 41 цифровую компетенцию педагога в области использования социальных сетей, группируя их в шесть блоков: языковой (семиотический аспект), технологический (операционный аспект), блок взаимодействия (социально-коммуникативный аспект), блок производства (создание, преобразование и распространение), ценностный (критический и этический аспекты), эстетический (оценочный и эмоциональный аспекты) [21].

Модели компетенций генерируются в ответ на потребности среды и социальных институтов. Стремительные изменения в цифровой сфере делают смоделированные сетки компетенций частным случаем, не всегда релевантным текущим задачам и актуальному состоянию педагогических систем.

Введение в научный педагогический оборот понятия «цифровой образовательный контент» (далее – ЦОК) и последовавшее документальное его закрепление на уровне государств¹ предопределили необходимость разработки вопросов формирования и развития компетенций педагогов по созданию и использованию ЦОК. В России определение данного понятия было нормативно закреплено в 2023 году². Тем самым зафиксирован запрос государства и общества на научно обоснованное использование этого инструмента в обучении на всех уровнях образования. Однако законодатель сформулировал весьма широкое определение, что может оказаться причиной возникновения затруднений в определении цифровых компетенций педагога, которыми он должен обладать, чтобы эффективно работать с ЦОК.

В связи с тем, что область использования такого контента для педагогики нова, в научной среде модель цифровых компетенций по использованию ЦОК, как и само это понятие, находятся в фокусе дискуссий. Например, обсуждаются цифровые компетенции, связанные с созданием контента этого вида. О.В. Мерецков рассматривает три уровня сформированности компетенции по разработке ЦОК: адаптивный (наличие у педагога способности создавать контент по образцу, действовать по алгоритму); эвристический (готовность педагога самостоятельно создавать ЦОК без ограничений его технологической реализации); творческий (наличие у педагога способности разрабатывать электронные учебные курсы в составе территориально распределенного коллектива разработчиков³. В.И. Токтарова, Д.А. Семенова и А.Е. Шпак представляют несколько цифровых компетенций по созданию ЦОК: педагогический дизайн цифрового образовательного контента, разработка цифрового контента, интеграция и переработка цифрового контента, управление цифровым образовательным контентом, защита

¹ Digital Education Content in the EU – state of play and policy options. European Commission, Directorate-General for Education, Youth, Sport and Culture, Directorate C – Innovation, Digital Education and International Cooperation, Unit C.4 – Digital Education, European Commission, B-1049 Brussels European Union, 2023 // URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0d219a7a-76dd-11ee-99ba-01aa75ed71a1> (дата обращения: 18.08.2025).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ».

³ Мерецков О.В. Педагогико-технологические подходы к созданию электронных учебных курсов распределенным коллективом разработчиков для поддержки профессиональной деятельности (на примере дополнительного образования): Дис. ... канд. пед. наук. М., 2022. С. 8.

авторских прав. Их совокупность они относят ко второму уровню модели цифровых компетенций педагога [22].

При определении цифровой компетенции педагога по использованию ЦОК необходимо учитывать также активное развитие и распространение технологий искусственного интеллекта, в том числе в сфере образования, что бросает вызов субъектности как способности обучающегося к самостоятельности, критическому мышлению, ответственности и саморегуляции. Это требует от преподавателей ответственного и осмысленного применения таких технологий [23, с. 25].

Отметим особое внимание некоторых государств и международных организаций к этой проблеме. Европейской комиссией и ЮНЭСКО для педагогов предложены этические рекомендации (2022 год)¹ и рамочные комплексы компетенций (2024 год)² по использованию искусственного интеллекта в образовательном процессе. Аналогичные методические рекомендации разрабатываются в Белоруссии для различных уровней образования³.

В России утверждены Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года⁴, многочисленные ГОСТы по его использованию, в том числе в сфере образования⁵, составлен Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта⁶. Однако вопросы развития соответствующих цифровых компетенций педагогических работников, необходимых для эффективного и целесообразного использования возможностей данной технологии в профессиональной деятельности, еще не до конца проработаны. Вместе с тем, если вести речь о потенциале привлечения искусственного интеллекта к созданию ЦОК и работе с таким контентом, представляется необходимым дать определение соответствующих цифровых компетенций.

Наличие трудностей в области развития цифровых компетенций педагогических работников образовательных организаций высшего образования МВД России подтверждается результатами опроса, проведенного в 2024-2025 годах в форме анкетирования профессорско-преподавательского состава Санкт-Петербургского университета МВД России. Было выявлено, что только 6% респондентов имеют глубокое понимание процессов цифровизации в образовании, в то время как у 48% опрошенных нет о них каких-либо четких представлений. Негативные для сферы образования последствия цифровизации отметили 29% участников опроса; отметили, что не наблюдают

изменений, вызванных цифровизацией, 42%. Около 44% респондентов имеют крайне низкую мотивацию для развития цифровых компетенций. В ходе анкетирования представителям профессорско-преподавательского состава университета было предложено выбрать из списка или указать самостоятельно программы, которые они используют для подготовки к проведению занятий. Несмотря на наличие свободного доступа к широкому спектру различных цифровых инструментов, онлайн-сервисов и устанавливаемого на компьютеры программного обеспечения, респонденты назвали «Microsoft PowerPoint» в качестве единственной используемой ими в образовательном процессе программы.

Определение цифровой компетенции педагогических работников по использованию ЦОК невозможно без рассмотрения портрета самого педагога, специфики его деятельности и специфики образовательной организации. Педагогический работник образовательной организации высшего образования МВД России – это прежде всего сотрудник органов внутренних дел, который должен быть не только примером, но и авторитетом, лидером для курсантов и слушателей, что будет обеспечивать высокий уровень успешности и продуктивности педагогического взаимодействия и, кроме того, вызывать у них стремление подражать такому сотруднику и укреплять желание служить в полиции [24, с. 216]. Кроме того, не вызывает сомнений, что эффективность деятельности участкового, оперативника, следователя, которыми станут выпускники ведомственного вуза, будут определять сформированные и развитые за время обучения цифровые компетенции, вплетенные в компетенции, названные в федеральных государственных образовательных стандартах по соответствующим специальностям. Поэтому развитие цифровых компетенций у курсантов и слушателей – одна из задач педагогов образовательных организаций МВД России. Отметим также, что специфика такого вуза предполагает строго регламентированные нормативными положениями и носящие уставной характер отношения и формы общения, основанные на четкой субординации. Важно упомянуть и о недопустимости использования ряда цифровых ресурсов в образовательном процессе. В то же время не следует забывать о потребности педагогов в поддержке и адаптации в связи с необходимостью освоения новых цифровых инструментов, разрабатываемых в рамках реализации требований государства о переходе на отечественное программное обеспе-

¹ Ethical Guidelines on the Use of Artificial Intelligence (AI) and Data in Teaching and Learning for Educators // URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d81a0d54-5348-11ed-92ed-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 29.08.2025).

² AI Competency Framework for Teachers, 2024 // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000391104> (дата обращения: 29.08.2025).

³ См., например: Методические рекомендации по использованию технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе учреждений общего среднего образования // URL: https://adu.by/images/2025/07/09/1455_08_07_2025_IMP_II.pdf (дата обращения: 29.08.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

⁵ Стандарты по направлению «Искусственный интеллект» // URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts> (дата обращения: 29.08.2025).

⁶ Кодекс этики в сфере ИИ // URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 29.08.2025).

чение¹. Все эти особенности влияют на определение требований к совокупности знаний, умений и опыта деятельности педагогов образовательных организаций МВД России в сфере использования ЦОК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая трансформация образования является системным фактором, обуславливающим необходимость переосмысления содержания, структуры и функционала профессиональной компетентности педагогических работников. Цифровая компетентность, будучи интегративной характеристикой личности и профессиональной деятельности педагога, приобретает статус ключевого компонента его профессионализма, отражающего готовность и способность к эффективному использованию цифровых технологий в образовательной среде, а также к их педагогически целесообразной интеграции в процесс обучения.

Выявленные эмпирическим путем данные подтвердили наличие противоречий между общественно-государственным запросом на педагога, обладающего высоким уровнем цифровой компетентности, и фактическим состоянием сформированности данного качества у профессорско-преподавательского состава. Это обстоятельство актуализирует задачу развития у педагогов необходимых цифровых компетенций. Однако отсутствие

закрепленного на федеральном уровне перечня таких компетенций затрудняет оценку уровня их сформированности и осложняет разработку необходимых для его повышения образовательных программ.

Особое значение имеет поиск решения проблем формирования цифровых компетенций, связанных с созданием и использованием ЦОК. Это перспективное направление научно-педагогических изысканий. При их осуществлении должны рассматриваться вопросы педагогического дизайна, интеграции в учебный процесс искусственного интеллекта, обеспечения академической добросовестности и этической ответственности в цифровой образовательной среде. В ходе проведения исследования нами было выявлено отсутствие разработок структуры компетентности педагогов образовательных организаций высшего образования МВД России, обуславливающей их готовность к использованию ЦОК. Для ведомственных вузов возможности использования такого контента предопределяются служебно-профессиональными особенностями педагогической деятельности: нормативно-правовыми ограничениями, регламентированным характером образовательных коммуникаций, необходимостью формирования у обучающихся профессионально значимых компетенций в условиях цифровизации и т.д. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Илакавичус М.Р. Наставничество: практики эпохи цифровизации // Вопросы педагогики. 2022. № 2-1. С. 117-120.
2. Душкин А.С., Илакавичус М.Р. Опыт применения технологий цифровой дидактики в образовательных организациях МВД России // Инновации в образовании. 2024. № 11. С. 88-97.
3. Симарова И.С., Алексеевичева Ю.В., Жигин Д.В. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 2. С. 935-948.
4. Кривоносова А.Г., Билык В.С. Цифровизация экономики как закономерный этап развития общества // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11-15 (79). С. 251-260.
5. Hidayati D., Imama M.L., Hilhamsyah H., Maysaroh A., Kartiwi A. Digital Life Among Teachers: From Burnout to Well-being // Educational Process: International Journal. 2025. № 15.
6. Ssenyonga M. Imperatives for post COVID-19 recovery of Indonesia's education, labor, and SME sectors // Cogent Economics & Finance. 2021. № 9 (1).
7. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Эйдос. 2006. № 5. С. 7-14.
8. Sipila K. Educational Use of Information and Communications Technology: Teachers' Perspective // Technology, Pedagogy and Education. 2014. Vol. 23(2). P. 225-241.
9. Wastiau P., Blamire R., Kearney C., Quittre V., Van de Gaer E., Monseur C. The Use of ICT in Education: A Survey of Schools in Europe // European Journal of Education. 2013. Vol. 48 (1). P. 11-27.
10. Hidayati D., Kurniawan A., Asakir I. The Effect Of Teacher Well-Being, Teacher Competency, And Teacher Commitment To Improving School Quality // Tadbir : Jurnal Studi Manajemen Pendidikan. 2023. № 7 (1). P. 103-122.
11. Hussain Z., Chenmei C., Saeed M., Hassan N., Chiragh F. Personality and Teachers' Burnout Stress: Exploring the Digital Competence as Personal Job Resource in Allied Health Institutions // Front. Psychol. 2024. № 15.
12. Fallon J. Connecting the National Educational Technology Plan to State Policy: A Roadmap for State Boards // State Education Standard. The Journal of the National Association of State Boards of Education. 2024. Vol. 24. № 3.
13. Ma C. China's Achievements in Digital Education in the Wake of Education Informatization 2.0 Action Plan // Science Insights Education Frontiers. 2025. № 27 (1). P. 4435-4451.
14. Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И., Галицкая Д.В. Цифровые компетенции преподавателей в системе академического развития высшей школы: опыт эмпирического исследования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1. С. 159-168.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

15. Bates A.W. Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning / 3rd ed. Tony Bates Associates Ltd., 2022 // URL: <https://pressbooks.bccampus.ca/teachinginadigitalagev3m/>.
16. Falloon G. From Digital Literacy to Digital Competence: the Teacher Digital Competency (TDC) Framework // Education Tech Research Dev. 2020. № 68. P. 2449-2472.
17. Хоченкова Т.Е. Модель цифровых компетенций педагогов: терминологический и содержательный аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2021. Т. 18. № 4. С. 314-325.
18. Токтарова В.И., Ребко О.В., Семенова Д.А. Сравнительно-сопоставительный анализ моделей цифровых компетенций педагогов в условиях цифровой трансформации образования // Science for Education Today. 2023. Т. 13. № 5. С. 79-104.
19. Rakisheva A., Witt A. «Digital Competence Frameworks in Teacher Education. A Literature Review // Issues and Trends in Learning Technologies. 2023. Vol. 11. Iss. 1.
20. Tondeur J., Howard S., Van Zanten M. et al. The HeDiCom Framework: Higher Education Teachers' Digital Competencies for the Future // Education Tech Research Dev. 2023. № 71. P. 33-53.
21. Fuentes-Cancell D.R., Estrada-Molina O., Delgado-Yanes N., Zambrano-Acosta J.M. Experiences in the Training of Teaching Digital Competence for Using Digital Social Networks // Educational Process: International Journal. 2022. № 11 (4). P. 7-26.
22. Токтарова В.И., Семенова Д.А., Шпак А.Е. Цифровые компетенции педагога в области разработки образовательного контента: структура и содержание // Высшее и среднее профессиональное образование России: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научно-практической конференции. Казань: Школа, 2023. С. 380-383.
23. Чопик О.А. Искусственный интеллект в образовании: вызовы для формирования субъектности курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний // Петербургские пенитенциарные конференции. Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ ФСИН, 2025. С. 23-26.
24. Талынёв В.Е., Кораблев С.Е. Социально-психологические слагаемые личного влияния педагога в контексте установления доверительных отношений с обучающимися в образовательной системе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 209-217.

REFERENCES

1. Ilakavichus M.R. Nastavnichestvo: praktiki epokhi tsifrovizatsii // Voprosy pedagogiki. 2022. № 2-1. S. 117-120.
2. Dushkin A.S., Ilakavichus M.R. Opyt primeneniya tekhnologiy tsifrovoy didaktiki v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Innovatsii v obrazovanii. 2024. № 11. S. 88-97.
3. Simarova I.S., Alekseyevicheva Yu.V., Zhigin D.V. Tsifrovyye kompetentsii: ponyatiye, vidy, otsenka i razvitiye // Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. 2022. Т. 12. № 2. S. 935-948.
4. Krivonosova A.G., Bilyk V.S. Tsifrovizatsiya ekonomiki kak zakonomernyy etap razvitiya obshchestva // Aktual'nyye nauchnyye issledovaniya v sovremennom mire. 2021. № 11-15 (79). S. 251-260.
5. Hidayati D., Imama M.L., Hilhamsyah H., Maysaroh A., Kartiwi A. Digital Life Among Teachers: From Burnout to Well-being // Educational Process: International Journal. 2025. № 15.
6. Ssenyonga M. Imperatives for post COVID-19 recovery of Indonesia's education, labor, and SME sectors // Cogent Economics & Finance. 2021. № 9 (1).
7. Zimnyaya I.A. Klyuchevyye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata sovremennogo obrazovaniya // Eydos. 2006. № 5. P. 7-14.
8. Sipila K. Educational Use of Information and Communications Technology: Teachers' Perspective // Technology, Pedagogy and Education. 2014. Vol. 23(2). P. 225-241.
9. Wastiau P., Blamire R., Kearney C., Quittre V., Van de Gaer E., Monseur C. The Use of ICT in Education: A Survey of Schools in Europe // European Journal of Education. 2013. Vol. 48 (1). P. 11-27.
10. Hidayati D., Kurniawan A., Asakir I. The Effect Of Teacher Well-Being, Teacher Competency, And Teacher Commitment To Improving School Quality // Tadbir : Jurnal Studi Manajemen Pendidikan. 2023. № 7 (1). P. 103-122.
11. Hussain Z., Chenmei C., Saeed M., Hassan N., Chiragh F. Personality and Teachers' Burnout Stress: Exploring the Digital Competence as Personal Job Resource in Allied Health Institutions // Front. Psychol. 2024. № 15.
12. Fallon J. Connecting the National Educational Technology Plan to State Policy: A Roadmap for State Boards // State Education Standard. The Journal of the National Association of State Boards of Education. 2024. Vol. 24. № 3.
13. Ma C. China's Achievements in Digital Education in the Wake of Education Informatization 2.0 Action Plan // Science Insights Education Frontiers. 2025. № 27 (1). P. 4435-4451.
14. Noskova A.V., Goloukhova D.V., Kuz'mina Ye.I., Galitskaya D.V. Tsifrovyye kompetentsii prepodavateley v sisteme akademicheskogo razvitiya vysshey shkoly: opyt empiricheskogo issledovaniya // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2022. Т. 31. № 1. S. 159-168.
15. Bates A.W. Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning / 3rd ed. Tony Bates Associates Ltd., 2022 // URL: <https://pressbooks.bccampus.ca/teachinginadigitalagev3m/>.
16. Falloon G. From Digital Literacy to Digital Competence: the Teacher Digital Competency (TDC) Framework // Education Tech Research Dev. 2020. № 68. P. 2449-2472.

17. Khochenkova T.Ye. Model' tsifrovyykh kompetentsiy pedagogov: terminologicheskii i sodержatel'nyy aspekty // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya. 2021. T. 18. № 4. S. 314-325.
18. Toktarova V.I., Rebko O.V., Semenova D.A. Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz modeley tsifrovyykh kompetentsiy pedagogov v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obrazovaniya // Science for Education Today. 2023. T. 13. № 5. S. 79-104.
19. Rakisheva A., Witt A. «Digital Competence Frameworks in Teacher Education. A Literature Review // Issues and Trends in Learning Technologies. 2023. Vol. 11. Iss. 1.
20. Tondeur J., Howard S., Van Zanten M. et al. The HeDiCom Framework: Higher Education Teachers' Digital Competencies for the Future // Education Tech Research Dev. 2023. № 71. P. 33-53.
21. Fuentes-Cancell D.R., Estrada-Molina O., Delgado-Yanes N., Zambrano-Acosta J.M. Experiences in the Training of Teaching Digital Competence for Using Digital Social Networks // Educational Process: International Journal. 2022. № 11 (4). P. 7-26.
22. Toktarova V.I., Semenova D.A., Shpak A.Ye. Tsifrovyye kompetentsii pedagoga v oblasti razrabotki obrazovatel'nogo kontenta: struktura i sodержaniye // Vyssheye i sredneye professional'noye obrazovaniye Rossii: vchera, segodnya, zavtra. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kazan': Shkola, 2023. S. 380-383.
23. Chopik O.A. Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: vyzovy dlya formirovaniya sub'yektnosti kursantov vuzov Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy // Peterburgskiy penitentsiarnyye konferentsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPB: SPbU FSIN, 2025. S. 23-26.
24. Talynov V.Ye., Korablev S.Ye. Sotsial'no-psikhologicheskiye slagayemyye lichnogo vliyaniya pedagoga v kontekste ustanovleniya doveritel'nykh otnosheniy s obuchayushchimisya v obrazovatel'noy sisteme MVD Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 3 (99). S. 209-217.

© Моргунов А.М., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Моргунов А.М. Проблема развития цифровых компетенций преподавателей высшей школы: анализ зарубежных и отечественных исследований // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 154-163.

Николай Владимирович ПАВЛИЧЕНКО,
доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0001-7889-4743
Научно-исследовательский институт ФСИН России (г. Москва)
главный научный сотрудник
Заслуженный юрист Российской Федерации
pavlichenko.pro@mail.ru

Рецензия
УДК [343.985.7(035.3)](049.32)

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПАРАДИГМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

(рецензия на монографию А.И. Мелихова «Современная модель обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел»)

В 2024 году вышла в свет монография «Современная модель обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел» [1]. Автор – доктор юридических наук Александр Иванович Мелихов. Научная необходимость рассмотрения оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) с позиций теории национальной безопасности предопределяется тем, что в условиях современной геополитической нестабильности, нарастающих внутренних угроз и манипулятивного использования преступности как инструмента гибридной войны ОРД перестает быть лишь средством обеспечения уголовного процесса и становится самостоятельным элементом системы национальной безопасности. Это связано с ее уникальной способностью выявлять, предупреждать и нейтрализовывать криминальные угрозы на докриминальной стадии, контролируя энтропийные процессы в обществе, подрывающие устойчивость государства.

Научный анализ ОРД в рамках парадигмы национальной безопасности позволяет переосмыслить ее цели, функции и методологические основания, интегрировать усилия различных отраслей уголовно-правовой науки и скорректировать нормативно-правовую базу с учетом приоритетов самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства многонационального народа России.

Первая глава рецензируемой работы посвящена институциональной роли ОРД в реализации принципов разделения властей и единства государственной власти. Обосновывается, что ОРД органов внутренних дел (далее – ОВД) должна

восприниматься не только как правоохранительный механизм, но и как один из устойчивых инструментов государственной политики в области национальной безопасности. Автор подчеркивает значимость превенции и профилактики преступных посягательств, рассматривая ОРД как ключевой ресурс для выявления угроз до стадии причинения вреда. Отдельное внимание уделяется соотношению уголовного процесса и ОРД, а также их координации при реализации принципа неотвратимости ответственности за преступления.

Во второй главе представляется современная модель обеспечения национальной безопасности средствами ОРД на трех уровнях: управленческом, организационно-оперативном и оперативно-тактическом. Для каждого уровня конкретизируются задачи, субъекты и формы реализации. Обращается внимание на необходимость образовательного и научного сопровождения ОРД, ориентированного на выработку новых методик и правовых основ. Автор представляет Концепцию обеспечения национальной безопасности силами ОРД, в рамках которой обосновывает системное и целеполагательное включение оперативных подразделений в стратегическое планирование безопасности с учетом актуальных геополитических и внутренних вызовов.

В приложении к монографии приводится система показателей, предлагаемых для оценки результативности ОРД в контексте обеспечения национальной безопасности. Данная система является попыткой преодолеть традиционную формализованную отчетность, учитывающую исключительно количественные параметры (например

Nikolay V. PAVLICHENKO,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0001-7889-4743

scientific and research institute

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russia)

Chief Researcher

Honored Lawyer of the Russian Federation

pavlichenko.pro@mail.ru

**OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY IN THE PARADIGM OF NATIONAL SECURITY
(review of the monograph by A.I. Melikhov «Modern model of ensuring national
security in the process of operational-search activity of internal affairs agencies»)**

число раскрытых преступлений), и перейти к содержательным критериям эффективности, отражающим реальный вклад ОРД в профилактику и нейтрализацию криминальных угроз.

Представленные показатели охватывают широкий спектр задач: от своевременного выявления признаков преступной деятельности на докриминальной стадии до информирования органов власти о факторах, способных повлиять на устойчивость социальной системы. Особую ценность представляет ориентация на предупреждение преступлений, подрывных процессов, а также ситуаций, которые могут способствовать росту социальной энтропии. Автор предлагает учитывать и те формы результативности, которые не заканчиваются возбуждением уголовного дела, но позволяют устранять угрозу на раннем этапе.

Новаторским является включение в систему показателей элементов, связанных с качеством аналитической информации, предоставляемой оперативными подразделениями, и уровнем доверия общества к их работе. Такая постановка вопроса соответствует принципам современной управленческой модели, ориентированной на результат, а не на процесс.

С научной точки зрения разработанная автором монографии система показателей демонстрирует высокий уровень концептуализации: она укоренена в теории национальной безопасности, использует категорию энтропии как измерителя степени общественной устойчивости и предлагает включение превентивных индикаторов в статистическую отчетность ОВД. Это позволит не только изменить внутреннюю оценку результативности ОРД, но и придать деятельности оперативных подразделений политико-правовую значимость.

В то же время методическая детализация ряда предложенных показателей требует дополнительной проработки. Например, критерии оценки информационно-аналитической результативности остаются во многом качественными и могут обуславливать проявления субъективизма при внедрении. Тем не менее в целом представленная система является ценным вкладом в развитие теории и практики ОРД, представляя собой перспективную модель для нормативной и организационной адаптации в МВД России.

Полагаю, не будет преувеличением сказать, что рецензируемая монография является первой в своем роде работой, где раскрыто содержание нового научного направления в теории оператив-

но-разыскной деятельности и предложена качественно проработанная стратегия формирования и развития системы обеспечения национальной безопасности посредством ОРД ОВД.

Теоретическую основу исследования безопасности в сфере ОРД заложили труды известных российских ученых, специализирующихся на проблемах оперативно-разыскной деятельности. Несомненной заслугой автора монографии стало то, что он пошел дальше своих предшественников, сформировав целостный теоретический фундамент для изучения проблем обеспечения национальной безопасности в процессе ОРД.

Разносторонний подход к исследованию оперативно-разыскной деятельности позволил автору раскрыть ее двойственную природу и как средства обеспечения национальной безопасности, и как источника рисков для нее же. На этой основе было сформулировано оригинальное предложение по решению проблемы негативного уголовно-правового воздействия на бизнес, принявшей в последнее время характер угрозы эффективности и привлекательности отечественной экономики.

Следует отметить, что своей научной концепцией, обогащенной оригинальными методологическими приемами, терминологией, исторической периодизацией и научной классификацией, содержащимися в его предыдущих трудах, А.И. Мелихов открывает перед учеными новые перспективные направления исследования различных аспектов обеспечения национальной безопасности посредством ОРД¹ [2, с. 150-156; 3, с. 79-92; 4, с. 160-168].

Одним из ключевых направлений является разработка превентивной парадигмы ОРД, ориентированной на раннее выявление и нейтрализацию преступных посягательств, особенно на стадии их подготовки или замысла. Такая переориентация с посткриминального на докриминальное реагирование требует не только правовой доработки, но и глубокого теоретического переосмысления задач и полномочий оперативных подразделений.

Не менее важным направлением дальнейшего научного поиска представляется интеграция теории ОРД с теорией национальной безопасности. А.И. Мелихов подчеркивает необходимость формирования единого концептуального поля, в котором оперативно-разыскная деятельность должна рассматриваться как функциональный элемент системы выживания и устойчивости общества. В связи с этим предлагается воспринимать ОРД как

¹ Мелихов А.И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: Дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2023.

составную часть механизма сдержек и противовесов в рамках реализации принципа разделения властей, а не как вспомогательный инструмент уголовного процесса, что требует пересмотра существующих аксиологических установок в уголовно-правовых науках.

Особое значение имеет философское и антропологическое осмысление природы негласного познания, на котором зиждется ОРД. Автор монографии поднимает вопрос о моральных границах допустимости тайного наблюдения и о необходимости нормативного ограничения оперативного вмешательства, чтобы сохранить баланс между эффективностью государства и правами личности. Это направление исследований предопределяет обращение к философскому переосмыслению задач и методов ОРД.

Важным объектом научного анализа становится феномен так называемой энтропийной преступности – деструктивных социальных проявлений, обусловленных институциональными и культурными сбоями, в том числе в сфере образования, труда и социальной политики. Изучение этой формы девиации как особого класса угроз внутреннему порядку позволяет по-новому взглянуть на задачи профилактики и социальной адаптации, а также включить ОРД в число инструментов регулирования не только криминальных, но и латентных, социоэнтропийных процессов.

Особое внимание в монографии уделено роли ОРД в реализации государственной стратегии безопасности, в том числе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Это открывает перспективы для научного анализа управленческого, организационно-оперативного и оперативно-тактического уровней функционирования ОРД в различных сферах – от информационной до транспортной и экономической. Рассмотрение ОРД как инструмента реализации государственной политики требует нового уровня теоретической проработки и нормативного оформления.

Еще одним перспективным направлением исследований является необходимость совершенствования нормативно-правовой базы и разработка актуальных показателей эффективности ОРД. Подчеркивается целесообразность включения в статистическую отчетность МВД России результатов выявления и пресечения преступных посягательств, угрожающих национальной безопасности, в том числе тех, которые не имели материальных последствий, но обладали высокой степенью опасности. Это требует пересмотра как правовых оснований оперативного вмешательства, так и подходов к оценке эффективности деятельности оперативных подразделений.

Важным направлением научных исследований может стать изучение роли ОРД в формировании правового самосознания и национальной идентичности. В условиях гибридной войны, когда осуществляется информационное и культурное

воздействие на население, ОРД должна выполнять не только сугубо правовую, но и мировоззренческую функцию, способствуя защите исторической правды и сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей. Это открывает новые горизонты для осмысления оперативной деятельности как части идеологической работы государства.

Наконец, особую значимость приобретает междисциплинарный подход к изучению ОРД. В монографии А.И. Мелихова активно используются достижения теорий институциональных изменений, геополитики, управления и социальной энтропии, что позволяет рассматривать ОРД не только как правовой институт, но и как сложный социальный механизм. Такое методологическое расширение исследовательского поля теории ОРД открывает возможность создания новой научной школы, способной предложить эффективные концепты в условиях меняющихся угроз национальной безопасности.

Автору данной фундаментальной работы можно пожелать дальнейшего углубления и расширения научных изысканий в направлении институционализации теории ОРД как самостоятельного научного направления в системе юридических наук. Представленная концептуальная база уже задает высокий методологический стандарт, и логичным следующим шагом на этом пути станет разработка прикладных моделей интеграции ОРД в комплексное стратегическое планирование национальной безопасности с учетом новых форм транснациональных, гибридных и энтропийных угроз.

Вместе с тем перспективным направлением исследований может стать и формализация предложенных автором монографии теоретических положений в виде доктринального проекта обновленной теории ОРД, встраиваемой в междисциплинарный научный диалог с криминологией, теорией управления, социологией и философией безопасности. Важно продолжить выработку нормативных и методических решений, способных легитимировать и институционализировать превентивный потенциал ОРД с одновременным усилением правозащитных гарантий при реализации оперативных мер.

Плодотворным будет дальнейшее развитие исследовательских программ в сфере этики и философии негласного познания, а также построения научных подходов к измерению эффективности и безопасности ОРД как для общества, так и для самих сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, учитывая масштаб собранного теоретического и эмпирического материала, представляется целесообразным создание научной школы по исследованию ОРД в системе национальной безопасности. Она будет способна консолидировать специалистов по междисциплинарным проблемам правопорядка, безопасности и государственного управления. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мелихов А.И. Современная модель обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: Монография. Волгоград, 2024. 216 с.

2. Мелихов А.И. Энтропийная преступность как угроза национальной безопасности // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2 (101). С. 150-156.
3. Мелихов А.И. Национальная безопасность в свете органической теории государства // Вопросы безопасности. 2022. № 3. С. 79-92.
4. Мелихов А.И., Андрющенко Т.И., Истратенков А.Ю. О необходимости развития частного сыска и других правоохранительных институтов гражданского общества в целях укрепления национальной безопасности России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 4 (51). С. 160-168.

REFERENCES

1. Melikhov A.I. Sovremennaya model' obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v protsesse operativno-razysknoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del: Monografiya. Volgograd, 2024. 216 s.
2. Melikhov A.I. Entropiynaya prestupnost' kak ugroza natsional'noy bezopasnosti // Yurist"-Pravoved". 2022. № 2 (101). S. 150-156.
3. Melikhov A.I. Natsional'naya bezopasnost' v svete organicheskoy teorii gosudarstva // Voprosy bezopasnosti. 2022. № 3. S. 79-92.
4. Melikhov A.I., Andryushchenko T.I., Istratenkov A.Yu. O neobkhodimosti razvitiya chastnogo syska i drugikh pravookhranitel'nykh institutov grazhdanskogo obshchestva v tselyakh ukrepleniya natsional'noy bezopasnosti Rossii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 4 (51). S. 160-168.

© Павличенко Н.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Павличенко Н.В. Оперативно-разыскная деятельность в парадигме национальной безопасности (рецензия на монографию А.И. Мелихова «Современная модель обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел») // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 164-167.

ВЕСТНИК

КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№ 3 (81)
2025

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Главный редактор
М.В. Бавсун
Заместитель главного редактора
А.П. Алексеева

Над выпуском работал:
А.В. Стулов
(дизайн, редактирование,
компьютерный макет)

Сдано в набор - 02.09.2025. Подписано в печать - 29.09.2025. Дата выхода в свет - 30.09.2025.
Формат 60х90 1/8. Объем - 21,0 у.п.л. Заказ № 480. Тираж - 200 экз.
Информация о цене выпуска: свободная цена.

Отпечатано на полиграфической базе Калининградского филиала СПбУ МВД России
Адрес типографии: Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.